
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
САХАЛИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ВЫПУСК IX/2011

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА
ВАСИЛЕВСКИЙ
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АНДРИАНОВСКАЯ Ирина Ивановна, канд. юрид. наук, доцент	МИСИКОВ Борис Рамазанович, канд. физ.-мат. наук, д-р пед. наук, доцент
РУБЛЕВА Лариса Ивановна, д-р филол. наук, профессор	УШАКОВА Галина Дмитриевна, канд. пед. наук, доцент

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
693008, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290

Журнал зарегистрирован Дальневосточным межрегиональным
территориальным управлением Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
*Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № 15-0358 от 5 июня 2002 г.*

С электронной версией журнала вы можете ознакомиться
на сайте Сахалинского государственного университета
www.sakhgu.ru в разделе «Издательство вуза» – «Изданное».

Подписано в печать 24.11.2011.
Формат 60x84¹/₈. Тираж 500 экз.

Издательство
Сахалинского государственного университета
693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16. Тел./ факс (4242) 45-23-17.
E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru

Отпечатано: типография СахГУ
693008, Южно-Сахалинск,
ул. Ленина, 290, каб. 3.
Тел. (4242) 45-23-16. Тел./ факс (4242) 45-23-17.
E-mail: polygraph@sakhgu.sakhalin.ru

**PROCEEDINGS
OF SAKHALIN STATE UNIVERSITY**

NUMBER IX/2011

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Learning
“Sakhalin State University”

CHIEF EDITOR

Alexander Al. Vasilevskij

EDITORIAL COUNCIL:

Irina Iv. ANDRIANOVSKAJA,
Candidate of Juridical Science, Associate Professor

Boris R. MISIKOV,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Larisa Iv. RUBLEVA,
Doctor of Philological Sciences, Professor

Galina D. Ushakova,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Learning
“Sakhalin State University”
693008, Lenin St., 290, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia

Journal is registered by Far Eastern Interregional Territorial Department
of Russian Federation Ministry for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting
and Mass Communication Media
Mass media registration certificate PI № 15-0358 of June 5, 2002

On-line version of journal you can see on **www.sakhgu.ru**

Passed for printing 24.11.2011.
Format 60x84¹/₈. Circulation 500.

Publishing of Sakhalin State University
693008, of. 32, Lenina St., 290,
Yuzhno-Sakhalinsk, Russia
Tel. (4242) 45-23-16. Tel/fax (4242) 45-23-17
E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru

Printed Printing office of SSU
693008, of. 3, Lenina St., 290,
Yuzhno-Sakhalinsk, Russia
Tel. (4242) 45-23-16. Tel/fax (4242) 45-23-17
E-mail: polygraph@sakhgu.sakhalin.ru

Open price

СОДЕРЖАНИЕ

К 65-ЛЕТИЮ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

- Мисиков Б. Р.**
ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ НОВОГО УРОВНЯ (К 65-ЛЕТИЮ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ)..... 14

В год 65-летия Сахалинской области автор статьи анализирует систему профессионального образования на Сахалине. В статье приводятся сведения из истории высшего профессионального образования, поднимаются проблемы профессионального образования, напрямую связанные с территориальным положением и особенностями экономики и социальной сферы области, такие, как необходимость интенсификации инженерно-технического образования, внедрения дистанционных технологий обучения.

- Misikov B. R.**
FORMATION OF THE REGIONAL VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM OF NEW LEVEL
(TO THE 65 ANNIVERSARY OF SAKHALIN REGION)

The author analyses Sakhalin vocational education system. The article is devoted to the history of higher vocational education and problems of vocational education, determined by territorial location and special features of economic and social spheres of Sakhalin Region, such as necessity intensification of engineering and technical education, adoption of distance education technology.

- Минервин И. Г.**
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ
САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 65 ЛЕТ И НОВАЯ ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 17

В статье приводятся сведения об историческом развитии экономики Сахалинской области с момента ее образования до наших дней; дается анализ современного состояния экономики и социальной сферы, прогнозируются возможные пути развития области.

- Minervin I. G.**
HISTORICAL ASPECT OF SAKHALIN REGION SOCIO-ECONOMIC SYSTEM OVER
THE PAST 65 YEARS AND NEW MODEL OF MANAGEMENT IN MODERN RUSSIA

This article is devoted to the historical economic development of Sakhalin Region since its formation till present days. Actual economic and social sphere situation is analysed; possible ways of Sakhalin Region development are discussed.

- Василевский А. А., Грищенко В. А.**
САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
(I ТЫС ДО Н. Э. – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА I ТЫС. Н. Э.) 29

Задача авторов в данной статье – обоснование палеометалла как археологической эпохи на Сахалине и Курильских о-вах (I тыс. до н. э.– перв. пол. I тыс. н. э.). Обсуждаются результаты изучения четырех археологических культур: пильтунской, набильской, сусуйской и анивской. Также описано несколько специфических типов остро-, плоско- и круглодонной керамики. С археологических позиций описываются доисторические процессы, прослеженные в ходе исследования памятников палеометалла Сахалина и Курильских о-вов.

Ключевые слова: Сахалин, Курильские острова, палеометалл, ранний железный век, набильская, сусуйская, пильтунская культура, I тыс. до н. э.

- Vasilevski A. A., Grishenko V. A.**
SAKHALIN AND KURIL ISLAND IN THE EPOCH OF PALEOMETAL
(I MIL. B. C. – 1ST HALF OF THE I MIL. A. D.)

The aim of this article is to prove the Paleometal Age as archaeological epoch in Sakhalin and the Kuril islands (I mil. B. C. – I mil. A. D.). The four archaeological cultures, such as Piltun, Nabil, Susuya and Aniva, and several types of sharp, round and flat bottom pottery were. As a result of the study, different cultural and prehistorical processes of the Palaeometal Age have been distinguished and described in terms of archaeology.

Key words: Sakhalin, Kuril island, Paleometal, Early Iron Age, Nabil, Susuya, Peltun culture, I mil. B. C.

Злобин Т. К., Пеньковская О. В.

АНАЛИЗ СЕЙСМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ
КАТАСТРОФИЧЕСКОМУ СИМУШИРСКОМУ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЮ
15 НОЯБРЯ 2006 ГОДА С МАГНИТУДОЙ $MW = 8,3$ В ЕГО ОЧАГОВОЙ ОБЛАСТИ
В ПЕРИОД С 2000 ПО 2006 ГОДЫ44

Настоящая работа является попыткой детально проанализировать процесс сейсмичности в конкретной области, в которой произошло катастрофическое Симуширское землетрясение, с целью показать именно динамику сейсмичности перед таким событием. В работе анализируется частота и количество сейсмических событий в течение каждого года с 1 января 2000 года до 15 ноября 2006 года, а также пространственное распределение эпицентров этих землетрясений.

Ключевые слова: Курильская островная дуга, землетрясение, эпицентр, магнитуда, гипоцентр, сейсмичность, очаги землетрясений.

Zlobin T. K., Penkovskaya O. V.

ANALYSIS OF SEISMIC ACTIVITY BEFORE THE CATASTROPHIC SIMUSHIR
EARTHQUAKE 15.11.2006 WITHIN FOCUS AREA DURING THE PERIOD
FROM 2000 TO 2006 YEARS.

The present work is an attempt to do the detail analysis of the process of seismicity in concrete area within had taken place the catastrophic Simushir earthquake for a purpose to show dynamics of seismicity before such event. The frequency and quantity of seismic events during each year from 01.01.2000 to 15.11.2006 and spatial distribution of the epicentres of these earthquakes are analyzed in this work.

Key words: Kurile Islands arc, earthquake, epicenter, magnitude, hypocenter, seismicity, earthquake focus.

АРХЕОЛОГИЯ, ПАЛЕОНТОЛОГИЯ, ЧЕТВЕРТИЧНАЯ ГЕОЛОГИЯ

Кириллова И. В., Алексеева Э. В., Горбунов С. В.

ЧЕТВЕРТИЧНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ ПЕЩЕРЫ ОСТАНЦЕВАЯ 53

В статье описываются и анализируются коллекции ископаемой фауны и артефактов позднего плейстоцена и раннего голоцена, добытые в рыхлых отложениях пещеры Останцевой. Зафиксирован процесс смены животных финального плейстоцена животными первой половины голоцена. Вводятся в научный оборот новые данные о среде обитания древнего человека и взаимодействии его с окружающим миром. Авторы делают вывод, что фауна млекопитающих центрального Сахалина на рубеже плейстоцена и голоцена была богаче современной и давала древнему человеку выбор промысловых видов. Формирование современного животного мира происходило под воздействием двух основных факторов: изменения среды обитания и влияния человека.

Kirillova I. V., Alekseeva E. V., Gorbunov S. V.

QUATERNARY MAMMALS OF OSTANTSEVAYA CAVE

The collections of the paleofauna and the artifacts excavated Ostantsevaya cave are described and analyzed in the article. The change of the of the Late Pleistocene by the Early Holocene fauna is also discussed.

Микишин Ю. А.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И ВОЗРАСТЕ ОТЛОЖЕНИЙ

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА «СЕННАЯ-1», ЮЖНЫЙ САХАЛИН 61

Комплексное изучение отложений раннепалеолитического памятника «Сенная-1» позволяет отнести их к аллювиально-пролювиальным, сформировавшимся в континентальных условиях в палеодолине реки. Они накапливались во время межледниковой эпо-

хи второй половины среднего плейстоцена, в климатических условиях, близких к современным в южной части о. Сахалин.

Ключевые слова: палеогеография, спорово-пыльцевой анализ, средний плейстоцен, Сахалин.

Mikishin Yu. A.

TO A QUESTION ON GENESIS AND AGE OF SEDIMENTS IN EARLY PALAEO-LITHIC SITE «SENNAYA-1», SOUTHERN SAKHALIN

Complex studying of sediments in Early Palaeolithic site «Sennaya-1», allows to carry them to alluvial-proluvial, formed in continental conditions in paleovalley of river. They accumulated during an interglacial epoch of second half of Middle Pleistocene, in the environmental conditions close to modern in a southern part of Sakhalin Island.

Key words: paleogeography, sporo-pollen analysis, Middle Pleistocene, Sakhalin Island.

ЭКОЛОГИЯ

Ворошилова И. И., Ефанов В. Н.

ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА ЗДОРОВЬЕ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

64

Природно-климатические факторы Сахалинской области, относимые к неблагоприятным, могут негативно воздействовать на организм человека, особенно пожилого и старшего возраста. Поддержание нормальной жизнедеятельности организма в случае длительного действия неблагоприятных факторов окружающей среды нуждается в дополнительном расходовании физиологических ресурсов, что приводит к перенапряжению физиологических механизмов, к развитию патологических процессов и их хронизации. Пожилые люди характеризуются определенными физиологическими особенностями, которые могут быстро прогрессировать в условиях неблагоприятного воздействия, вызывая ускоренное старение, множественные хронические заболевания и раннюю смерть.

Voroshilova I. I., Yefanov V. N.

ESTIMATION OF INFLUENCE OF NATURAL CLIMATIC FACTORS OF AN ENVIRONMENT ON HEALTH OF THE ELDERLY POPULATION OF THE SAKHALIN AREA

Natural climatic factors of the Sakhalin area are characterized by adverse influence on an organism of the person, especially elderly and old. Maintenance of normal ability to live of an organism in case of long action of adverse factors of an environment requires an additional expenditure of physiological resources that leads to an overexertion of physiological mechanisms, to development of pathological processes and their chronization. Older persons have the certain anatomy physiological features which quickly can progress in conditions of adverse influence, causing the accelerated ageing, plural chronic diseases and early death.

Минервин И. Г., Пищальник В. М.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕДОВЫХ УСЛОВИЙ ОХОТСКОГО МОРЯ С ЦЕЛЬЮ
ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ, СВЯЗАННЫХ
С НЕФТЕГАЗОВЫМИ ПРОЕКТАМИ

70

В предлагаемой работе рассматриваются некоторые методические вопросы оценки изменчивости гидрометеорологических параметров с точки зрения влияния их на формирование экстремальных ледовых условий.

Ключевые слова: морской лед, ледовитость, стамуха, Охотское море, нефтегазовый комплекс.

Minervin I. G., Pishchalnik V. M.

MONITORING OF ICE CONDITIONS IN THE SEA OF OKHOTSK AS A FACTOR FOR PREVENTING ECOLOGICAL RISKS CONNECTED WITH OIL AND GAS PROJECTS

This article is devoted to the questions of estimation of hydrometeorological factors variation in the context of their influence on extreme ice conditions formation.

Key words: sea ice, ice cover, stamukha, Okhotsk Sea, oil and gas complex.

Смирнов А. А.

О НАХОДКАХ НОВЫХ ВИДОВ СОСУДИСТЫХ РАСТЕНИЙ
В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ОСТРОВА САХАЛИН77

Приводятся сведения о находках трех новых видов сосудистых растений для флоры острова Сахалин. Два вида являются аборигенными – пыльцеголовник длинноприцветниковый (*Cephalanthera longibracteata* Blume (Orchidaceae), ипритка волосистоплодная (*Toxicodendron trichocarpum* (Miq.) O. Kuntze (Anacardiaceae), и один заносный – морская горчица (*Cakile edentula* (Bigel.) Hook. (Brassicaceae). Новые местонахождения значительно удалены к северу от известных мест произрастания этих видов. Современное состояние ценопопуляций аборигенных видов хорошее, а заносный вид – морская горчица – имеет ярко выраженную тенденцию к расширению внутриостровного ареала.

Smirnov A. A.

ABOUT FINDS OF NEW KINDS OF VASCULAR PLANTS IN THE SOUTHERN PART
OF ISLAND SAKHALIN

Contains information about finds 3 new species of vascular plants for the flora of Sakhalin Island. Two species are native – *Cephalanthera longibracteata* Blume (Orchidaceae), *Toxicodendron trichocarpum* (Miq.) O. Kuntze (Anacardiaceae), and an intro – *Cakile edentula* (Bigel.) Hook. (Brassicaceae). New localities are far removed to the north of the known habitats of these species.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Делова А. Ю.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ САХАЛИНОМ В ПЕРИОД КАТОРГИ 82

Статья посвящена анализу источниковедческой и историографической базы по проблеме административного управления Сахалином в период каторги. Рассматриваются как нормативные акты, регламентировавшие деятельность пенитенциарной системы Сахалина, так и дореволюционные, советские и современные исследования данной тематики.

Delova A. Yu.

HISTORIOGRAPHIC REVIEW OF SAKHALIN ADMINISTRATIVE CONTROL WITHIN
THE PENAL SERVITUDE PERIOD

This review is dedicated to analyze source study and historiographic base, covering the issues of Sakhalin administrative control within the penal servitude period. The study is based on standard acts which regulated Sakhalin penal system function, as well as on pre-revolution, soviet and modern surveys in this subject.

Ипатьева А. А.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО
ОБЩЕСТВА В РОССИИ 86

Статья посвящена краткой истории создания и деятельности Православного миссионерского общества в России во второй половине XIX – начале XX вв. Раскрываются его структура, источники финансирования, основные задачи и функции, анализируется вклад общества в развитие миссионерской деятельности русской православной церкви на Дальнем Востоке.

Ипатьева А. А.

HISTORY OF CREATION AND FUNCTIONING OF RUSSIAN ORTHODOX
MISSIONARY SOCIETY

The article represents short history of creation and functioning of Russian Orthodox missionary society in the second half of XIX and in the beginning of XX century. The article discovers its structure, finance sources, main tasks and functions, analyzes its contribution to the development of Russian Orthodox Church missionary activity in the Far East.

Потанова Н. В.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА 89

Статья посвящена исследованию деятельности Русской православной церкви на Дальнем Востоке Российской империи в начале XX века в направлении решения духовно-нравственных проблем общества, развитие которых было предопределено развернувшимся процессом секуляризации общественного сознания в силу специфических местных особенностей, принявших на Дальнем Востоке ярко выраженный характер.

Potanova N. V.

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND SPIRITUAL-MORAL PROBLEMS OF THE SOCIETY IN THE FAR EAST OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

This article is devoted to the researching of activity of the Russian Orthodox Church in the Far East of the Russian Empire (on the continental part and in Sakhalin) at the beginning of the XX century. It considers spiritual-moral problems of the society the development of which was predetermining a wide process of departing social mentality from church. This process contacted with a special local particulars assumed brightly pronounced character in the Far East of the Russian Empire.

Ясенева Е. В.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КРАЕВЕДЕНИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ. ПЕРВЫЙ СПИСОК 98

Источниковая база для изучения становления и развития исторического краеведения в Сахалинской области представлена в фондах и коллекциях Государственного архива Сахалинской области (ГАСО), Сахалинского центра документации новейшей истории (СЦДНИ), научного архива Сахалинского областного краеведческого музея (СОКМ), ведомственного архива Сахалинского государственного университета (СахГУ), а также в опубликованных на страницах местных изданий источниках.

Yaseneva E. V.

REVIEW OF SOURCES ON HISTORY OF STUDY OF SAKHALIN REGION'S LOCAL LORE. THE FIRST LIST

The sources' base for studying of formation and development of historical study of local lore in Sakhalin region is presented in funds and collections of the State archive of the Sakhalin region (SASR), the Sakhalin centre of the documentation of a contemporary history (SCDCH), scientific archive of the Sakhalin regional museum of local lore (SRMLL), departmental archive of the Sakhalin State University (SakhSU), as well as sources published in local periodicals.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Коньков А. Т.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ О СОЦИАЛЬНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ ПРОЕКТА «САХАЛИН-2» 101

Состояние общественного мнения о деятельности компании, реализующей масштабный инфраструктурный проект, является важным показателем способности (или неспособности) последней к реализации на практике принципов социально ответственного бизнеса. В этой связи в статье рассмотрены основные особенности, характеризовавшие отношение жителей острова Сахалин к проекту «Сахалин-2» и компании «Сахалин Энерджи». На основе обобщения результатов эмпирических социологических исследований автор выделяет основные черты общественного мнения в отношении проекта «Сахалин-2» на разных этапах его реализации.

Ключевые слова: социальное воздействие деятельности компании, общественное мнение, социальные инвестиции, устойчивое развитие.

Конков А. Т.

SAKHALIN PUBLIC OPINION ABOUT SOCIAL IMPACT OF SAKHALIN-II PROJECT

Public opinion about such company's activities as wide-scale infrastructure project implementation could be viewed as a proxy for the company's ability (or inability) to fulfill the principles of socially responsible business in practice. In this regard the article is focused on basic traits that characterize Sakhalin public opinion about «Sakhalin-2» project and about the activities of «Sakhalin Energy Investment Company». Based on the evidences from many empirical social surveys the author concludes that public opinion about the project reveals distinct features, typical to different stages of the project's implementation.

Key words: social impact of company's activities, public opinion, social investment, sustainable development.

Коньков А. Т.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА 105

Социальный капитал в форме социальных связей, доверительных отношений между экономическими субъектами является важным условием эффективной экономической деятельности. Аналогичная функция социального капитала обнаруживается и в масштабах общества: он позволяет минимизировать издержки экономических транзакций, способствует формированию предсказуемой деловой среды. Настоящая статья рассматривает роль указанной и других функций социального капитала в обеспечении экономического развития общества.

Ключевые слова: социальный капитал, устойчивое развитие, экономическое взаимодействие, рынок и социальные сети.

Конков А. Т.

SOCIAL CAPITAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF A SOCIETY

Social capital in such its forms as social ties and trustful relationships between business actors can significantly increase effectiveness of economic activities. Similar role of social capital can be observed on macro level, which is the level of national economy. Here social capital allows economic agents to reduce their transaction costs and also promotes creation of a more predictable business environment. The paper discusses how these and other functions of social capital influence economic development of a society.

Key words: social capital, sustainable development, economic interaction, market and social networks.

Дерябина О. В.

СПЕЦИФИКА МОЛОДЕЖНОЙ ДЕВИАЦИИ И ДЕВИАНТНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ 107

В данной статье автор представляет механизм реализации девиантной самоидентификации молодежи, схему психологического механизма совершения преступлений, а также основные особенности схемы формирования противоправного сознания и девиантных установок молодежи. В зависимости от того, какая стадия девиантной идентификации уже была пройдена молодым человеком, предлагается типология нарушителей, которая может быть распространена как на криминальную, так и на некриминальную девиацию. Автор делает вывод о наличии параллели между характером девиантной самоидентификации молодежи и спецификой проявления поведенческих отклонений молодежи.

Ключевые слова: девиация, девиантное поведение, молодежь, социализация, делинквент.

Derjabina O. V.

SPECIFICITY OF YOUNG PEOPLE DEVIATION AND DEVIATION IDENTIFICATIONS

In this article the author represents mechanism of realization of a deviant self-identifications of young people, scheme of the psychological mechanism of commission of crimes, and also main features of the scheme of formation of illegal consciousness and deviant installations of young people. Depending on that what stage of deviant identification was already passable by the young man, the typology of violators which can be extended both on criminal and to not criminal deviation is offered. The author does a conclusion about parallel presence between character deviant self-identifications of young people and specificity of display of behavioral deviations of young people .

Key words: deviation, deviation behavior, young people, socialization, delinquent.

Хван Е. А.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ 113

В статье описывается проблема политического отчуждения в контексте политического участия. Раскрывается содержание основных подходов к данному явлению, выясняются причины появления политического отчуждения на разных периодах развития общества и способы его преодоления.

Khvan E. A.

THE PHENOMENON OF ALIENATION AS A PROBLEM OF POLITICAL PARTICIPATION

The article is focused on the phenomenon of alienation in the context of political participation in modern society. Main theoretical approaches to this problem are being discussed. The author also explores causes and circumstances of political alienation in the course of historical development of the society.

ОБРАЗОВАНИЕ И ПЕДАГОГИКА

Майорова И. И.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА АВСТРАЛИИ В ОТНОШЕНИИ СОХРАНЕНИЯ
ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ..... 116

В статье описывается государственная образовательная политика Австралии в отношении «национальных» школ через призму краткого исторического обзора создания школ для национальных меньшинств Австралийского континента. Рассматриваются различные подходы, образовательные стандарты и выработанные стратегии для улучшения образования коренных жителей в XXI веке.

Ключевые слова: государственная политика, языковые программы для аборигенов, диалекты, учебные планы, аборигены, изучение языков, права меньшинств.

Majorova I. I.

AUSTRALIAN STATE POLICY IN PRESERVATION OF INDIGENOUS PEOPLE LANGUAGES

This paper is describing the school system supported by government funding and at the same time describes the foundation of the government controlled “national” schools. It also analyses the creation of aboriginal schools and gives the historical development of establishing schools for national minorities.

Also the article gives the range of policies and strategies with the objectives of improving educational outcomes for Indigenous Australians. The paper observes the standards and an action framework for more culturally inclusive and educationally effective schooling for Australia’s Indigenous peoples in the 21st century.

Key words: state policy, indigenous language programs, curriculum, aboriginals, language learning, minority rights.

Шаповалова Т. Р.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ
В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ..... 121

На современном этапе перед высшими учебными заведениями стоит задача подготовки кадров на качественно новом уровне. Ключевым фактором, определяющим требования к профессиональным качествам специалиста, являются знания в области информационных и коммуникационных технологий.

Статья посвящена лингвистическим информационным ресурсам, в частности, британским учебным лексикографическим изданиям, представленным в сети Интернет. Автор описывает достоинства данных ресурсов и обращает внимание на дополнительные характеристики, которые могут облегчить поиск информации в сети в учебных целях.

Shapovalova T. R.

USE OF LINGUISTIC INFORMATION RESOURCES FOR EDUCATIONAL PURPOSES

Today all universities are faced with the challenge of delivering higher education in a new context in which information and communication technologies are expected to play a key role.

The paper is devoted to linguistic information resources, and British Internet general purpose learner’s dictionaries in particular. The author describes the benefits of these resources and focuses on some additional features provided by these web-sites in order to facilitate dictionary use and foreign language skills.

Муминов В. И.

ФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЧАСТИЦ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» 127

Активное использование Ф. М. Достоевским на страницах своих произведений частиц привело к тому, что данные языковые единицы стали своеобразными маркерами при описании идиостиля писателя, одним из наиболее действенных языковых средств, участвующих в реализации стилистических функций, вызывающих те или иные реакции получателя информации на использование в речи с определенным стилистическим заданием языковых арсеналов, порождающих индивидуальные ассоциации.

Ключевые слова: стилистические функции, язык произведений Ф. М. Достоевского, фактическая функция частиц, «контактирующие» частицы, стилистический эффект, «частичеобильность».

Muminov V. I.

THE PHATIC FUNCTION OF PARTICLES IN THE NOVEL «IDIOT» BY F. M. DOSTOEVSKIY

F. M. Dostoevskiy pressure of many particles in his novels and it leads down to the situations where units of language is the original markers in description of writer's idio-style. What is one of the most effective linguistic means which participate in realization of stylistic functions. It provokes different reaction of readers and produce personal association.

Key words: the stylistic functions, the language of novels by F. M. Dostoevskiy, the phatic function of particles, the contacting particles, the stylistic effect, «the flooding particles».

Ушакова Г. Д., Пинкина О. С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ РЕКЛАМЫ
КАК ИНФОРМАЦИОННОГО СООБЩЕНИЯ 132

Статья посвящена рассмотрению психологических причин проблем восприятия рекламы как информационного сообщения. Авторы предпринимают попытку дать рекомендации по устранению причин, которые не позволяют воспринимать рекламу как источник достоверной и нужной информации.

Ushakova G. D., Pinkina O. S.

PSYCHOLOGICAL CAUSES OF ADVERTISING IMPRESSION AS INFORMATIONAL MESSAGE

This article is devoted to psychological causes of advertising impression as informational message. Authors are tried to make recommendations for liquidation of factors that make impossible to sense advertising as true and important source of information

Иосько Е. Ю.

МАНИПУЛЯЦИЯ: ЭТИМОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ 137

В статье рассматривается этимология слова «манипуляция» и современное использование в языке терминов «манипуляция» и «манипулятивное воздействие». На основе анализа определения терминов в современных словарях автор выявляет компоненты понятия и анализирует их.

Ключевые слова: манипуляция, манипулирование, манипулятивное воздействие, процесс манипуляции.

Iosko E. Y.

MANIPULATION: ETYMOLOGY AND CONTEMPORARY USING OF THE TERM.

The article deals with etymology of the word “manipulation” and modern using of terms “manipulation” and “manipulation influence”. The author determines components of the term and analyses them on the basis of different meanings of terms in modern dictionaries.

Key words: manipulation, manipulation influence, process of manipulation.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Андреановская И. И.

СОХРАНЕНИЕ ПРИЕМОМ И СПОСОБОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ 141

В статье рассматриваются приемы и способы регламентации трудовых отношений. Сохранение законодателем многих приемов и способов правового регулирования сви-

детельствует об их преимуществах и действенности в настоящее время.

Ключевые слова: централизованный, коллективно-договорной и индивидуально-договорной методы, сочетания методов, соглашение сторон.

Andrianovskaya I. I.

RESERVATION OF METHODS AND TECHNIQUES OF INDUSTRIAL REGULATION

The article is devoted to the methods and techniques of industrial regulation. Reservation of methods and techniques of legal regulation by legislator tells us about their continuity and effectuality at present time.

Key words: centralized, collective agreement and individual agreement method, combining of methods, agreement of the parties.

Андреева А. Е.

ОРГАНЫ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ КОНТРОЛЬ СОБЛЮДЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ
ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ В РОССИЙСКИХ МОРСКИХ ПОРТАХ.....147

В статье содержатся предложения автора по совершенствованию главы 5 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации «Государственный портовый контроль». Изменение содержания и структуры главы 5 позволит устранить существующий пробел в правовом регулировании деятельности инспекторов российского портового контроля.

Ключевые слова: портовый контроль, безопасность международного мореплавания, региональные соглашения о портовом контроле, капитан порта, должностное лицо, осуществляющее контроль.

Andreeva A. E.

THE BODIES THAT MONITOR COMPLIANCE WITH INTERNATIONAL CONVENTIONS IN
THE FIELD OF SECURITY OF MERCHANT SHIPPING IN THE RUSSIAN PORTS

This article describes the author's suggestions for improving Chapter 5 Merchant Shipping Code of the Russian Federation «State port control». Changing the content and structure of Chapter 5 would eliminate the existing gap in the legal regulation of activities of the inspectors of the Russian port control.

Key words: port control, safety of international navigation, regional agreement on port control, port captain, port state control officer.

Каратеев П. Ю.

КАТЕГОРИЯ «ПРАВОТВОРЧЕСТВО» И ЕЕ ГЕНЕЗИС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ТЕОРИИ ПРАВА (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)..... 151

Статья посвящена вопросам развития понятия правотворчества и содержанию данного понятия в российской юридической науке с начала XX века до настоящего времени.

Karateev P. Yu.

THE CATEGORY OF THE CREATION OF LAW AND IT'S GENESIS IN NATIONAL
THEORY OF LAW (SOM ASPECTS OF RESEARCH)

The article is devoted to the issues of the development of the creation of law definition and such definition content at Russian legal science starting from XX century till the present time.

Сазанова И. В.

К ПРОБЛЕМЕ ОТГРАНИЧЕНИЯ ШИКАНЫ ОТ ИНЫХ ФОРМ
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ 154

В последнее время судебные органы все более активно стали применять статью 10 ГК РФ при рассмотрении конкретных споров. Необходимо отметить, что в настоящее время ни закон, ни правоприменительная практика, ни доктрина по рассматриваемому вопросу не являются удовлетворительными. Основной недостаток здесь связан с отсутствием общих критериев для квалификации действий субъектов в качестве злоупотребления правом. В статье проблема исследуется с точки зрения обоснованности выделения форм злоупотребления правом.

Ключевые слова: злоупотребление субъективным правом, шикана, формы злоупотребления правом, причинение вреда.

Sazanova I. V.

PROBLEM OF DISTINGUISH CHICANERY FROM OTHER OF ABUSING THE LAW

Recently the court authorities start to apply article 10 of the Civil Code of Russian Federation in the adjudication. It should be noted that currently neither law nor law-enforcement practice are satisfac-

tory regarding discussed issue. The main disadvantage is related here to lack of general criterions for subject's actions qualification in respect of right abuse. The right abuse problem is analyzed in article in terms of foundation distinguish forms of abusing the law.

Key words: chicanery, forms of abusing the law, infliction of harm.

Товбин М. А.

ОБ ИНСТИТУТАХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОПУЩЕННЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....158

Статья посвящена проблеме совершенствования регулирования восстановления пропущенных процессуальных сроков по АПК РФ. Дается сравнение с аналогичным институтом по ГПК РФ. Приводится обоснование того, что в гражданском процессуальном праве вопрос разрешен удачнее, чем в арбитражном процессуальном, поскольку во втором случае имеет место «узаконенное» отступление от принципа равноправия и состязательности сторон при восстановлении пропущенных сроков. Предлагается путь устранения этого недостатка действующего АПК РФ.

Ключевые слова: арбитражный процесс, процессуальные сроки, восстановление пропущенного срока, апелляционное обжалование, ходатайство, отзыв.

Tovbin M. A.

INSTITUTES OF RESTORATION OF THE MISSED TIME LIMIT IN ARBITRATION AND CIVIL PROCEDURE

This article is devoted to the problem of restoration of the missed time limit regulation improvement according to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. The same institute is compared according to the Civil Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: arbitration procedure, procedural periods, restoration of the missed time limit, appeal, motion, revocation.

Юсов П. А.

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ 161

Автор осуществляет анализ того, насколько совместимы право и справедливость как понятия, отражающие определенные явления в системе общественных отношений.

Ключевые слова: закон, ответственность, право (позитивное), равенство, равноправие, справедливость.

Yusov P. A.

LAW AND JUSTICE

The author analyzes the extent compatibility between the law and justice as a concept to reflect certain phenomena in the system of social relations.

Key words: equality (of rights), justice, law, power, responsibility, right.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Миссонова Л. И. Terra incognita

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ОСТРОВСКИЙ А. Б. РИТУАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА НАРОДОВ АМУРА И САХАЛИНА. ПУТЕВОДНАЯ НИТЬ ЧИСЕЛ. – СПБ. : НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2009. – 195 с. 170

Ушакова Г. Д. «Чистота языка» в истории советской периодики : от пропаганды «новояза» к языковому воспитанию

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Е. Н. БАСОВСКАЯ «СОВЕТСКАЯ ПРЕССА – ЗА «ЧИСТОТУ ЯЗЫКА». 60 ЛЕТ БОРЬБЫ». – М. : РГГУ, 2011. – 328 с. 175

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....177

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПОСТУПАЮЩИМ В РЕДАКЦИЮ.....178

К 65 ЛЕТИЮ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

**ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ НОВОГО УРОВНЯ
(К 65-ЛЕТИЮ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Мисиков Борис Рамазанович – ректор Сахалинского государственного университета, доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, академик РАЕН. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. Автор около 100 научных работ, изданных в России и за рубежом.

С момента образования Сахалинской области одним из значительных событий ее истории было создание в 1949 г. Южно-Сахалинского учительского института. Вот уже на протяжении 63 лет вуз на разных стадиях своего развития является основной кузницей кадров для островной области.

В 1954 году Учительский институт был преобразован в Южно-Сахалинский государственный педагогический институт.

Судьба главного сахалинского вуза радикальным образом изменилась в 1998 году, когда Южно-Сахалинский государственный педагогический институт был преобразован в Сахалинский государственный университет классического образца. В состав вуза вошли три колледжа: два педагогических и театральный. Значительно расширился перечень специальностей, по которым велась подготовка специалистов для экономики области. В эти годы на Сахалине уже была начата активная разработка шельфовых проектов, поэтому особое значение приобрело открытие специальностей по изучению нефтегазового дела и сопутствующих отраслей.

Модернизация региональной экономики и инфраструктуры региона предполагает снижение барьеров для экономической и социальной интеграции территории Сахалинской области с остальными регионами России и повышение конкурентоспособности продукции, товаров и услуг. Для того чтобы это стало возможным, необходимо, чтобы в отраслях экономики и социальной сферы области работали «собственные» кадры, т. е. молодые люди, которые родились, выросли и, главное, выучились на Сахалине. Такие люди, что называется, с молоком матери впитали любовь к малой родине, а значит, будут радеть за процветание ее хозяйства. Не зря существует русская пословица: «Где родился, там и пригодился». Это, разумеется, не исключает возможность и целесообразность обучения лучших выпускников в лучших вузах Москвы, Санкт-Петербурга и, как принято говорить на Сахалине, в других «материковских» вузах.

Географическое положение островного края,

сложность перемещения людей и грузов из других (и в другие) регионов РФ долгие годы сказывалась на проблеме кадрового обеспечения экономики и социальной сферы острова. Если выпускник сахалинской школы уезжает для получения высшего образования в вузы, находящиеся в столице и крупных городах материковой части России, то по прошествии четырех-шести лет обучения он обычно остается работать в других регионах страны, что существенно увеличивает отток населения с островов. Но та же территориальная отдаленность способствует тому, что выпускники сахалинских вузов, не имеющие материальной возможности обучаться на материке, в подавляющем большинстве остаются жить и работать на острове. Анклавность территории, с одной стороны, придает некую закрытость сахалинскому высшему образованию, с другой стороны – позволяет накопить уникальный опыт подготовки кадров практически только для одного региона.

Сахалинский государственный университет успешно решает проблему подготовки специалистов для разных сфер экономики. После первых выпусков в области появились юристы, экономисты, журналисты, социологи, менеджеры, экологи, специалисты рыбного хозяйства и аквакультуры. В других высших учебных заведениях Сахалинской области, появившихся в 90-е годы в основном как филиалы вузов Москвы, Хабаровска, Владивостока, перечень специальностей также значительно широк. У абитуриента появилась возможность выбора будущей профессии без выезда на материк. Однако в области практически не осуществляется подготовка специалистов ВПО по техническим специальностям.

В настоящее время система профессионального образования Сахалинской области представляет все пять уровней образования: начальное профессиональное, среднее профессиональное, высшее профессиональное, послевузовское и дополнительное профессиональное образование.

В области функционирует 33 образовательных учреждения профессионального образования, из них два вуза (один из них негосударственный) и

шесть филиалов вузов, восемь ссузов и семь филиалов ссузов, а также десять учреждений начального профессионального образования. Непосредственно в ведении Сахалинской области находятся три ссуза с одним филиалом и десять учреждений начального профессионального образования с одним филиалом.

Общая численность обучающихся – 23,6 тыс. человек, в том числе в учреждениях начального профессионального образования – 3,4 тыс. чел., среднего профессионального образования – 7,4 тыс. чел., высшего профессионального образования – 12,8 тыс. чел.

Подготовка кадров ведется по 150 профессиям и специальностям:

- по 31-й профессии начального профессионального образования;
- по 53-м специальностям среднего профессионального образования;
- по 66-ти специальностям и направлениям подготовки высшего профессионального образования.

Более 60 наименований специальностей и направлений подготовки открыты в последнее время.

Применительно к системе высшего профессионального образования следует отметить, что в основном вузы сконцентрированы в г. Южно-Сахалинске. Численность студентов по очной форме обучения составляет 9,5 тыс. чел. Подготовка специалистов в вузах Сахалинской области в настоящее время осуществляется по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры.

В Сахалинской области на балансе учреждений профессионального образования находится около 100 объектов недвижимости. В учреждениях начального и среднего профессионального образования области в учебном процессе используются 99 кабинетов по общеобразовательным дисциплинам, 99 кабинетов по предметам профессионального цикла, 17 кабинетов вычислительной техники, 34 лаборатории и 53 учебно-производственные мастерские. Кроме того, имеется 12 участков, оборудованных в цехах предприятий, для прохождения производственного обучения.

Как следует из Программы стратегического развития области, к 2025 году ведущими отраслями региональной экономики будут являться топливно-энергетический, рыбохозяйственный и лесопромышленный комплексы, устойчивое развитие получают строительный комплекс и индустрия производства стройматериалов, электроэнергетика, транспорт и сельское хозяйство, а также сфера потребительского рынка и услуг. Сахалинское высшее и среднее профессиональное образование расширяет спектр образовательных программ, ориентируясь на потребность в профессиональных кадрах области. Эта потребность, в свою очередь, обусловлена ключевыми конкурентными преимуществами Сахалинской области, в первую очередь, большими запасами топливно-энергетических ресурсов (нефть, природный газ, уголь и торф), фактически сформированным на Сахалине

высокотехнологичным центром нефтегазодобычи. Близость к экономически развитым странам АТР (Япония, Республика Корея, Китай, США и др.) обусловила появление в вузах Дальнего Востока, в том числе и Сахалина, специальностей и направлений подготовки, связанных с изучением японского, корейского, китайского языков. Обучение английскому языку ведется во всех вузах и некоторых ссузах Сахалинской области, как второй иностранный изучается немецкий язык.

Значительные запасы водно-биологических ресурсов и высокий потенциал предпрятий рыбопромышленного комплекса предопределили открытие направления подготовки «Водные биоресурсы и аквакультура» в СахГУ. Появление образовательных программ по экологии, природопользованию и безопасности жизнедеятельности и создание специализированных научно-образовательных лабораторий обусловлено необходимостью уменьшить риски и ограничения экономического роста, связанные с опасностью загрязнения окружающей среды со стороны ресурсных секторов и разрушения природных экосистем в зонах повышенной концентрации экономической активности. Актуальность этих профессий еще раз подтвердила недавняя экологическая катастрофа в Японии, ближайшей к Сахалину и Курилам стране.

Сахалинская область обладает значительным природно-рекреационным потенциалом, обеспечивающим возможность развития въездного туризма. Подготовка специалистов для этой отрасли экономики ведется в двух вузах – Сахалинском государственном университете и Южно-Сахалинском институте экономики, права и информатики.

Сахалинская область имеет все элементы транспортно-производственной инфраструктуры: воздушный, железнодорожный, морской (включая паромную переправу), автомобильный, трубопроводный транспорт. Специалистов-транспортников в основном готовит Сахалинский институт железнодорожного транспорта – филиала Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Значительный потенциал развития имеет Сахалинский филиал Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), появившийся в результате объединения двух филиалов базовых вузов – Дальневосточного государственного технического университета и Тихоокеанского государственного экономического университета.

В этом году отметил 65-летний юбилей Российский государственный торгово-экономический университет, бывший Южно-Сахалинский техникум советской торговли. Этот вуз является единственным профессионально ориентированным вузом торгово-экономического профиля.

Ярко выраженная ресурсная направленность экономики области при низкой степени переработки природных ресурсов предопределила формирование идеи создания Технического нефтегазового института в составе СахГУ, которая сегодня реально воплощается в жизнь.

Решение о создании Технического нефтегазо-

вого института согласовано с Правительством Сахалинской области, поддержано Президентом Российской Федерации и министром образования Российской Федерации.

Университет в настоящее время ведет работу по строительству «Учебно-лабораторного корпуса Технического нефтегазового института СахГУ г. Южно-Сахалинска» согласно «Федеральной адресной инвестиционной программе развития образования на 2011–2015 годы», решаются вопросы материально-технического оснащения института, его кадрового обеспечения.

Укрупнение Сахалинского государственного университета за счет создания Технического нефтегазового института, создание филиалов топливно-энергетической направленности в г. Оха и г. Корсаков становится важным этапом развития системы высшего профессионального образования Сахалинской области.

Для подготовки специалистов по высокотехнологичным профессиям и специальностям необходима современная учебно-материальная база.

В настоящее время при поддержке правительства Сахалинской области и лично губернатора Александра Вадимовича Хорошавина решается вопрос о приобретении здания, а также была достигнута договоренность об участии оператора проекта «Сахалин-1» компании «Эксон Нефтегаз Лимитед» в создании Технического нефтегазового института в составе СахГУ. Участие «Эксон Нефтегаз Лимитед» в данном проекте будет заключаться в выделении значительных средств, которые будут направлены на создание материально-технической базы нового института, в том числе на закупку новых лабораторий и обучающих комплексов, например, тренажера-симулятора бурения и др.

Следует отметить, что за последние три года наметилась тенденция расширения технических профессий и специальностей. Перечень профессий и специальностей технического профиля в учреждениях НПО области составляет 19 наименований (61 % общей численности профессий), в ссузах – 17 наименований (32 % общей численности), в вузах – 21 наименование (33 % общей численности).

В учреждениях профессионального образования области обеспечена подготовка по 63-м программам дополнительного профессионального образования (курсовая подготовка, переподготовка) преимущественно технического профиля. Ежегодно по данным программам проходят обучение, в среднем, до трех тысяч человек.

Конечно, сахалинское профессиональное образование нуждается в модернизации материальной базы, строительстве новых учебных корпусов, студенческих общежитий, спортивных сооружений, в обновлении научно-педагогических кадров. Несмотря на искаженную структуру подготовки кадров: избыточное число студентов изучают менеджмент, экономику, юриспруденцию, но крайне мало инженерных специальностей, нет медицинской подготовки в системе высшего профессионального образования.

В системе имеются диспропорции – крайне мало бюджетных мест, завышена численность студентов, оплачивающих свое обучение, поскольку филиалы и частный вуз являются в основе своей платными. Кроме того, непропорционально высоко число студентов, обучающихся по заочной форме обучения, при том, что современные дистанционные технологии внедряются с трудом. Дистанционное обучение на Сахалине более актуально, чем в других областях, так как область имеет большую протяженность, часть населения проживает на Курильских островах. Кроме того, это решило бы проблему военнослужащих (контрактников, офицеров, готовящихся к гражданской жизни) и лиц, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях Сахалинской области. Кстати сказать, уже поступили официальные запросы из Федеральной службы исполнения наказаний о возможности дистанционного обучения последних – это важный социальный заказ, выполнение которого могло бы в ресоциализации освободившихся заключенных.

По результатам социологических исследований, проведенных учеными СахГУ, более 70 % молодых специалистов хотели бы учиться дома, так что спрос на образовательные услуги в ближайшем и отдаленном будущем, очевидно, не иссякнет. Поэтому руководство учебных заведений профессионального образования делает все для того, чтобы преодолеть трудности и сделать получение образования на Сахалине все более привлекательным для молодежи Сахалина и Курильских островов.

Политика администрации города и области в сфере профессионального образования направлена на закрепление на Сахалине профессиональных кадров, которые будут способствовать развитию экономики региона и повышению уровня жизни сахалинцев и курильчан.

Таким образом, вектор, заданный в развитии сахалинского высшего и среднего профессионального образования, позволит в кратчайшие сроки выйти на новый уровень развития, ориентированный на региональность и инновационную технологичность.

Литература

1. Мисиков, Б. Р. Профессиональное образование и рынок труда Сахалинской области: реалии и прогнозы : монография / Б. Р. Мисиков, Л. Е. Власова, А. Б. Мамбетова, Н. Б. Сурков. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. – 160 с.

2. Стратегия социально-экономического развития Сахалинской области до 2025 года. – Режим доступа : <http://www.admsakhalin.ru/index.php?id=139>

3. Программа стратегического развития федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Сахалинский государственный университет» «Создание научно-образовательного кластера для формирования условий устойчивого развития региональной экономики на основе технологической модернизации» (2012–2016 гг.).

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 65 ЛЕТ И НОВАЯ ПАРАДИГМА УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Минервин Игорь Георгиевич – первый проректор СахГУ, кандидат физико-математических наук, академик РАН, Международной академии наук о природе и обществе, Муниципальной академии.

В 1981 году закончил физико-математический факультет Южно-Сахалинского государственного педагогического института. В 1985 году закончил очную аспирантуру с защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук при Ленинградском физико-техническом институте им. А. Ф. Иоффе АН СССР. Автор более 70 научных работ, изданных в России и за рубежом, в том числе трех монографий. Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Устойчивое заселение Сахалина и Курильских островов началось 20 тысяч лет назад¹ и продолжается до настоящего времени. Однако современная история нашего региона начиналась на памяти старшего поколения островитян. Победа во Второй мировой войне вернула России юг Сахалина и Курильские острова. И вскоре в составе нашей страны появилась единственная островная область – Сахалинская.

В нынешних современных условиях, когда для Российского Дальнего Востока формируется серьезная угроза в виде падающей конкурентоспособности региональной экономики на рыночном пространстве АТР, где формируются крупнейшие мировые центры экономического развития: Япония, Республика Корея, Китай, где нам отводится ресурсодобывающая ниша, которую мы занимаем, и за пределы которой нас не особенно пускают, высшим руководством Российской Федерации в 2006 году была поставлена сложная и амбициозная задача: сделать российский Дальний Восток удобным и привлекательным местом для жизни людей.

Поставленная задача требует поистине революционных решений. За короткий временной период предстоит вывести оторванный от материка сейсмоопасный островной регион² с суровым кли-

матом³ в лидеры по экономическому развитию и качеству жизни на Дальнем Востоке, осуществить «сахалинский прорыв»⁴.

Сахалинская область представляет собой не только один из самых сложных, с точки зрения социально-экономической и инфраструктурной ситуации, регионов Дальнего Востока и Российской Федерации, но и один из самых перспективных регионов страны. Данное утверждение обусловлено как природно-ресурсным потенциалом области, так и ее уникальным географическим положением на стыке двух цивилизаций и культур, дающим Сахалинской области блестящие перспективы для стремительного движения в XXI веке. В условиях рыночной трансформации⁵ радикально изменилась вся система социально-экономического развития России. Рыночная реформа нарушила сложившиеся ранее социально-экономические механизмы, не создав новых, что привело к разрушению системы функционирования территориальных образований. Трудно найти компонент реформы или сферу реформируемой экономики России, которые не являлись бы объектом критики со стороны тех или иных ведущих западных экономистов, не подвергающихся сомнению ценности рыночной экономики⁶. В период перехода к рыночной экономике

¹ Василевский, А. А. Каменный век острова Сахалин / А. А. Василевский. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное издательство, 2008. – С. 96, 249–247, 231–242.

² Минервин, И. Г. Условия формирования сейсмогенных лавин на о. Сахалин / И. Г. Минервин, Н. А. Казаков // Сборник докладов научно-технического семинара совещания «Память и уроки Нефтегорского землетрясения», Южно-Сахалинск, 24–25 мая 2000. – М. : Полтекс, 2000. – С. 125–129.

³ Минервин, И. Г. Анализ причин формирования экстремальных ледовых условий в Охотском море / И. Г. Минервин, В. М. Пицальник, В. А. Мелкий, и др. // Физика геосфер: Седьмой Всероссийский симпозиум, 5–9 сентября 2011 г. – Владивосток : Дальнаука, 2011. – С. 174–182.

⁴ Постановление администрации Сахалинской области от 11.07.2008 № 203-на «О стратегии социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2020 года».

⁵ Минервин, И. Г. Пути трансформации российской экономики: оценки зарубежных исследователей / И. Г. Минервин // Россия и современный мир. – 2001. – № 4. – С. 206–221.

⁶ Минервин, И. Г. Зарубежные исследователи о путях трансформации российской экономики: многообразие подходов, сходство выводов / И. Г. Минервин // Экономические и социальные проблемы России. – М. – № 2. – С. 69–119.

выявились наиболее слабые звенья в системе социально-экономического развития России. Одним из таких звеньев оказались объекты территориальной урбанизированной структуры экономики страны, исследование которых и разработка рационально-экономических механизмов их развития становится исключительно важной.

Городское управление остается одной из наиболее сложных и неразработанных проблем, связанных с ростом городов и их превращением в урбосистемы. Как отмечают специалисты, коренной поворот в познании закономерностей развития городов и эффективного управления этим процессом еще не произошел. Крупные города и их агломерации до сих пор остаются неуправляемыми или слаборегулируемыми со стороны городских властей.⁷ В этой ситуации наибольший ущерб понесла самая распространенная массовая категория регионального экономического развития – города, удаленные от центральной России.

Традиционно Сахалин ассоциируется с окраиной России, Тихим океаном, близостью к Японии. Все эти образы формируют представление об удаленности острова от «материнской» стороны. В то же время смещающийся центр экономического развития в Азиатско-Тихоокеанский регион, торговые и туристические потоки в Юго-Восточную Азию, Китай и Японию, освоение углеводородов шельфа Сахалина создают впечатление его сопричастности процессам глобализации, вызывают интерес определенных российских бизнес-кругов. В процесс освоения природных ресурсов Сахалинской области втягивается все большее количество российских и иностранных компаний.

Сегодня Сахалинская область является зоной ускоренного роста и качественного преобразования экономики. Энергия и скорость ее развития создают благоприятные условия для привлечения инвестиций, формирования новой инновационной экономики, реализации крупных проектов, многие из которых влияют на состояние экономики соседних территорий.⁸

В настоящее время регионы вступают в жесткую конкуренцию за привлечение на свои террито-

рии разного рода ресурсов. По оценкам экспертов, экономическая конкуренция дополняется, а иногда и заменяется конкуренцией культур, мировоззрений. Главным ресурсом, зачастую, становятся не деньги и сырье, а «неосязаемые активы», характеризующие энергетику территории. Они и определяют тот совокупный образ (имидж) региона, города, который фиксируется в сознании горожан и гостей, определяет их эмоциональное состояние, способствует появлению желаний укорениться на этой территории или развернуть на ней проекты.

В связи с этим стратегическое планирование и программно-целевой метод стали распространенным явлением в экономической жизни регионов, муниципальных образований^{9, 10, 11}, крупных городов Российской Федерации. И это естественно, учитывая сложности вхождения хозяйствующих субъектов разных уровней в рыночные условия и становления рыночных «человека» и «общества».

С позиций реализации требований управления устойчивым развитием разработка конкурентной стратегии¹² развития предполагает разработку планов (программ) территориального маркетинга по конкретным направлениям деятельности и конкретным продуктам, которые производит территория и продвигает на рынок. Подход к созданию таких программ, кроме учета специфики процесса маркетингового управления, должен включать стандартные требования стратегического управления: «от миссии, целей и стратегий более высокого уровня – к миссии, целям и стратегиям более низкого уровня».

Однако сложившаяся современная ситуация в регионе характеризуется низкой структуризацией общества. На такой социальной базе трудно создать действенный стратегический план, тем более – его реализовать.

Реформа местного самоуправления еще более обострила проблемы самофинансирования и регионального развития, взаимоотношений и взаимодействия властных вертикалей между собой и представителями бизнеса, межбюджетных отношений.^{13, 14} Значительная часть населения оказывается на обочине качественных преобразований в обще-

⁷ Минервин, И. Г. Проблемы совершенствования управления крупными городами (обзор) / И. Г. Минервин, В. М. Рулев // *Экономические и социальные проблемы России*. – 2000. – № 1. – С. 52–62.

⁸ Хорошавин А. В. Сахалин как мультипликатор экономического развития Дальнего Востока / А. В. Хорошавин // *ЭКО. Экономика и организация промышленного производства*. – 2009. – № 1. – С. 97–108.

⁹ Заусаев, В. К. Южно-Сахалинск – в стратегии развития Дальнего Востока / В. К. Заусаев, С. П. Быстрицкий, И. Г. Минервин, Н. С. Фролова, В. А. Горяйнов // *Приоритеты Приморья: интеграция и конкурентоспособность: научные доклады*. – Москва, 2007. – № 198. – С. 44–61.

¹⁰ Заусаев, В. К. Принцип системности в разработке стратегических планов развития муниципальных образований / В. К. Заусаев, А. В. Хорошавин, Н. С. Фролова // *Азиатско-Тихоокеанский регион*. – 2008. – № 2 (18). – С. 60–70.

¹¹ Заусаев, В. К. Город в системе стратегического планирования региона: монография / В. К. Заусаев, И. Г. Минервин, Н. М. Горбунов, С. П. Быстрицкий. – Хабаровск: изд-во ДВАГС, 2009. – С. 341–347.

¹² Минервин, И. Г. Практическое руководство по стратегии / И. Г. Минервин // *Реферативный журнал*. – Серия 2. *Экономика*. – 1997. – № 1. – С. 182–186.

¹³ Минервин, И. Г. Финансово-экономическая деятельность администрации Южно-Сахалинска и проблемы регулирования межбюджетных отношений / И. Г. Минервин // *Управа*. – 2002. – № 9.

¹⁴ Минервин, И. Г. Проблемы межбюджетных отношений на примере города Южно-Сахалинска / И. Г. Минервин // *Местное самоуправление в России: сборник статей*. – Москва: изд-во «Ось-89», 2003. – С. 213–216.

стве, испытывая на себе негативное влияние не только объективных факторов становления новой экономической системы, но и нецивилизованности власти и бизнеса. Население не доверяет власти, которая слабо выражает его интересы и, зачастую, преследует свои корыстные цели. Яркое выражение формы взаимного неудовлетворения друг другом проявляется в отчуждении населения от государства и ненадлежащем исполнении гражданских обязанностей обеими сторонами. Население не доверяет и бизнесу, который перешагивает даже через национальные интересы, не говоря уже о местных.

Разработка и реализация стратегического плана развития Сахалинской области невозможна без видения основных направлений развития в целом России, Дальневосточного региона, тенденций развития мировой экономики и глубокого знания и учета исторических аспектов, предшествующих современному развитию региона.

Несмотря на значительную дифференциацию условий и путей освоения в России новых территорий, эти процессы в Сахалинской области отличались особой спецификой даже среди Дальневосточных регионов. Выбор на первом этапе в качестве поселенцев ссыльных каторжан не мог не сказаться на соответствующей социально-культурной среде острова, формировании традиций, имиджа и направлений хозяйственного развития.

В период сахалинской каторги наибольшее развитие получила угольная промышленность. Вплоть до конца XIX века Сахалин являлся единственным угледобывающим районом Дальнего Востока. Он снабжал углем военные корабли Сибирской флотилии, Тихоокеанской эскадры, торговые суда России и других стран. К началу XX века отсюда вывозилось около 50 тыс. т угля¹⁵.

Важным промыслом как коренного, так и пришлого населения был рыбный. К началу XX века здесь вылавливалось до 90 тыс. т рыбы, преимущественно сельди и лососевых.¹⁶ Этот вид деятельности в значительной мере контролировался японцами. Практически вся выловленная на острове рыба и морепродукты вывозились в Японию. В последующем на острове организуются российские промыслы. Но они существенно уступали японским из-за нехватки рабочей силы. Поэтому с разрешения Российского правительства на Сахалин стала завозиться иностранная рабочая сила, особенно корейская.

Другие виды деятельности (сельское хозяйство, лесозаготовки) ориентировались на внутренние нужды. В этот период предпринимаются первые попытки освоения месторождений нефти.

Из отбывших каторгу ссыльнопоселенцев и добровольно следовавших за ними членов семей

на острове возникают постоянные сельскохозяйственные поселения. На рубеже XX века население Сахалина составляло 40 тыс. человек.

Второй важной особенностью формирования социохозяйственного потенциала Сахалина явилось управление Японией в течение 1905–1945 годов южной частью острова. Губернаторство Карафуто делилось на четыре уезда, каждый из которых имел выход к морю. Самым южным уездом был Тайохару с центром в одноименном городе, расположенном в бывшем русском поселке Владимировка (в настоящее время г. Южно-Сахалинск).

Ускоренными темпами началось заселение острова переселенцами из северных и северо-западных районов Японии, а также Кореи. Акцент делался на работоспособную молодежь¹⁷. Однако уже с 1911 года концепция колонизации Южного Сахалина в корне меняется. Вместо поддержки единоличных хозяйств губернаторство ориентируется на корпоративный капитал, предоставляя японским компаниям большие земельные участки и денежные субсидии.

Это позволило резко интенсифицировать процесс индустриализации Южного Сахалина. Активизировалось развитие лесной отрасли. Помимо лесозаготовок, было построено восемь целлюлозно-бумажных комбинатов. Только за 1906–1934 годы было заготовлено около 68,0 млн м³ древесины (в среднем – 2,4 млн м³ в год), выработано 2,0 и 1,1 млн т целлюлозы и бумаги¹⁸.

Несмотря на значительные запасы угля, его добыча росла медленно. Сложные природно-геологические условия не позволяли достичь высокой эффективности. До 1930 года часть потребности губернатора в угле покрывалась завозом из Японии. В дальнейшем ежегодная добыча его достигала 1,5 млн т. Помимо вывоза в метрополию, Корею и Гонконг, он стал путем сухой перегонки перерабатываться на тяжелые масла, бензин, парафин и др. Формировались начальные переделы углехимии.

Рыбный промысел сохранил важную роль в экономике Карафуто. Строится несколько рыбопроизводных ферм. Лов сельди и лосося являлся главным занятием средних и крупных предпринимателей. Переселенцам разрешалась ловля трески, минтая, добыча морской капусты. Большая часть рыбы перерабатывалась на тук, пресносушеные и соленые продукты, кормовую муку, жир, которые вывозились в Японию.

Сельское хозяйство ориентировалось на обеспечение городского населения овощами, молоком, маслом, мясом и др. Имелось 35 крупных (по тем временам) хозяйств, владеющих по 50 га пашни. Развивались молочное и мясное животно-

¹⁵ История Сахалинской области с древнейших времен до наших дней. – Южно-Сахалинск, 1995. – С. 90.

¹⁶ Тварковский, Л. С. Охрана живых морских ресурсов Российского Дальнего Востока (вторая половина XIX – XX в.) / Л. С. Тварковский, И. Г. Минервин. – Н. Новгород ; М. : изд-во МНЭПУ, 2002.

¹⁷ История Сахалинской области с древнейших времен до наших дней. – Южно-Сахалинск, 1995. – С. 127.

¹⁸ Бок, З. К. Корейцы на Сахалине / З. К. Бок. – Южно-Сахалинск, 1993. – С. 28, 29.

водство, переработка сельскохозяйственной продукции. Для оживления сельскохозяйственного производства почти в каждом поселке Карафуто действовали кооперативы и «общества по подъему сельского хозяйства»¹⁹.

Видное место на острове занимало пушное звероводство. В 1935 году действовало свыше 500 лесопитомников.

Стремление ускорить процесс колонизации Южного Сахалина потребовало создания транспортной инфраструктуры. Прежде всего это коснулось строительства грунтовых и шоссейных дорог, которые позволили выйти на побережье острова и начать строить порты. К середине 1930-х годов все уездные центры и крупные портовые города были соединены железной дорогой. В этот же период началось регулярное воздушное сообщение с Японией. Было построено 13 аэродромов. Более 120 почтово-телеграфных контор и узлов обслуживали нужды связи Южного Сахалина.

Интенсификация ресурсодобывающих отраслей вкупе с развитием транспортной инфраструктуры предопределили растущий вывоз с Южного Сахалина продукции в Японию и другие сопредельные страны. Более чем на 80 % в нем преобладали древесина, бумага и целлюлоза.²⁰

Важно, заметить, что вывоз с Южного Сахалина существенно превышал ввоз: за 1924–1934 годы – более чем в два раза (таблица 1)²¹. Это говорит о самокупаемости местной экономики, что в значительной мере достигалось за счет экономии на социальной инфраструктуре и истощительного природопользования. Вместе с тем, в середине 20-х годов правительство усиливает контроль за рубкой леса, начинается его восстановление. Нарождается «правильное» лесное хозяйство²².

Таблица 1

Вывоз и ввоз промышленной продукции по губернаторству Карафуто (Южный Сахалин) за 1924–1934 годы, млн иен

Годы	Вывоз в Японию	Ввоз из Японии	Превышение вывоза над ввозом
1924	64,6	37,5	27,1
1927	68,0	41,5	26,5
1930	80,0	35,3	44,7
1932	65,3	29,1	36,2
1934	96,7	37,1	56,6
Итого за 1924–1934 гг.	821,9	398,3	422,6

Источник: Бок З. К. *Корейцы на Сахалине / Бок З. К. – Южно-Сахалинск, 1993. – С. 27.*

За 40 лет японского правления население южной части острова превысило 450 тыс. чел., в том числе около 40 тыс. чел. составляли лица корейской национальности.

В силу более сложных природно-климатических условий Северный Сахалин осваивался значительно медленнее. В 1906 году была упразднена сахалинская каторга, и остров был объявлен свободным для вольного заселения. Переселенцам оказывалась разнообразная поддержка. К 7,5 тыс. чел., проживавшим здесь в конце 1905 года, в 1906 году добавилось еще 5,0 тыс. бывших жителей Сахалина, бежавших от японцев на материк.

Наличие на острове больших запасов угля позволило развивать эту отрасль наиболее интенсивно. Однако объемы добычи были несопоставимы с японскими из-за постоянной нехватки рабочей силы.

Особый интерес вызывала сахалинская нефть. Однако попытки начать добычу нефти до революции не увенчались успехом.

Лесная промышленность не получила развития по причине отсутствия дорог и портов.

В силу жизненной необходимости более активно развивались рыбная ловля, охота и прочие подсобные промыслы. Сельскохозяйственное производство отставало, что не позволяло обеспечить собственные потребности в картофеле, овощах, мясе.

Короткий период японской экспансии (1920–1925 годы) обернулся для Северного Сахалина интенсивной эксплуатацией природных ресурсов.

С приходом советской власти на Северный Сахалин были возложены большие надежды на использование природных ресурсов и превращение его в валютный цех страны. Для этого требовались большие финансовые, материальные и трудовые ресурсы, которыми страна не располагала. Поэтому наиболее выгодные месторождения угля и нефти были переданы в концессию японским бизнесменам. Это способствовало развитию производительных сил острова. За период 1926–1940 годов добыча нефти выросла с 16,6 до 505,0 тыс. т, угля – с 16,6 до 550,0 тыс. т, вылов рыбы – с 7,5 до 207,0 тыс. ц, заготовка древесины – с 3,5 до 362 тыс. м³.²³ Помимо внутренних поставок, прежде всего в Хабаровский край, значительные объемы сырья вывозились в Японию. Так, суммарный экспорт нефти составил более 2 млн т.

В 1930 году начались авиарейсы, связавшие остров с материком. В дальнейшем открылись регулярные рейсы пароходов между Сахалином, Владивостоком и Камчаткой.²⁴

Вместе с тем население Северного Сахалина росло очень медленно. В 1926 году здесь проживало 11,9,

¹⁹ *История Сахалинской области с древнейших времен до наших дней. – Южно-Сахалинск, 1995. – С. 128.*

²⁰ *Бок, З. К. Корейцы на Сахалине / З. К. Бок. – Южно-Сахалинск, 1993. – С. 28.*

²¹ *Там же. С. 27.*

²² *Там же. С. 27.*

²³ *История Сахалинской области с древнейших времен до наших дней. – Южно-Сахалинск, 1995. – С. 135.*

²⁴ *Там же. С. 114, 115.*

в 1932 году – 57,7, в 1940 году – 117,0 тыс. чел.²⁵ Связь с материком и внутри острова была неустойчива. Наряду с суровым климатом здесь не хватало жилья и продуктов, особенно – овощей. Остров по-прежнему отождествлялся с гиблым, окраинным местом страны.

В период Великой Отечественной войны возросла значимость нефтедобычи, которая развивалась особенно быстрыми темпами. В 1942 году был построен нефтепровод на материк «Оха – Софийск» (Хабаровский край). Выросла добыча угля и вылов рыбы.

С освобождением в 1945 году Южного Сахалина и репатриацией подданных Японии²⁶ началось заселение этой части острова. При значительной государственной поддержке сюда прибывали переселенцы со всей страны. В результате к началу 1950-х годов на острове проживало 480 тыс. чел.

В дальнейшем, в связи с волонтеристскими решениями руководства государства о сокращении поддержки сахалинцев и планировании передачи Японии двух островов Курильской гряды, социально-психологическая обстановка в области ухудшилась. Начался отток населения, экономика стала испытывать нарастающий дефицит рабочих кадров.

В связи с политикой заселения Сахалина здесь преобладало сравнительно молодое население. Вкупе с началом социально-экономического обустройства острова это способствовало высокой рождаемости и низкой смертности, которые были выше среднероссийских показателей. В результате в 1960 году естественный прирост населения в Сахалинской области на 1000 чел. составлял 19,9 чел.

Возвращение Южного Сахалина существенно повысило экономический потенциал Сахалинской области. Так, мощности по добыче угля выросли более чем в десять раз и составили 6,8 млн т, вылов рыбы – в 2 раза (600 тыс. т.). Но наибольшие качественные изменения произошли в лесной индустрии области. Мало того, что освоенные лесосеки юга острова позволили в восемь раз нарастить объемы вывозки древесины, доведя их до 2,7 млн м³. В наследство от Японии досталось девять целлюлозно-бумажных комбинатов мощностью 400 тыс. т по бумаге и целлюлозе. Это были первые на Дальнем Востоке предприятия по глубокой переработке древесины и выпуску важной для экономики региона продукции. Семь из них, несмотря на изношенность основных фондов, сохранили свою дееспособность до начала рыночных преобразований.

Развитие производительных сил Сахалинской области создало хорошую основу для наращивания на севере Сахалина добычи нефти и газа. В 1960-е годы она достигла своего максимума (1600 тыс. т. и 335,5 млн м³). В 1970-е годы была пущена вторая нитка нефтепровода «Оха – Комсомольск-на-Аму-

ре». К разработке месторождений нефти и газа на шельфе проявили интерес японские компании, которые выделили на геологические изыскания специальные кредиты.

Строится транспортная инфраструктура области. В 1973 году пущена железнодорожная паромная переправа «Ванино – Холмск», обеспечившая бесперебойную связь острова с материком. К 1990 году плотность автодорог с твердым покрытием практически достигла среднероссийского уровня.

Особенно интенсивно развивается сельское хозяйство области: молочное животноводство, свиноводство, клеточное пушное звероводство. Создана совершенно новая отрасль – промышленное птицеводство. Строится мощное парниковое хозяйство.

Важно отметить, что в послевоенный период развития Сахалина обращено внимание на воспроизводимые природные ресурсы: лес и рыбу. К 1980 году действовало 18 рыбозаводных заводов, дававших до 1 млрд мальков сахалинских лососей. Объем лесовосстановительных работ к 1977 году составлял 147 % площади вырубок.²⁷

Но особо высокими темпами развивалось строительство. Ввод новых промышленных и транспортных мощностей, жилищное и социальное строительство требовали создания промышленности строительных материалов. К 1990 году в области производилось 94,2 тыс. т цемента, 312,5 тыс. м³ железобетонных конструкций, 148,1 млн шт. условных кирпичей стеновых блоков. Против 1960 года рост составил соответственно 1,5, 4,8, 1,6 раз. Это позволило увеличить ввод жилья с 2659 до 3148 тыс. м². Обеспеченность жилищным фондом на душу населения в области сложилась чуть выше средней по Дальнему Востоку. Однако по уровню благоустройства он уступал среднерегionalным и особенно среднероссийским показателям.

Численность населения Сахалинской области составила к 1990 году 715 тыс. чел. при коэффициентах рождаемости 14,1 и смертности 8,1 чел.

В экономике области начинает складываться экспортная специализация. Особенно тесные связи завязываются с Японией.

Одновременно углубляется процесс интеграции в экономику Дальнего Востока, особенно Хабаровского края. На сахалинской нефти работает Комсомольский-на-Амуре нефтеперерабатывающий завод. Рыбпродукция поставляется во многие края и области региона и Сибири. Более 70 % бумаги и товарной целлюлозы, 50 % картона вывозилось практически во все регионы страны.

В целом послевоенный период характеризуется комплексным социально-экономическим развитием области. Но эта затратная стратегия требовала значительных государственных инвестиций.

²⁵ История Сахалинской области с древнейших времен до наших дней. – Южно-Сахалинск, 1995. – С. 112, 113.

²⁶ Кузин, А. Т. Проблемы послевоенной репатриации японского и корейского населения Сахалина / А. Т. Кузин // Россия и АТР. – 2010. – № 2. – С. 76–83.

²⁷ Леонов, П. А. Область на островах / П. А. Леонов и др. – М.: Мысль, 1979. – С. 112.

К началу рыночных реформ в Сахалинской области сложился достаточно мощный социоэкономический потенциал. Плотность населения здесь (8,3) была чуть ниже, чем в среднем по России (8,7), но заметно превосходила этот показатель по Дальнему Востоку в целом (1,3 чел/км²) и другим регионам, расположенным восточнее Урала.

По ряду основных показателей экономического развития в душевом исчислении в 1991 году Сахалинская область превосходила среднероссийские и среднерегionalные показатели (таблица 2). Но по подавляющему числу товаров потребности острова полностью покрывались за счет ввоза, что говорит о значительной зависимости его от материка. В обратном направлении шли нефть и газ, рыба, целлюлоза, картон и бумага. Еще более однобокой (сырьевой) была структура экспорта. Здесь доминировали морепродукты, необработанные лесоматериалы и минеральное сырье.

Таблица 2

Основные показатели экономического развития Сахалинской области на душу населения в 1991 году, %

Показатели	Россия 100	Дальний Восток 100
Валовая продукция промышленности	113,6	121,8
Валовая продукция сельского хозяйства	101,9	117,1
Капитальные вложения	163,0	111,4
Розничный товарооборот	167,5	137,3
Платные услуги	155,8	116,0
Основные фонды	150,1	130,4

Источник: Социально-экономическое развитие и эффективность управления Сахалинской области в 1991-1993 гг. Экономический анализ. – СОПС, 1993. – С. 6.

В отраслевой структуре промышленности преобладала лесная и пищевая (за счет рыболовства) отрасли. Причем первая более чем в пять, а вторая – более чем в два раза превышали удельные веса этих отраслей в среднероссийских показателях. Нарастала мощность топливная промышленность. Действовали предприятия строительных материалов и электроэнергетики. Остальные отрасли практически не были развиты. Отставание даже от средних дальневосточных показателей по машиностроению превышало пять раз.

Развитие сельского хозяйства ограничивалось климатическими условиями, а также отсутствием значительных ресурсов земель, пригодных для крупного товарного земледелия. Тем не менее, основными продуктами земледелия, кроме зерна и животноводства, область обеспечивала собственные потребности.

В этот период Сахалин начинает терять свое преимущество по заработной плате. Растут субвенции областному бюджету. В 1993 году они в расчете на одного жителя были наибольшими в регионе.

Учитывая, что направления миграционных потоков определяются значительными преимуществами доходов принимающих регионов против средних по стране, в Сахалинской области начинают складываться отрицательные демографические тенденции: резко падают коэффициенты естественного и миграционного прироста населения (рис. 1).

Смена парадигмы управления в России от административной системы управления к рыночной, процессы демократизации принесли гражданам права и свободы, распад СССР; приобщение к технологической, электронной и информационной революциям полностью изменило российский образ жизни.

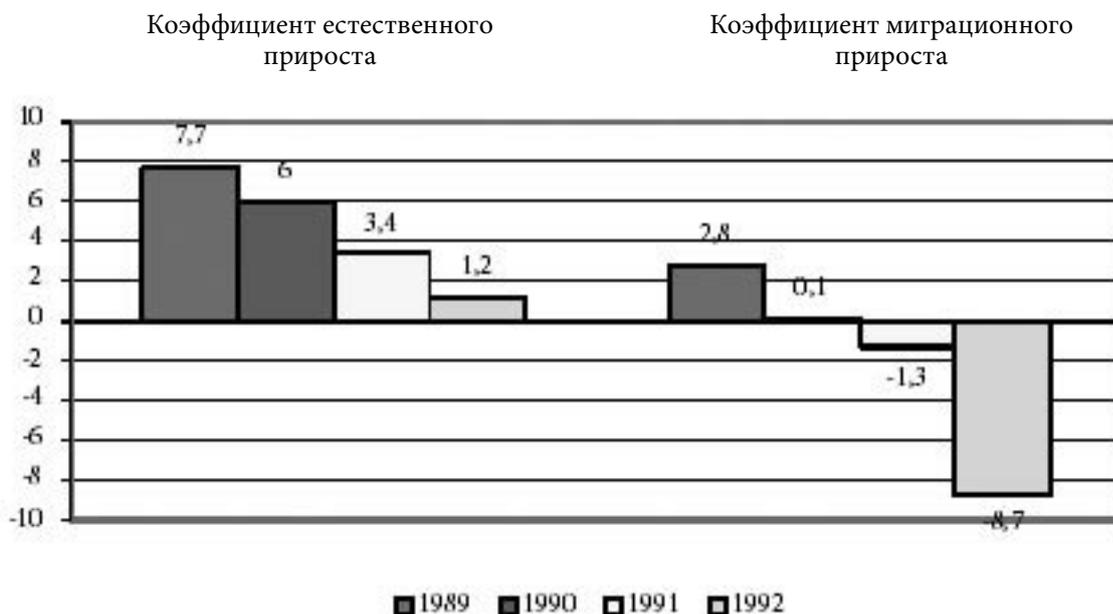

Рис. 1. Динамика коэффициентов естественного и миграционного прироста населения Сахалинской области на пороге рыночных преобразований

В результате перехода к рынку российские предприятия получили свободные цены, право выбора поставщиков и потребителей, перспективу выхода на международные рынки. Вместе с тем ужесточилась конкуренция, на отечественном рынке появились зарубежные производители. Последующие рыночные преобразования катастрофически «обвалили» промышленное производство. Наибольшее сокращение в экономике Сахалинской области произошло в лесопереработке (бумага, картон, пиломатериалы), промышленности пищевой (хлеб, мясо, цельномолочная продукция) и производстве строительных материалов (сборные железобетонные конструкции, изделия и др.). Отрасли добывающие (угольная, лесозаготовительная, рыбная), а также жизнеобеспечения (электроэнергетика) сократились в меньшей степени. Рост произошел только в нефтегазодобыче. Благодаря освоению шельфовых месторождений развивается промышленное строительство. В результате в строительстве и промышленности достигнуты наибольшие показатели производства продукции на одного занятого.

Индексы основных экономических показателей Сахалинской области в 2000 году к 1990 году (по сравнению с другими регионами Дальнего Востока) имели более высокие значения только в промышленности. Это объясняется началом работы шельфовых проектов. По остальным показателям, особенно по реальным денежным доходам, область была замыкающей.

Меняется структура экономики Сахалинской области. Наиболее обобщающим показателем, характеризующим успешность той или иной отрасли, является динамика численности занятых в ней работников. Она показывает, что в торговле за период 1990–2000 годов увеличение составило 10,2 тыс. чел. В остальных отраслях наблюдается снижение: небольшое – в жилищно-коммунальном хозяйстве, здравоохранении, сельском и лесном хозяйстве; более значительное – в образовании, культуре и науке (в 1,4 раза), промышленности (1,5 раза), на транспорте и связи (1,6 раза); максимальное – в строительстве (4 раза). Последнее объясняется резким сокращением жилищного и социально-культурного строительства. В абсолютном значении лидирует промышленность, где численность работающих сократилась на 36,1 тыс. чел.

В этот период продолжали снижаться реальные денежные доходы населения. В Сахалинской области в 2000 году они составили 40,4 % к уровню 1993 года. Это было существенно ниже, чем в среднем по России (81,4 %), Хабаровском и Приморском краях (69,4 % и 56,1 %), а также Камчатской области (44,8 %). В результате, в 2000 году с учетом стоимости потребительской корзины реальные денежные доходы населения Сахалина составили 77,6 % к среднероссийскому уровню.

Реализация нефтяных проектов в этот период не сказывается существенно на экономике области. Приведенные в сопоставимый вид доходы консолидированного бюджета Сахалинской области в 2000 году против уровня 1995 года составили 91,2 %.

Все эти негативные процессы ощущает на себе население области и реагирует соответствующим образом. Усиливаются негативные демографические процессы. Растет смертность, снижается рождаемость, усиливается отток населения. В сравнении с другими, взятыми для сопоставления регионами Дальнего Востока, эти тенденции более острые. В результате, в 2000 году население области составило 78,3 % к уровню 1990 года.

Таким образом, 1990-е годы характеризуются усилением сырьевой специализации Сахалинской области с монопродуктовым уклоном (нефть, газ), снижением уровня жизни населения, интенсивным его оттоком и потерей привлекательности острова для россиян-мигрантов.

Следовательно, Сахалин, как и в целом Дальний Восток, встал перед угрозой потери населения в количественном и качественном плане. Особенно это коснулось северных территорий, где условия жизни и труда наиболее экстремальные.

Начало нового тысячелетия ознаменовалось оживлением национальной экономики. Это коснулось и дальневосточных регионов. На Сахалине продолжила динамичное развитие нефтегазодобыча, выросли объемы добычи угля, производства пиломатериалов, сборных железобетонных конструкций и изделий, цельномолочной продукции. Неустойчиво, но развивается рыбная промышленность, включая рыбопереработку. На этом положительном фоне продолжают сокращаться лесозаготовки, свернуто производство бумаги и картона.

Выход на проектные мощности проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2» формирует мультипликативный эффект в экономике области. Он пока не проявляется в полной мере и наиболее заметен в инвестиционной деятельности. Тем не менее, на фоне других регионов Дальнего Востока по индексам роста основных экономических показателей Сахалинская область в 2004 году к 2000 году выглядит весьма впечатляюще. Только по промышленности она не находится в лидерах. Но здесь официальная статистика не учитывает реализацию нефти и газа по соглашению о разделе продукции шельфовых проектов.

Динамика численности занятых в большинстве отраслей экономики области остается нестабильной. В промышленности она продолжает сокращаться. Настораживает подобная тенденция в образовании. В то же время в строительстве наблюдается устойчивая динамика роста. Начинает складываться дефицит рабочих кадров.

Аналогичные тенденции формируются в отраслевой структуре экономики Сахалинской области. В промышленности основными остаются топливная и пищевая отрасли. В первой динамика понижательная, во второй – неустойчивая. В целом на них приходится 79,5 % всех работающих. Восстанавливается промышленность строительных материалов. Благоприятная динамика в электроэнергетике. К сожалению, продолжает снижать свою воспроизводственную роль в экономике области лесная индустрия.

Общим негативным фактором развития промышленности Сахалинской области является высокая степень износа основных промышленно-производственных фондов базовых отраслей (рыбной, лесной, электроэнергетики, транспорта). Вкупе с отставанием производственной инфраструктуры, особенно транспортной, высокими тарифами на электроэнергию, растущим дефицитом трудовых ресурсов это снижает технологический уровень производства и подрывает конкурентоспособность областной экономики.

Рассматриваемый период характерен для области реализацией нескольких крупных проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2», прокладкой газопровода на юг острова и строительством завода по сжижению природного газа, расширением сети магистральных нефтепроводов на материк. Усиливаются кооперационные связи с Хабаровским краем.

Оживление экономики положительно сказалось на росте доходов бюджета области. Растет реальное его наполнение. В 2004 году в сопоставимых оценках они были выше 2000 года на 35,5 %. Вместе с тем, усиливается социально-экономическая дифференциация муниципальных образований. Несмотря на развитие социальной инфраструктуры, в большинстве районов она не соответствует общероссийским стандартам.

Формирование условий комфортного проживания в городах Дальнего Востока не простая задача. Сегодня они не отвечают потребностям значительной части жителей, что, в конечном счете, оборачивается сокращением населения. Человеческий фактор является ключевой составляющей экономического развития и вносит кардинальные поправки в стратегические планы. Сведения о намерениях, мотивах, жизненных ценностях и установках людей, а также другая информация качественного характера необходимы для формирования постоянного населения.

Проведенные социологические исследования в Хабаровске, Южно-Сахалинске и Комсомольске-на-Амуре в рамках разработки стратегических планов их развития до 2025 года позволили выявить социальные настроения местных жителей, проблемы, с которыми они сталкиваются и от решения которых зависит желание остаться или переехать в другое место.²⁸

В настоящее время демографические показатели Сахалинской области улучшаются, хотя и остаются в минусе. По коэффициенту естественного прироста населения она находится на уровне Приморского и Хабаровского краев, уступая Камчат-

ской области, а по коэффициенту миграционного прироста (как и Камчатская область) проигрывает южным регионам Дальнего Востока.²⁹

Стратегическими идеями, способными перевести Дальний Восток на траекторию устойчивого развития, являются: формирование на юге Дальнего Востока постоянного населения, использование фактора внешней торговли как импульса реструктуризации экономики, создание зон интенсивного развития на основе территориально-производственных кластеров.^{30, 31}

Одной из таких идей является развитие на Сахалине международных нефтегазовых проектов. Благодаря этим проектам Сахалинская область формирует новые факторы ускоренного экономического развития. И они осязаемо проявляют себя в высоких темпах роста производительности труда – выработке валового внутреннего продукта в расчете на одного занятого в экономике. Уже в 2004 году она составила более 320 тыс. руб. против 140, 190 и 180 тыс. руб. соответственно в Приморском, Хабаровском краях и Камчатской области. Причем так же, как и в Приморском крае, траектория этого показателя наиболее благоприятная.

В последние годы валовой региональный продукт Сахалинской области формируется, в основном, за счет таких отраслей промышленности, как нефтегазовый комплекс, топливно-энергетический комплекс (угольная промышленность и электроэнергетика), рыбная и пищевая промышленность, строительство и индустрия строительных материалов, а также транспорт, связь и потребительский рынок. На территории области закончено строительство завода по сжижению природного газа и создана соответствующая инфраструктура, что позволило получить дополнительные рабочие места.

В настоящее время развитие региональной экономики создало благоприятные условия для повышения уровня жизни населения Сахалинской области. Так, например, в 2010 году среднедушевые доходы сахалинцев и курильчан составили 30,8 тыс. руб. (в 2006 году – 16,2 тыс. рублей) и превысили величину прожиточного минимума в 3,5 раза.

В целом, уровень бедности в регионе по итогам 2010 года снизился и составил 11,1 % (в 2006 году – 15,8 %).

Развитие региональной экономики привело к росту численности занятого населения. При этом уровень зарегистрированной безработицы в 2010 году составил 1,2 % (что в два раза меньше общероссийского показателя).

²⁸ Заусаев, В. К. Селитебные центры Дальнего Востока – основа формирования постоянного населения / В. К. Заусаев, В. П. Михалев, И. Г. Минервин, Г. И. Бурдакова // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 71–77.

²⁹ Быстрицкий, С. П. Дальний Восток России: становление новой экономики / С. П. Быстрицкий, В. К. Заусаев, Ф. В. Хорошавин. – Хабаровск : изд-во ДАГС, 2008. – С. 130–141.

³⁰ Там же. С. 233–288.

³¹ Заусаев, В. К. Российский Дальний Восток: ответы на новые вызовы XXI века / В. К. Заусаев, С. П. Быстрицкий, А. В. Хорошавин, Г. И. Бурдакова // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. – 2009. – № 6. – С. 53–63.

В 2010 году объем валового регионального продукта, произведенный в Сахалинской области, по оценке, возрос на 38,1 % к уровню 2006 года. При этом в истекшем периоде Сахалинская область занимала ведущее место в России по производству валового регионального продукта в расчете на душу населения (объем ВРП на душу населения в 2010 году составил 912,5 тыс. рублей, в 2006 году – 317,2 тыс. рублей).

Развитие действующих и формирование новых производств, масштабное технико-технологическое обновление, а также формирование полноценных отраслевых кластеров будут способствовать росту выпуска конкурентоспособной продукции и потребуют роста высоко-квалифицированного кадрового потенциала.

В связи с периферийной, островной спецификой региона для обеспечения устойчивого развития экономики и социальной сферы Сахалинской области остро стоит вопрос подготовки и закрепления высококвалифицированных кадров.

Анализ особенностей функционирования высшей школы в Сахалинской области позволяет оценить ее потенциал в аспекте повышения качества жизни населения, поскольку возможности удовлетворения запросов личности в знаниях и качественном образовании являются одним из важнейших показателей самого понятия качества жизни.³²

Рост конкуренции среди вузов на рынке образовательных услуг в условиях спада демографического положения в стране приводит к дополнительному оттоку молодежи из региона. Игнорировать эти внешние вызовы и угрозы невозможно. Их объективное существование, таким образом, повышает роль местных вузов и отводит важное значение в решении данного вопроса Сахалинскому государственному университету как основному образовательному учреждению Сахалинской области, обеспечивающему подготовку и переподготовку кадров по широкому спектру образовательных программ. Степень ориентированности образовательных программ на рынок труда становится ключевым показателем эффективности высшего образования и качества подготовки. Ориентированность на рынок труда реализуется через систематизированное взаимодействие образования и работодателей и формализуется в виде критериев и требований к выпускникам с точки зрения их те-

кущей практической пригодности к занятости.³³

Основанием подготовки конкурентно способных специалистов, мыслящих инновационно, является модернизация системы образования. Она выражается: в интеграции учебного процесса с наукой и производством; концентрации усилий на сохранение и воспроизводство научных и научно-педагогических кадров³⁴; в выполнении научно-исследовательских работ, способных обеспечить инновационный подход к новой структуре экономики области; в решении актуальных задач ресурсосбережения и охраны окружающей среды; в формировании интеллектуальной, нравственной, физически здоровой личности, способной найти свое призвание, обеспечить качество своей жизни.

Анализ современного развития экономики Сахалинской области³⁵ показывает возможные движения по следующим направлениям: сырьевому – либеральному и консервативному, патерналистскому и инновационному. Реальное же развитие будет осуществляться по ним в разных пропорциях в зависимости от целевых установок федеральных и региональных властей. Исходя из этого, приведем два прогнозных варианта. Первый, инерционный – будет нести в себе, в основном, тенденции первых трех сценариев, испытывая максимальное влияние иностранных компаний («Сахалин-1», «Сахалин-2»), которые уже вложили десятки млрд долл. США в развитие нефтегазового комплекса области и определили в не меньшем объеме свою инвестиционную программу на перспективу. Но свою роль начали играть и две федеральные целевые программы («Дальний Восток и Забайкалье», «Курилы») суммарные инвестиции которых на 2008–2015 годы определяются в размере 82,9 млрд руб.

Положительные результаты реализации проектов «Сахалин-2» простимулировали привлечение в область российских компаний, которые приступают к разработке нефти и газа по проектам «Сахалин-3» – «Сахалин-9». Однако эффект от их действий в виде добычи и реализации нефти и газа появится не ранее 2015 года. Таким образом, сформированный и рассчитанный инерционный прогноз включает в себя основные параметры трех сценарных вариантов, взвешенных по их ожидаемому удельному весу в развитии экономики Сахалинской области.

При прогнозировании валового регионального

³² Мисиков, Б. Р. *Возможность получения высшего профессионального образования как фактор повышения качества жизни населения Сахалинской области* / Б. Р. Мисиков // *Качество жизни как цель и условие интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе : сборник научных статей международной научно-практической конференции – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2006. – С. 145–150.*

³³ Мисиков, Б. Р. *Профессиональное образование и рынок труда Сахалинской области: реалии и прогнозы: монография* / Б. Р. Мисиков, Л. Е. Власова, А. Б. Мамбетова, Н. Б. Сурков. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. – 160 с.

³⁴ Минервин, И. Г. *Концептуальный подход к построению компетентностной модели профессиональной деятельности современного педагога* / И. Г. Минервин, Л. И. Рублева // *Психология обучения. – № 3. – 2011. – С. 10–23.*

³⁵ Заусаев, В. К. *Город в системе стратегического планирования региона : монография* / В. К. Заусаев, И. Г. Минервин, Н. М. Горбунов, С. П. Быстрицкий. – Хабаровск : изд-во ДВАГС, 2009. – С. 328–335.

продукта (ВРП) Сахалинской области³⁶ за основу брались тренды инвестиций в основной капитал (И) и численности занятых (Т). Тесная связь этих показателей проявляется в 1998–2005 годах, то есть в период начала экономической стабилизации области. Расчетная формула для прогноза имеет следующий вид:

$$\text{ВРП} = \text{И}^{0,3} * \text{Т}^{0,7} * 75,6,$$

где 0,3 и 0,7 – коэффициенты эластичности по инвестициям и труду. При расчете прогнозных вариантов коэффициенты изменялись. Так, при инерционном прогнозе коэффициент эластичности складывался из средневзвешенной оценки по трем вышеотмеченным сценариям. В силу сохранения в ближайшие годы сырьевой либеральной ориентации и значительных темпов наращивания ресурсодобычи, в расчетах принят высокий коэффициент эластичности по инвестициям, который достигнет к 2020 году значения 0,41. Опыт реализации шельфовых проектов позволил задать годовые темпы роста производительности труда 6,5 %, в результате чего численность занятых к концу прогнозного периода останется на уровне 2005 года (278 тыс. чел.). Широкое распространение получила иностранная, а также высококвалифицированная рабочая сила из других регионов страны. Инвестиционная деятельность российских компаний активизируется лишь к 2015 году. До этого момента сфера приложения труда жителей области в нефтегазовом комплексе останется востребованной в незначительной степени. Вместе с тем, усиление моноспециализации области создает существенные трудности для формирования здесь устойчивой социохозяйственной системы в долгосрочной перспективе.

Второй рассчитанный вариант – оптимистический, являющийся моделью желательного развития Сахалинской области, стремлением к достижению наилучших показателей. Это задача, решение которой предполагает значительный скачок в экономическом и социальном развитии. Планируемые по Сахалинской области результаты уже достигнуты в некоторых регионах Российской Федерации (Республика Башкортостан, Нижегородская и Белгородская области).

Таким образом, оптимистический прогноз развития экономики Сахалина сформирован на основе гипотезы о начале реализации инновационного сценария³⁷ и последующем увеличении роли инновационного сектора экономики с 10,0 до 30,0 % в 2020 году. Однако этот вариант будет находиться под сильным влиянием инерционного. Более того, последний будет составлять основу оптимистического.

В силу сохранения по этому варианту высоких темпов развития ресурсодобывающего сектора, а также переработки и социальной сферы здесь обеспечивается значительный рост ВРП. Достигается это за счет инвестиционной активности экономики Сахалинской области в топливно-энергетическом комплексе. Дальнейшая перспектива развития нефтегазовой промышленности Сахалинской области связана с разработкой месторождений на площадях «Сахалин-3» – «Сахалин-5» и др.

Реализация нефтегазовых проектов и разработка новых перспективных площадей шельфа острова создает хорошую основу для формирования и последующей реализации различных инвестиционных проектов, в том числе связанных с глубокой переработкой нефти и газа.

При оптимистическом варианте развития предусмотрено рост объемов производства и в других традиционных отраслях экономики Сахалинской области.

Важным звеном в обеспечении жизнедеятельности островов является энергосистема области. Она характеризуется своей обособленностью от энергетической системы России и соседних дальневосточных регионов, а также внутренней раздробленностью, что существенно влияет на высокие тарифы электрической и тепловой энергии, являющихся важным экономическим фактором в развитии конкурентно способной экономики. Будущее развитие энергетики зависит от газификации южных районов острова. Ускоренный перевод электростанций на сжигание природного газа вместо угля будет способствовать снижению себестоимости электроэнергии и выбросов загрязняющих веществ в атмосферу при наращивании энергомощностей.

Таким образом, ретроспективный анализ социально-экономического развития Сахалинской области показывает ряд важных особенностей, которые необходимо учитывать при формулировании концепции развития области на обозримую перспективу. Так, просматривается постоянный явный и подспудный интерес Японии к Сахалину. В течение всего периода освоения и развития острова между ними были наиболее тесные внешнеэкономические связи. Наибольший интерес проявляется к топливно-энергетическим, лесным и рыбным ресурсам. Многие оставленные Японией в наследство на Южном Сахалине производственные объекты успешно эксплуатировались до начала рыночных преобразований.

В то же время экономика области достаточно сильно, особенно в последние годы, интегрируется с Дальневосточными субъектами. По некоторым направлениям эти тенденции в будущем еще более

³⁶ Заусаев, В. К. *Стратегия устойчивого развития города Южно-Сахалинска до 2020 года : монография* / В. К. Заусаев, С. А. Надсадин, И. Г. Минервин, Н. В. Разанова. – Хабаровск : изд-во ДВАГС, 2009. – С. 71–75.

³⁷ Хорошавин, А. В. *Выбор сценария промышленного развития Сахалинской области* / А. В. Хорошавин // *Регион: экономика и социология*. – 2009. – № 4. – С. 111–121.

усилиются. Можно ожидать, что подобная кооперация позволит сформировать мультипликативный эффект не только в сопредельных регионах Дальнего Востока, но и в Сахалинской области.

Развитие производительных сил Сахалина постоянно нуждалось в подпитке трудовыми ресурсами. В японский период на неквалифицированных работах широко использовалась иностранная (корейская) рабочая сила. Дефицит рабочих наиболее массовых специальностей складывается в настоящее время. В миграционном отношении область объективно проигрывает другим южным регионам Дальнего Востока. Этот фактор будет постоянно выступать сдерживающей силой развития Сахалинской области. Нивелировать его можно внедрением трудосберегающих (инновационных) технологий, формированием высокого качества социального обустройства.

С другой стороны, природно-климатические условия для проживания на Сахалине весьма дифференцированы: от экстремальных на севере до достаточно благоприятных на юге. Японский опыт показал возможность строить на острове высокоэффективное хозяйство. Однако их модель социального развития, основанная на минимальном государственном патронаже, вряд ли приемлема для сахалинцев. Но и прежняя стратегия социалистического развития весьма затратна. Последствия ее – сложившаяся в настоящее время значительная дифференциация в развитии муниципальных образований. Необходимо искать новые подходы к социально-экономическому развитию области, максимально используя преимущества южной части острова, формируя здесь селитебные центры с высоким качеством социального обустройства.

На Сахалине, как ни в одном другом регионе Дальнего Востока, получило широкое распространение искусственное воспроизводство возобновляемых природных ресурсов. Это направление позволяет сделать остров модельным в реализации новых на Дальнем Востоке подходов по устойчивому природопользованию.

Исходя из вышесказанного, формулируются основные лидирующие позиции Сахалинской области. Их можно сгруппировать в четыре блока: природно-ресурсный – топливно-энергетические и воспроизводимые ресурсы моря и леса; географический – близость Японии, Хабаровского, Приморского краев и возможность установления тесных кооперационных связей, создание морских транспортных комплексов; экономический – снижение издержек производства за счет газификации производственной и социальной сфер, импульс роста для российского Дальнего Востока (поставка топливно-энергетических ресурсов и газификация южных территорий и др.); инновационный – внедрение новых технологий добычи минеральных ресурсов, воспроизводства биоресурсов моря и суши, развитие нефтепереработки и газохимии.

Базируясь на преимуществах, а также историческом опыте освоения и развития экономики

острова, Миссией Сахалинской области видится формирование центра интеграции (зоны интенсивных контактов) российского Дальнего Востока и Японии, стратегическими направлениями которого должны стать: формирование экономической политики с Японией на новой модели взаимоотношений двух стран, ориентированной на сопряжение их экономик; создание топливно-энергетического центра Северо-Восточной Азии; превращение острова в трансконтинентальный мост «Япония – Европа» и «Российский Дальний Восток – Япония»; мультипликатор роста Российского Дальнего Востока; воспроизводство и использование на интенсивной основе биоресурсов моря и суши.

Литература

1. Бок, З. К. Корейцы на Сахалине / З. К. Бок. – Южно-Сахалинск, 1993. – С. 28, 29.
2. Быстрицкий, С. П. Дальний Восток России: становление новой экономики / С. П. Быстрицкий, В. К. Заусаев, Ф. В. Хорошавин. – Хабаровск : изд-во ДАГС, 2008. – С. 130–141.
3. Василевский, А. А. Каменный век острова Сахалин / А. А. Василевский. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное издательство, 2008. – С. 96, 249–247, 231–242.
4. Заусаев, В. К. Город в системе стратегического планирования региона : монография / В. К. Заусаев, И. Г. Минервин, Н. М. Горбунов, С. П. Быстрицкий. – Хабаровск : изд-во ДВАГС, 2009. – С. 328–335, 341–347.
5. Заусаев, В. К. Принцип системности в разработке стратегических планов развития муниципальных образований / В. К. Заусаев, А. В. Хорошавин, Н. С. Фролова // Азиатско-Тихоокеанский регион. – 2008. – № 2 (18). – С. 60–71.
6. Заусаев, В. К. Российский Дальний Восток: ответы на новые вызовы XXI века / В. К. Заусаев, С. П. Быстрицкий, А. В. Хорошавин, Г. И. Бурдакова // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. – 2009. – № 6. – С. 53–63.
7. Заусаев, В. К. Селитебные центры Дальнего Востока – основа формирования постоянного населения / В. К. Заусаев, В. П. Михалев, И. Г. Минервин, Г. И. Бурдакова // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 71–77.
8. Заусаев, В. К. Стратегия устойчивого развития города Южно-Сахалинска до 2020 года : монография / В. К. Заусаев, С. А. Надсадин, И. Г. Минервин, Н. В. Разанова. – Хабаровск : издательство ДВАГС, 2009. – С. 71–75.
9. Заусаев, В. К. Южно-Сахалинск – в стратегии развития Дальнего Востока / В. К. Заусаев, С. П. Быстрицкий, И. Г. Минервин, Н. С. Фролова, В. А. Горяйнов // Приоритеты Приморья: интеграция и конкурентоспособность : научные доклады. – Москва, 2007. – № 198. – С. 44–61.
10. История Сахалинской области с древнейших времен до наших дней. – Южно-Сахалинск, 1995. – С. 90, 127, 128, 135.
11. Кузин, А. Т. Проблемы послевоенной репа-

- триации японского и корейского населения Сахалина / А. Т. Кузин // Россия и АТР. – 2010. – № 2. – С. 76–83.
12. Леонов, П. А. Область на островах / П. А. Леонов и др. – М. : Мысль, 1979. – С. 112.
13. Минервин, И. Г. Анализ причин формирования экстремальных ледовых условий в Охотском море. / И. Г. Минервин, В. М. Пищальник, В. А. Мелкий, и др. // Физика геосфер: Седьмой Всероссийский симпозиум, 5–9 сентября 2011 г. – Владивосток : Дальнаука, 2011. – С. 174–182.
14. Минервин, И. Г. Зарубежные исследователи о путях трансформации российской экономики: многообразие подходов, сходство выводов / И. Г. Минервин // Экономические и социальные проблемы России. – 2001. – № 2. – С. 69–119.
15. Минервин, И. Г. Концептуальный подход к построению компетентностной модели профессиональной деятельности современного педагога / И. Г. Минервин, Л. И. Рублева // Психология обучения. – № 3. – 2011. – С. 10–23.
16. Минервин, И. Г. Практическое руководство по стратегии / И. Г. Минервин // Реферативный журнал. – Серия 2. Экономика. – 1997. – № 1. – С. 182–186.
17. Минервин, И. Г. Проблемы совершенствования управления крупными городами (обзор) / И. Г. Минервин, В. М. Рулев // Экономические и социальные проблемы России. – 2000. – № 1. – С. 52–62.
18. Минервин, И. Г. Проблемы межбюджетных отношений на примере города Южно-Сахалинска / И. Г. Минервин // Местное самоуправление в России : сборник статей. – Москва : изд-во «Ось-89», 2003. – С. 213–216.
19. Минервин, И. Г. Пути трансформации российской экономики: оценки зарубежных исследователей / И. Г. Минервин // Россия и современный мир. – 2001. – № 4. – С. 206–221.
20. Минервин, И. Г. Условия формирования сейсмогенных лавин на о. Сахалин / И. Г. Минервин, Н. А. Казаков // Сборник докладов научно-технического семинара совещания «Память и уроки Нефтегорского землетрясения», Южно-Сахалинск, 24–25 мая 2000. – М. : Полтекс, 2000. – С. 125–129.
21. Минервин, И. Г. Финансово-экономическая деятельность администрации Южно-Сахалинска и проблемы регулирования межбюджетных отношений / И. Г. Минервин // Управа. – 2002. – № 9.
22. Мисиков, Б. Р. Возможность получения высшего профессионального образования как фактор повышения качества жизни населения Сахалинской области / Б. Р. Мисиков // Качество жизни как цель и условие интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе: сборник научных статей международной научно-практической конференции – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2006. – С. 145–150.
23. Мисиков, Б. Р. Профессиональное образование и рынок труда Сахалинской области: реалии и прогнозы : монография/ Б. Р. Мисиков, Л. Е. Власова, А. Б. Мамбетова, Н. Б. Сурков. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2010. – 160 с.
24. Постановление администрации Сахалинской области от 11.07.2008 № 203-па «О стратегии социально-экономического развития Сахалинской области на период до 2020 года».
25. Социально-экономическое развитие и эффективность управления Сахалинской области в 1991–1993 гг. Экономический анализ. – СОПС, 1993. – С. 6.
26. Тварковский, Л. С. Охрана живых морских ресурсов Российского Дальнего Востока (вторая половина XIX–XX в.) / Л. С. Тварковский, И. Г. Минервин. – Н. Новгород ; М. : изд-во МНЭПУ, 2002.
27. Хорошавин, А. В. Сахалин как мультипликатор экономического развития Дальнего Востока / А. В. Хорошавин // ЭКО. Экономика и организация промышленного производства. – 2009. – № 1. – С. 97–108.
28. Хорошавин, А. В. Выбор сценария промышленного развития Сахалинской области / А. В. Хорошавин // Регион: экономика и социология. – 2009. –

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

(I тыс до н. э. – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА I тыс. н. э.)

Василевский Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, заведующий совместной Сахалинской лабораторией археологии и этнографии ИАЭТ СОРАН и СахГУ, проректор по науке и инновациям СахГУ. Область научных интересов – археология, четвертичная геология и палеонтология, этнография. Автор более 160 научных работ, изданных в России, Японии, Китае, США и Великобритании.

Грищенко Вячеслав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, заведующий учебным археологическим музеем СахГУ. Область научных интересов: археология Северо-Восточной Азии. Автор и соавтор 30 научных публикаций в отечественных и зарубежных изданиях.

Распространение железа и бронзы в долине реки Амур позволяет прямо ставить вопрос об эпохе древнего металла и на Сахалине. Точно так же ареал влияния культуры раннего железа Японии Яей на о. Хонсю позволяет ставить вопрос о раннем железном веке Хоккайдо и Курильских островов. Еще дальше на север, на Камчатке, на хронологическом рубеже неолита и раннего железа сформировалась древнеителменская культура. По сути, народы Сахалина, Хоккайдо и Курил в эпоху раннего железа оказались в своеобразном коридоре между двумя мирами металлургов и земледельцев. В эпоху раннего железа островные и полуостровные районы Северо-Восточной Азии становятся периферией древних цивилизаций.

На юге региона начинается ускоренное развитие земледельческого центра, на его фоне становится отчетливым технологическое и культурное отставание далекой периферии, игравшей на тот момент вторичную роль по сравнению с древними цивилизациями. Отставание выражалось в замедлении трансформации традиционного образа жизни населения Сахалина, Хоккайдо, Хонсю, Курил, Камчатки и более далеких северных регионов. В то же время в соседствующих южных регионах развитие производящей экономики и металлургии, а, следовательно, и связанных с ними инноваций железного века шло ускоренными по сравнению с островным миром темпами.

Ранний железный век – это племенные союзы и ранняя государственность, ремесло и торговля, древние города, отделение умственного труда от физического, зарождение письменности, формирование системных религий, философии, медицины и т. д. Но все это имело место преимущественно в зоне производящей экономики на континенте. На островных территориях внедрение производящей экономики было затруднено ввиду низкого уровня технико-технологического развития, неблагоприятного климата, отсутствия традиций земледелия

в критической зоне и обилия ресурсов присваивающей экономики прибрежного типа. Обилие рыбы позволяло создавать довольно устойчивые сообщества островитян. Тем более что продукты земледелия и металлургии в нужном количестве можно было получать от соседей путем обмена.

Отсутствие острой необходимости в развитии металлургии не способствовало поступательному развитию техники, хозяйства и общества. Но процессы постепенного внедрения в жизнь достижений древней металлургии и производящей экономики, хотя и значительно медленнее, чем на континенте, все-таки имели место на островах. Ученые считают, что в то время как в соседних регионах возникали первые государства, здесь господствовали родоплеменные отношения. Культурное влияние соседствующих цивилизаций на население Сахалина и Курильских островов в эпоху раннего железного века выражалось в том, что на острова с континента поступали готовые изделия из железа и бронзы. Затем островитяне осваивают технологию обработки черных и цветных металлов холодной и горячей ковкой. Отдельные находки железа и трубки для подачи воздуха в печь на стоянках I тысячелетия до н. э. на Сахалине позволяют предполагать это. О сыродутном производстве железа в это время на Сахалине, Курилах и Хоккайдо пока ничего не известно. Здесь следует говорить о кузнечном ремесле, не более.

Хронологические рамки раннего железа на Сахалине определяются датировками сусуйской [Васильевский, Голубев, 1976; Василевский, 2002] набильской и пильтунской [Василевский и др., 2010] культур и началом эпохи средневековья, то есть от V века до н. э. до XII века н. э. На Курильских островах ранний железный век наступает несколько позже, не ранее начала новой эры. Там он связан с культурой общности *постдзэмон* востока Хоккайдо и Курильских островов. На севере Курильского архипелага ранний железный век изучен слабо, веро-

ятнее всего, там формировались культуры родственные *древнеительменской* и *постдземонской*, так как острова находятся в зоне постоянного контакта двух территорий – островного и полуостровного мира Северо-Восточной Азии.

Открытие и внедрение железа имело глобальные последствия не только для земледельческого и скотоводческого мира, но и для рыболовов и охотников островов в северной части Тихого океана. Историки отмечают совпадения хронологии, синхронность крупных тенденций, этапов и событий в развитии общества в степном, земледельческом и островном мире, что указывает на формирование центров и периферийных районов мировой системы. Почти так же, как в степном мире, в переходное время и в раннем железе на Сахалине и Курилах хронологически выделяем два более или менее отчетливых хронологических времени (периода): анивское (VIII–III века до н. э.) и сусуйское (V век до н. э. – V век н. э.). Хронологически они почти соответствуют скифской (VII–II века до н. э.), гунно-сарматской (III–II века до н. э. – IV век н. э.) и яейской (III век до н. э. – III век н. э.) эпохам.

Анивская культура (VIII–III века до н. э.)

В ходе общего потепления климата в первом тысячелетии до нашей эры на Сахалин с Хоккайдо переселяются палеоайнские племена – носители традиций историко-культурной общности *дземон*. Их вторжение было ограничено южными побережьями острова Сахалин в рамках Тонино-Анивского полуострова и полуострова Крильон, а также островом Монерон. Одновременно отмечается расцвет и увеличение числа поселений культуры финального *дземона* на о. Хоккайдо и Курильских островах. На Северном и Среднем Сахалине отмечаем существование традиции плоскодонной керамики, представленной на памятниках Ясное 8 [Дерюгин, 2007, 2010] и Кашкалебагш 5 [Грищенко, 2010].

Одним из географических и культурных вариантов общности финального *дземона* – раннего *постдземона* Хоккайдо – Южного Сахалина является анивская культура, названная так в связи тем, что география ее памятников связана с побережьями Анивского залива и Тонино-Анивского полуострова. Для данной культуры характерны поселения из пяти-шести жилищ, располагающихся двумя рядами, либо кольцом. Самый изученный памятник анивской культуры – поселение Южная 2 (рис. 3) – состоит из четырнадцати жилищ. Они располагаются на большой поляне, одно возле другого, формируя разомкнутый круг – подкову, с площадкой посередине. «Подкова» обращена к заливу, что подчеркивает его роль в жизни людей. Два жилища изучены методом археологических раскопок. В них выявлены следы укрепления стен плетнем и обмазки белой глиной, на полу располагался очаг, выложенный валунами и сопровождающийся канавкой. Назначение ее неясно, то ли она отводила от очага воду, капающую с крыши, то ли служила для поступления воздуха к огню. Вход в дом был сделан в виде небольшого внутреннего коридорчика – сеней, пол в нем укреплен камня-

ми, образующими подобие пологого внутреннего крылечка-спуска. Пол располагался на 20–30 см ниже поверхности земли, поэтому такие дома называют полуземлянками. Крыша дома держалась на нескольких опорных и наклонных столбах каркаса, связанных между собой ремнями или веревками из растительных волокон.

Жители поселка пользовались каменными орудиями, основной материал для изготовления копий, ножей, скребков – обсидиан. Применение вулканического стекла характерно для всех поселений анивской культуры. Оно предполагает постоянные контакты и меновую торговлю с носителями культур общности *постдземон* острова Хоккайдо. Находки в жилищах украшений из янтаря – шлифованных подвесок и бус с отверстиями – указывает на отношения с людьми, владевшими крильонскими или стародубским месторождениями «солнечного камня». Глиняная посуда поселения Южная 2 выполнена в характерной для *постдземона* традиции – все сосуды плоскодонные, с выпуклым туловом и украшены типичным декором – косыми веревочными отрисками (рис. 3).

Конечно, по уровню развития технологий эта культура может быть отнесена к финальной стадии каменного века. Но по хронологии (VIII–III века до н. э.) и общим признакам, таким, как тонкостенная керамика, шлифовка тесел, напоминающих металлические образцы, эту культуру, возможно, стоит отнести к переходному периоду от камня к металлу. В ходе своего существования анивская культура сосуществовала с культурами плоскодонной керамики типа Ясное 3 (*тымский* тип) и Кашкалебагш 5, а начиная с середины I тыс. до н. э. с *сусуйской*, *набильской* и *пильтунской* культурами раннего железного века (рис. 1, 2). Сусуйцы поглотили, либо вытеснили с острова носителей анивской культуры. Последние оказали большое влияние на сусуйский керамический стиль. Вместе с тем, не исключено, что на крайнем юге острова сусуйская и анивская культуры соседствовали дольше, чем мы предполагаем.

Набильская культура. Поселения Ныш 1, Чайво-1, Старый Набиль

Понятие *набильская культура*, применяемое для обозначения комплексов остродонной керамики северного Сахалина, впервые применено в 2005 году [Василевский и др., 2005]. С этого времени данное определение, равно как и понятие *пильтунская культура*, описываемая ниже, приходит на смену устаревшему определению *северо-сахалинская культура* [Шубина, Журиховская, 1986], объединявшему в себе все виды тонкостенной северо-сахалинской керамики. Памятники *набильской* культуры представлены крупными поселениями на берегах морских заливов и рек. Примером крупного поселения в речной долине является поселение Ныш 1 «Плоская сопка» в Тымовском районе. Близ этого места река Ныш выходит из распадка в широкую долину Тыми. Поселение располагается высоко над водой – люди боялись наводнений. Западины десятков жилищ хорошо

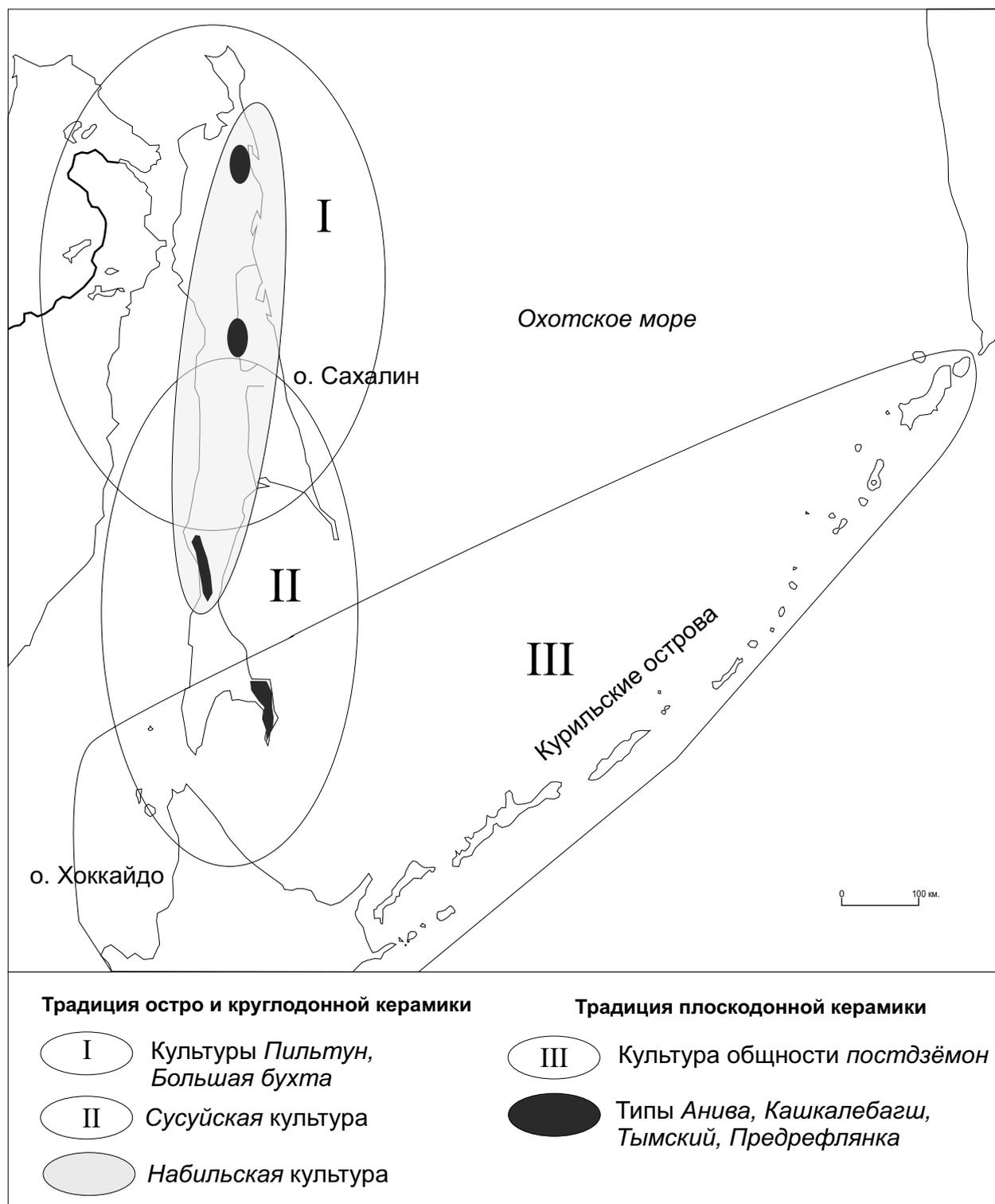

Рис. 1. Карта распространения археологических культур I тыс. до н. э. на острове Сахалин, Курильском архипелаге и севере острова Хоккайдо

Рис. 2. Остров Сахалин. Карта опорных памятников I тыс. до н. э.

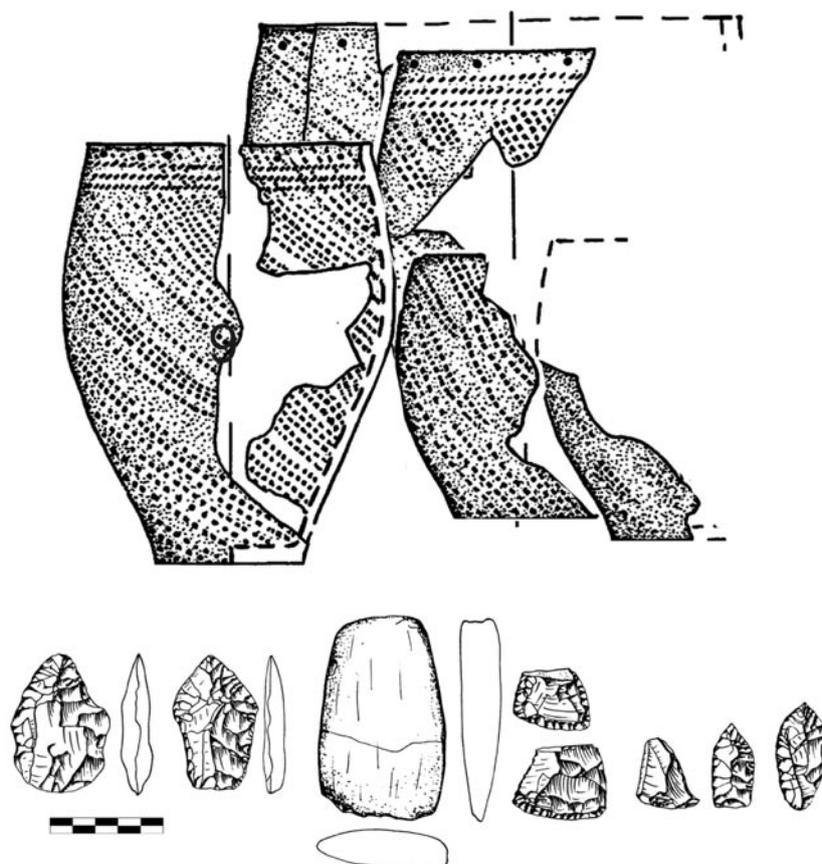
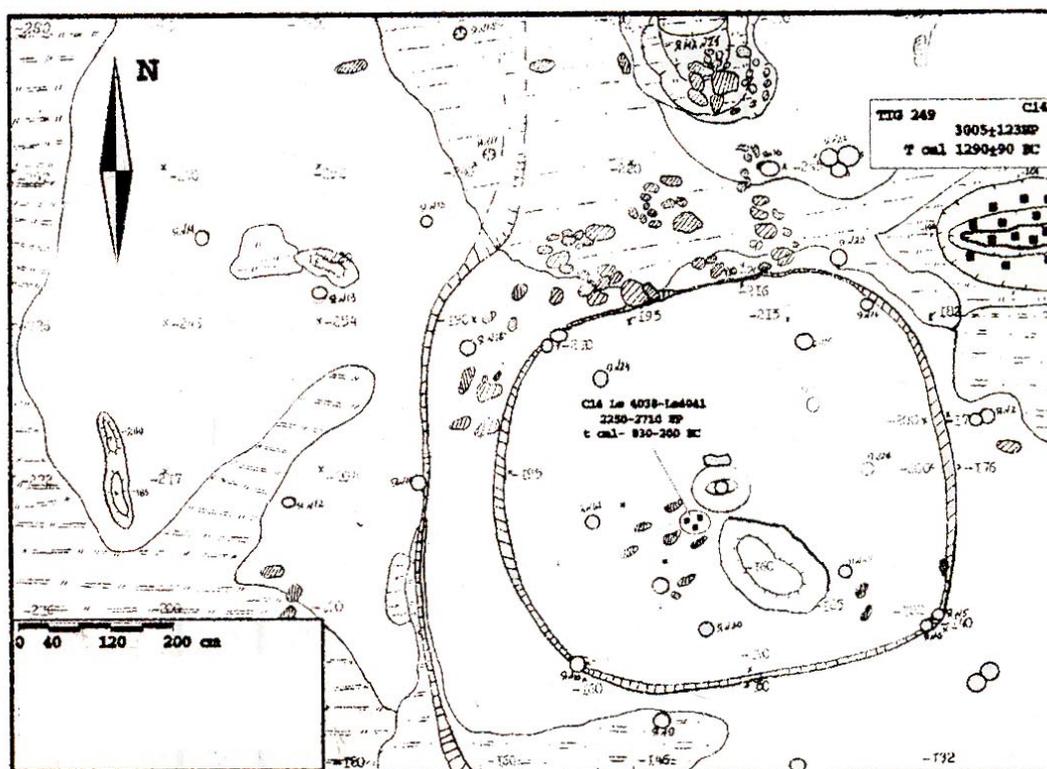

Рис. 3. Жилище и артефакты анивской культуры, поселение Южная 2

видны на поверхности, большинство из них имеет четырехугольную форму. На обрыве у поселения много находок – обломки остродонных сосудов, украшенных гребенчатыми узорами, ножи, скребки и наконечники стрел из красной яшмы.

Такие находки археологи обнаружили на многих поселениях Северного Сахалина, от полуострова Шмидта до села Адо-Тымово (рис. 4). А керамику с оттисками гребня в виде гусениц, параллельных штамповых точечных оттисков и криволинейных узоров находим и в сусуйской культуре, и это одна из самых интересных загадок эпохи раннего железа на Сахалине. В набильской культуре нет шнурового орнамента и горшки приземистее и шире сусуйских. Такая керамика обнаружена и на многослойном поселении Чайво-1.

При раскопках набильских поселений выявлены одно- и двухкамерные полуземлянки четырех- и пятиугольной формы с наземным входом и очагом-козрищем в центре пола. Судя по обнаруженным следам столбовых ямок вокруг дома, у некоторых домов кровля была двухслойной, что объясняется холодным климатом Севера. На поселении Чайво-1 выкопано зимнее жилище, состоявшее из двух камер (рис. 4–6). Северная – большая камера, это четырехугольная, почти квадратная в плане яма размерами 10 x 10 x 0,7 м. Южная камера пятиугольная. Ее размеры: 5 x 3,5–3 x 0,6–0,8 м. Жилище вытянуто по длинной оси в направлении север–юг. Камеры соединялись между собой узким подземным коридором, перекрытым навесом. Этот переход можно считать тоннельным, так как он проходил большей частью под землей. Коридор был узким, человек проходил по нему из одной камеры в другую, касаясь стен плечами. Длина тоннеля – три, ширина – один метр. Очаг расположен в центре северной камеры. Предполагаем его устройство на деревянных плахах. На северо-восточном побережье острова наиболее сильны и опасны юго-восточные ветры. Поэтому острым углом малой камеры дом направлен именно в эту сторону. Предполагаем, что камера служила не только для выхода после зимних буранов, но также для хранения припасов, так как она примыкает к южной части дома и входит в зону интенсивного обитания, на что указывают концентрации находок артефактов именно в этой части сооружения.

Наиболее типична стоянка на полуострове Старый Набиль, приуроченная к берегу протоки, соединяющей одноименный залив с Охотским морем. Она располагается на дюнах, где прямо на поверхности обнаружены древние очаги, а вокруг них многочисленные развалы остродонных сосудов и каменные орудия. Данная стоянка стала эпонимной для определения *набильской* культуры. Стоянка на Набиле по своему расположению и составу типична для раннего железного века. Такие же стоянки обнаружены по берегам большинства морских заливов Сахалина.

Поселение на Плоской Сопке – типичный зимник. Таковы же поселения у сел Адо-Тымово и Ясное Тымовского района. Это основные стойбища,

где их жители проводили осень и зиму. Весной и летом они мигрировали на побережье. Парность стоянок – зимника и летника – в сусуйской и набильской культурах указывает на сезонную специализацию хозяйства, характерную для прибрежных культур эпохи раннего железа. Вероятно, с мая по сентябрь люди жили у моря, кормясь за счет рыбы и сбора дикоросов, не чуждаясь лесной охоты; сентябрь–ноябрь – время заготовки юколы, заготовки ягод и других припасов на зиму. Зимой били нерпу на льду, ловили рыбу сетями и крючками подо льдом, поднимали медведя из берлоги, добывали оленя, пушных зверей. Основу существования составляли запасы юколы из осенней кеты. Таков был хозяйственный календарь большинства народов Северо-Восточной Азии вплоть до начала XX века. Предположительно он был выработан еще людьми эпохи неолита.

Как уже говорилось, в сусуйское время население Сахалина выросло настолько, что часть его продвинулась на юг, завоевав север о. Хоккайдо. Вероятно, время от времени и сусуйцы, и набильцы воевали, как между собой, так и с соседями и с континента, и с островов. Свидетельством этого являются укрепленные поселения этого времени. Вполне вероятно, что они родственны друг другу и имеют общие корни, на что указывает их необычайная близость. Не исключаем, что степень близости данных культур на начальном этапе их расхождения из одного источника в середине I тысячелетия до н. э. можно было бы интерпретировать и как локальные варианты одной культуры. Впрочем, изучение их еще впереди.

Пильгунская культура (V–I века до н. э.)

Поселение Кашкалебагш-2

Пильгунская культура наиболее полно изучена на побережьях заливов Пильгун и Чайво на северо-востоке Сахалина, опорными памятниками являются многослойные поселения Кашкалебагш-2, Чайво-1, Лебединый 1 [Василевский и др., 2010]. Отметим особенности распространения стоянок пильгунской культуры – зимние поселения с долговременными жилищами тяготеют к западным побережьям заливов и устьям лососевых рек. Вероятно, здесь они имели возможность добывать осеннего лосося и заготавливать его на зиму, а также выходить на зимнюю охоту в горы. Сезонные же стоянки, где люди жили в легких летних жилищах, располагались на песчаных косах между заливами и Охотским морем. Залив не был препятствием для людей, напротив, водный путь соединял хозяйственные уголья.

Без сомнения, заливы и реки являлись главной ценностью племен эпохи раннего железа, собственность на этот ресурс свято охранялась. Выдвижение людей на песчаные косы в весеннее и летнее время объясняется и тем, что там проходят маршруты перелетных птиц, туда же от гнуса уходят стада северного оленя, вдоль кос проходят фарватеры, в границах которых мигрируют косяки рыбы. Лосось не сразу идет в реку, сначала он нагуливается в заливе, за ним идут нерпа и сивуч.

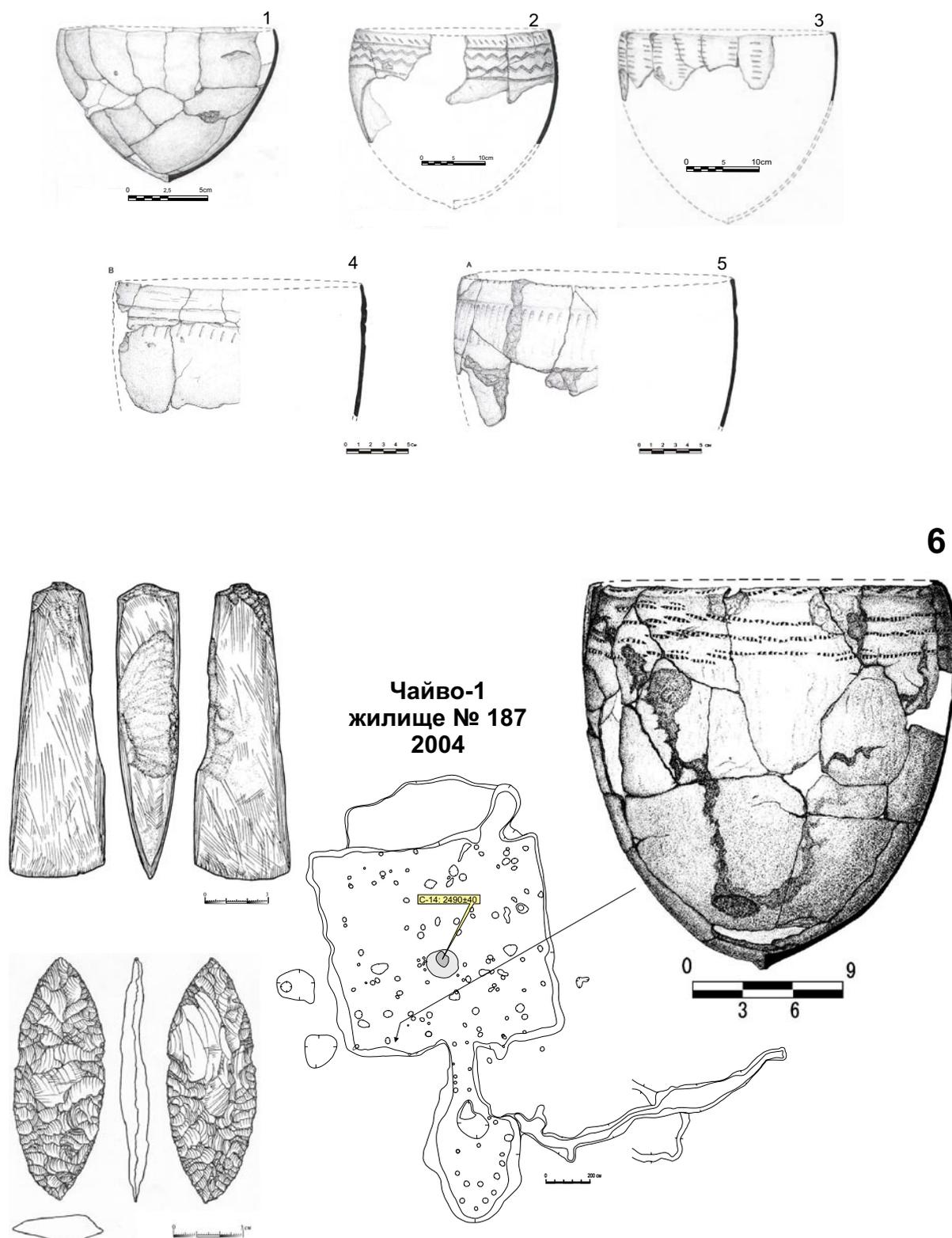

Рис. 4. Жилище и артефакты поселений набильской культуры: Джимдан 5 (1-3), Чайво-6, пункт 1 (4-5), Чайво-1 (6)

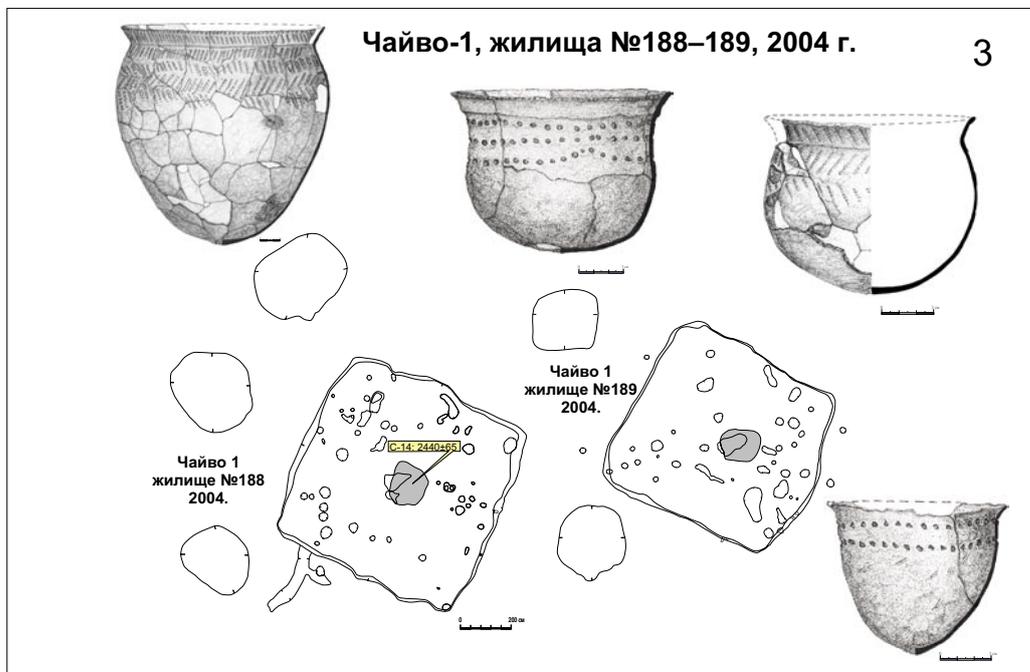
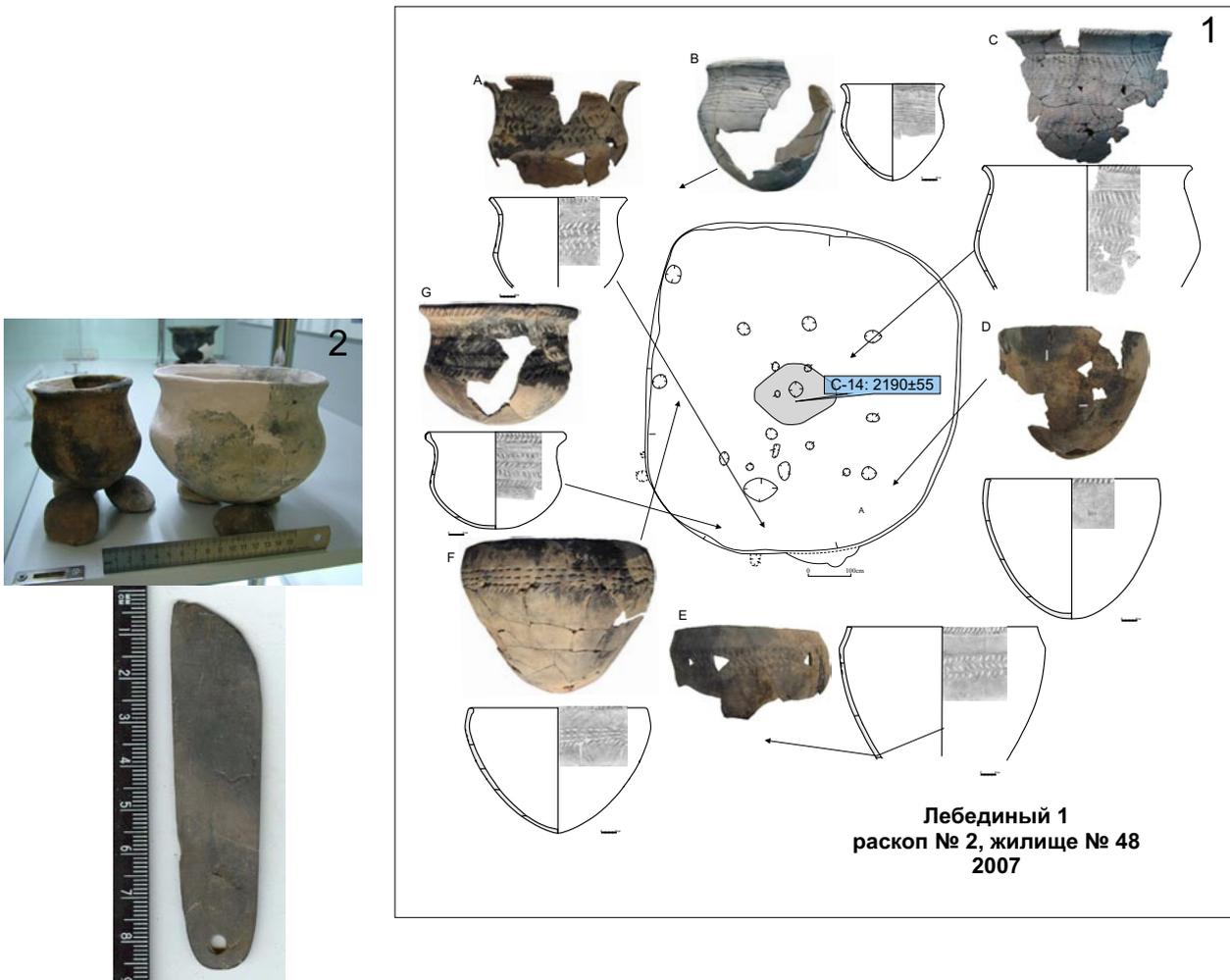

Рис. 5. Жилища и артефакты поселений пильтунской культуры: Лебединый 1 (1), Каишкалебагш 2 (2), Чайво-1 (3)

Рис. 6. Объект № 51 на поселении Лебединый 1

Люди наблюдали природу, они точно знали сроки движения животных, их хозяйственный календарь включал сезонные циклы, в рамках которых можно было безбедно существовать в непростых климатических условиях сахалинского Севера.

На поселении Кашкалебагш 2, а также в нижнем слое поселения Чайво-1 обнаружены западины жилищ-полуземлянок четырехугольной формы, обнесенные невысоким валом (рис. 5). Длина стен этих домов колебалась от пяти до восьми метров. Пильгунские жилища окружали ямы диаметром около двух и глубиной до полутора метров. Обнаружение керамики, а также украшений и каменных орудий в ямах вокруг пильгунских жилищ наводит на мысль о том, что некоторые из них могли служить и в ритуальных целях. Предполагается также устройство пильгунцами погребений курганного типа, подобный объект исследован на поселении Лебединый 1 (рис. 6). Погребение было устроено в котловане неолитического жилища, где культурный слой неолита перекрывался мощной углистой линзой, датированной пильгунским временем, предположительно, это следы кремации; выше устроена насыпь из культурного слоя жилища и ям, расположенных по периметру, в основании кургана прослеживается система опорных столбиков, не связанных с жилищем, – возможно это остатки помоста для совершения обряда кремации (рис. 7, 8).

Относительно ям по периметру пильгунских жилищ, существует мнение, что это ямы для хранения припасов – не случайно в некоторых из них найдены керамические сосуды. В горшке, найденном в яме на поселении Кашкалебагш 2, обнаружена вязкая масса черного цвета. Полоски этого вещества находим на керамике пильгунской культуры, использованного в качестве клея для трещин стенок сосуда. Предположительно он изготовлен из смолы с какими-то неизвестными нам примесями, допустим, рыбьим клеем или лососевой икрой. Клей, подобный пильгунскому, встречаем и на остродонных сосудах набильской культуры. Из этого факта проистекает два вывода. Во-первых, керамика раннего железного века на Северном Са-

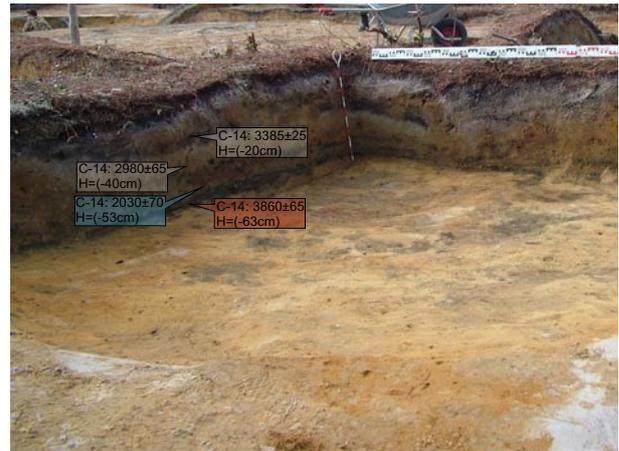

Рис. 7. Разрез курганной насыпи с датировками слоев, объект № 51 на поселении Лебединый 1. Нижняя дата (-63 см) соответствует возрасту неолитического жилища, образец, взятый выше (-53 см) – возрасту кремации, даты из уровней -40 см и -20 см соответствуют композиционному характеру курганной насыпи

халине была крайне непрочной – качественное сырье было неизвестно пильгунским гончарам. Поэтому-то и приходилось проклеивать трещины на сосудах для хранения сыпучих тел. А во-вторых, бытование одной и той же технологии скрепления сосудов клеем на керамике пильгунской и набильской культуры указывает на их сосуществование.

Последнее обстоятельство подтверждает и взаимное наложение радиоуглеродных дат обеих культур. Радиоуглеродные даты ограничивают существование пильгунской культуры – с VI века до н. э., а набильской – с X века до н. э. до I века н. э. Фактическая длительность этих культур должна быть меньше, но нельзя не отметить совмещения их хронологических рамок в диапазоне VI–I веков до н. э. Это означает, что в середине I тысячелетия до н. э. племена носителей пильгунской и набильской культур соседствовали. Кроме того, не исключена возможность неоднократного волнообразного проникновения на территорию острова носителей традиций остродонной и круглодонной керамики на протяжении всего I тысячелетия до н. э. В пользу этого тезиса говорит и тот факт, что довольно часто слои набильской и пильгунской культур перестигаются в рамках одного поселения. Дополняет картину находки на острове Сахалин круглодонной керамики, отличной от керамики пильгунской культуры как по технологии изготовления, так и по композициям орнамента. Этот керамический тип получил на нижнем Амуре название «керамика большебухтинского типа» [Шевкомуд, 1992]. Данная керамика зафиксирована на северо-западном побережье острова (стоянка Кефи) (рис. 9) и в районе озера Невское (Западное 10, Донское 3, Бердянские 2) (рис. 10). Отсутствие датировок этой керамики и подробно опубликованных данных, позволяют предварительно включить эти находки в круг памятников I тысячелетия до н. э., однако типологически можем констатировать от-

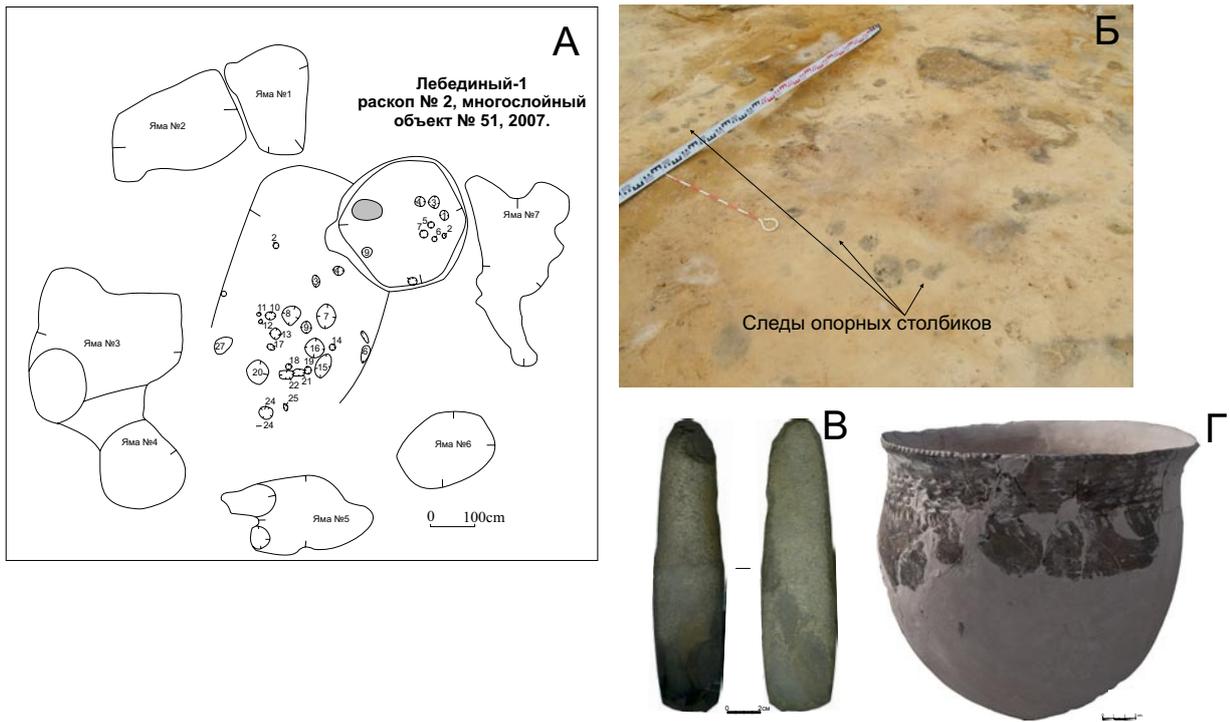

Рис. 8. План курганного погребения в неолитическом жилище на поселении Лебединый 1 (А), следы конструкции в основании кургана (предположительно помост для кремации) (Б) и артефакты пильтунской культуры из этого объекта (В, Г)

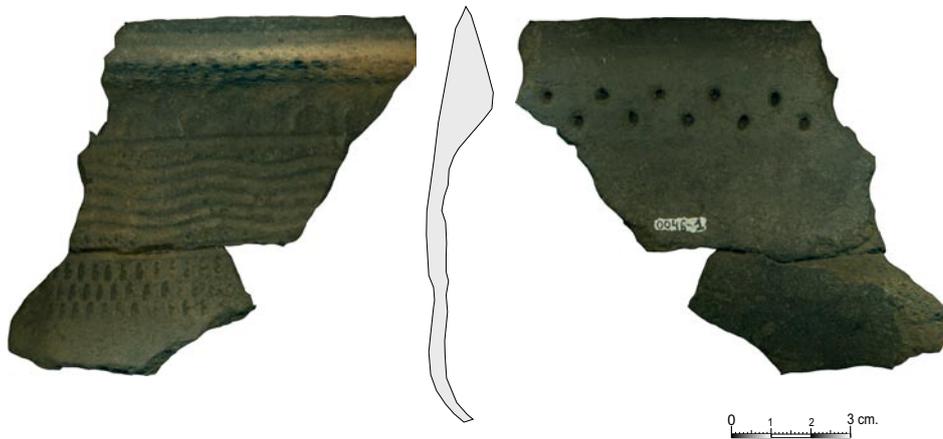

Рис. 9. Керамика со стоянки Кефи (Высокий Бугор)

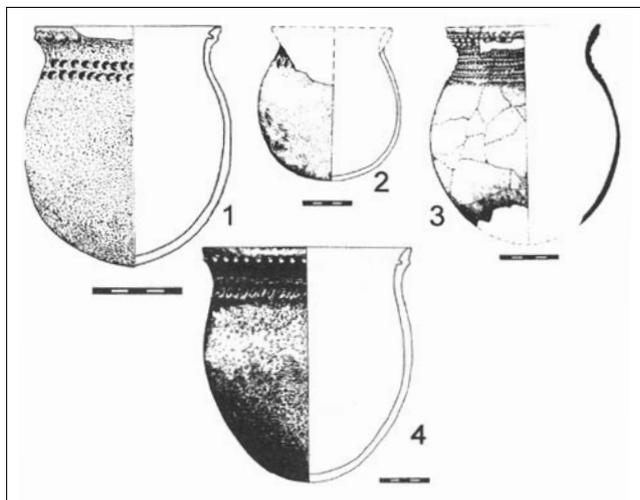

Рис. 10. Керамика поселений Западное 10 (1), Донское 3 (2, 4), Бердянские 2 (3) (по: Федорчук, 2002)

личие *большебухтинской* керамической традиции от *пильтунской* и поставить вопрос о более разном содержании круглодонной керамической традиции на Сахалине.

Дальнейший вектор движения пришлого населения на острове связан с проникновением в южную его часть и формированием оригинальной культуры, несущей в себе признаки северного (материкового) влияния – *набиль*, *пильтун* и южного (островного) – *эпидземон* влияния. Этот продукт эклектики получил в литературе название *сусуйская* культура.

Сусуйская культура (V век до н. э. – V век н. э.)

Сусуйская культура возникла на стыке двух миров – южных островов Японского архипелага и северных побережий Сахалина [Василевский, 2002]. Первый представлен культурами позднего дземо-на – раннего постдземо-на (например, *анивской*), второй – *пильтунской* и *набильской* культурами. Самая яркая ее черта – остро- и круглодонная керамика, черты, характерные в широком смысле для бронзового и раннего железного веков Восточной Сибири. Эта традиция указывает на север. Вторая, противоположная первой традиции – *шнуровой* орнамент – указывает на юг – в зону *шнуровой* керамики Японского архипелага и Курил.

Название «сусуйская культура» получила по ее самой известной стоянке, расположенной в устье реки Сусуя. Территориально сусуйская культура занимала большую часть Сахалина и была известна на крайнем севере о. Хоккайдо. Находки керамики типа Сусуя также известны на Нижнем Амуре и у юго-западного побережья о. Хоккайдо, на острове Окусири. Ядро формирования сусуйских культурных традиций связано с южной частью о. Сахалин.

Сусуйская культура, сформировавшаяся на Южном Сахалине, в V–IV веках до н. э. поглотила постдземо-наские культуры и расширила свою территорию на юг, захватив северную часть о. Хоккайдо, а также острова Монерон, Ребун и Рисири. О влиянии сусуйской культуры на север говорит то, что характерная остродонная керамика с веревочным оттиском найдена на стоянке Малая Гавань на Нижнем Амуре. Что же отражает этот археологический феномен? Вероятнее всего, сусуйская культура – не что иное, как вещественное отражение существовавшего в V веке до н. э. – V веке н. э. союза палеоазиатских племен, сложившегося на стыке континентального и островного мира Северо-Восточной Азии. На Сахалине и Хоккайдо известно около 50 стоянок и поселений этой культуры. Все они связаны с морским побережьем. Самые известные из них – это Стародубское 2, Кузнецово 1, Озерск 1, Белинское 1, Усть-Айнское 1, Чиркова 1 (Сахалин), Онкороманай (Хоккайдо).

Но самой изученной является Сусуйская стоянка [Васильевский, Голубев, 1976], расположенная в устье одноименной реки на берегу бухты Лососей

залива Анива. На Сусуйской стоянке обнаружены целые слои, сформированные раковинами моллюсков. В них найдены кости нерпы, сивуча, кита, оленя, медведя, птиц и рыб. Эти раковинные кучи образовались во время обитания стоянки людьми. Благодаря присутствию большого количества природной извести в них сформировалась нейтрально-щелочная среда, которая замедляет разрушение почвенными кислотами древних предметов из органических материалов. На стоянке обнаружены костяные гарпуны, остроги, футляры для иглолок, наконечники стрел, шилья, рыболовные крючки, а также характерные глиняные сосуды с острым, круглым и плоским дном (рис. 11), каменные рыбные ножи с изогнутым лезвием и вытянутой рукоятью, копья, скребки с округлым и прямым рабочим краем, шлифованные топоры, расщепляющие массивные тесла, долота.

Индустрия обработки камня в сусуйское время достигла своего апогея, люди могли изготовить любое нужное им орудие. На полу жилища на поселении Усть-Айнское был найден железный нож с рукоятью из рога оленя, а на поселении Чиркова-1 – несколько неопределимых корродированных железных предметов. Трудно сказать, когда сусуйцы начали обрабатывать железо, ведь древняя металлургия – наименее изученный вопрос доисторического прошлого на Сахалине. Еще одним свидетельством того, что сусуйцы хорошо знали металл, являются изменения в способах обработки камня. Например, каменные топоры сусуйской культуры имеют гладкую шлифованную поверхность и четкое четырехугольное сечение с прямыми углами, характерные для орудий из железа и бронзы. Поселения сусуйского времени состояли из нескольких больших полуподземных домов. Обычно летники располагались на песчаных косах в устье реки в непосредственной близости от берега моря. Зимние поселки отстояли чуть поодаль от берега моря, в закрытых от штормовых ветров долинах.

По нашим подсчетам, в каждом поселке жило до 150–200 человек. Сусуйское население в лучшие годы могло составлять до 20–25 тысяч человек. Южными соседями сусуйцев были племена протоайнов, а северными – палеоазиаты – носители *набильской* культуры. Пока еще неясно, на что указывают многочисленные находки круглодонной и остродонной керамики с гребенчатыми оттисками на сусуйских поселениях. Они могут, с одной стороны, указывать на культурное влияние, а с другой, на прямое вторжение северных – *набильских* племен на юг. Вопрос открыт.

Острожек Асанай. Противостояние Сусуи и Постдземо-на

Недалеко от города Невельска на берегу Татарского пролива располагается острожек сусуйского времени Асанай-часи.¹ Несмотря на современную

¹ Асанай – старое название поселка Заветы Ильича в Невельском районе. «Часи» означает по-айнски «укрепленное место». Хотя Асанай и не типичная айнская крепость, но так называл этот памятник культуры его первооткрыватель – японский археолог из г. Хонто (Невельск) Кимура Синроку.

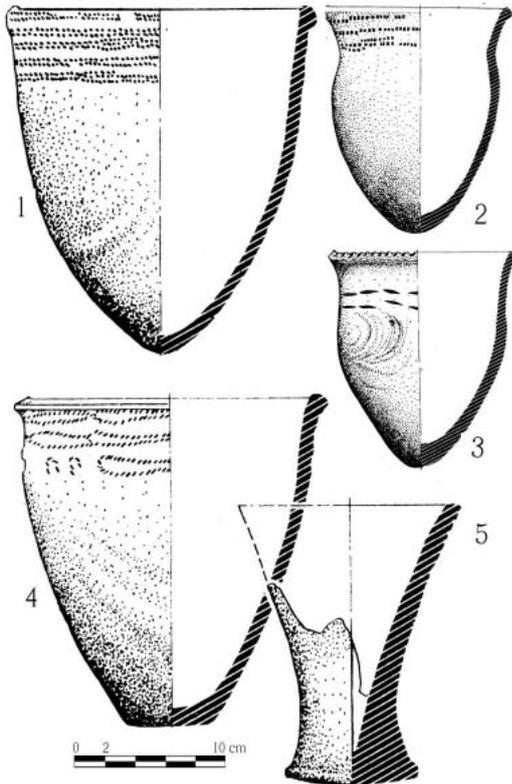

Рис. 11. Керамика сусуйской культуры
(по: Васильевский, Голубев, 1976)

Рис. 12. Втульчатый наконечник копья из железа,
острожек Асанай-часи

застройку, здесь отчетливо видны следы валов и рвов. А со стороны моря он защищен неприступным обрывом. На этом памятнике обнаружены находки керамики сусуйского типа, каменные ножи, топоры и наконечники стрел, а также втульчатый наконечник копья, изготовленный из железа (рис. 12). Трудно сказать, к какому времени относится последняя находка, скорее всего, она была оставлена на острожке позднее, в эпоху средневековья, но все остальные находки типичны для сусуйской культуры. Известны десятки укрепленных поселений сусуйского времени и эпохи средневековья, на которых находим следы простейшей фортификации. В сусуйское время наибольшее число укрепленных поселений располагалось на границе с постдзёмонскими племенами протоайнов на крайнем юго-западе Сахалина. Это означает, что отношения между соседями были чрезвычайно обостренными и нередко заканчивались войной. Экспансия сусуйской культуры хорошо прослеживается по расширению зоны находок сусуйской керамики от Нижнего Амура до острова Окусири. Но, в свою очередь, сусуйская культура, пройдя пору расцвета, и на Сахалине, и на Хоккайдо к VI веку уступает место культуре Тowaда.

Данная статья подготовлена в ходе исследований по НИР ГК № 14.740.11.0769 «История Курильского архипелага с древнейших времен до начала XXI столетия: создание высокотехнологичных ресурсов краеведческого образования» в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

Литература

1. Васильевский, А. А. Текущие археологические исследования на Сахалине (2003–2005 гг.) / А. А. Васильевский, В. А. Грищенко, П. В. Кашицын, В. Д. Федорчук, Е. В. Берсенева, А. В. Постнов // 6-th Annual meeting of the RANA. – Tokyo, 2005. – С. 11–18.

2. Васильевский, А. А. Археологические исследования Сахалинского государственного университета в 2003–2007 гг.) / А. А. Васильевский, В. А. Грищенко, В. Д. Федорчук, А. В. Можаяев // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Клюев, Ю. Е. Вострецов. – Владивосток : ООО «Рея», 2010. – С. 73–88.

3. Васильевский, А. А. Сусуя и Эпи Дзёмон / А. А. Васильевский // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending / Ed. by T. Amano and A. Vasilevski. – Sapporo : The Hokkaido University Museum, 2002. – P. 85–100 (на рус. и яп. языке).

4. Васильевский, Р. С. Древние поселения на Сахалине (Сусуйская стоянка) / Р. С. Васильевский, В. А. Голубев. – Новосибирск : Наука, 1976. – 272 с.

5. Грищенко, В. А. Охранные археологические раскопки поселения Кашкалебагш-5, в Охинском районе Сахалинской области в 2008 году / В. А. Грищенко. – Научный отчет. – Архив ИА РАН – Р-1. – 2010. – 265 с.

6. Дерюгин, В. А. Предварительные результаты исследования на памятнике Ясное-8 в рамках проекта Сахалин-2 / В. А. Дерюгин // Археологические исследования переходного периода от неолита к железному веку на Дальнем Востоке России / под ред. Т. Кумаки и М. Фукуда. – Токио : Лаборатория Токоро Токийского университета, 2007. – Р. 39–47.

7. Дерюгин, В. А. Керамика Тымского типа и вопросы классификации, периодизации керамических комплексов эпохи палеометалла Сахалина / В. А. Дерюгин // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Жанны Васильевны Андреевой : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Клюев, Ю. Е. Вострецов. – Владивосток : ООО «Рея», 2010. – С. 246–258.

8. Федорчук, В. Д. Археологические комплексы северного побережья залива Терпения с круглодонной керамикой, орнаментированной жемчу-

жинами / В. Д. Федорчук // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending / Ed. by T. Amano and A. Vasilevski. – Sapporo : The Hokkaido University Museum, 2002. – Р. 44–47 (на рус. и яп. языке).

9. Шевкомуд, И. Я. Поселение Большая Бухта-1 и некоторые проблемы культур Нижнего Амура и Сахалина / И. Я. Шевкомуд // Записки Гродековского музея. – Хабаровск : Хабаров. краевед. музей, 2002. – Вып. 3 : Археология и этнография. – С. 37–52.

10. Шубина, О. А. К вопросу о выделении локальных культур в неолите Северного Сахалина (по материалам керамических традиций) / О. А. Шубина, И. С. Жущиховская // XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области. Препринт. – Южно-Сахалинск : ИМГиГ ДВНЦ АН СССР, Сахалинский областной краеведческий музей, 1986. – С. 16–18.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Физика Земли

**Археология,
палеонтология,
четвертичная геология**

Экология

Биология

**АНАЛИЗ СЕЙСМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ
КАТАСТРОФИЧЕСКОМУ СИМУШИРСКОМУ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЮ
15 НОЯБРЯ 2006 ГОДА С МАГНИТУДОЙ $MW = 8,3$ В ЕГО ОЧАГОВОЙ ОБЛАСТИ В
ПЕРИОД С 2000 ПО 2006 ГОДЫ**

Злобин Тимофей Константинович – академик МАНЭБ, доктор геол.-мин. наук, профессор, заведующий лабораторией Физики Земли СахГУ. В 1975 году защитил кандидатскую, а в 1990 году – докторскую диссертацию. Действительный член Международной академии наук, промышленности, образования и искусств; академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ), президент Сахалинского отделения МАНЭБ. Опубликовано восемь монографий и пять учебных пособий с грифом ДВРУМЦ и УМО, а также более 200 научных трудов в России, США, Германии, Турции, Италии и других странах. Его научные работы посвящены исследованиям глубинного строения литосферы, землетрясениям, вулканам, нефтегазоносности, поискам рудных, угольных и парогидротемальных месторождений.

дротемальных месторождений.

Пеньковская Ольга Витальевна – аспирант СахГУ по специальности «Геофизика». В 2006 году закончила физико-математическое отделение факультета математики, физики и информатики СахГУ. Опубликовала две научные работы. Область научных интересов: глубинное строение и сейсмоструктура Охотоморского региона, механизмы очагов землетрясений, поле тектонического напряжения.

Введение

Для изучения сейсмического процесса, физики землетрясений, их подготовки и прогноза большой интерес представляет анализ сейсмичности в областях, где произошли сильные, а тем более катастрофические землетрясения. На Средних Курилах сильное землетрясение многие годы предсказывалось С. А. Федотовым [7]. Долгое время его не было, однако 15 ноября 2006 года здесь произошло катастрофическое землетрясение с магнитудой $M = 8,3$ [2–4]. Большой интерес представляет проведение анализа сейсмических событий, непосредственно предшествующих этому землетрясению в зоне, впоследствии ставшей его очаговой областью.

Ранее на Средних Курилах значительное землетрясение с магнитудой $M = 6,8$ произошло 9 января 1989 года. Для полной релаксации среды в этом районе, возмущенной им, необходимо было время. Как пишет В. Н. Аверьянова, это около 5–10 лет [1]. Поэтому анализ сейсмичности перед Симуширским землетрясением 15 ноября 2006 года в настоящей работе мы начали с 2000 года, то есть со времени, когда возмущение среды от названного последнего предшествующего землетрясения в этом районе должно было закончиться. Представляется, что этот срок, с одной стороны, достаточен для установления фонового уровня сейсмичности после относительно сильных землетрясений в этом районе с магнитудой 5–6 баллов, а также выше-

названного 9 января 1989 года и, с другой стороны, позволяет выявить основные особенности сейсмичности, связанные именно с подготовкой катастрофического землетрясения 15 ноября 2006 года, если они могли быть установлены. Отметим, что С. А. Федотов [7] считает возможным и большую продолжительность подготовки полного цикла такого землетрясения.

Методика исследования

Изучением закона повторяемости интервалов времени между землетрясениями занимались многие исследователи, например, И. Н. Тихонов [5, 6]. Известно, что для анализа количества землетрясений во времени их повторяемости применяют различные методики. Например, изучают вариации определенного параметра dN (ширина 95-процентного доверительного интервала для параметра N) в скользящем окне при разной (1,5 и более года) величине и в пределах определенной круговой области радиусом 200–300 км или др., как это сделано в работе [6]. При этом выборки производят за разные периоды. Определяют временной ход ряда прогнозных функций в интервале первого рода перед каким либо землетрясением. При этом конечные значения функции $F(t)$, $dN(t)$ на интервалах между сильными землетрясениями хорошо коррелируются с числом отсчетов функций $D(t)$, превышающих порог $U(0)$ [6, с. 119]. Здесь $D(t)$ – число отсчетов, превышающих порог $U(0)$, $F(t)$ – конечное значение функции для трех окон 6-ти, 9-ти и

12-ти месяцев, $dN(t)$ – конечное значение функции при регуляризации в 36 и 48 час.

Эта методика позволяет определять интервалы времени между сильными землетрясениями в пределах изучаемого района, установить основные закономерности развития сейсмического процесса и использовать полученные результаты для прогноза таких событий в этой области следующего землетрясения. Она может быть применена и для подобного анализа.

Однако цель настоящей работы пока более простая, поскольку в нашу задачу не входит прогноз следующего сильного землетрясения в области Средних Курил или в очаговой зоне Симуширского землетрясения. Цель работы лишь проведение анализа особенности сейсмичности перед названным катастрофическим Симуширским землетрясением.

Поэтому на данном первом этапе исследований мы применили более простую методику и критерии анализа. Были выделены в течение каждого месяца активные фазы сейсмичности и определены периоды спада, то есть затиший. При этом фазу роста активности мы выделяем в случаях увеличении ее значения за месяц более чем на 30 %, (то есть в 75-процентном интервале) относительно величины в течение предшествующего и последующего месяцев, то есть рассматривался период осреднения равный трем месяцам. Таким образом, аппроксимация является более эффективной и показательной в тех случаях, когда она проведена более чем через одно месячное значение, то есть окно осреднения равно трем. Это позволяет выявить основные особенности в году.

Исходя из этих критериев, мы проанализировали частоту и количество сейсмических событий в течение каждого года с 1 января 2000 до 15 ноября 2006 года (рис. 1, 2). Кроме того, в работе рассмотрели также пространственное распределение эпицентров этих землетрясений (рис. 3).

Общий график количества землетрясений за каждый год и количество событий в течение все этих лет отражен на рис. 2. Здесь хорошо видно, что в период с 2000 по 2005 годы число событий изменялось с 47 до 66. При этом минимальное число землетрясений было в 2000 году (47), которое до 15 ноября 2006 года максимально возросло до 177.

Результаты исследований

Детальное рассмотрение гистограмм и анализ сейсмичности в очаговой зоне Симуширского землетрясения в течение названных семи лет показывает, что распределение землетрясений по месяцам в течение каждого года было различное, как и их характер.

В 2000 году можно отметить три подъема и соответственно спада сейсмической активности. Подъемы были в феврале, мае и декабре. Максимальная продолжительность периода спада активности во втором случае составляла шесть месяцев (с мая по декабрь) и увеличилась относительно первого периода этого года (два месяца, с февраля по май).

Распределение сейсмичности в 2001 году в пределах 30 % от максимума активности было практически четким и явно двухмодальным, то есть в течение этого года наблюдались в основном две фазы относительного повышения активности. Период между максимальной активностью (ΔT), то есть ее спада, составил четыре месяца.

В 2002 году характер сейсмичности стал иным. В этот месяц он многократно изменялся. Наблюдалось частое чередование увеличения и уменьшения количества землетрясений (N). Если бы не следовать вышеназванному принципу, предложенному нами и названном выше, то в рассматриваемом 2002 году надо было бы выделить четыре активных фазы (в феврале, мае, августе и декабре) и четыре фазы ее спада: в марте, июне, июле и сентябре. Но столь небольшие отличия сейсмичности не позволили бы выявить основные закономерности. Поэтому согласно выше названному нами критерию выделения общий период спада между активностью в течение 2002 году составил семь месяцев, в то время как в 2001 году был равен четырем месяцам, то есть он увеличился.

В 2003 году существенный максимум (25 событий) был отмечен в декабре. Ему предшествовал длительный период относительно спокойного и низкого уровня сейсмичности, длившийся с апреля, когда имел место незначительный рост активности (восемь событий), как и в январе. Хотя в этом году вариаций количества землетрясений было, как и в 2000 году, но в 2003 году довольно длительное время их число было незначительно (3–5 событий), и, соответственно, имел место этот период спокойного уровня сейсмичности. Таким образом, в этот год характер сейсмичности отличается от предшествующего года. Общий период между активными фазами этого года составил девять месяцев (февраль-март, май-ноябрь).

Особо выделяется 2004 год характерным и резким спадом сейсмической активности в течение года. Если в предыдущем месяце (январе) было зафиксировано 29 событий, то, начиная с февраля 2004 года, число событий колеблется от одного до пяти. За этот год период между активными месяцами также увеличился по сравнению с прошлыми годами, и этот период равен $\Delta T = 11$.

В 2005 году можно выделить один активный период, но необходимо отметить, что максимальное число событий за этот год не превышает $N = 11$. Активная фаза приходится на август. В начале года происходит плавное нарастание и спад сейсмической активности, а начиная с августа, наблюдается ее резкое возрастание. Период между сейсмически активными месяцами постепенно увеличивается по сравнению с предшествующими годами. Таким образом, уменьшается разрыв между активными месяцами до семи. Причем если учесть время уменьшения активности в предыдущем году до фазы активности, которая была лишь в январе 2004 года, то общий период затишья за два года составил 18 месяцев.

На рис. 2ж отчетливо видно, как в 2006 году

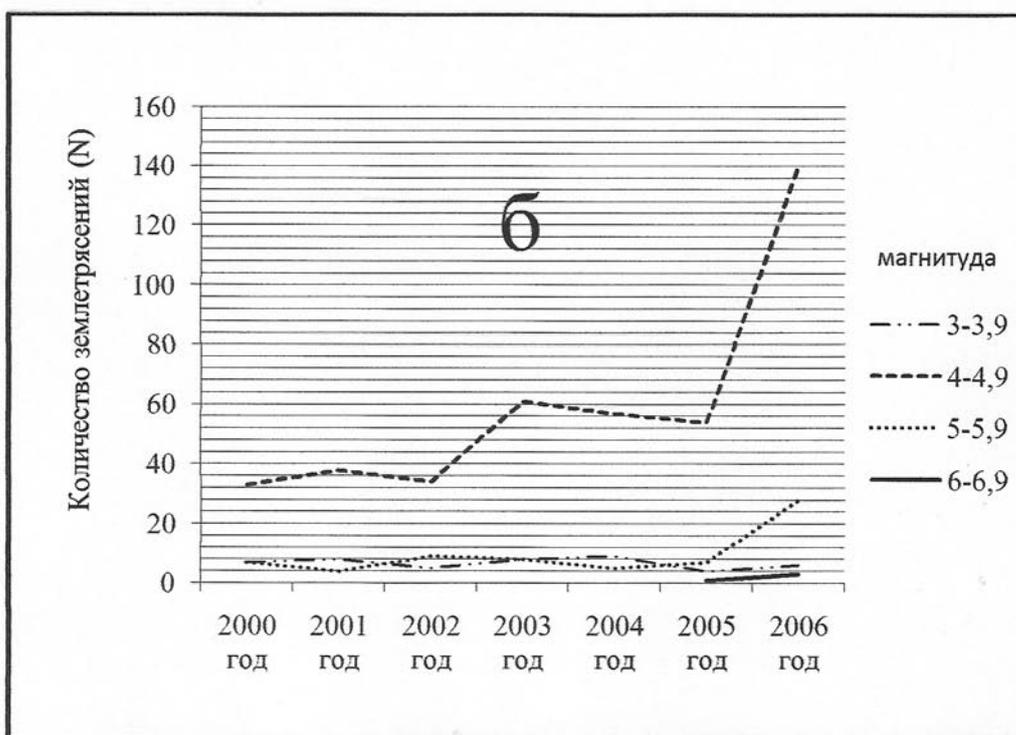
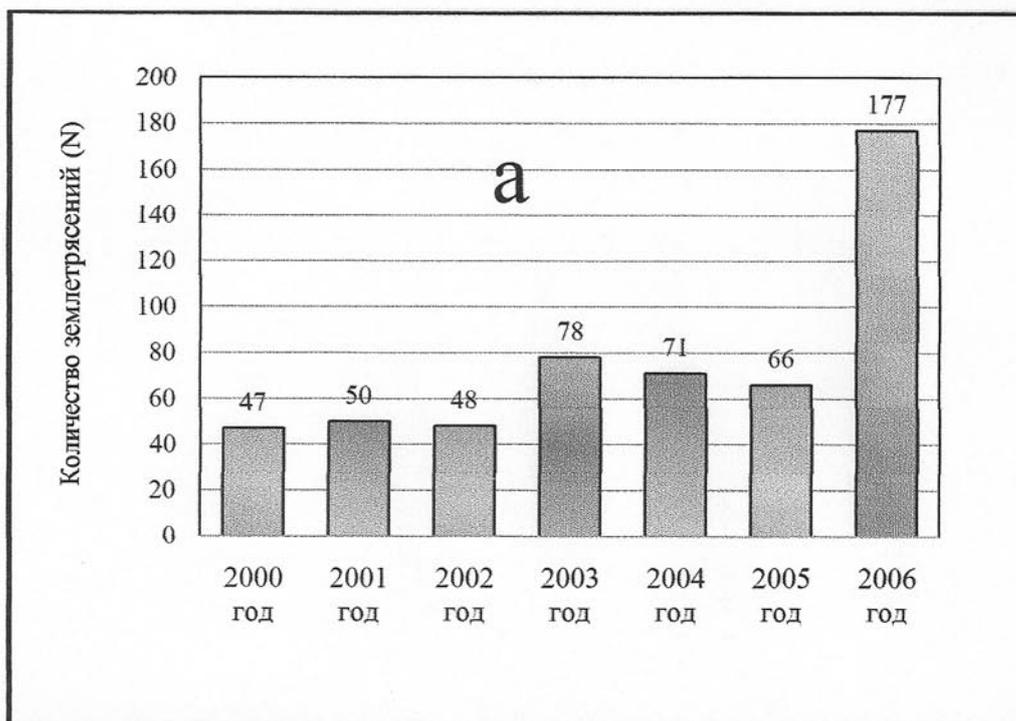

Рис. 1. График распределения количества землетрясений (N) за год в 2000–2006 годы (в 2006 году приведено количество землетрясений с 01.01 до 15.11.2006) (а); кривые распределения количества землетрясений (N) по магнитуде за 2000–2006 годы (с 01.01.2000 г. по 15.11.2006 г.) (б)

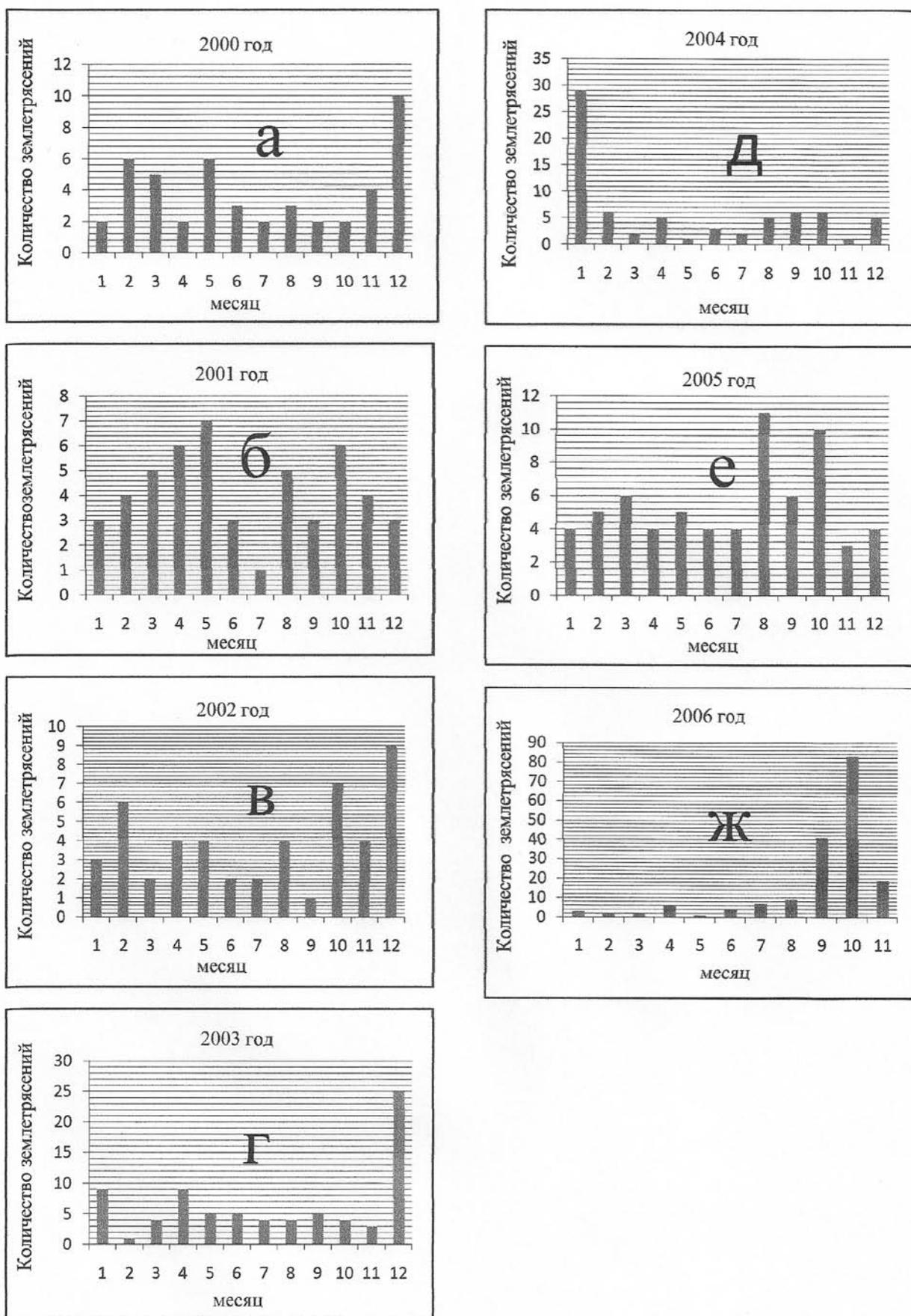

Рис. 2. Гистограммы распределения землетрясений по месяцам в 2000–2006 годы

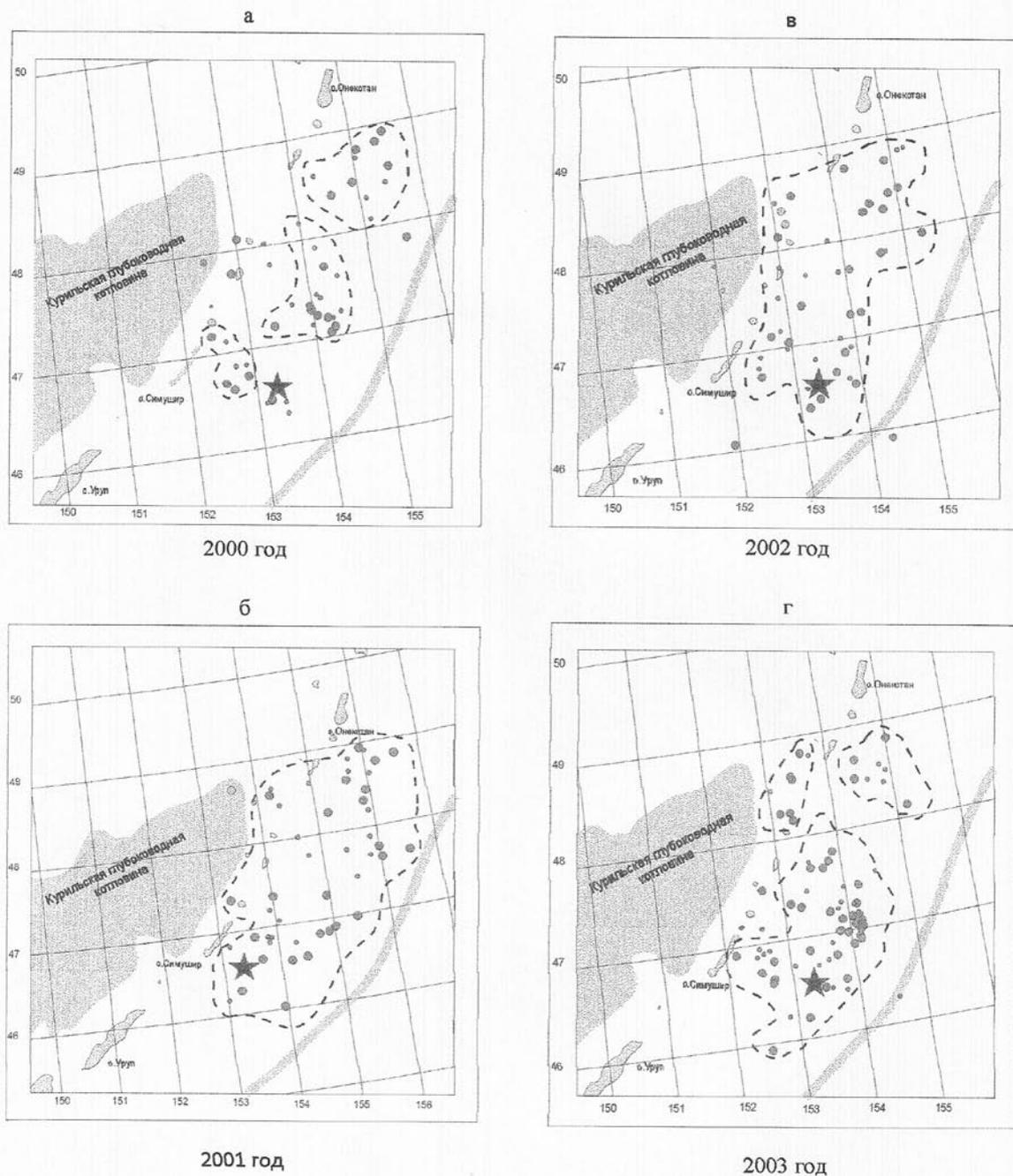

Рис. 3. Карта эпицентров землетрясений за 2000 (а), 2001 (б), 2002 (в), 2003 (г) годы. 1, 2 – эпицентры землетрясений магнитудой 2,0–4,4 (а) и $M > 4,4$ (2); 3 – главный толчок Симуширского землетрясения 15.11.2006 г.; 4 – предполагаемые области концентрации эпицентров землетрясений

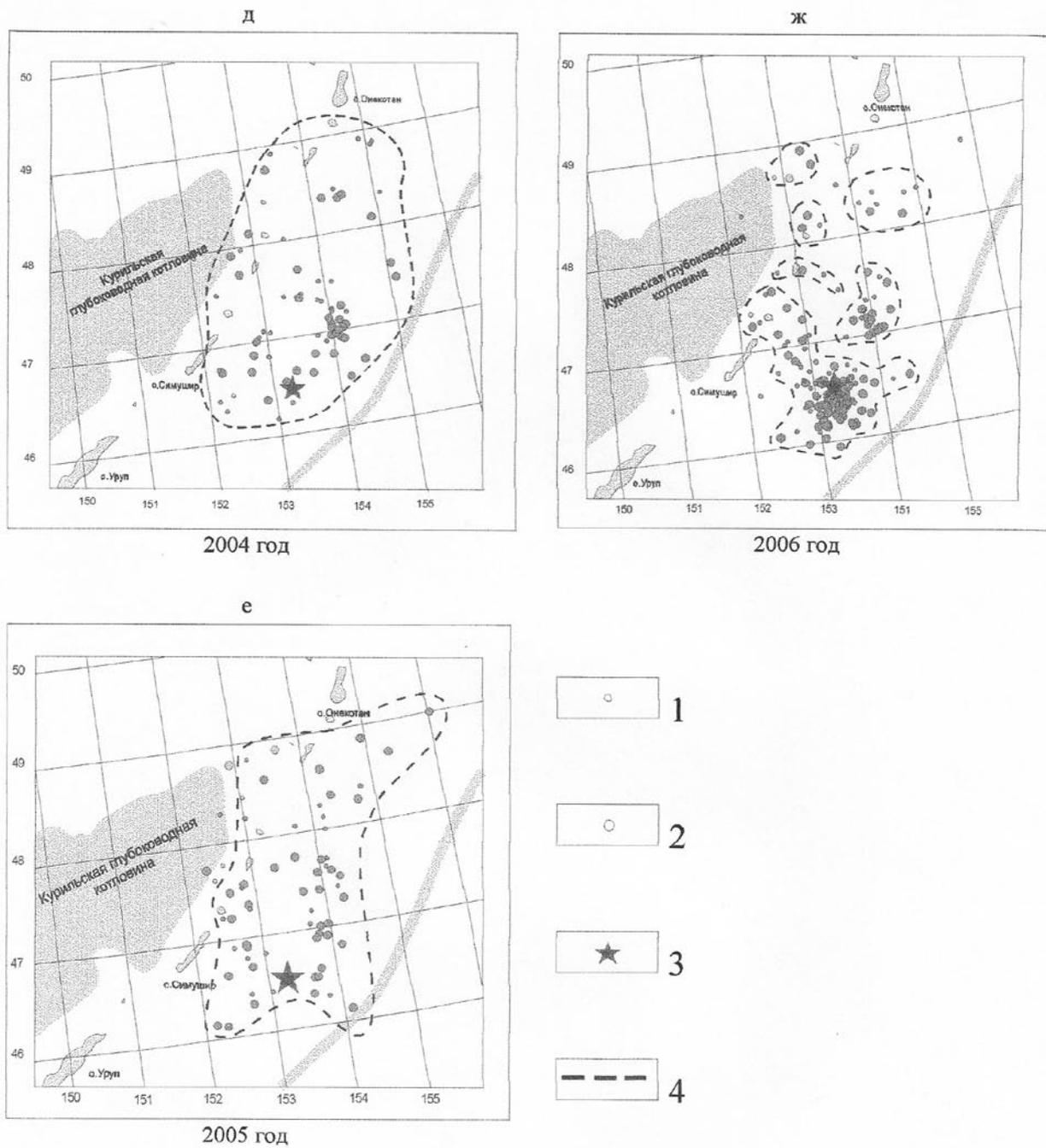

Рис. 3. Карта эпицентров землетрясений за 2004 (д), 2005 (е), 2006 (ж) годы.
 1, 2 – эпицентры землетрясений магнитудой 2,0–4,4 (а) и $M > 4,4$ (2); 3 – главный толчок Симуширского землетрясения 15.11.2006 г.; 4 – предполагаемые области концентрации эпицентров землетрясений

происходит постоянное нарастание сейсмической активности. За девять месяцев (с января по сентябрь) число землетрясений увеличилось с 3 до 83. Анализ данной гистограммы по месяцам показал, что в 2006 году сейсмическая активность с января по август в среднем была равна 5–6 событиям, а в сентябре и октябре выросла скачкообразно до 40 и 80 соответственно. Но затем в ноябре (до 15 ноября 2006 года) наблюдалось падение их числа до 20 событий, то есть даже в пересчете за 30 дней ноября она была бы более чем вдвое ниже, чем в предшествующем месяце октябре.

Таким образом, можно сказать, что после вышеозначенного кратковременного всплеска активности в октябре 2006 года, который, видимо, был форшоком главного толчка произошедшего 15 ноября этого же года (то есть более чем за месяц до основного события 2006 года) последовало сейсмическое затишье, длившееся около 30–40 суток. Затем произошел главный толчок Симуширского землетрясения. Это соответствует данным И. Н. Тихонова (устное сообщение), согласно которым главному толчку предшествовало затишье в течение примерно 40 суток.

Анализ основных периодов спада сейсмической активности в год показывает, что с 2001 года наблюдалось увеличение длительности периодов пониженной активности, которое имело место до 2004 года. Это видно из приведенных ниже значений. В 2000 году эти периоды составляли 6 месяцев, в 2001 году – 4 месяца; в 2002 году – 7 месяцев; в 2003 году – 9 месяцев; в 2004 году – 11 месяцев; в 2005 году – 7 месяцев. Период спада сейсмической активности в 2006 году составил 9 месяцев. Таким образом, с 2000 до 2006 годы период спада активности в году между активными фазами рос с 2–6 до 11 месяцев за год к 2004 году, когда эта величина составила наибольшее значение. Максимально длинный период затишья или спада активности с 2000 по 2006 годы был за два года до главного толчка, то есть 2004 году, когда он составлял 11 месяцев, а с учетом продолжения его и в 2005 году – 18 месяцев. После него уже в 2006 году непосредственно перед главным толчком был вновь спад длительностью девять месяцев.

Таким образом, длительный период спада активности (затишье) за два года до главного толчка может указывать на приближение главного толчка. Заметив, что сейсмическое затишье имеет вполне определенное значение, а не просто спад активности, тем не менее, учтя это, отметим следующее. Этот признак активно и многократно вслед за японскими учеными использовали многие, в том числе и И. Н. Тихонов в своих исследованиях по прогнозу землетрясений [6]. Например, на этом (наряду с другими признаками) было основано предсказание этим автором, совместно с Ким Чун Уном, главного толчка Невельского землетрясения 2 августа 2007 года.

В целом анализ по месяцам за 2000–2006 годы показал, что были распределения землетрясений от бимодального (в 2001 году) до трехмодального

(2000, 2003 годы) и имеющих ряд мод. Естественно, при рассмотрении всех гистограмм за 2000–2006 годы можно явно видеть периоды несколько повышенной активности и спада с частотой 3–5 месяцев. Непрерывный многолетний ряд параметров сейсмичности и их изменений в целом для большой территории, например, для Дальневосточного региона анализируется многими исследователями. В частности, представлен в публикациях [3, 4].

Начиная с 2006 года обе зависимости на рис. 1 начали себя вести резко и аномально. Анализ распределения событий по значению магнитуды также соответствовал общей закономерности (рис. 1б), а именно – почти неизменное число землетрясений в 2000 году и вплоть до 2005 года в рассматриваемой очаговой области сменилось их ростом. Так, годовое число событий с $M = 3-3,9$, $5-5,9$ и $6-6,9$ было в среднем от 4 до 10 за эти годы. Наибольшее число землетрясений было в эти годы с $M = 4-4,9$. Оно составляло от 32 до 140. Таким образом, количество землетрясений со всеми значениями магнитуд от 3 до 6,9 в эти годы подчинялось общей закономерности – плавное и постоянное, с незначительным увеличением числа землетрясений в 2000–2005 годах и начало аномального роста в 2006 году. Особенно ярко это проявилось в числе землетрясений с магнитудой 4–4,9, которые выросли с 32 до 140 землетрясений.

Рассмотрим пространственный анализ расположения зон эпицентров землетрясений в очаговой области Симуширского землетрясения (рис. 3). Согласно приводимым ниже картам эпицентров в 2001, 2002, 2004 и 2005 годах имело место общее поле, которое было сравнительно однородное и не разделенное на явно выраженные локальные области или зоны. В 2000 году, а также 2003 и 2006 годах можно было выделить отдельные зоны концентрации эпицентров землетрясений.

Наиболее значительно сейсмичность проявилась в 2003 и 2006 годы. Это связано с повышением активности в эти годы и ее спадом в остальные. При этом в 2006 году на общем фоне эпицентры преимущественно группируются в пяти локальных зонах. Именно в этом году 15 ноября и произошло катастрофическое землетрясение с магнитудой 8.3. Таким образом, можно сказать, что этому землетрясению предшествовало образование ряда зон повышенной концентрации очагов.

Анализ положения эпицентров землетрясений и главного толчка 15 ноября 2006 года показывает, что предшествующие ему землетрясения находились в области, расположенной северовосточнее его. Вокруг места будущего главного толчка в 2000–2005 годах практически вообще не наблюдалось концентрации землетрясений (рис. 3а-е). Ступение эпицентров землетрясений вокруг будущего гипоцентра главного события начались лишь в 2006 году, то есть за 30–40 суток до него, что отражает карта (рис. 3) и гистограмма на рис. 2ж. В этом же 2006 году в целом однородное поле эпицентров, которое наблюдалось ранее в 2005, 2004 и предшествующие

годы, стало распадаться на явно выраженные области концентрации землетрясений (зоны).

Вышесказанное можно уподобить процессу подготовки землетрясения, причем как согласно модели лавинно-неустойчивого трещинообразования (ЛНТ) В. И. Мячкина, Б. В. Кострова, Г. А. Соболева и др., так и дилатантно-диффузионной (ДД) модели Шольца и др.

Согласно этим моделям, после предшествующих первых стадий образования трещин в горных породах (в результате давления, сжатия) начинается их концентрация в узких зонах, стягивание трещин и, в конечном итоге, на последней стадии приводящей к росту образования магистрального разрыва и его последующим вспарываниям.

Однако эти процессы лишь аналогичны, но если последняя стадия развития очага согласно этим моделям происходит мгновенно, то концентрация областей эпицентров занимает значительное время, и она может наблюдаться в течение значительно большего времени, как было показано многими исследователями и нами в настоящей работе [6, 8]. Причем, согласно нашим исследованиям, в данном случае этот процесс начинается в течение последнего года и особенно существенно проявляется в последние месяцы перед главным толчком, хотя первые зарегистрированные землетрясения с магнитудой более 3–4 в очаге будущего землетрясения начались еще в 2000 году с образованием трех областей. Затем они практически слились в общее поле в пределах будущего очага. Динамика поля видоизменялась. В 2003 году оно стало распадаться на отдельные зоны, которые начали вновь сливаться в 2006 году. Поле сейсмичности в этом районе стало структурироваться, снова распадаться на отдельные зоны, причем в пределах одной из них (южной) и стал локализоваться будущий мощный очаг этого катастрофического землетрясения.

Таким образом, вышеназванная аналогия с моделями очага (ЛНТ и ДД) есть, но она применима только к последним месяцам перед главным толчком. При этом, как показали выполненные исследования, особый интерес представляет дальнейший более детальный анализ именно последнего месяца перед главным толчком в более краткие интервалы времени (недели и сутки), что предполагается выполнить нами в дальнейшем по приведенной нами методике.

В заключение отметим, что если бы этот процесс был регулярный и выдержанный для всех случаев сильных землетрясений, его можно было бы установить и тогда практически решить проблему прогноза землетрясений. Однако она пока не решена именно в связи с конкретными физико-геологическими особенностями строения среды в каждом случае в каждой очаговой зоне, необходимостью изучения здесь тектонического поля напряжений, а положение будущей области пока заранее неизвестно. Поэтому анализируя, например, сейсмичность, поле тектонического напряжения и процесс подготовки катастрофического Симуширского землетрясения мы заранее, за годы

и месяцы отслеживаем наличие и развитие этого процесса. Имея же предварительный среднесрочный прогноз землетрясения, о котором, например, писал И. Н. Тихонов [5] и другие, предполагая в результате этого положение будущей очаговой зоны, можно на основе вышеприведенного анализа приблизить решение проблемы прогноза землетрясений и дать уже более обоснованный, более важный краткосрочный прогноз.

Выводы

1. Проведенный в очаговой зоне Симуширского землетрясения 15 ноября 2006 года анализ сейсмичности, заключающийся в построении гистограмм землетрясений и рассмотрении областей распространения эпицентров по годам, позволяет говорить о наличии определенных особенностей. Они проявляются не только в неравномерном распределении землетрясений на гистограммах, но и пространственных проявлениях их эпицентров по площади. Последние особенности проявляются: 1) в различном количестве землетрясений в какой-либо период (например, год) и в их двух-, трех-модальном распределении по месяцам в течение года; 2) различном распределении и концентрации землетрясений в областях очагов перед главным толчком; 3) неоднородности поля сейсмичности, рассредоточенной сейсмичности в одни годы (2001, 2002, 2004 и 2005) и преимущественной концентрации землетрясений в локальных зонах в другие (2000, 2003, 2006).

2. Основные периоды спада между активностями в год с 2000 по 2006 годы увеличивались с 2–6 до 11 месяцев, а в 2004 и 2005 годы общий непрерывный период затишья составил 18 месяцев, то есть более чем полтора года до главного толчка.

3. Главному толчку Симуширского землетрясения 15 ноября 2006 года предшествовал рост активности в октябре 2006 года и последовавший за тем непродолжительный локальный спад непосредственно за 30–40 суток до него.

4. Поле сейсмичности в области будущего очага катастрофического землетрясения, наблюдаемое за семь лет в эти годы, видоизменялось от монотонного, однородного до неоднородного с распадом на локальные зоны. Поле начинает структурироваться и распадаться на локальные зоны в последний год, при этом в одной из них находится эпицентр будущего главного толчка.

5. Концентрация очагов предшествующих землетрясений (форшоков) в области главного толчка происходит только в последний месяц или в период несколько более и в дальнейшем более детальному анализу должен подвергаться именно этот последний краткий период.

6. Процесс подготовки землетрясения в количественном и пространственном отношении может быть сравним со стадиями подготовки землетрясения согласно физической модели очага.

Литература

1. Аверьянова, В. Н. Глубинная сеймотектоника островных дуг / В. Н. Аверьянова. – М.: Наука. – 219 с.

2. Злобин, Т. К. Первые результаты сопоставления катастрофических Симуширских землетрясений 15 ноября 2006 г. ($M = 8,3$) и 13 января 2007 г. ($M = 8,1$) и глубинного строения земной коры средних Курил / Т. К. Злобин, Б. В. Левин, А. Ю. Полец // Доклады АН. – Т. 420. – № 1. – 2008. – С. 111–115.

3. Злобин, Т. К. Серия сильных и катастрофических Симуширских землетрясений 2006–2009 годов: основные особенности и сеймотектоника очаговых зон / Т. К. Злобин, Л. Н. Поплавская, А. Ю. Полец // Доклады академии наук. – 2009. – Т. 428. – № 4. – С. 531–535.

4. Злобин, Т. К. Очаговые зоны катастрофических Симуширских землетрясений 15 ноября 2006 г. ($M_w = 8,3$) и 13 января 2007 г. ($M_w = 8,1$) и глубинное строение земной коры Средних Курил / Т. К. Злобин, А. Ю. Полец // Тихоокеанская геология. – 2009. – Т. 28. – № 5. – С. 54–63.

5. Тихонов, И. Н. Закон повторяемости интервалов времени между последовательными землетрясениями / И. Н. Тихонов // Динамика очаговых зон и прогнозирование сильных землетрясений Северо-запада Тихого океана. – Южно-Сахалинск, 2001. – Т. 2. – С. 67–79.

6. Тихонов, И. Н. Методы анализа каталогов землетрясений для целей средне- и краткосрочного прогноза сильных сейсмических событий / И. Н. Тихонов. – Владивосток, Южно-Сахалинск, 2006. – 213 с.

7. Федотов, С. А. О сейсмическом цикле, возможности количественного сейсмического районирования и долгосрочном прогнозе / С. А. Федотов // Сейсмическое районирование СССР. – М. : Наука, 1969. – С. 121–148.

8. Шебалин, Н. В. Сильные землетрясения. Избранные труды / Н. В. Шебалин. – М. : Академия горных наук, 1997. – 542 с.

ЧЕТВЕРТИЧНЫЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ ПЕЩЕРЫ ОСТАНЦЕВАЯ

Кириллова Ирина Владимировна – палеонтолог, ведущий научный сотрудник музея «Ледниковый период» (г. Москва). Научный партнер Сахалинской лаборатории археологии и этнографии СахГУ и ИАЭТ СОРАН. Научные интересы: палеонтология, археозоология. Автор более 50 научных статей, вышедших в РФ и за рубежом.

Алексеева Эрнестина Витальевна – кандидат биологических наук, палеотериолог, известный исследователь палеофауны Сибири и Дальнего Востока, автор многочисленных научных статей, монографий, опубликованных в России и за рубежом.

Горбунов Сергей Вячеславович – научный сотрудник Поронайского краеведческого музея, исследователь Сахалина и Нижнего Амура, сфера интересов включает, но не ограничивается такими научными дисциплинами, как археология, востоковедение, этнография, палеозоология. Автор многочисленных научных трудов о древнем прошлом и природе Сахалина, опубликованных в РФ и за рубежом.

В многочисленных выходах известняков Восточно-Сахалинских гор, в том числе в пределах Окадского известнякового массива, обнаружено немало карстовых полостей, причем из двенадцати обследованных спелеологами участков они обнаружены на десяти¹. В 1979 году геолог В. П. Деркаченко открыл в районе горы Вайда девять карстовых полостей, что послужило началом многолетних исследований. В них принимали участие экспедиции Тихоокеанского института географии ДВНЦ АН СССР под руководством Ю. И. Берсенева, краеведческого клуба «Абориген» под руководством С. В. Горбунова и Сахалинского государственного университета под руководством А. А. Василевского. В результате были получены представительные остеологические материалы, а также каменные и костяные орудия древних охотников, посещавших пещеры 16–5 тысяч лет назад.

Накопление в карстовых полостях остатков позвоночных, прежде всего, млекопитающих, происходит как естественным путем, так и в результате деятельности древнего человека. Учитывая, что на Сахалине в культурных слоях стоянок открытого типа позднплейстоценового-раннеголоценового возраста кости животных, как правило, не сохраняются, материалы из пещер имеют большое зна-

чение для получения недостающей информации о среде обитания людей. Данная публикация отчасти решает эти задачи. Основой для нее послужили сборы из пещеры Останцевая (гора Вайда), открытой Ю. И. Берсеныным в 1981 году и раскопанной С. В. Горбуновым в 1994–1997 годах.

Пещера расположена в северной части Окадского известнякового массива: 049°51' с. ш., 143°31' в. д., на левом берегу р. Витница, на высоте около 70 м от уреза воды и представляет собой две горизонтальные пересекающиеся галереи, заканчивающиеся небольшой площадкой с колодцем, уходящим вниз под углом на глубину около 7 м и заполненным рыхлыми отложениями до глубины 1,2 м от устья (рис. 1, 2). Кости позвоночных происходят из шурфа на предвходовой площадке из колодца.

Находки из шурфа включают в себя 199 фрагментов и целых костей птиц и млекопитающих. Среди последних преобладают остатки северного оленя, снежного барана и кабарги, тогда как заяц, медведь, олень, песец, лошадь представлены единичными костями. Последние три вида животных и снежный баран в настоящее время на Сахалине не обитают². Остеологическая коллекция из колодца содержит свыше 8,5 тысяч костей млекопитающих и 29 – птиц³. В данной работе основное вни-

¹ Клитин, А. К. Из истории спелеологических исследований в Восточно-Сахалинских горах / А. К. Клитин // Вестник Сахалинского музея. – № 2. – Южно-Сахалинск, 1995. – С. 328.

² Алексеева, Э. В. Ископаемые остатки снежного барана на Сахалине / Э. В. Алексеева // Вестник ДВО РАН. – 1995. – № 6. – С. 92–93; Алексеева, Э. В. Каталог археологических памятников Сахалина с раковинными кучами и остатками фауны / Э. В. Алексеева, В. А. Раков, С. В. Горбунов. – Тымовское, 2004. – 82 с.

³ Кириллова, И. В. Млекопитающие Центрального Сахалина в голоцене по материалам из пещеры Останцевой / И. В. Кириллова // Динамика современных экосистем в голоцене: материалы Российской научной конференции 2–3 февраля 2006 г. – М.: КМК, 2006. – С. 92–98; Zelenkov, N. V. Quaternary birds from Ostantsevaya Cave, Sakhalin island // Ornithologia, V. 32. – MSU: 2005. – 166–168.

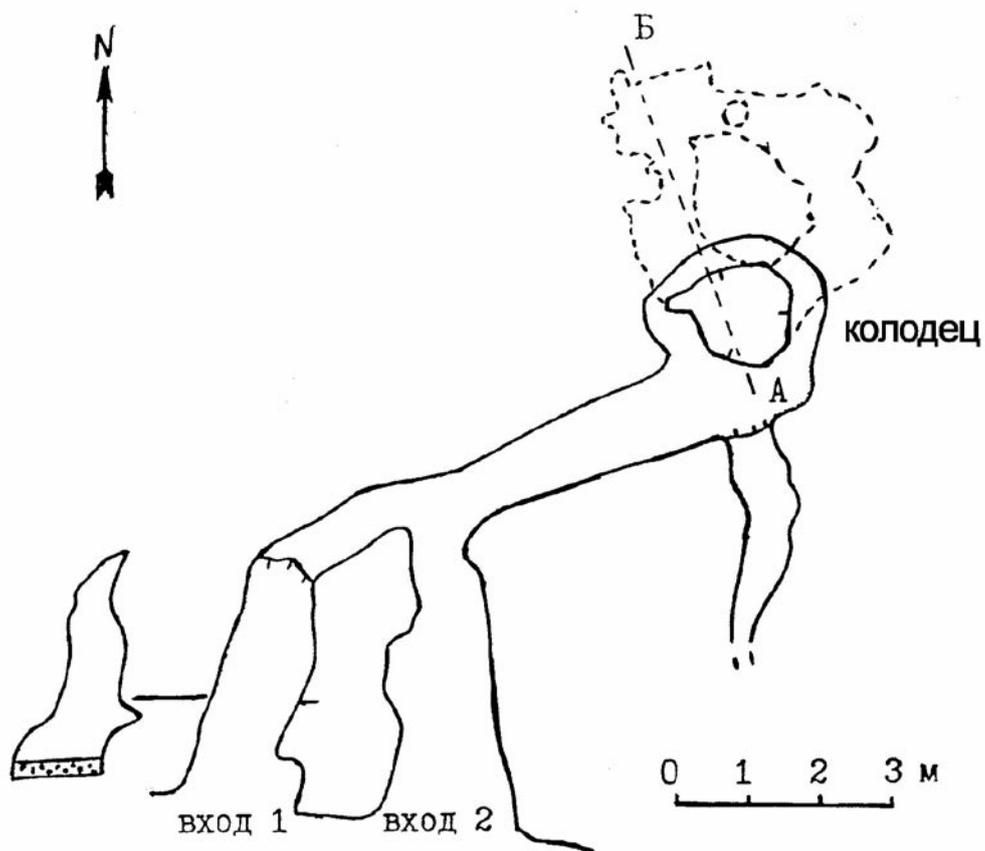

Рис. 1. План пещеры Останцевой (полевая зарисовка С. В. Горбунова)

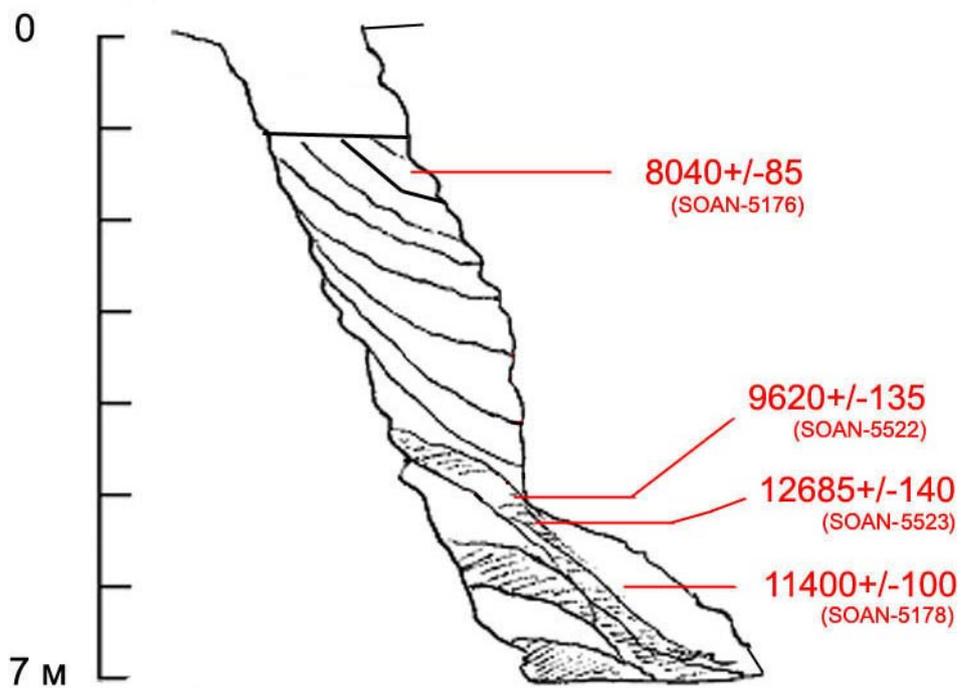

Рис. 2. Разрез колодца пещеры Останцевой (полевая зарисовка С. В. Горбунова) с ^{14}C датировками (по: Kuzmin et al., 2005)

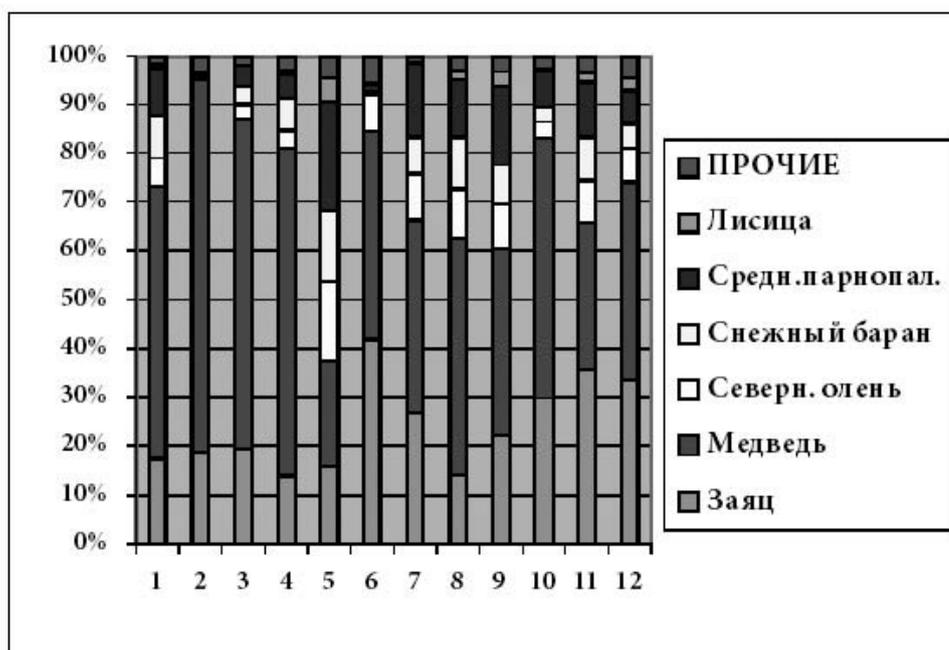

Рис. 3. Распределение остатков млекопитающих по слоям колодца. По горизонтали – номера слоев

вание уделено именно этим материалам.

Абсолютный возраст рыхлых отложений пещеры был определен радиоуглеродным методом по костям млекопитающих. Для костей лошади и песка из шурфа предвходовой площадки он составляет 15 220 и 16 350 лет, то есть отвечает концу последнего оледенения. Даты по костям медведя из разных слоев колодца (рис. 2) укладываются в диапазон от 12 685 до 8040 лет⁴, что формально соответствует концу позднего плейстоцена и раннему голоцену. Согласно принятой схеме, граница между этими подразделениями четвертичного периода приходится на значение 10 000 лет⁵.

Кости распределены неравномерно и имеют значительную разницу в сохранности по вертикали и по горизонтали. Это может быть связано как с абиотическими процессами (проточный водный режим, связанное с ним перемешивание грунта), так и с деятельностью животных. Например, медведь, следы зимовки которого в колодце обнаружены первыми исследователями пещеры, при устройстве в берлоге нередко перекапывает когтями верхнюю часть грунта. Свою долю, очевидно, вносил и древний человек. Этим можно объяснить инверсию дат у дна колодца (рис. 2).

Сбор материалов проводился по условно выделенным через 0,5 м уровням (нумерация сверху вниз). Всего от устья до днища колодца их 12. Наиболее представительные выборки костей проис-

ходят из 4-го и 11-го, а также 2-го, 3-го и 9-го слоев. Внутри слоев выборки отличаются в видовом и численном отношении, а также по доле определенных костей (рис. 3). Почти во всех слоях преобладают кости медведя и зайца. Постоянно присутствуют кости снежного барана и северного оленя (кроме слоя 2), причем фактически их доля выше указанной, поскольку часть, иногда значительная, остатков этих животных попадает в группу «парнопалые среднего размера», так как признаки, позволяющие провести более точное определение, не сохранились. Заметна доля лисицы, а остатки кабарги, соболя и россомахи составляют незначительную часть сборов. Кости соболя, выдры, косули и крупных бовид также малочисленны, остальные животные представлены единичными остатками (крупный представитель рода пантер, песец, хорь). Эти «аксессуарные» виды, чья суммарная доля не достигает 5 %, на диаграмме (рис. 3) объединены в группу «Прочие». Среди остатков мелких млекопитающих, не включенных в таблицу, присутствуют кости рукокрылых (95 фрагментов скелета), а также северной пищухи, бурундука, копытного лемминга, длиннохвостого суслика, полевок и др.

Соотношение долей разных животных по слоям в общих чертах сохраняется, кроме слоев 5 и 2. В пятом резко увеличивается доля копытных среднего размера, включая северного оленя и снежного барана, а во втором она, наоборот, резко уменьша-

⁴ Kuzmin, Ya. V., Gorbunov, S. V., Orlova, L. A., Vasilevsky, A. A., Alekseeva, E. A., Tikhonov, A. N., Kirillova, I. V., Burr, G. S. ¹⁴C Dating of the Late Pleistocene Faunal Remains from the Sakhalin Island (Russian Far East) // *Current Research in Pleistocene*. – V. 22. – 2005. – P. 78–80.

⁵ Стратиграфия СССР. Четвертичная система. – Полутом 1. – М.: Недра, 1982. – 444 с.

Рис. 4. Череп медведя из слоя 2 со следами от орудия. Справа – орудие из яшмы, найденное в черепе (№ 15, рис. 7). Масштабная линия на черепе около отверстия = 1 см

ются. Однако изменения долей животных разных таксонов не отражают изменений ни природных условий, ни деятельности животных и человека, поскольку слои в колодце выделены условно. А увеличение видового разнообразия происходит в тех слоях (4, 10 и 11), где выборки самые многочисленные, за счет представленных единичными экземплярами «прочих» видов. В малых выборках они отсутствуют.

Тем не менее, располагая возрастными рамками для отложений колодца (рис. 2), можно судить о составе фауны млекопитающих в районе Окадского массива в период формирования рыхлых отложений колодца. Наряду с чертами сходства были и черты отличия животного мира от современного. Наряду с ныне живущими северным оленем, кабаргой, росомахой, лисицей и проч. обитали отсутствующие теперь песец, лошадь, косуля, лось, снежный баран, длиннохвостый суслик и др. Ниже приведена краткая характеристика доминирующих по числу остатков животных, а также обнаруженных на Сахалине впервые.

Бурый медведь, *Ursus arctos*. Доля костей медведя в разных слоях составляет от 22 % до 67 %. Возрастной диапазон: от утробных до старых. Представлены практически все кости скелета, включая четыре относительно полных черепа, на двух из них отмечены нанесенные орудиями следы смертельных для животного ударов (4). Многие кости погрызены, немалая доля из них – значительно. Одновременно присутствуют остатки хорошей сохранности без погрызов, причем в пределах одного условно выделенного слоя нередко сочетаются кости плохой, хорошей и отличной сохранности, а также разной степени фрагментации. В ряде слоев нижние челюсти животных несут следы отчленения от черепов: на восходящих ветвях грубые следы, по-видимому, рубки. Следует отметить неестественное соотношение пястных костей в сл. 10

(из 13 экз. – 6), что можно принять за направленную сортировку.

В настоящее время на Сахалине встречаются как мелкие, так и крупные особи бурых медведей. Кости животных из верхних слоев пещеры Останцевой не крупные, в том числе черепа, принадлежащие взрослым особям. Вниз по разрезу иногда попадают кости медведей заметно более крупного размера. Разница может быть связана как с проявлением полового диморфизма, так и с индивидуальной изменчивостью.

Наличие в отложениях колодца многочисленных выпавших молочных клыков, смена которых происходит обычно в конце зимы – начале весны, позволяет считать, что медведи использовали пещеру Останцевая в качестве берлоги на протяжении длительного периода времени.

Некоторые пещерные местонахождения остатков бурых медведей в соседних регионах также документируют гибель животных на зимовке⁶.

Заяц, *Lepus* sp. Кости зайца, наряду с костями медведя, наиболее многочисленны в большинстве слоев (от 14 % до 36 %); в слое 11 их доля самая высокая. Представлены почти все кости скелета, фрагментированные и целые. Видовая принадлежность пока не определена из-за сложности идентификации по скелетным остаткам. В настоящее время на Сахалине обитает один вид – *Lepus timidus* (беляк). Его станции – зарастающие гари, берега рек с зарослями кустарников, леса с богатым подлеском (еловые леса предпочитает сосновым). Набор элементов скелета зайца и характер сохранности довольно специфичны. В частности, нередко тонкие хрупкие кости ювенильных и полувзрослых зайцев составляют заметную часть послынных выборок, при этом, исключая отпавшие эпифизы, многие такие кости сохранились целиком. Любой хищник из млекопитающих сгрыз бы их без остатка. Кроме того, отсутствуют следы от орудий, а погрызы мелких хищников редки. Все это подводит к выводу, что основным агентом накопления костей зайца были хищные птицы, например, филин, хотя его кости и не обнаружены в ориктоценозе.

Вторая по численности группа животных – парнопалые среднего размера (снежный баран и северный олень). Чаще всего их крупные трубчатые кости фрагментированы, целыми сохранились в основном суставные и дистальные кости конечностей. Многие остатки сильно погрызены. Две пяточные кости несут следы специфической разбивки для добывания костного мозга, а лопаточная – от лезвия орудия. Фрагментация части костей сделана также явно в пищевых целях, то есть своим происхождением она обязана «кухонной» деятельности человека.

⁶ Оводов, Н. Д. Остатки бурых медведей в пещерах Сибири и Дальнего Востока / Н. Д. Оводов // Бюлл. МОИП. Отд. биол. – 1970. – Т. 74. – Вып. 4. – С. 116–126.

Снежный баран, толсторог, *Ovis nivicola* (*O. canadensis*). В современной фауне Сахалина отсутствует. В ископаемом виде обнаружен на многих археологических памятниках⁷. Доля его остатков составляет от 0,5 % во 2-ом слое до 10,6 %. Непременное условие для обитания животных – сочетание кормовых угодий с отвесными скалистыми обнажениями, которые могут быть использованы для отстоя. Населяют как горно-тундровые станции, так и пойменные и горно-таежные угодья; при глубоком снеге собираются близ выдувов на гольцах у верхней кромки леса⁸.

Северный олень, *Rangifer tarandus*. Доля по слоям составляет от 0,5 % до 16 %. В настоящее время на Сахалине живет в лиственничном редколесье с зарослями кедрового стланика, по торфяным и моховым болотам, на открытых участках хребтов. Лимитирующим фактором обитания является продуктивность зимних пастбищ, прежде всего, лишайниковых. Хорошо адаптирован к жизни в экстремальных условиях (низкие температуры, продолжительность снегового покрова, питание лишайниками). Занимаемая северным оленем экологическая ниша мало пригодна для других диких животных и человека. Кормовая конкуренция с толсторогом невелика из-за несовпадения пастбищ и отчасти основных кормов⁹. Природные враги: волк, медведь, росомаха, для ювенильных особей – песец, рысь, орлан-белохвост.

Крупные быки, *Bovidae*. В современной фауне Сахалина отсутствуют. Из животных этой группы, которые могли обитать на Сахалине в четвертичное время, наиболее вероятно присутствие бизона, яка, овцебыка и первобытного быка (тура). Видовое определение костей этих животных нередко бывает затруднено даже по целым костям из-за значительного сходства морфологических признаков. В коллекции из колодца крупные быки представлены диафизами лучевой и бедренной костей от молодых особей, проксимальной частью плюсны некрупной взрослой особи и каменистой костью черепа, соответственно из 5-го, 10-го и 11-го слоев (рис. 5). В данной ситуации приходится привлекать дополнительные данные: геологический возраст памятника и вероятность попадания в него костей поздних для данного региона бовид.

Это может быть *Bos taurus*, крупный рогатый скот, чьи кости обладают рядом общих признаков с указанными крупными дикими Bovidae.

Однако крупный рогатый скот появился на Сахалине вместе с русскими переселенцами во второй половине XIX века, и памятники этого возраста в окрестностях пещеры Останцевой не известны. Кроме того, сохранность экземпляров в общих чертах соответствует таковой основной массы материала. Учитывая эти обстоятельства, даже при недоборе диагностических признаков правомерно предполагать среди указанных экземпляров остатки одного или более из указанных выше видов крупных диких быков.

Косуля, *Capreolus*. В современной фауне Сахалина отсутствует. Кости косули обнаружены в двух придонных слоях: 11-ом и 12-ом. Причем в слое 12-ом сохранность первой фаланги плохая, а в слое 11-ом диафизы плюсны сохранились хорошо. В ископаемом состоянии косуля уже была определена в археологических памятниках Сахалина более позднего возраста: пещера Иконникова и Невельск-2¹⁰. В Амуро-Уссурийском крае наиболее характерные ее местообитания – низкогорные ландшафты с мягкими формами рельефа, лесостепь с лиственничным разнотравьем, леса с густым подлеском и лугами.

Крупный представитель рода пантер, *Panthera* sp. В современной фауне Сахалина отсутствует, хотя еще во второй половине XX века зафиксированы заходы с материка на Сахалин тигра. В ископаемом виде определен впервые, по единственному зубу из сл. 8 (последний молодой индивид, нижний, рис. 6). Видовая принадлежность пока выясняется. Наиболее вероятны два вида: тигр¹¹ и пещерный лев. Возможно, кто-то из этих опасных хищников использовал пещеру для выведения потомства или в качестве более-менее постоянного логова; кроме того, он вполне мог добывать там залежь на зиму медведей.

Светлый хорь (?), *Mustela* cf. *eversmanni*. В современной фауне Сахалина отсутствует. Представлен единственной нижней правой челюстью. Это первая находка на Сахалине и самая восточная для ареала вида. В настоящее время восточный предел распространения светлого хоря – степные райо-

⁷ Алексеева, Э. В. Ископаемые остатки снежного барана на Сахалине / Э. В. Алексеева // Вестник ДВО РАН. – 1995. – № 6. – С. 92–93.

⁸ Попов, М. В. Определитель млекопитающих Якутии / М. В. Попов. – Новосибирск : Наука, 1977. – 424 с.

⁹ Попов М. В. Указ. соч.

¹⁰ Алексеева, Э. В. Археозоологические исследования на Сахалине / Э. В. Алексеева // Краеведческий бюллетень. – № 1. – Южно-Сахалинск, 1990. – С. 48–49; Алексеева, Е. А. Пещера Иконникова и ее ископаемая фауна / Е. А. Алексеева, С. В. Горбунов, А. В. Пантелеев // Краеведческий бюллетень. – 2000. – № 2. – С. 111–114; Алексеева, Э. В. Каталог археологических памятников Сахалина с раковинными кучами и остатками фауны / Э. В. Алексеева В. А. Раков, С. В. Горбунов.

¹¹ Кириллова, И. В. Млекопитающие Центрального Сахалина в голоцене по материалам из пещеры Останцевой / И. В. Кириллова // Динамика современных экосистем в голоцене : материалы Российской научной конференции 2–3 февраля. – 2006. – М. : КМК, 2006. – С. 92–98.

Рис. 5. Кости крупных Bovidae из колодца: 1 – бедренная; 2 – лучевая; 3 – плюсневая.
Слева – вид спереди, справа – вид сзади

Рис. 6. Последний правый нижний молочный премоляр зуба *Panthera sp.*,
вид с наружной (а) и внутренней (б) сторон

ны Приамурья¹². Излюбленные места обитания – равнинные и нагорные степи, залежи, пустоши, выпасы, пологие склоны логов и балок, окраины тростниковых займищ у степных озер.

Копытный лемминг, *Dicrostonyx* sp. В современной фауне Сахалина отсутствует. Типичный обитатель тундры. Распространение циркумполярное. Единичные зубы и нижняя челюсть из нижней части колодца – первая и самая юго-восточная находка¹³. Остатки мелких млекопитающих попадали в колодец с погадками крупных птиц; тушки добытых зверьков могли приносить в пещеру мелкие хищники.

Азиатский длиннохвостый суслик, *Spermophilus undulates*. В современной фауне Сахалина отсутствует. Из верхней части колодца происходят в основном кости посткраниального скелета, а из нижней – нижние челюсти. Это первая находка на Сахалине, самая восточная в древнем ареале¹⁴. Населяет преимущественно луго-степи и степи горных и предгорных районов, а также склонов речных долин в прилежащих равнинах. Плейстоценовые остатки известны на территории бывшего СССР из алтайских пещер, Западного Забайкалья и района средней Ангары в составе «смешанной» фауны, где обнаружены вместе с копытным леммингом¹⁵. Эти же авторы отмечают увеличение размеров длиннохвостого суслика с запада на восток.

Соотношение костей млекопитающих разных видов в коллекциях из предвходовой части и колодца заметно различается. Так, в предвходовом шурфе по числу остатков доминирует северный олень (40 %) и снежный баран (30 %); значительная доля кабарги (22 %). На все остальные виды приходится 9 %, причем доля медведя – всего 1 %. В колодце же устойчиво преобладают кости медведя (до 50 %) и зайца. Заметна доля северного оленя и снежного барана. Кабарга весьма немногочисленна. В фауне колодца отсутствует лошадь, зато есть крупные бовиды, косуля, светлый хорь, крупная пантера, суслик и копытный лемминг, остатков которых нет в шурфе.

Прямые свидетельства того, что пещеру посещал человек – орудия, найденные в колодце, преимущественно каменные. Всего на глубине от 0,45 до 5,75 м обнаружено 19 артефактов, из них 15 на-

конечников стрел, две ножевидные пластины неправильной формы, скребок и отщеп. Скребок, изготовленный из красной яшмы, мог использоваться одновременно как скобель и нож. Ножевидные пластины изготовлены из серого кремня. Одна из них обработана односторонней крутой ретушью с дорсальной стороны.

Наконечники изготовлены преимущественно из красной яшмы (12 экз.), причем большинство из них удлинено треугольной формы с выемкой в основании. Два орудия изготовлены из окремненного алевролита и аргиллита. Наиболее интересна находка наконечника № 1 (рис. 7) из черного обсидиана. По результатам исследований 1990-х годов, обсидиан происходит из района Сиратаки (месторождения Акаишияма и Хорозава) на острове Хоккайдо.¹⁶ Все остальные орудия изготовлены из каменного сырья, найденного в окрестностях горы Вайда.¹⁷ Только один артефакт – рукоятка орудия – изготовлен из рога лося (определение А. Н. Тихонова, ЗИН РАН, Санкт-Петербург). Орудия из колодца типичны для набора, необходимого для добычи и разделки крупного зверя.

Пребывание человека зафиксировано не только по артефактам, но и по уже упомянутым следам на некоторых костях. К ним относятся: 1) искусственные повреждения при разбивке костей; 2) тонкиерезы на бедренной кости медведя (разделка туши); 3) следы ножа на лопатке копытного среднего размера (срезание мяса); 4) искусственные отверстия на двух черепах медведей (забой).

Животный мир в окрестностях горы Вайда, судя по комплексу остатков млекопитающих, прежде был более разнообразен, чем в настоящее время. Фауна млекопитающих из колодца представляет осредненную выборку во временном и пространственном отношении, так как включает животных не только разных временных срезов, но и разных биотопов. Снежный баран, как и северный олень, характеризует условия открытых нивальных ландшафтов (например, гольцовых). Песец, копытный лемминг и суслик указывают на перигляциальные условия, а крупные бовиды и лошадь свидетельствуют о существовании открытых пространств. К лесным жителям относятся рысь, соболь, кабарга; лось и косуля – обитатели разреженных лесных

¹² Павлинов, И. Я. Млекопитающие. – Ч. 1, 2. Жизнь животных. Природа России / И. Я. Павлинов. – М.: Астрель, 1999. – 608 с., 624 с.

¹³ Кириллова, И. В. Остатки сусликов в позднплейстоценовых отложениях пещеры Останцевая (о-в Сахалин) / И. В. Кириллова, А. С. Тесаков // Суслики Евразии (роды *Spermophilus*, *Spermophilopsis*): происхождение, систематика, экология, поведение, сохранение видового разнообразия: материалы российской научной конференции 16–17 ноября. – 2005. – М.: КМК, 2005. – С. 43–44.

¹⁴ Кириллова, И. В. Тесаков А. С. Указ. соч.

¹⁵ Громов, И. М. Фауна СССР. Млекопитающие / И. М. Громов, Д. И. Бибиков, Н. И. Калабухов, М. Н. Мейер. – Т. III. – Вып. 2: Наземные белчьи. – АН СССР. ЗИН. Новая серия № 92. – М.-Л.: Наука, 1965. – 468 с.

¹⁶ Кузьмин, Я. В. Вулканические стекла Дальнего Востока России. Геологические и археологические аспекты / Я. В. Кузьмин, В. К. Попов. – Владивосток, 2000. – 168 с.

¹⁷ Gorbutov S. V. Ancient cults and cult animals from the caves of Sakhalin // Okhotsk Culture Formation, Metamorphosis and Ending. Sapporo, 2002. – P. 170–174.

биотопов. Волк, лисица, россомаха и горностаи могут обитать в разных ландшафтных условиях. Бурый медведь населяет лесную, лесостепную и отчасти тундровую зоны, а также горные области.

Остеологические материалы из пещеры Останцевая дополнили список млекопитающих, обитавших на Сахалине в прошедшие эпохи. Кроме уже известных из других памятников снежного барана, лося и косули, в список добавлены впервые обнаруженные на Сахалине крупная пантера и светлый хорь (?).

Прежде информация о холодных эпохах Сахалина была зафиксирована в основном по данным палинологии и геоморфологии, а также по единичным находкам зубов мамонта. Теперь данные подкреплены находками костей еще двух крупных представителей мамонтового фаунистического комплекса – крупных бовид и лошади – а также двух видов мелких млекопитающих – длиннохвостого суслика и копытного лемминга. Существование этих животных сопряжено с перигляциальными условиями.

Относительный геологический возраст находок из отложений колодца, судя по преобладанию остатков современных животных, в сочетании с единичными остатками представителей ледниковой эпохи, охватывает диапазон от финального плейстоцена до раннего голоцена (время «доживания» последних на фоне сменяющихся ландшафтов). Это не противоречит ^{14}C датировкам.

Таким образом, рыхлые отложения пещеры Останцевой зафиксировали процесс смены жи-

вотных финального плейстоцена животными первой половины голоцена, то есть фактически современными. На сегодня это самые древние на Сахалине отложения, включающие артефакты и многочисленные остатки млекопитающих одновременно. Можно ожидать, что последующие находки не только дополнят список животных, но и введут в научный оборот новые данные о среде обитания древнего человека и взаимодействии его с окружающим миром.

Фауна млекопитающих центрального Сахалина на рубеже плейстоцена и голоцена была богаче современной и давала древнему человеку выбор промысловых видов. Формирование современного животного мира происходило под воздействием двух основных факторов: изменения среды обитания и влияния человека. Если вымирание перигляциальных видов (мамонт, лошадь, крупные бовиды, песец и др.) было связано, в основном, с изменениями физико-географических условий на фоне расширения лесных биотопов со свойственной им фауной, то исчезновение лося, благородного и пятнистого оленя, косули, снежного барана и ряда других – результат деятельности современного человека в Новое и Новейшее время – XVIII–XX вв. Причем процесс продолжается и в настоящее время. Один из последних тому примеров – полное истребление дикого северного оленя и резкое падение численности кабарги в районе горы Вайда, несмотря на объявление прилегающей к ней территории памятником природы.

**К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И ВОЗРАСТЕ
ОТЛОЖЕНИЙ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА
«СЕННАЯ-1», ЮЖНЫЙ САХАЛИН**

Микишин Юрий Анатольевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории палеоэкологии кайнозоя Дальневосточного геологического института ДВО РАН. Автор более 130 научных работ по геоморфологии и палеогеографии Сахалина, Нижнего Приамурья и Приморья. Область научных интересов: палеогеография голоцена и плейстоцена юга Дальнего Востока

Раннепалеолитический памятник «Сенная-1» находится в юго-восточной части острова Сахалин, вблизи побережья Охотского моря. Расположен на восточной окраине террасовала, занимающего пограничное положение между северной окраиной Сусунайской депрессии и низкогорным Долинским хребтом (рис. 1). Террасовал имеет ширину 2–3 км, протягиваясь между реками Мал. Подлесная и Березовка на 12 км почти в меридиональном направлении. Преобладающие высотные отметки уплощенной вершинной поверхности террасовала составляют 60–80 м, реже 100 м. Некогда единая поверхность предгорной аллювиально-пролювиальной равнины, останцом которой является террасовал, в настоящее время расчленена реками на целый ряд узких (0,4–1,3 км) плоскостершинных гряд, понижающихся в восточном и юго-восточном направлении, в сторону Охотского моря. Отложения, слагающие террасовал, вскрыты на его склоне, на правом берегу р. Сенной, на абсолютной высоте около 50 м. На юго-восточной стенке раскопа, вскрываются следующие отложения, в см:

- 0–9 – дерновый горизонт современной почвы – супесь желтого цвета с корнями трав;
- 9–24 – суглинок легкий желтовато-бурого цвета;
- 24–103 – галечник из мелкой и средней гальки, полуугловатой и полуокатанной, реже – окатанной формы, с супесчаным заполнителем рыжевато-бурого цвета. Галька различного петрографического состава (фельзиты, туфы, песчаники), сильно выветренная, при сжимании в руках отдельные обломки рассыпаются до состояния плотного песка;
- 103–123 – суглинок легкий серого цвета, с включением гравия и с прослоями буровато-желтого цвета;
- 123–190 – галечник, аналогичный слою 24–103 см.

Галечники с супесчаным заполнителем рыжевато-бурого цвета и прослоями суглинка, слагающие нижнюю часть разреза в интервале 24–190 см

и содержащие артефакты раннепалеолитического возраста, имеют аллювиально-пролювиальный генезис и накапливались в долине палеореки у подножия Долинского хребта, куда они сносились временными водотоками. Водная обстановка осадконакопления подтверждается не только литологическим составом, но и постоянным присутствием отдельных створок и колоний диатомовых водорослей *Aulacoseira granulata* (Ehr.) Sim., распространенных в планктоне различных пресноводных водоемов умеренной зоны, но более характерных для озер. Чаще они встречаются в прослое суглинка, в интервале 103–123 см. Также в этих отложениях отмечены и споры водного папоротника *Salvinia*, растущего в стоячих и медленно текущих водах мелких пресных водоемов.

Спорово-пыльцевой анализ отложений памятника в раскопе 2000 г., выполненный ранее, выявил их слабую насыщенность пылью и спорами (Беянина и др., 2008). В результате повторного отбора образцов в 2005 г. была получена более полная палинологическая характеристика. Пыльца и споры в количестве, достаточном для подсчета процентного участия, были обнаружены лишь в верхней части слоя галечников, в интервале 24–50 см. Нижележащие горизонты разреза содержат пыльцу и споры тех же растений, что и в верхнем слое, но в меньшем количестве, не позволяющем рассчитать проценты. Спорово-пыльцевой комплекс Se-1, описанный в этих отложениях, характеризуется преобладанием в общем составе спор, представленных преимущественно папоротниками *Polypodiaceae* (57–71 %), и, в меньшей степени, плаунами (рис. 2). Содержание пыльцы деревьев и кустарников невысоко – 18–38 %. Пыльца травянистых растений, образованная осоковыми и разнотравьем, занимает наименьшую долю спектра – 5–11 %. Среди пыльцы деревьев доминируют березы (15–54 %), в меньшей степени – темнохвойные породы, среди которых пихта (17–40 %) постоянно преобладает над елью (15–29 %). Из пыль-

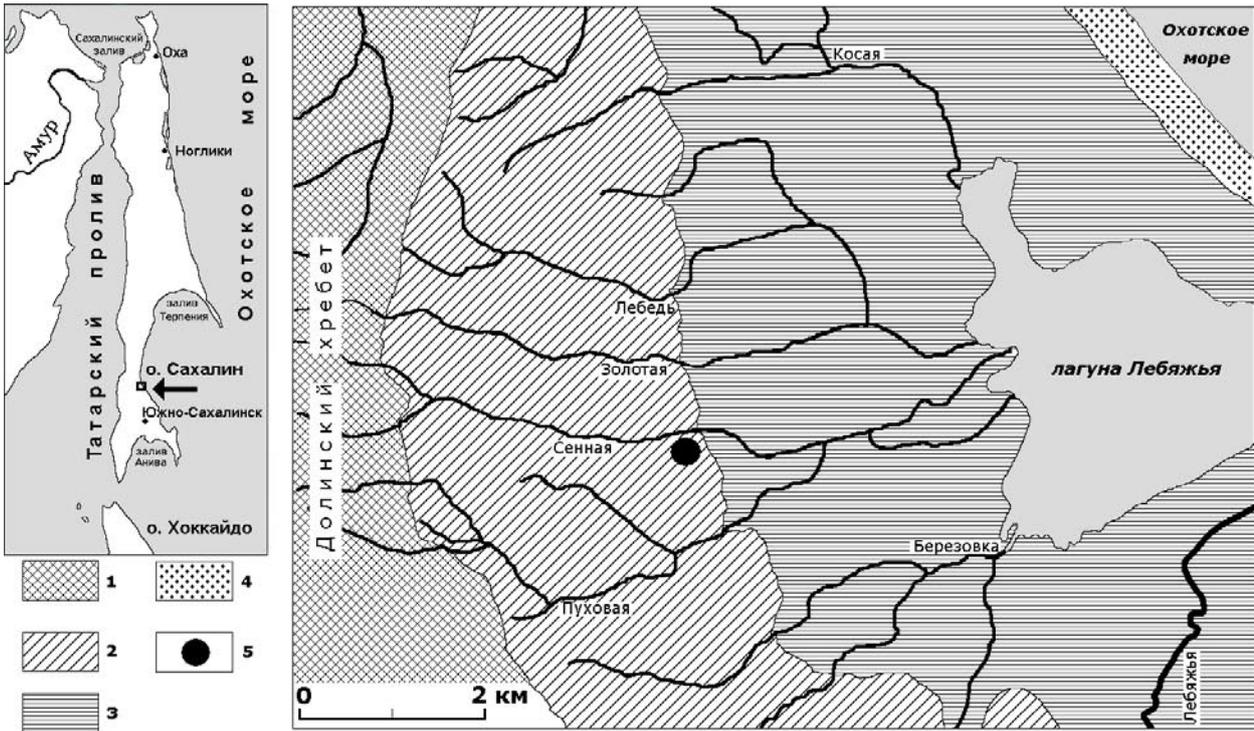

Рис. 1. Схема рельефа в районе расположения памятника «Сенная-1»
 1 – низкорельеф (300–700 м); 2 – предгорный террасовал среднеголейстоценового возраста (60–100 м); 3 – среднеголоценовая лагунная терраса (3–7 м); 4 – позднеголоценовая морская терраса волновой аккумуляции (2–4 м); 5 – раннепалеолитический памятник «Сенная»

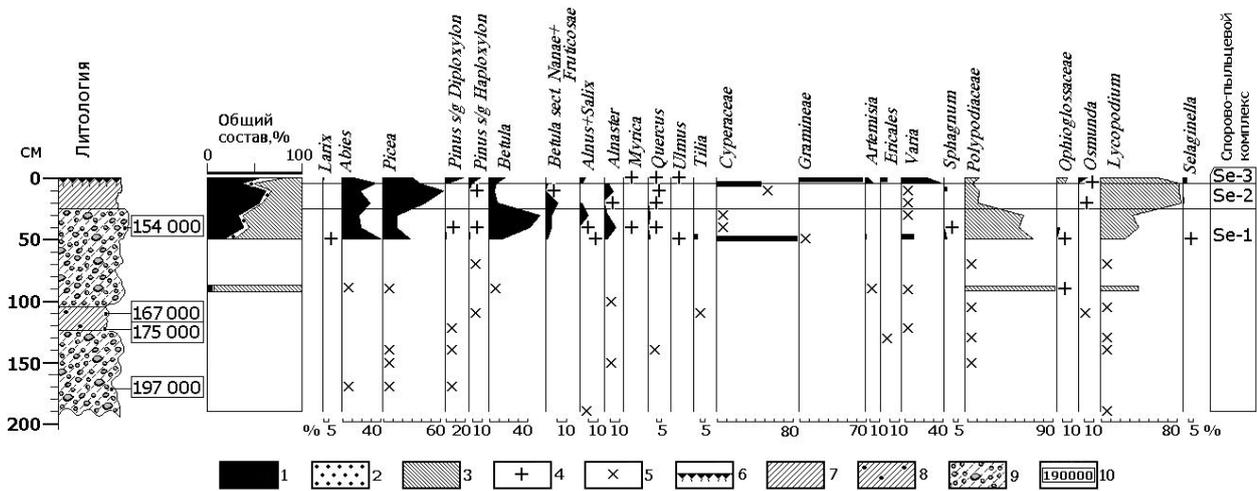

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений памятника «Сенная-1»
 1 – пыльца деревьев и кустарников, 2 – пыльца трав и кустарничков, 3 – споры,
 4 – содержание пыльцы и спор менее 1 %, 5 – процентное содержание не подсчитано из-за малого числа обнаруженных зерен, 6 – дерновый горизонт современной почвы, 7 – суглинок, 8 – суглинок с гравием, 9 – галечник с супесчаным заполнителем, 10 – оптико-люминесцентная датировка

цы других древесных пород чаще встречаются ольховник (3–12 %), ольха (до 9 %), кустарниковые березы (2–6 %). Пыльца широколиственных деревьев в сумме составляет от 0,4 до 6,1 %. Она представлена как дубом (*Quercus*), так и липой (*Tilia*), не произрастающей в настоящее время на Сахалине, причем в количестве до 4 %, исключая ветровой занос с других территорий, в первую очередь с о. Хоккайдо, как это происходит в настоящее время. Состав спорово-пыльцевого комплекса Se-1 наиболее близок к субфоссиальному комплексу долинных лесов подзоны темнохвойных лесов с преобладанием пихты и примесью широколиственных пород южной части Сахалина (Микишин, Гвоздева, 2009). Он однозначно указывает на распространение в районе памятника «Сенная-1» в период накопления галечников долинных лесов, состоящих из берез, в меньшей степени ольхи и ивы, росших среди темнохвойной тайги с преобладанием пихты и примесью широколиственных пород. Они существовали в условиях, соответствующих параметрам современного климата на юге Сахалина.

Из северной стенки раскопа памятника было получено четыре оптико-люминесцентных датировки, позволяющие отнести время накопления галечников ко второй половине среднего плейстоцена (Нагатоми и др., 2008). Нижняя дата, с глубины 160 см, имела абсолютный возраст $19\,7000 \pm 32\,000$ л. н., средняя, с глубины 125 см и интервала 110–115 см, соответственно $175\,000 \pm 28\,000$ л. н. и $167\,000 \pm 19\,000$ л. н., и верхняя, с глубины 40 см – $154\,000 \pm 15\,000$ л. н. Большинство абсолютных дат моложе 190 000 л. н., что выходит за хронологические рамки межледниковой эпохи второй половины среднего плейстоцена или «раннего ресс-вюрма», возраст которой определяется в 245–190 тыс. л. н. (Зубаков, 1986) и больше тяготеет к сменившему ее ледниковью. В то же время данные спорово-пыльцевого анализа однозначно свидетельствуют о межледниковых климатических условиях периода формирования отложений.

По данным А. Н. Александровой (1982), отложения, развитые в прибортовых частях сахалинских депрессий, имеющие грубый механический состав, плохую сортировку и представленные ритмичным переслаиванием галечников, суглинков и супесей, относятся к среднеплейстоценовым. Они аналогичны тем, что вскрыты и в районе памятника «Сенная-1». Значительные, до 100 м, абсолютные отметки вершинной части террасовала также свидетельствуют в пользу до позднеплейстоценового времени его формирования.

Вышележащий слой, в интервале 5–24 см, охватывающий делювий, представленный желтовато-бурым суглинком, и нижнюю часть дернового горизонта почвы, накапливался, скорее

всего, в позднем голоцене, в менее благоприятных климатических условиях, чем современные на юге острова. Спорово-пыльцевой комплекс Se-2 (рис. 2) этого слоя соответствует субфоссиальному комплексу современных елово-пихтовых лесов средней части острова (Микишин, Гвоздева, 2009). Спорово-пыльцевые спектры, имеют лесной тип, с преобладанием в общем составе пыльцы древесных растений (55–62 %), а в группе пыльцы деревьев и кустарников – темнохвойных пород: ели (45–62 %) и пихты (19–29 %). Пыльца остальных древесных представлена, в основном, небольшим содержанием мелколиственных пород и фригидных кустарников: береза (6–9 %), ольха (до 3 %), кустарниковые березы (до 13 %), ольховник (до 9 %). Пыльца широколиственных деревьев (дуб) встречена единично. Среди трав отмечаются осоковые и разнотравье, среди спор господствуют плауны (82–84 %), реже отмечаются папоротники *Polypodiaceae* (до 15 %).

Поверхностный слой, охватывающий лесную подстилку и верхнюю часть дернового горизонта почвы в интервале 0–5 см, содержит спорово-пыльцевые спектры (Se-3), отражающие современную растительность территории, представленную березняками, распространившимися на месте вырубленных пихтово-еловых лесов, и посадками сосны (рис. 2).

Комплексное изучение отложений памятника «Сенная-1», содержащих артефакты раннепалеолитического возраста, позволяет отнести их к аллювиально-пролювиальным, сформировавшимся в континентальных условиях в палеодолине реки. Они накапливались во время межледниковой эпохи второй половины среднего плейстоцена, в климатических условиях, близких к современным в южной части Сахалина.

Литература

1. Александрова, А. Н. Плейстоцен Сахалина / А. Н. Александрова. – М. : Наука, 1982. – С. 192.
2. Белянина, Н. И. Спорово-пыльцевой анализ отложений разреза Сенная-1 / Н. И. Белянина, Ю. А. Микишин, А. А. Василевский // Каменный век Сахалина. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 2008. – С. 250–252.
3. Зубаков, В. А. Глобальные климатические события плейстоцена / В. А. Зубаков. – Л. : Гидрометеоиздат, 1986. – 288 с.
4. Микишин, Ю. А. Субфоссиальные спорово-пыльцевые комплексы Сахалина и прилегающих территорий / Ю. А. Микишин, И. Г. Гвоздева. – Владивосток : изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 162 с.
5. Нагатоми Ц. Абсолютная хронология отложений разреза Сенная-1 / Ц. Нагатоми, Ё. Шитаока, А. А. Василевский // Каменный век Сахалина. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 2008. – С. 246–247.

**ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА ЗДОРОВЬЕ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Ефанов Валерий Николаевич – доктор биологических наук, декан естественнонаучного факультета СахГУ, заведующий кафедрой экологии и природопользования. Сфера научных интересов – экология животных сообществ, динамика численности рыбных популяций. Автор 110 научных работ и 150 научно-производственных отчетов.

Работа финансируется Министерством образования и науки РФ по теме №1.2.09 «Оценка и управление факторами риска, воздействующими на состояние здоровья пожилого населения Сахалинской области. Фундаментальное исследование» (тематический план научно-исследовательских работ ГОУ ВПО «Сахалинский государственный университет», проводимых по заданию Федерального агентства по образованию в 2009 году).

Актуальность. Районы, приравненные к северным территориям, занимают более четверти площади России. Они представляют перспективные земли для дальнейшего освоения. Однако эти территории характеризуются своеобразным неблагоприятным комплексом природных факторов, воздействующих на организм человека. Сложность природно-климатических условий, экологическая «хрупкость», однобокость структуры экономики, основанной на добыче и переработке в основном не возобновляемых ресурсов, недостаточная развитость здравоохранения – все эти и другие факторы влияют на демографические процессы и состояние здоровья проживающего населения, особенно социально неактивного – пожилых людей [1, 2].

Погодно-климатические условия любого более или менее обширного региона отличаются друг от друга. Сахалинская область уникальна тем, что, являясь единственной в нашей стране областью, расположенной на островах, она не только попадает в зону циркуляции, характерную для стыка Евразийского континента и Тихого океана (как, например, материковую часть Дальнего Востока), но, будучи окруженной морями и другими водными пространствами с различным температурным режимом, испытывает их непосредственное влияние. Ведь длина береговой линии только Сахалина равна 2,5 тыс. км. Холодное восточно-сахалинское течение формирует в пределах области более низкие температуры летних месяцев, а юг Сахалина находится под влиянием теплого Японского моря. Имеют существенное значение и особенности рельефа. Север Сахалина представляет собой пологую холмистую равнину. Средняя и южная части острова заняты меридиально-простирающимися

горными системами – Западно-Сахалинским и Восточно-Сахалинским хребтами, между которыми находятся Тымь-Поронайская, Сусунайская и Муравьевская низменности. Горные хребты предохраняют внутренние части долин и западное побережье Сахалина от влияния холодного Охотского моря. Рельеф Курильских островов преимущественно вулканический. Морские террасы окаймляют острова на разных высотных уровнях [3]. Отмечаются существенные различия климатических условий на севере и юге, западном и восточном побережье Сахалина. Многие объясняется тем, что Сахалин вытянут в меридиальном направлении на значительное расстояние (948 км.), а длина Большой Курильской гряды приближается к 1200 км.

В целом климат Сахалинской области можно охарактеризовать как муссонный климат умеренных широт. Для него характерна сезонная смена циркуляционных процессов в атмосфере, возникающая под влиянием повышенного давления над Евразийским континентом зимой и над Тихим океаном летом. Сахалин и Курильские острова, расположенные в непосредственной близости к Охотскому морю и Тихому океану, попадают в зону активной циклонической деятельности. Водная поверхность, аккумулируя за лето тепло солнечной энергии, зимой способствует прогреванию холодных воздушных масс, поступающих с севера и северо-запада. Летом же сказывается охлаждающее влияние морей и водных поверхностей, особенно более холодного Охотского моря. Температура воды в Охотском море даже в августе остается низкой. В районе западного побережья островов Большой Курильской гряды, где на поверхность выходят глубинные воды, температура воды равна

лишь 5–6 °С. Весной и в начале лета охлаждающее влияние моря проявляется и в том, что лучше прогреваются внутренние долины, чем прибрежные районы. Осенью же наоборот: теплее на берегах и холоднее в долинах [4].

Жизнь современного человека в значительной мере характеризуется уменьшением зависимости от воздействия ряда неблагоприятных факторов окружающей среды, но взаимодействие живого организма с природными факторами все же остается важнейшим условием для его нормального биологического развития. Природно-климатические факторы важны в связи с патогенетическим воздействием на здоровье человека и здоровье населения в целом. Значительные колебания метеорологических элементов, характерные для климата Сахалинской области, вызывают снижение защитных функций организма человека, развитие различных патологических состояний. Большая суточная и межсуточная изменчивость температуры воздуха при переохлаждении и перегреве создает значительную нагрузку на терморегуляторную систему организма человека. Повторяемость туманов с морозящими осадками, большое количество пасмурных дней, сильные ветры в сочетании с высокой влажностью и недостатком кислорода могут вызвать переохлаждение, изменение тонуса сосудов и способствовать его развитию, привести к снижению иммунитета. Сочетание высокой влажности с субнормальной температурой создают благоприятные условия развития и распространения простудных заболеваний органов дыхания, в том числе и хронических, сердечно-сосудистых заболеваний и раковых опухолей.

Для жителей Сахалинской области наибольшее практическое значение имеют три основных момента, связанных с воздействием на организм природно-климатических факторов:

1) влияние местного природно-климатического комплекса на постоянно проживающих в пределах области;

2) влияние погодно-климатических условий при контрастной их смене, связанной с временным выездом за пределы области;

3) влияние местных погодно-климатических условий при возвращении с материка в пределы области.

Сдвиги, производимые в организме колебаниями погодообразующих факторов, будут определяться, прежде всего, степенью их изменчивости, а также состоянием организма, степенью устойчивости его компенсаторных реакций [3].

В связи продолжающимся процессом рассмотрения зависимости в системе «человек – природная среда» все большее значение имеют экологические закономерности формирования здоровья и его нарушения. Поэтому необходимо критически оценивать использование и трактовку получившей широкое хождение формулы соотношения долевого вклада нарушение здоровья таких обобщенных факторов, как генетика (около 20 %), природная среда (около 20 %), образ жизни (более

50 %) и система здравоохранения (10 %) [5]. На основании данного соотношения в медицине часто делают ошибочные выводы об относительно небольшой степени воздействия неблагоприятных природных факторов на здоровье населения, что стало следствием формального переноса названной формулы из зарубежной литературы без адаптации ее к совершенно иной экологической ситуации, которая складывается в России [6, 7].

Поддержание нормальной жизнедеятельности организма в неадекватных условиях окружающей среды нуждается в дополнительном расходовании физиологических резервов, что в случае длительного воздействия неблагоприятных факторов на организм приводит к более интенсивному функционированию адаптационных механизмов, их перенапряжению и, следовательно, повышенному расходованию энергетических и пластических ресурсов. Основное условие сохранения гомеостаза состоит в том, чтобы возникающие при действии неблагоприятных факторов среды дезадаптационные сдвиги не выходили за пределы резервных возможностей организма. С другой стороны, предъявление организму функциональных нагрузок может вести к еще большему увеличению энергетических трат, ускоренному расходованию и истощению резервных возможностей, тем самым создавая почву для развития патологических процессов и их ускоренной хронизации. Это важное положение совпадает с обще-патологическими представлениями о том, что приспособление организма к неадекватным внешним влияниям сопровождается снижением надежности физиологических систем и нередко достигается ценой значительных морфологических и функциональных сдвигов, уходящих в область патологии. К настоящему времени накопилось достаточно большое число экспериментальных и клинических данных, подтверждающих данную теорию [6, 8].

Так, на примере сердца была выявлена стадийность адаптивных перестроек организма, приводящих через последовательную смену состояний гиперфункции, гипертрофии и недостаточности органа, к формированию хронического патологического процесса [8]. При этом была отмечена функциональная взаимосвязь между адаптивной гиперфункцией, возрастанием энергообеспечения и активацией генетического аппарата клетки для обеспечения напряженной деятельности приспособляемого органа энергетическими и пластическими субстратами, что представляет собой ключевое звено всех форм долговременной адаптации к различным факторам среды и реализуется однотипно во всех физиологических системах организма.

Длительное влияние на организм факторов среды рано или поздно сопровождается снижением надежности компенсаторно-приспособительных механизмов с формированием хронических патологических процессов. В частности, на примере миокарда показано, что нарушение адаптации проявляется в уменьшении плотности

симпатической иннервации и числа капилляров на единицу массы сердечной мышцы; в снижении массы энергообразующих структур; в снижении мощности аэробного ресинтеза АТФ; в снижении синтеза нуклеиновых кислот и белков; в изнашивании структур клетки, ответственных за адаптацию и т. д. [8, 9]. Так был сформулирован синдром регенеративно-пластической недостаточности, который был описан на примере сердца, печени, органов пищеварения, дыхательной и выделительной систем. При этом было показано, что в основе регенеративно-пластической недостаточности находится нарушение биосинтеза белков. Все перечисленное способствует развитию атрофических и дистрофических изменений в клетке, декомпенсации жизненно важных функций организма и формированию так называемых первично хронических патологических процессов, которые приводят к раннему увяданию организма и старению.

Многими исследователями [10, 11] была отмечена связь недостаточности процессов биохимической регенерации тканей, снижения активности анаболических и репаративных реакций и, как следствие этого, уменьшение количества клеток, развитие атрофии с проявлением признаков старения, которое проявляется в «дефекте репаративных корреляций». Являясь следствием долговременной длительной адаптации организма к экстремальным факторам среды, «дефект репаративных корреляций» в конечном счете может быть свидетельством возрастания структурной энтропии. Выделенные изменения относятся к числу важных патологических предпосылок формирования экологически обусловленных хронических заболеваний и развития старения, одним из обобщенных проявлений которых является рост индивидуальной энтропии. На сходство кривых возрастного изменения смертности и энтропии в свое время обращал внимание Гомперц, формула которого характеризует сущность процессов старения как накопления энтропии в биологических системах [12].

Следовательно, за долговременную адаптацию к длительному влиянию неблагоприятных факторов окружающей среды, которые в реальной ситуации действуют в комплексе, развиваются процессы «платы» в нижеследующем виде [7]:

- снижение социальной активности и работоспособности;
- формирование предрасположенности к различным заболеваниям;
- учащение возникновения острых и обострения хронических заболеваний;
- преждевременное старение организма;
- снижение показателей средней продолжительности жизни;
- ухудшение состояния здоровья последующих поколений.

Пожилое население представляет собой некую совокупность людей, живущих на определенной территории и с медицинской точки зрения различающихся по функциональному состоянию от-

дельных органов, систем, и всего организма. Эти различия индивидуальны. Тем не менее, эта группа людей с определенными особенностями функционирования организма, которые отражают общие тенденции. Физиологические системы постоянно изменяют свой уровень функционирования. К изменениям физиологических систем следует отнести и возрастные изменения функционального состояния. Они характеризуются рядом индивидуальных признаков-индикаторов: наличием седины, облысением, симптомом диагональной складки, ксантоматозом век и тела, симптомом кроличьего глаза, пигментными пятнами и возрастными невусами, поредением бровей или ресниц, географическим языком, трещинами на губах, частым герпесом, симптомом «червячка» – пульсирующей, уплотненной височной или локтевой артерией, симптомом красных пятен – телеангиоэктазиями, симптомом лейкокохии, амимичностью лица, сухостью кожи, симптомом темных шелушащихся ладоней и колен, гиперпигментацией кожи орбит, ладонных складок, скандированностью речи, гиперемией ладоней и подошв и др. [13]. Эти индивидуальные признаки старения у человека возникают не сразу, а постепенно, так как старению характерна гетерохронность различие во времени наступления выраженных проявлений старения. Так, к примеру, атрофия вилочковой железы у человека начинается в период полового созревания, а некоторые функции гипофиза сохраняются до глубокой старости. Гетеротропность – неодинаковая выраженность процесса старения в различных структурах организма, например, возрастные изменения в пучковой зоне коры надпочечников выражены меньше, чем в клубочковой и сетчатой зонах и т. д. [14].

Одни параметры организма снижаются после достижения зрелого возраста (ряд показателей памяти, физическая и умственная работоспособность, секреторная деятельность пищевых желез и др.). Другие показатели существенно не меняются с возрастом (концентрация сахара в крови, кислотно-щелочное равновесие, активность большинства ферментов и др.). Третьи показатели возрастают (синтез некоторых гормонов, артериальное давление, содержание холестерина, концентрация атерогенных липопротеидов и др.). Существуют общие фундаментальные механизмы проявления старения и их индивидуальная вариабельность. Так, учеными [14] было сформулировано положение о синдромах старения. Они характеризуются более выраженными проявлениями со стороны той или иной системы: нейрогенной, эндокринной, гемодинамической и др. Особенно важны синдромы, выделяемые по темпу старения ускоренное и замедленное. Ускоренное старение, характерное для рассматриваемой нами совокупности людей, проживающих в Сахалинской области, называют увяданием. Оно является основой для более раннего развития возрастной патологии (атеросклероза, ишемической болезни сердца, рака, диабета и др.) и тем самым одной из ведущих

причин сокращения продолжительности жизни.

Ускоренное старение развивается в результате действия комплекса внешних и внутренних факторов, к которым можно отнести неблагоприятные погодно-климатические факторы. Они в комплексе с другими усиливают и модифицируют вредное влияние друг друга и приводят к ряду относительно типовых обще-патологических нарушений в организме, что в конечном итоге сопровождается рядом прогностических социально-гигиенических, медико-биологических и демографических проявлений «платы» за приспособление организма к неадекватным условиям окружающей среды.

Обсуждение. При рассмотрении старения на уровне определенной совокупности людей, проживающих на определенной территории, необходимо рассмотреть долю людей пожилого возраста. Доля людей старше трудоспособного возраста, проживающих в Сахалинской области, на конец 2005 года составила 15,8 %. В городской и сельской местности она была одинакова. При этом среди горожан старше трудоспособного возраста мужчины составляли 25,2 %, женщины – 74,8 %. Среди сельчан, соответственно, – 26,7 % и 73,3 %. По темпам прироста населения старше трудоспособного возраста Сахалинская область занимает четвертое место после Республики Саха (Якутия), Магаданской и Камчатской областей. Согласно международным критериям, население страны считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше превышает 7 %. Население Сахалинской области перешло в разряд старых еще в 1997 году, так как удельный вес пожилого населения достиг 7,1 %. Рост населения старших возрастов в Дальневосточном регионе в целом, и в Сахалинской области в частности, идет более медленными темпами, чем в среднем по России. Население на Дальнем Востоке моложе, чем в среднем по России, а в Сахалинской области – моложе, чем в среднем по Дальнему Востоку. Так, доля лиц старшего возраста в 2005 году в Дальневосточном регионе составила 9,4 %, в целом по России – 13,9 %, в Сахалинской области – 8,8 %. Доля населения старших возрастов по всем районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям по сравнению со средним показателем России незначительна. Полагаем, что это явление объясняется главным образом социально-экономической политикой государства в Советский переход, направленной на привлечение в эти районы трудоспособных людей, которые ко времени достижения пенсионного возраста имели возможность обзавестись в благоприятных для жизни районах жильем и с достижением пенсионного возраста покидали Север. С переходом на рыночные отношения такой переезд для большинства пожилых и старых людей стал проблематичным.

По прогнозу Росстата к 2025 году доля населения старше трудоспособного возраста возрастет в нашей области до 21,7 %, доля населения старше 65 лет составит в 2015 году – 9,4 %, а в 2025 году – 12,5 %.

Динамика индикаторов старения для пожилого

возраста: ожидаемая продолжительность жизни и смертность имели следующую тенденцию.

Индекс ОПЖ за период с 2000 по 2005 годы уменьшился с 0,649 по 0,593. При этом индексы ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин составили в 2000 году 0,763 и 0,558, а в 2005 году 0,718 и 0,491, соответственно. Судя по значениям индексов ожидаемой продолжительности жизни мужчин (ОПЖМ) следует отнести к неудовлетворительной группе, так как по сравнению с ожидаемой продолжительностью жизни женщин (ОПЖЖ) их ОПЖ меньше в 1,4 раза. По прогнозам ученых уменьшение индекса ОПЖ и его переход в неудовлетворительную группу может привести через 20 лет к тому, что продолжительность жизни мужчин в регионах Дальнего Востока может снизиться до 50 лет, если реализация социально-экономического развития региона пойдет по пессимистическому сценарию.

Низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни в Сахалинской области могут быть связаны с тем, что население проживает в регионе с неблагоприятными социально-экономическими условиями в дискомфортных условиях природной среды. Однако такие явные низкие показатели ОПЖ региона в пределах одной страны вызывают тревогу. Известно, что показатели ОПЖ зависят от многих факторов, но особенно от социально-экономических. Об этом указывали в конце XIX – начале XX веков такие ученые и врачи, как А. П. Доброславин, Е. А. Осипов, В. О. Португалов, Ф. Ф. Эрисман [15].

Поэтому резкое уменьшение ОПЖ в Сахалинской области – следствие ухудшения социально-экономических условий жизни в регионе. Переход к новым экономическим условиям в регионе (рыночной экономике) привел к тому, что большинство людей испытали шок оттого, что государство уже не работает как раньше, контролируя жизненный цикл человека от рождения до смерти. В обществе стали усиленно процветать такие социальные заболевания, как нищета и бедность, вследствие чего увеличивается смертность, особенно у лиц с низкой социальной активностью. Пожилые люди, являясь в большинстве своем социально неактивными, с комплексом заболеваний, не могут полностью удовлетворять свои потребности, что и приводит к тому, что многие не хотят жить долго.

Убедительным примером возможности добиться увеличения продолжительности жизни населения целой страны путем общегосударственного системного решения экологических и социальных проблем является Япония. Так, если в Японии кривая ожидаемой продолжительности жизни идет неуклонно вверх и к началу 90-х годов достигает самых высоких значений в мире – 80 лет, то в СССР анализируемая кривая начинает снижаться с 60-х годов и продолжает снижаться вплоть до отрицательных значений в 90-е годы. Причем динамика отрицательного прироста населения сохраняется в России и достигает в последние годы величины, равной 0,5 % в год.

В случае с Японией обращает на себя внимание эффект значительного увеличения продолжительности жизни (уже через 7–9 лет), который согласуется с жесткой, последовательной политикой правительства от изменения промышленных технологий в области строительства жилья и учреждений до культуры питания, воспитания и образования [7]. При этом увеличение продолжительности жизни регистрируется в течение трех десятилетий.

Индексы смертности общей, мужской и женской (ИОС, ИСМ, ИСЖ) как в России, так и в Сахалинской области растут в сторону увеличения. Так, за период с 2000 по 2005 гг. индекс общей смертности составил 4,667 и 5,097, то есть вырос на единицу. Отмечено, что индексы смертности мужчин превышают индексы смертности женщин в возрастах от 65–69 лет от 2,3 раза до 2,7, а в возрасте 70 и более лет от 1,4 до 1,5 раз за исследуемый период. Рост индексов смертности связывают как с внутренними адаптационными возможностями организма, так и с внешними факторами. Этому способствуют воздействия неблагоприятного климата, загрязнение окружающей среды, высокая фоновая радиация, низкие социальные возможности пожилых людей, так как все они являются пенсионерами и в основном инвалидами, без возможности достаточно качественного лечения и выезда за пределы Сахалинской области. В возрасте старше трудоспособного основными причинами смерти являются болезни системы кровообращения, новообразования, несчастные случаи, в меньшей степени – заболевания органов дыхания, пищеварения и другие. По данным Росстата выявлено, что в 2005 году от болезней системы кровообращения умерли 67,7 % мужчин и 73,9 % женщин пожилого возраста. В 2005 году от новообразований умерли 15,8 % мужчин и 11,8 % женщин; от несчастных случаев погибли 6,5 % мужчин, женщин 4,3 %; от болезней органов дыхания соответственно 2,8 % и 1,9 %; от заболеваний органов пищеварения 4,2 % и 4,3 % мужчин и женщин. В 2000 году в возрасте 65–69 лет смертность мужчин составила 70,9 %, затем выросла до 86,2 % в 2005 году и превысила женскую смертность в 2,2 и 2,7 раз. В возрасте 70 и более лет смертность мужчин превышает женскую смертность в 1,4–1,5 раза.

В настоящее время активно формируется новое направление фундаментальной и прикладной науки «Профилактика старения», интенсивное развитие которой должно привести к преодолению демографического кризиса в России и увеличению продолжительности жизни. Основная задача этой науки заключается в профилактике хронических заболеваний и ранней смертности человека. Современный подход к проблеме управления здоровьем требует не только определения значимых для здоровья факторов, но и их реальной практической коррекции на уровне воздействия на здоровье пожилого и старого населения для продления активной и творческой жизни.

На фоне уменьшающихся показателей продол-

жительности жизни и увеличивающихся показателей смертности весьма негативно оценивается социальная возможность получить в пожилом возрасте качественную медицинскую помощь. Статистически выявлено, что в 2005 году пожилые люди, имеющие потребность обратиться в медицинское учреждение и не обратившиеся из-за невозможности оплатить медицинские услуги, составили 61,3 %, из них мужчины – 12,4 % и женщины 48,9 %. Это обусловлено низкими доходами населения: у 102,2 тысяч человек (19,3 %) доходы ниже прожиточного минимума. Отмечен рост социально-значимых заболеваний туберкулеза, алкоголизма, педикулеза, чесотки.

Заключение. Удельный вес пожилых и старых людей, проживающих в Сахалинской области на 2005 год, составил 8,8 % и продолжает увеличиваться.

В связи с долговременной длительной адаптацией у пожилых людей формируется ускоренный тип старения, который проявляется в уменьшении ожидаемой продолжительности жизни на 1,09 раза, в увеличении общей смертности в 1,09 раз, при этом смертность мужчин выше, чем смертность женщин в 1,34 раза.

Следовательно, дискомфортные природно-климатические факторы окружающей среды региона, которые, несомненно, имеют высокую значимость при длительном проживании, ухудшение социально-экономических условий усугубляют негативное воздействие на состояние здоровья пожилого населения. Более того, они вносят существенный вклад в сокращение продолжительности жизни, повышение заболеваемости и смертность пожилых людей.

В связи с этим важно решение задач, связанных с развитием профилактики заболеваний и старения, которые должны быть отнесены к приоритетным проблемам развития региона и безопасности России, так как люди – это главный ресурс, способный организовать все другие ресурсы для развития экономики региона.

Литература

1. Васильчиков, В. М. Реформа системы социальной защиты населения и качество жизни пожилых людей / В. М. Васильчиков // Клиническая геронтология. – 2006. – № 4. – С. 3–7.
2. Панфилова, Е. В. Старение населения в отражении теоретического анализа: закономерности развития процесса / Е. В. Панфилова, Т. Ю. Ложкина // Клиническая геронтология – 2007. – № 3. – С. 63–66.
3. Анкундинов, Ф. С. Сахалин и Курилы: природа, здоровье, жизнь / Ф. С. Анкундинов, В. А. Ведмицкий. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное издательство, 1992. – 174 с.
4. Дмитриев, А. Д. Экологические аспекты здоровья населения острова Сахалин / А. Д. Дмитриев, Н. М. Рогачева. – Владивосток : ДВНЦ АН СССР, 1986. – 100 с.
5. Протасов, В. Ф. Экология, здоровье и охрана

окружающей среды в России / В. Ф. Протасов. – М., 2001 г.

6. Гичев, Ю. П. Современные проблемы экологической медицины / Ю. П. Гичев. – Новосибирск : изд-во СОРАМН, 1996. – 174 с.

7. Гичев, Ю. П. Загрязнение окружающей среды и экологическая обусловленность патологии человека. Аналитический обзор / Ю. П. Гичев ; ГПНТБ СО РАН. – Новосибирск, 2003. – 138 с.

8. Меерсон, Ф. З. Адаптация, стресс и профилактика / Ф. З. Меерсон. – М. : Медицина, 1978. – 344 с.

9. Непомнящих, Л. М. Структурная реорганизация при экстремальных экологических воздействиях / Л. М. Непомнящих // Морфология. – 1977. – № 6. – С. 18–24.

10. Котовский Е. Ф. Проблемы космической биологии / Е. Ф. Котовский, Л. Л. Шимкевич. – М. : Наука, 1971. – Т. 15. – С. 387.

11. Подколзин, А. А. Количественная оценка показателей смертности, старения, продолжительности жизни и биологического возраста : учебно-методическое пособие для врачей / А. А. Подколзин, В. Н. Крутько, В. И. Донцов. – М., 2001. – 55 с.

12. Грекова, Т. И. Профилактика старения: протоколы медицинского обследования в курсах предупреждения преждевременного старения для здоровых лиц / Т. И. Грекова, А. И. Комарницкий // Профилактика старения. – 2003. – № 3.

13. Фролькис, В. В. Старение: воспоминание о будущем / В. В. Фролькис // Лечение и диагностика. – 1998. – № 1. – С. 41.

14. Эрисман, Ф. Ф. Введение к общедоступному руководству к предупреждению болезней и сохранению здоровья / Ф. Ф. Эрисман. – СПб., 1902.

15. Glinos A. D. Am. Acad Sci (NY). – 1978 – Vol. 90. – P. 592–599.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕДОВЫХ УСЛОВИЙ ОХОТСКОГО МОРЯ С ЦЕЛЬЮ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ, СВЯЗАННЫХ С НЕФТЕГАЗОВЫМИ ПРОЕКТАМИ

Минервин Игорь Георгиевич – первый проректор СахГУ, кандидат физико-математических наук, академик РАЕН, Международной академии наук о природе и обществе, Муниципальной академии. В 1981 году закончил физико-математический факультет Южно-Сахалинского государственного педагогического института. В 1985 году закончил очную аспирантуру с защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук при Ленинградском физико-техническом институте им. А. Ф. Иоффе АН СССР. Автор более 70 научных работ, изданных в России и за рубежом, в том числе трех монографий. Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Пищальник Владимир Михайлович – профессор кафедры геомониторинга и геоинформационных технологий СахГУ, кандидат географических наук, доктор технических наук. Автор более 100 научных работ, в том числе шести монографий. Сфера научных интересов: гидрохимия и загрязнения морских вод, прибрежная океанография, морские льды.

1. Введение

Охотское море является высокопродуктивной морской экосистемой и имеет исключительно важное промысловое значение как для России, так и для Японии. Хозяйственная деятельность человека приводит к нарушению экологического равновесия, возникновению аномальных природных и техногенных ситуаций: стихийных бедствий, катастроф и аварий. Помимо этого, человечество ежедневно сталкивается с множеством суровых природных явлений, которые воздействуя на продукт хозяйственной деятельности человека, увеличивают факторы риска, приводящие к экологическим катастрофам. Активное освоение шельфовых месторождений нефти и газа привело к увеличению строительства терминалов и причальных сооружений, а в районах их расположения – интенсивности судоходства. В условиях замерзающих морей для причальных и нефтепромысловых морских сооружений, а также судов существенную опасность представляет воздействие на них движущихся ледовых масс. При их круглогодичной эксплуатации важнейшей проблемой становится обеспечение безопасности. Целями данной работы, проводимой в Сахалинском государственном университете по программе устойчивого развития, являются исследование закономерностей пространственно-временной изменчивости ледовых условий Охотского моря и обоснование необходимости совершенствования методов оценки колебаний и трендов параметров состояния природных систем с целью повышения точности оценки и прогноза ледовых условий и, соответственно, уменьшения риска выполнения морских операций. Знание ледовой обстановки в предстоящий ледовый сезон является немаловажным фактором и для прибрежного рыболовства.

Одним из важнейших принципов устойчивого

развития является формирование полноценного общемирового гражданского общества, способного контролировать охрану окружающей среды и социально-экономическое развитие. В пользу этого утверждения говорит растущая озабоченность всего мирового сообщества вопросами глобальных угроз.

Важным ресурсом в выработке теоретико-прикладных положений концепции устойчивого развития, на наш взгляд, является региональная структура вузовского образования. Она должна зафиксировать проблемное поле, затрагивающее социальные, культурные и экономические аспекты концепции устойчивого развития региона, а также предложить эффективные формы сотрудничества образовательной среды, готовящей профессиональные кадры для производства и работодателей, работающих в этом направлении.

Практически все виды хозяйственной деятельности на замерзающих морях, а также решение задач анализа и учета гидрометеорологических условий во многом зависят от знания ледовой обстановки. Последнее диктуется тем, что ледовый покров, образующийся вследствие сложных механизмов взаимодействия атмосферы и океана, в свою очередь, существенно влияет на формирование климата и погоды, термического режима вод, изменение течений и другие гидрометеорологические процессы.

В последние 10–15 лет возник дополнительный интерес к ледовым проблемам Охотского моря из-за активного развития шельфовых проектов, которые предусматривают круглогодичное морское снабжение и обслуживание стационарных нефтегазодобывающих платформ. Важно учитывать то, что приблизительно половина года акватория

Охотского моря покрыта льдом. Морской лед оказывает физические и механические воздействия на гидротехнические сооружения. По этой причине в условиях замерзающего моря в наибольшей степени страдают бетонные и железобетонные конструкции, а также высока вероятность разрыва нефтепровода, соединяющего платформу и береговые сооружения, под действием ледовых масс.

В связи с этим у ученых Сахалинского государственного университета возникает повышенный интерес к оценке состояния ледяного покрова в Охотском море, так как совершенствование методов оценки колебаний и трендов параметров состояния природных систем с целью повышения точности оценки и прогноза ледовых условий позволит уменьшить риски при выполнении морских операций на нефтегазовых проектах в Охотском море.

2. Расчет ледовитости

Для оценки вариаций аномалий площади морских льдов в Охотском море нами были использованы расчетные ежемесячные площади ледового покрова в зимние сезоны с 1934–1935 по 2009–2010 годы, полученные по данным натурных наблюдений. По способу производства наблюдений за ледовым покровом и оценке его площади исследуемый период условно можно разделить на три этапа. На первом этапе с 1928–1929 по 1959–1960 годы вычисление площади ледового покрова и определение местоположения его кромок производились по нерегулярным (чаще попутным) судовым донесениям и эпизодическим данным ледовых авиационных разведок (Крындин, 1964). Данные за ледовые сезоны 1929–1934 годов были отбракованы из-за большого количества пропусков в наблюдениях. Имеющиеся отдельные пропуски данных в период с 1936 по 1951 годы (всего 17 % случаев) были восстановлены методом прямой интерполяции.

Информационную основу второго этапа (с 1956–1957 по 1991–1992 годы) составляли данные регулярных авиационных наблюдений. Полетные карты ледовой обстановки, включая данные прибрежных наблюдений гидрометеорологических станций и постов, усреднялись для каждой декады по всему морю. Вычисленные на их основе характеристики ледяного покрова эквидистантны, что позволило получить надежную статистику (Плотников и др., 1998; Плотников, 2002).

Наблюдения третьего этапа (с начала 1990-х годов по настоящее время) базируются на данных дистанционного зондирования Земли. Результаты анализа спутниковых снимков выставляются в интернете в виде геоинформационных карт-схем национальными центрами обработки гидрометеорологической информации Японии (Japan Meteorological Agency), США (National/Naval Ice Center) и России: государственным учреждением «Научно-исследовательский центр космической гидрометеорологии «Планета», а также Дальневосточным региональным центром приема и обработки дан-

ных (Режим доступа 1–4). Вычисления площадей ледового покрова по данным спутниковых наблюдений выполнялись по геоинформационным картам-схемам или спутниковым снимкам в среде MapInfo. Оценка точности расчетных параметров ледового покрова, полученных на разных этапах сбора информации и разными методами, требует самостоятельного исследования. По предварительным оценкам, ошибка расчетов на всех этапах сбора и обработки информации не выходит за пределы 10 % от оцененной площади ледяного покрова (Пищальник и др., 2011).

Известно, что площадь ледяного покрова в Охотском море подвержена значительной пространственной и временной изменчивости, особенно в начальный (декабрь) и завершающий (май-июнь) периоды ледового сезона (Плотников, 2002). С целью устранения высокочастотных шумов исследуемых рядов ледовитости морей, многими авторами используются различные приемы осреднения ледовой информации: вычисляются среднемесячные значения в период максимального (март) или среднезимние для периода устойчивого (январь-апрель или февраль-март) развития ледового покрова (Плотников и др., 1998; Устинова и др., 2002). Или, что то же самое, накопленные суммы площадей льда за соответствующие периоды (Пищальник и др., 2011). На наш взгляд физически более обоснован расчет площади ледового покрова с учетом приращения за каждый месяц льда (ΔS_i) к базовой площади (S_0) за январь или февраль на фазе увеличения ледовитости, то есть по март включительно ($S_0 + \sum \Delta S_i$). Вычисленные таким образом величины имеют более высокий коэффициент корреляции с другими гидрометеорологическими параметрами. Помимо этого, при различных способах расчета средних величин абсолютные значения экстремумов не совпадают во временных интервалах, что создает определенные неудобства при анализе рядов и делает несравнимыми результаты, полученные разными авторами. Покажем это на примере расчета ледовитости в Охотском море (табл. 1), анализируя даты и абсолютные величины аномалий двух последовательных экстремумов в рядах за период с 1935 по 2010 годы.

Анализ данных, приведенных в таблице 1, позволяет заключить, что при расчетах суммарных и средних аномалий ледовитости за одинаковый временной период даты наступления всех экстремумов совпадают, а различаются только по абсолютным величинам (коэффициент корреляции близок к 1). Даты наступления первого максимума при учете суммарной ледовитости за временные периоды четыре и три месяца различны и находятся рядом. Расчет ледовитости с приращением для периода с января по март дает совершенно иную картину положения экстремумов в многолетнем ряду. Так, абсолютный максимум приходится на зимний сезон 2000–2001 года, а абсолютный минимум – на сезон 1993–1994 года. Следует отметить также совпадение дат наступления второго максимума. В связи с незначительными различиями

Таблица 1

Годы наступления экстремумов ледовитости в Охотском море при различных способах вычисления (числитель – дата зимнего сезона, (год), знаменатель S – суммарная аномалия ледовитости, км², S_{сп} – средняя аномалия ледовитости, км², S₀+ΣΔS – накопленная аномалия ледовитости, км²)

	S (январь-апрель)	S _{сп} (январь-апрель)	S (январь-март)	S _{сп} (январь-март)	S ₀ +ΣΔS _i (январь-март)
Первый максимум	<u>1978–1979</u> 1408	<u>1978–1979</u> 382	<u>1977–1978</u> 980	<u>1977–1978</u> 327	<u>2000–2001</u> 372
Второй максимум	<u>1966–1967</u> 1405	<u>1966–1967</u> 381	<u>1966–1967</u> 954	<u>1966–1967</u> 318	<u>1966–1967</u> 354
Первый минимум	<u>1995–1996</u> -1645	<u>1995–1996</u> -381	<u>1990–1991</u> -1192	<u>1990–1991</u> -397	<u>1993–1994</u> -455
Второй минимум	<u>2008–1909</u> -1503	<u>2008–1909</u> -346	<u>1995–1996</u> -1182	<u>1995–1996</u> -394	<u>1994–1995</u> -342

Таблица 2

Годы наступления экстремумов гидрометеорологических параметров (числитель – дата зимнего сезона (год), знаменатель – аномалии температуры воздуха (градусодни) и осадков (мм))

	Накопленное тепло	Накопленный холод	Разность тепла и холода	Осадки (северное побережье)	Осадки (море в целом)
Первый максимум	<u>1965–1966</u> 288	<u>1965–1966</u> 626	<u>1941–1942</u> 692	<u>1955–1956</u> 176	<u>1955–1956</u> 321
Второй максимум	<u>1939–1940</u> 207	<u>1941–1942</u> 499	<u>1965–1966</u> 608	<u>2006–2007</u> 160	<u>2006–2007</u> 272
Первый минимум	<u>2008–2009</u> -204	<u>1942–1943</u> -764	<u>1996–1997</u> -689	<u>1943–1944</u> -101	<u>1935–1936</u> 40
Второй минимум	<u>1995–1996</u> -196	<u>1995–1996</u> -512	<u>1942–1943</u> -661	<u>1934–1935</u> -98	<u>1943–1944</u> 60

абсолютных значений максимумов, находящихся в пределах точности расчетов (~5 %), можно утверждать, что для определения абсолютного максимума необходимо принять единую методологию его расчета.

Абсолютные величины минимумов ледовитости различаются на ~25 %, что свидетельствует о включении в процессы ледообразования механизмов, препятствующих его развитию, на наш взгляд, таких, как массоперенос в воде, увеличивающий температуру поверхностного слоя, или уменьшение скорости дрейфа льда из зон отторжения в результате ослабления зимнего муссона и др., включая механизм деформации массива льда.

Для исследования причин образования экстремумов ледовитости дополнительно был произведен расчет накопленных сумм (градусодней) тепла и холода соответственно в теплый и холодный периоды года по значениям среднесуточной температуры (Режим доступа 5, 6). Поскольку твердые осадки также влияют на процессы ледообразования (особенно в начале зимы, выступая в качестве ядер кристаллизации), то были вычислены и сум-

мы осадков для северного побережья и для моря в целом в холодные периоды года (табл. 2) (Режим доступа 7).

Анализ результатов расчетов позволяет заключить, что максимумы тепла и холода в сезоне 1965–1966 года обусловили формирование второго по величине максимума разности тепла и холода. Вариации минимальных величин накопленного тепла и холода не имеют такой четко выраженной последовательности, и отрицательные экстремумы в сезон 1995–1996 года не сформировали абсолютный минимум их разности. Второй минимум накопленного и тепла, и холода совпадает с минимумами ледовитости (табл. 1). Это еще раз подтверждает факт того, что процесс ледообразования на всей акватории моря является функцией многих переменных (Доронин, 2000; Четырбоцкий, 2008).

Даты наступления первого и второго максимумов осадков для моря в целом и в его северной части совпадают, в то время как минимумы меняются местами. Связь осадков с наступлением экстремумов ледовитости Охотского моря явно

не прослеживается (коэффициент корреляции менее 0.10).

Наиболее полное отражение влияния преобладающих типов циркуляции атмосферы в зимний период (Глебова и др., 2009) может быть получено путем учета вариаций температуры на двух метеорологических станциях Охотск и Магадан, расположенных на северном побережье Охотского моря. Определение даты устойчивого перехода температуры воздуха через 0°C весной (осенью) производилось путем подсчета положительных (отрицательных) отклонений средних суточных значений температуры от 0°C (Наставление..., 1978). Для исследования влияния температуры воздуха на ледовитость Охотского моря в период с 1934 по 2010 годы, были вычислены аномалии средних значений накопленного за сезон тепла и холода, а также величин разности накопленного перед ледовым сезоном тепла и накопленного за зиму холода (рис. 1–4). Для большей наглядности значения температуры на графиках представлены в инверсионном виде.

Из анализа, проведенного статистическими методами случайных величин (Минервин и др., 2011), приведенных на графиках, выявлены короткие и длинные периоды максимумов и минимумов ледовитости, хорошо согласующиеся с вариациями как накопленных значений тепла и холода, так и их разности. Однако есть и участки аномального поведения приращения площади льда к температуре окружающей среды как к основному термодинамическому параметру ледообразования.

При этом корреляция отдельных промежутков рядов аномалий накопленной температуры холода и накопленной ледовитости составляет более 0.85, а слабо коррелирующих менее 0.40.

Отсюда можно сделать вывод, что существуют другие механизмы, которые оказывают более сильное влияние на скорость формирования ледового покрова. Такими факторами, на наш взгляд, могут быть вариации термического режима вод за счет перераспределения тепла морскими течениями. В настоящее время проводятся фрагментарные наблюдения за течениями, как во временном, так и в пространственном масштабах, выполняемые под эгидой Росгидромета и НИИ-рыбохозяйственного комплекса.

3. Метод последовательных спектров

На основе данных регулярных авиационных и спутниковых наблюдений в Охотском море методом последовательных спектров составлен прогноз вариаций площади ледового покрова на последующие тридцать ласет (рис. 5). Метод последовательных спектров позволяет корректно отфильтровывать шумы, выделяя присущие данному сигналу когерентные колебания, и впоследствии восстанавливать очищенные от шумов тренды (Иванов, 2002).

При прочих равных условиях расчет прогноза по коротким рядам (каким, по сути, и является исследуемый ряд) дает больший размах колебаний

прогностической кривой, чем прогноз, вычисленный по продолжительным рядам, поскольку здесь не учитываются длиннопериодные колебания порядка 50 лет и более, наличие которых характерно для солнечной активности (Терез и др., 2007) и которые присутствуют в вариациях связанных с ней различных климатических параметров (Wolter, Timlin, 1993, 1998; Сорокин и др., 2002). Тем не менее, хорошая сходимости расчетной и прогностической кривых на участке прогнозируемого ряда с 1993 по 2011 годы позволяет заключить, что тенденция вариаций ледовитости оценена достаточно надежно.

Таким образом, в ближайшие три десятилетия с большой вероятностью можно ожидать три периода повышения и два периода понижения ледовитости в Охотском море. Первое повышение – в ледовые сезоны 2012–2013 годов (превышение нормы на 10–15 %), второе – в ледовые сезоны 2019–2023 годов (ледовитость в пределах нормы) и третье – в ледовые сезоны 2032–2034 годов (превышение нормы на 5–10 %, из расчета, что средняя величина накопленной площади ледяного покрова составляет 3906 тыс. км²).

Малоледовитыми ожидаются ледовые сезоны 2015–2016 годов и далее в период с 2028 по 2031 годы, в течение которого ледовитость моря вновь может достичь очередного исторического минимума. Предполагается, что все описанные события будут происходить на фоне общего понижения ледовитости до конца 2030-х годов.

Следует обратить внимание и на тот факт, что, поскольку ледовитость зимнего сезона 2011 г. была много ниже нормы, то в соответствии с прогнозируемой тенденцией в 2012 г. следует ожидать ее значительного роста (годы-аналоги: 1998–2000).

4. Фазы Луны

Еще одной особенностью ледовой обстановки северо-восточного побережья о. Сахалин является присутствие полыньи вдоль береговой линии. Исходя из того, что на образование полыньи оказывают влияние сильные приливно-отливные потоки, в исследовании учитывались фазы Луны (рис. 6).

Ежедневный выбор спутниковых изображений в течение пяти лет позволил сделать заключение о том, что граница полыньи может перемещаться в юго-восточном направлении на 30 миль в день.

В марте и апреле широтный компонент ветра изменяет свое направление с востока на запад, и, как правило, в этом периоде полынья не достигает максимальных размеров.

Анализ широтного компонента ветра показывает, что начало раскрытия полыньи с небольшими задержками времени происходит в период новолуния.

Как правило, полынья у северо-восточного побережья о. Сахалин имеет наибольшее развитие в феврале, и число дней, когда ширина полыньи более чем 20 миль, изменится с 14 до 25 дней. В марте площадь полыньи, как правило, меньше, чем в феврале.

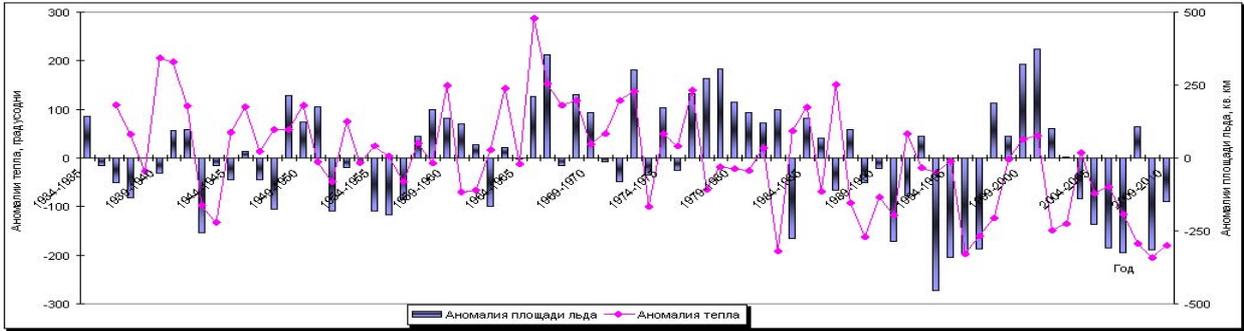

Рис. 1. Сравнение вариаций накопленных за январь-март аномалий ледовитости Охотского моря с накопленными аномалиями тепла

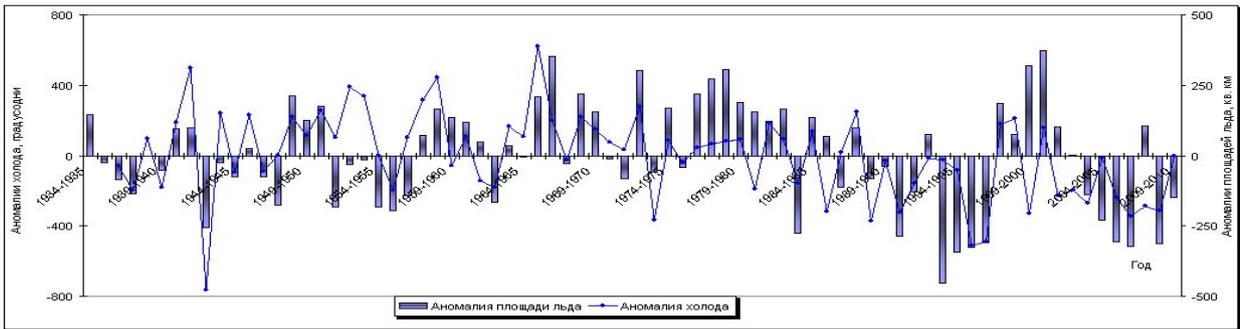

Рис. 2. Сравнение вариаций накопленных за январь-март аномалий ледовитости Охотского моря с накопленными аномалиями холода

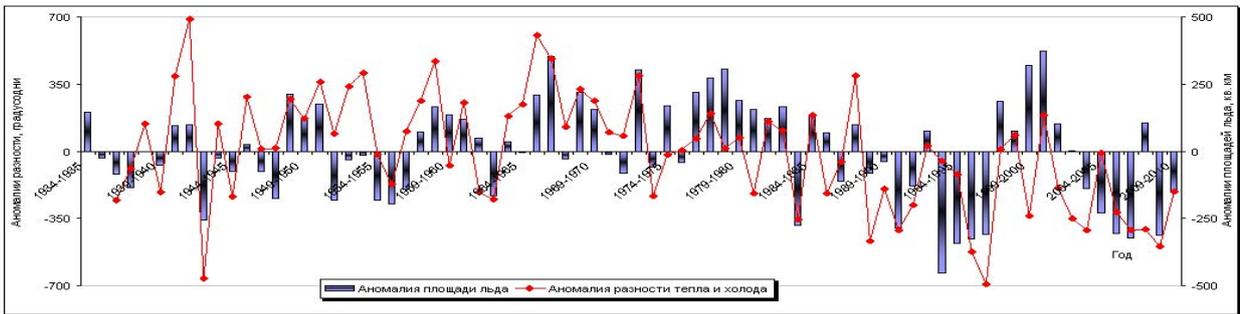

Рис. 3. Сравнение вариаций накопленных за январь-март аномалий ледовитости Охотского моря с накопленными разностями аномалий тепла и холода

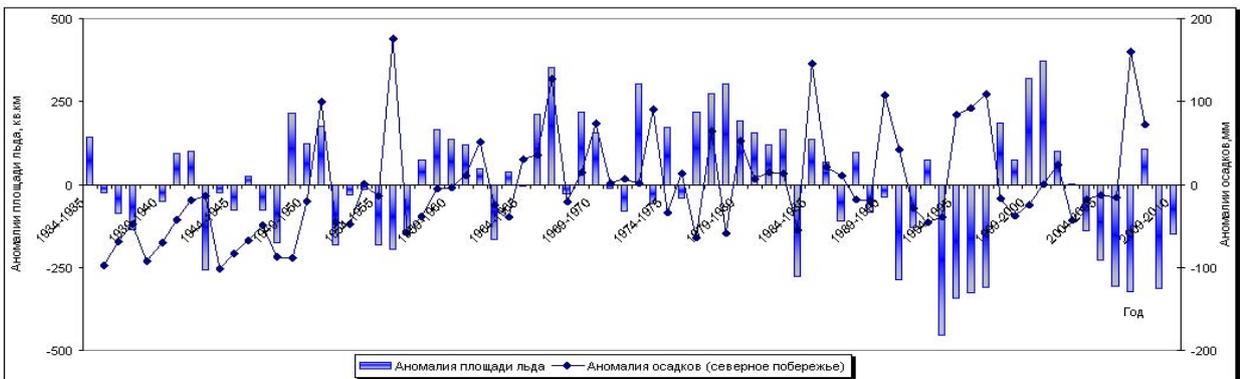

Рис. 4. Сравнение вариаций накопленных за январь-март аномалий ледовитости с накопленными аномалиями осадков для северного побережья Охотского моря

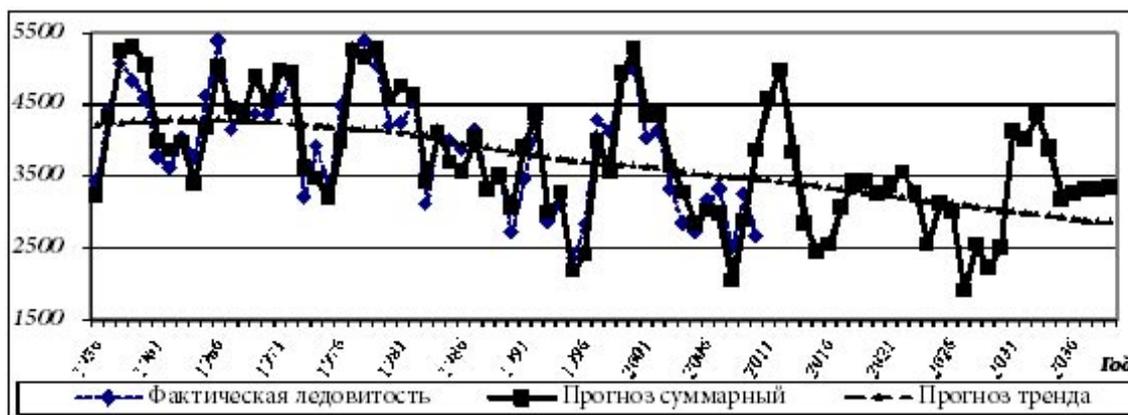

Рис. 5. Суммарный прогноз вариаций площади ледового покрова и ее тренда Охотского моря

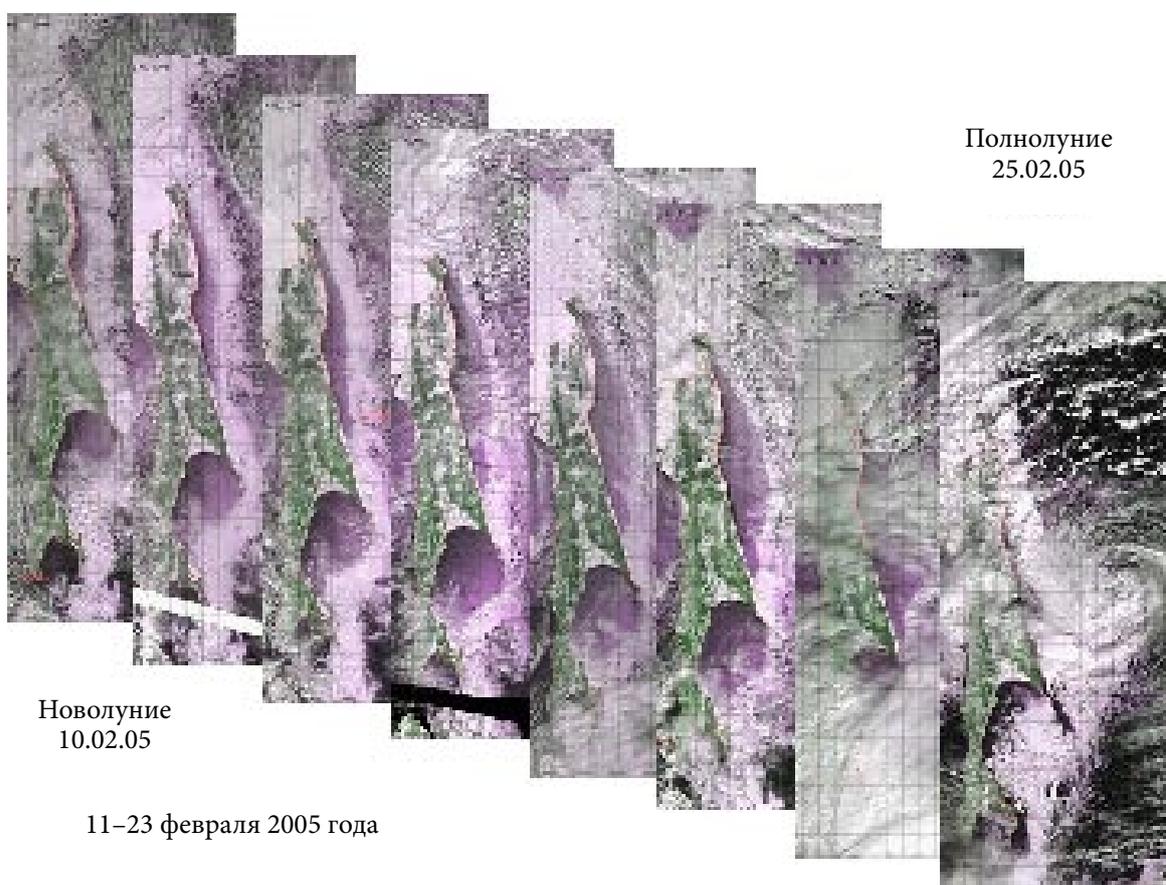

Рис. 6. Развитие вдольбереговой полыньи по данным спутника Terra-Modis

Полученные результаты дали некоторые новые сведения о ледовом покрытии в области нефтяных и газовых промыслов, где интенсивная зимняя навигация будет осуществляться, по крайней мере, 30–40 лет, то есть на весь период эксплуатации месторождений. Дальнейшие исследования помогут обеспечивать безопасную эффективную навигацию в сложной ледовой обстановке и снизить вероятность возможного разрыва нефтепровода под действием сплоченного льда, образующегося в береговой зоне в виде стамух и активно перемещающихся под действием приливных течений.

Выводы

1. Для выполнения анализа зависимости ледовитости от влияния гидрометеорологических условий окружающей среды, выполненных разными авторами, необходимо принять единую методологию расчета, которая позволит корректно выбирать предикторы для ледовых прогнозов.

2. При построении кинетической модели эволюции (прогноза) морского ледового покрова необходимо учитывать не только температуру воздушных масс и морской воды, влияющих на изменение площади (S) и толщины льда (h), которые

обусловлены только термическим режимом, но и другие параметры, влияющие на пространственно-временную динамику ледообразования в открытой части акватории, такие, как скорость дрейфа льда, трансформация льда из одних размеров их площадей в другие, торошение льда, характер агрегации и дробление льда за единицу времени, снежный покров, скорость ветра и многое другое.

3. Ледовые условия являются одной из главных составляющих безопасного выполнения морских перевозок, добычи и транспортировки нефти на шельфе морей и несут в себе экологические риски. В связи с этим необходимо на законодательном уровне решить вопрос об обязательном привлечении средств данных компаний по выполнению научно-исследовательских работ, направленных на снижение экологических рисков, связанных с их деятельностью на море.

Литература

1. Глебова, С. Ю. Долгопериодные тенденции в ходе атмосферных процессов и термического режима дальневосточных морей за последний 30-летний период / С. Ю. Глебова, Е. И. Устинова, Ю. Д. Сорокин // Изв. ТИНРО. – 2009. – Т. 159. – С. 285–298.
2. Доронин, Ю. П. Физика океана / Ю. П. Доронин. – СПб. : изд-во РГГМУ. – 2000. – С. 154–191.
3. Крындин, А. Н. Сезонные и межгодовые изменения ледовитости и кромки льда на дальневосточных морях в связи с особенностями атмосферной циркуляции / А. Н. Крындин // Тр. ГОИН. – 1964. – Вып. 71. – С. 5–80.
4. Наставление гидрометеорологическим станциям и постам. – Вып. 9. – Ч. 1. – Гидрометеиздат, 1978. – С. 234.
5. Минервин, И. Г. Анализ причин формирования экстремальных ледовых условий в Охотском море / И. Г. Минервин, В. М. Пищальник, В. А. Мелкий, А. А. Гальцев, В. А. Романюк, Д. В. Дорофеева, А. А. Литвиненко // Седьмой Всероссийский симпозиум «Физика геосфер», Владивосток, Россия: Учреждение Российской академии наук «Тихоокеанский океанологический институт им. В. И. Ильичева». Дальневосточное отделение РАН. – Владивосток : Дальнаука, 2011. – С. 174–182.
6. Пищальник, В. М. Прогноз вариаций площади ледяного покрова Охотского моря методом последовательных спектров / В. М. Пищальник, В. В. Иванов, П. А. Трусков // Изв. ТИНРО. – 2011. Т. 165. (В печати).
7. Плотников, В. В. Ледовые условия и методы их прогнозирования / В. В. Плотников, Л. П. Якунин, А. Г. Петров // Проект «Моря». Гидрология и гидрохимия морей. – Том IX. Охотское море. – Вып. 1. Гидрометеорологические условия. – СПб. : Гидрометеиздат. – 1998. – С. 291–340.
8. Плотников, В. В. Изменчивость ледовых условий дальневосточных морей России и их прогноз / В. В. Плотников. – Владивосток : Дальнаука. – 2002. – 172 с.
9. Режим доступа 1 : http://goos.kishou.go.jp/rrt-db/img/goosmail_white.gif
10. Режим доступа 2 : <http://www.natice.noaa.gov/pub>
11. Режим доступа 3 : <http://planet.iitp.ru/index1.html>
12. Режим доступа 4 : <http://www.dvrcpod.ru/index.php>
13. Режим доступа 5 : <http://www.rp5.ru/>
14. Режим доступа 6 : <http://meteo.ru/>
15. Режим доступа 7 : <http://cdiac.ornl.gov/climate/variables.html>
16. Устинова, Е. И. Межгодовая изменчивость термических условий Охотского / Е. И. Устинова, Ю. Д. Сорокин, Г. В. Хен // Изв. ТИНРО. – 2002. – Т. 130. – С. 44–51.
17. Четырбоцкий А. Н. Моделирование формирования и разрушения припая Японского моря / А. Н. Четырбоцкий // Водные ресурсы. – 2008. – Т. 35. – № 4. – С. 417–428.
18. Иванов, В. В. Периодические колебания погоды и климата / В. В. Иванов // Успехи физических наук. – 2002. – Т. 122. – С. 777–811.
19. Сорокин, Ю. Д. Долгопериодная изменчивость ледовитости дальневосточных морей и прогноз ее ледовитости / Ю. Д. Сорокин, Е. И. Устинова, Г. В. Хен // XII международная конференция по промысловой океанографии. Светлогорск, 9–14 сентября 2002 г. : тезисы докладов. – Калининград : АтлантНИРО, 2002. – С. 226–228.
20. Терез, Э. И. О влиянии солнечной активности на периодические вариации некоторых атмосферных и метеорологических параметров / Э. И. Терез, В. В. Иванов, Г. А. Терез // Известия Крымской астрофизической обсерватории. – 2007. – Т. 103. – С. 191–197.
21. Wolter K., Timlin M.S., Monitoring ENSO in COADS with a seasonally adjusted principal component index. Proc. of the 17-th Climate Diagnostics Workshop, Norman, OK, NOAA/NMC/CAC, NSSL, Oklahoma Clim. Survey, CIMMS and the School of Meteor., Univ. of Oklahoma. – 1993. – P. 52–57.
22. Wolter K., Timlin M.S., Measuring the strength of ENSO events – how does 1997/98. – Weather. – 1998. – № 53. – P. 315–324.

О НАХОДКАХ НОВЫХ ВИДОВ СОСУДИСТЫХ РАСТЕНИЙ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ОСТРОВА САХАЛИН

Смирнов Андрей Алексеевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории прикладной экологии, доцент кафедры экологии и природопользования естественнонаучного факультета СахГУ, автор трех монографий и более 30 научных работ по флоре сосудистых растений и антропогенным изменениям растительности Сахалина.

История изучения флоры и растительности Сахалина насчитывает уже около 200 лет. Первые сведения о растениях, произрастающих на острове, были получены участниками русской кругосветной экспедиции 1803–1806 годов под руководством И. Ф. Крузенштерна, Амурской экспедиции 1849–1855 годов под руководством Г. И. Невельского и Сибирской экспедиции Русского географического общества 1859–1862 годов под руководством Ф. Б. Шмидта. Все последующие годы познания о флоре Сахалина расширялись и углублялись. К настоящему времени в списке флоры сосудистых растений приводится от 1415 видов (1199 аборигенных и 216 заносных видов, без учета 43 культивируемых и 34 требующих подтверждения произрастания видов) (Смирнов, 2002), до 1521 вида (с включением всех перечисленных выше и особенно культурных видов растений) (Баркалов, Таран, 2004). Необходимо отметить, что процесс познания на этом не закончился и находки новых видов для флоры Сахалина продолжают. В 2005–2008 годов в южной части Сахалина автором было найдено три новых для флоры вида сосудистых растений. Два вида являются аборигенными – пыльцеголовник длинноприцветниковый (*Cephalanthera longibracteata* Blume), ипритка волосистоплодная (*Toxicodendron trichocarpum* (Miq.) O. Kuntze), и один заносный – морская горчица (*Cakile edentula* (Bigel.) Hook.). Собранные образцы новых для флоры Сахалина растений хранятся в Гербарии Московского государственного университета – МГУ (Смирнов, 2009), в Гербарии Ботанического института им. В. Л. Комарова – LE (г. Санкт-Петербург) (Смирнов, 2010) и Гербарии Биолого-почвенного института – VLA (г. Владивосток).

Пыльцеголовник длинноприцветниковый (*Cephalanthera longibracteata* Blume) относится к семейству ятрышниковые (*Orchidaceae*). Многолетнее травянистое растение до 50 см высотой, с прямостоячим стеблем и 6–8 очередными листьями (рис. 1). Соцветие кистевидное, до 13 см длиной, с немногими беловатыми цветками. Цветет в июне-июле, плодоносит в сентябре-октябре.

На территории российского Дальнего Востока достоверно известны местонахождения этого вида только в южной части Приморского края (Харкевич, Качура, 1981) и в Сахалинской области на острове Кунашир (Каталог..., 1999). Для Сахалина данный вид отмечается не во всех флористических сводках, что связано с отсутствием гербарных материалов, подтверждающих его произрастание. Так, впервые для Сахалина пыльцеголовник длинноприцветниковый приводит S. Sugawara (1939). Позже в работах В. Н. Ворошилова (1966; 1982), И. Б. Вышина (1996) и в «Определителе высших растений Сахалина и Курильских островов» (1974) без уточнения места сбора также указывалось на произрастание данного вида на Сахалине. Но, с другой стороны, в сводке, посвященной редким растениям Дальнего Востока (Харкевич, Качура, 1981) и в Красной книге РСФСР (1988) данный вид в Сахалинской области приводится только для острова Кунашир. В опубликованных списках флоры Сахалина последних лет (Смирнов, 2002; Баркалов, Таран, 2004) и в Красной книге Сахалинской области (2005) этот вид дается только на основании литературных данных, на что имеются соответствующие ссылки в тексте. Таким образом, вполне определенно можно утверждать, что до настоящего времени пыльцеголовник длинноприцветниковый достоверно был известен только по сборам на юге Приморья и на острове Кунашир, где встре-

Рис. 1. Пыльцеголовник длинноприцветниковый

чается в разреженных лиственных лесах. Ареал этого вида охватывает Японию и Китай. Описан вид из Японии.

Ипритка волосистоплодная (*Toxicodendron trichocarpum* (Miq.) O. Kuntze) относится к семейству сумачовые (*Anacardiaceae*). Кустарник или небольшое дерево до 6–8 м высотой. Листья непарно-перистосложные (рис. 2). Листочки рассеянно буровато-волосистые (по жилкам более густо). Соцветия пазушные, сложные кисти, до 30 см длиной. Цветы желтовато-зеленые, мелкие.

Для Сахалина этот кустарник во флористических работах никогда не приводится. На территории российского Дальнего Востока и России известен только на южных Курильских островах – Кунашире и Итурупе (Определитель..., 1974; Ворошилов, 1982, Недолужко, 1995; Каталог..., 1999), где произрастает в смешанных и лиственных лесах. Ареал этого вида охватывает Японию и Китай. Описан вид из Японии.

В июне 2008 г. впервые на Сахалине было обнаружено местонахождение этих указанных выше видов в юго-западной части острова в районе поселка Правда Холмского района в точке с координатами: 56° 56' 23.1» с. ш. и 142° 01' 06.6» в. д.

Популяции разновозрастных растений пыльцеголовника длинноприцветникового и ипритки волосистоплодной, произрастающих совместно, были найдены на юго-западном склоне сопки (крутизна около 20°) во вторичном смешанном лесу на месте старой выборочной вырубке. Дважды в течение этого летнего сезона участок был обследован, что позволило выявить основной флористический состав и подробно описать растительный покров.

Состав древостоя – 3.9Пм 3.8Рс 2.3Бп (пихта Майра (*Abies mayriana* (Miyabe et Kudo) Miyabe et Kudo), рябина смешанная (*Sorbus commixta* Hedl.), береза плосколистная (*Betula platyphylla* Sukacz.). Полнота насаждения – 0.3. Средняя высота деревьев – 12 м, диаметр стволов – 16 см. Общий запас древесины в насаждении составляет 66.6 м³/га, по основным породам запас распределяется следующим образом: пихта – 25,9 м³/га, рябина – 25,4 м³/га,

Рис. 2. Ипритка волосистоплодная

береза – 15,3 м³/га. Общее число стволов деревьев на 1 га насаждений – 2300 шт., по породам этот показатель составляет: пихта – 800 шт./га, рябина – 800 шт./га, береза – 700 шт./га.

Возобновление основных древесных пород удовлетворительное. Общее количество подроста в пересчете на площадь составляет в среднем 3500 шт./га. В его составе преобладает мелкий и средний подрост пихты в количестве до 1300 шт./га. Имеется крупный подрост клена Майра (*Acer mayrii* Schwer.) и калопанакса семиллопастного (*Kalopanax septemlobus* (Thunb.) Koidz.) в количестве до 450 шт./га.

Отмечен подрост всех возрастных категорий и у ипритки волосистоплодной. На трех учетных площадках по 20 м², выполненных по методике В. Ф. Рылкова (1988), учтено: два экземпляра мелкого подроста (высота до 0,5 м), один экземпляр среднего подроста (высота до 1,5 м) и пять экземпляров крупного подроста (высота свыше 1,5 м). В пересчете на площадь это составляет для мелкого подроста – 300 шт./га, для среднего – 150 шт./га, для крупного – 830 шт./га. Самый крупный экземпляр ипритки волосистоплодной имеет высоту 6 м, а окружность ствола у корневой шейки – 6,5 см.

Подлесок густой. Средняя высота – 4 м, общее проективное покрытие – 50 %. В составе подлеска отмечено 14 видов. Доминирует ипритка волосистоплодная, преобладают: калопанакс, шиповник тупоушковый (*Rosa amblyotis* C. A. Mey.), элеутерококк колючий (*Eleutherococcus senticosus* (Rupr. et Maxim.) Maxim.), калина вильчатая (*Viburnum furcatum* Blume ex Maxim.). Встречаются лианы – лимонник китайский (*Schisandra chinensis* (Turcz.) Baill.) и актинидия коломикта (*Actinidia kolomikta* (Maxim.) Maxim.). В составе подлеска отмечены также три охраняемых в Сахалинской области вида растений – тис остроконечный (*Taxus cuspidata* Siebold et Zucc. ex Endl.), аралия высокая (*Aralia elata* (Miq.) Seem.), калина Райта (*Viburnum wrightii* Miq.) (Красная книга..., 2005).

Травяно-кустарничковый ярус густой. Средняя высота около 80 см, проективное покрытие – 50 %. В его составе отмечено 25 видов. Явно преобладают виды, характерные для хвойных и смешанных лесов: бодяк шантарский (*Cirsium schantarensense* Trautv. et C. A. Mey.), недоселка мощная (*Cacalia robusta* Tolm.), дудник медвежий (*Angelica ursina* (Rupr.) Maxim.), посконник Глена (*Eupatorium glehnii* Fr. Schmidt ex Trautv.), астра Глена (*Aster glehnii* Fr. Schmidt), майник широколистный (*Maianthemum dilatatum* (Wood) Nels. et Macbr.) и др. Встречаются виды, типичные для вторичных местообитаний: полынь горная (*Artemisia montana* (Nakai) Pamp.), орляк обыкновенный (*Pteridium aquilinum* (L.) Kuhn), анафалис жемчужный (*Anaphalis margaritacea* (L.) A. Gray), репяшок липковатый (*Agrimonia viscidula* (Bunge)), а также адвентивные виды – ястребинка оранжево-красная (*Hieracium aurantiacum* L.) и др. В составе травостоя, помимо пыльцеголовника длинноприцветникового, отмечено также два охраняемых в Сахалинской области вида – аралия сердцевидная (*Aralia cordata* Thunb.) и кремастра

изменчивая (*Cremastra variabilis* (Blume) Nakai).

Напочвенный покров представлен опадом листьев и трав, которые покрывают до 70 % поверхности почвы. Гумусовый горизонт мощный, что обеспечивает хорошее развитие сапрофитного растения одноцветка крупноцветковая (*Moneses uniflora* (L.) A. Gray).

Новые находки на Сахалине пыльцеголовника длинноприцветникового, включенного в федеральный и региональный списки охраняемых видов растений, и кустарника ипритка волосистоплодная значительно продвигают к северу известные границы ареалов этих видов и расширяют географию их распространения на российском Дальнем Востоке. В целом в составе изученного растительного сообщества отмечено семь охраняемых видов, включенных в Красную книгу Сахалинской области (2005): пыльцеголовник длинноприцветниковый, тис остроконечный, калопанакс семилопастной, аралия высокая, калина Райта, аралия сердцевидная, кремастра изменчивая.

Морская горчица (*Cakile edentula* (Bigel.) Hook.) относится к семейству капустовые (*Brassicaceae*). Однолетнее травянистое голое растение, до 40 см высотой. Стебель от основания ветвистый. Листья очередные, цельные, толстоватые (рис. 3). Соцветия щитковидно-метельчатые, при плодах удлинняющиеся, цветы бледно-пурпурные. Плод стручков, до 1,7 см длиной, по консистенции губчатый, плавающий.

Естественный ареал этого вида расположен на атлантическом побережье Северной Америки, но он уже давно натурализовался на тихоокеанском побережье континента от Аляски до Калифорнии, и еще в конце XIX века проник в Австралию. Ориентировочно в 2005–2006 годах вид впервые попал на острова залива Петра Великого в Японском море (Приморский край) (Чубарь, 2008).

В конце августа 2005 г. при обследовании восточного побережья залива Анива в 8 км к югу от пос. Новиково Корсаковского района было обнаружено местонахождение этого нового для флоры острова адвентивного вида в точке с координатами: 46° 17' 18.2» с. ш. и 143° 23' 17.7» в. д. Оди-

Рис. 3. Морская горчица

ночный экземпляр в фазе завершения цветения и начала плодоношения был собран на песчано-галечном приморском пляже среди типичных галофитов морских побережий Сахалина: хоризис ползучий (*Chorisis repens* (L.) DC.), гонкения продолговатолистная (*Honckenya oblongifolia* Torr. et Gray), солянка Комарова (*Salsola komarovii* Ijii), мертензия приморская (*Mertensia maritima* (L.) S. F. Gray) и др.

Это уже вторая находка морской горчицы последних лет на российском Дальнем Востоке. При этом новое местонахождение расположено более чем в 1000 км к северо-востоку от первого (Чубарь, 2008) и относится, в отличие от первого, к бассейну Охотского моря. Наиболее вероятной причиной появления этого вида на побережье юга Сахалина может быть занос с судов, которые осуществляли огромные по масштабам морские перевозки оборудования и материалов для строительства на берегах залива Анива завода по сжижению природного газа в рамках проекта «Сахалин-2». Кроме того, появлению и закреплению этого вида на побережье южного Сахалина вполне вероятно способствовали и тенденции потепления климата последних лет.

В сентябре 2009 года были проведены работы по изучению состояния ценопопуляций и оценке примерной численности морской горчицы. Нахождение нового вида было установлено уже на значительном участке побережья залива Анива от точки первоначальной находки на юге (южнее которой проезд затруднен) до устья озера Буссе на севере (протяженность этого участка около 26 км). Учеты проводились в районе реки Подсобная, пос. Новиково, в районе реки Игрива, устье озера Буссе. Всего было заложено семь десятиметровых профилей, на которых было отмечено от 2 до 61 экземпляра морской горчицы. Пересчет полученных данных показывает в среднем 2,1 экземпляра горчицы на 1 погонный метр обследованного побережья, что позволяет оценить общую численность ценопопуляции морской горчицы на этом отрезке побережья примерно в 55 тыс. экземпляров. Растения входят в состав пионерных группировок и произрастают в основном в узкой прибрежной полосе между литоралью и сомкнутыми группировками колосняка мягкого (*Leymus mollis* (Trin.) Pilg.). При этом необходимо отметить, что жизненное состояние растений хорошее, все встреченные растения цветут и плодоносят, то есть образуют ценопопуляции нормального типа, а в целом морская горчица за три года значительно расширила свой внутриаостровной ареал.

Заключение

Находки новых видов сосудистых растений на Сахалине подтверждают, что флора острова изучена еще не достаточно полно. И это относится не только к таким трудным в определении растениям, как злаки, осоки или ряду других групп растений. Как показывают приведенные выше материалы, даже, казалось бы, в хорошо изученных районах юга Сахалина возможно нахождение новых хо-

рошо заметных древесно-кустарниковых пород (ипритка волосистоплодная) или видов, включенных в Красные книги различного ранга (пыльцеголовник длинноприцветниковый), что расширяет возможности для их охраны.

Новые местонахождения видов растений, впервые отмеченные для Сахалина, значительно удалены к северу от известных мест их произрастания. Современное состояние ценопопуляций аборигенных видов (пыльцеголовник длинноприцветниковый, ипритка волосистоплодная) хорошее, а заносный вид – морская горчица, имеет ярко выраженную тенденцию к расширению внутриостровного ареала.

В целом же продолжение ботанических исследований на острове вполне актуально, особенно для выявления новых заносных, в том числе и инвазионных видов растений (по скорости распространения к таковым явно относится морская горчица). Это требует проведения работ по мониторингу и изучению поведения новых поселенцев, чтобы не повторилась известная история с интродуцированным на Сахалин борщевиком Соосновского, который продолжает расширять свой внутриостровной ареал, создавая серьезные проблемы (Смирнов, Корнева, 2010).

Литература

1. Баркалов, В. Ю. Список видов сосудистых растений острова Сахалин // Растительный и животный мир острова Сахалин: материалы Международного сахалинского проекта / В. Ю. Баркалов, А. А. Таран. – Часть 1. – Владивосток : Дальнаука, 2004. – С. 39–66.
2. Ворошилов, В. Н. Определитель растений советского Дальнего Востока / В. Н. Ворошилов. – М. : Наука, 1982. – 672 с.
3. Ворошилов, В. Н. Флора советского Дальнего Востока : конспект с таблицами для определения видов / В. Н. Ворошилов. – М. : Наука, 1966. – 478 с.
4. Вышин, И. Б. Сем. ятрышниковые, орхидные – *Orchidaceae* / И. Б. Вышин // Сосудистые растения советского Дальнего Востока. – СПб. : Наука, 1996. – Т. 8. – С. 301–339.
5. Каталог научного гербария сосудистых растений ИМГиГ ДВО РАН / Составитель А. А. Смирнов. – Южно-Сахалинск : Институт морской геологии и геофизики ДВО РАН, 1999. – 207 с.
6. Красная книга РСФСР (растения) / сост. А. Л. Тахтаджан. – М. : Росагропромиздат, 1988. – 590 с.
7. Красная книга Сахалинской области: Растения. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное издательство, 2005. – 348 с.
8. Недолужко, В. А. Сем. сумаховые – *Anacardiaceae* / В. А. Недолужко // Сосудистые растения советского Дальнего Востока. – СПб. : Наука, 1995. – Т. 7. – С. 247–249.
9. Определитель высших сосудистых растений Сахалина и Курильских островов / отв. ред. А. И. Толмачев. – Л. : Наука, 1974. – 342 с.
10. Рылков, В. Ф. Лесовосстановление основных типов вырубок / В. Ф. Рылков // Воспроизводство лесных ресурсов. – Новосибирск : Наука, 1988. – С. 43–54.
11. Смирнов, А. А. Распространение сосудистых растений на острове Сахалин / А. А. Смирнов. – Южно-Сахалинск : Институт морской геологии и геофизики Сахалинского научн. центра ДВО РАН, 2002. – 245 с.
12. Смирнов, А. А. Южный Сахалин — новое местонахождение *Cakile edentula* (Bigel.) Hook. (*Brassicaceae*) на российском Дальнем Востоке / А. А. Смирнов // Бюллетень МОИП. – Отд. биол., 2009. – Т. 114. – Вып. 6. – С. 72–73.
13. Смирнов, А. А. *Cephalanthera longibracteata* (*Orchidaceae*) и *Toxicodendron trichocarpum* (*Anacardiaceae*) — новые виды для флоры Сахалина / А. А. Смирнов // Ботанический журнал. – 2010. – Т. 95. – № 1. – С. 101–103.
14. Смирнов, А. А. Последствия интродукции *Heracleum sosnowsky* на Сахалине / А. А. Смирнов, И. Г. Корнева // Растительные ресурсы. – 2010. – Вып. 2. – С. 18–23.
15. Харкевич, С. С. Редкие виды растений советского Дальнего Востока и их охрана / С. С. Харкевич, Н. Н. Качура. – М. : Наука, 1981. – 234 с.
16. Чубарь, Е. А. *Cakile edentula* (*Brassicaceae*) – новый род и вид для флоры Восточной Азии // Бот. журн. 2008. – Т. 93. – № 4. – С. 634–637.
17. Sugawara, S. Illustrated Flora of Saghalien (with Descriptions and Figures) / S. Sugawara. – Tokyo, 1939. – Vol. 2. – 969 p.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

История и краеведение

**Социология
и политология**

**Образование
и педагогика**

**Филология
и журналистика**

Юриспруденция

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ САХАЛИНОМ В ПЕРИОД КАТОРГИ

Делова Анна Юрьевна – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, преподаватель истории и философии ЮСПК СахГУ. Сфера научных интересов – история становления и деятельности органов государственного управления Сахалинской области в период с 1856 по 2000 годы.

Каторга была официально учреждена на Сахалине 18 апреля 1869 года специальным положением комитета об устройстве каторжных работ, утвержденным царем. Труд каторжников к тому времени уже с 1858 года использовался на сахалинских угольных рудниках. Исследователь Сахалина А. А. Панов писал в начале XX века, что «ввиду обилия естественных богатств вопрос о колонизации Сахалина имеет широкое государственное значение, которое еще более усиливается его географическим положением. Благодаря своему географическому положению он является естественным фортом Приамурья, и можно с уверенностью сказать, что кто будет владеть Сахалином, тому будут принадлежать и берега Амура. Но чтобы закрепить его за нами, мало одних пушек и штыков. Остров тогда только сделается действительно русским приобретением, когда на нем будет достаточно многочисленное и достаточно обеспеченное местными заработками мирное население»¹. Так рассуждала российская власть и в середине XIX века. Но единого мнения о путях заселения Сахалина в правительстве не было. С одной стороны, рассматривалась мысль о создании на острове постоянного контингента русского гражданского населения как меры политической, вызванной необходимостью поддержания здесь своего влияния по условиям Симодского договора. С другой стороны, начальник штаба войск Приморской области полковник М. П. Тихменев предлагал заселять Сахалин исключительно ссыльными, в связи с маловероятностью быстрого добровольного переселения на остров. Было решено испробовать оба пути, и на фоне провалившейся попытки вольного заселения победил вариант превращения острова в место ка-

торги и ссылки.² Подобная практика колонизации новых территорий не была новостью в XIX веке: Великобритания и Франция уже использовали этот способ освоения своих колоний, причем характер каторжной власти ничем не отличался от Сахалина: «крепкая рука тюремной администрации вполне подчиняет себе как заключенных, так и освобожденных, создавая для последних положение пожизненно полусвободных людей», – писал Д. Дриль о французской колонии в Новой Каледонии.³

Проанализировав 25-летний опыт сахалинской каторги, тот же А. А. Панов пришел к выводу, что ее введение на острове было большой ошибкой для задач колонизации, но, тем не менее, отмечает, что «...пока население лежащего рядом благодатного Уссурийского края и вообще Приамурья не достигнет предельной плотности, нечего и думать о добровольном заселении Сахалина, физические и культурные условия которого гораздо суровее, чем близлежащих мест материка».⁴

Послужив целям скорейшего заселения острова и решив тем самым срочные политические и экономические задачи, стоящие перед ней, каторга, с другой стороны, оставила в памяти всех россиян, а тем более сахалинцев, тяжелое воспоминание.

Особенности управления сахалинской каторгой представляют собой уникальное для России явление: во-первых, тюремная власть обладала полномочиями управления всем островом, то есть достаточно большой территорией в составе государства, что ставило этот регион в особое положение по сравнению со всей остальной частью России; во-вторых, органам управления, созданным специально для руководства каторгой, приходилось решать и вопросы гражданского управления

¹ Панов, А. А. Сахалин как колония / А. А. Панов // Очерки колонизации и современного положения Сахалина. – М., 1905. – С. 5.

² Костанов, А. Освоение Сахалина русскими людьми / А. Костанов. – Южно-Сахалинск, 1991. – С. 90–92.

³ Дриль, Д. Ссылка во Франции и России / Д. Дриль. – СПб., 1899. – С. 59.

⁴ Панов, А. Сахалин как колония / А. Панов // Очерки колонизации и современного положения Сахалина. – М., 1905. – С. 228–229.

островом, так как им подчинялось и мирное население островом. Подобного прецедента в истории России еще не было.

Положение комитета об устройстве каторжных работ на Сахалине ничего не говорит об органах управления этими работами. Как и все остальные тюрьмы и каторги в России, Сахалин попал под юрисдикцию Устава о содержащихся под стражей.⁵ Статья 14 третьей главы устава закрепляла тюрьмы страны за Министром внутренних дел. Главное тюремное управление было образовано в составе Министерства внутренних дел в 1879 году. Оно пользовалось большими правами и могло самостоятельно, без согласования с министром, осуществлять действия по применению тюремного законодательства. Местное управление тюремными учреждениями, в соответствии со ст. 15 Устава о содержащихся под стражей, принадлежало губернатору или начальнику области. Сахалин в административном отношении с 1856 года входил в состав Приморской области, которая находилась в подчинении Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, преобразованного в 1887 году в Иркутское. В 1876 году в составе первого отделения Приморского областного управления было образовано подразделение (третий стол) по ведению судебно-полицейского делопроизводства, чиновники которого занимались управлением каторгой на острове Сахалин. Непосредственное управление легло на плечи начальников воинских отрядов, которые находились на острове. О роли в управлении каторгой Заведующего ссыльнокаторжными Приморской области мы узнаем из специальной инструкции генерал-губернатора Восточной Сибири от 17 июля 1870 года за № 722, в которой, несмотря на то, что она жестко регламентировала порядок содержания осужденных, несения тюремной службы Дуйской поставой командой, не определялись права и обязанности его самого.⁶ Но он являлся основной фигурой в управлении Сахалинской каторгой, и, по словам военного губернатора Приморской области Г. Ф. Эрдмана, лицом, которое «в отсутствие вышестоящего начальника должно пользоваться правами губернского воинского начальника и которому были подчинены все военные и гражданские служащие острова».⁷

В 1875 году было принято временное положение о военном и гражданском управлении Сахалином. Остров делился на северный и южный округа, каждым из которых управлял начальник: северным – заведующий ссыльнокаторжными, на-

ходившийся в посту Дуэ, южным – командир Восточно-Сибирского линейного батальона, дислоцированного в посту Корсаковском. Единого органа управления на Сахалине в тот период не было.⁸

Первый и единственный законодательный акт по управлению Сахалинской каторгой появляется в 1884 году, когда утверждается «Положение об управлении Сахалином», согласно которому верховное управление островом оставалось в ведении генерал-губернатора Восточной Сибири, местное – в ведении образованного Приамурского генерал-губернаторства, а непосредственное управление стал осуществлять Начальник острова, назначаемый из военных генералов. Средним звеном управления по острову был институт Начальников округов, которых стало три: Александровский (центр – пост Александровский), Тымовский (центр – пост Дуэ) и Корсаковский (центр – селение Рыковское). Одновременно с положением об управлении островом Сахалин царем были утверждены штаты. Они состояли из трех разделов: общего управления, окружного управления и тюремного надзора.⁹ 30 мая 1894 года были учреждены новые штаты управления островом, которые заметно увеличили число служащих сахалинского тюремно-административного аппарата, а Начальник острова был переименован в Военного Губернатора.¹⁰ В следующем, 1895 году, ведение сахалинской каторгой перешло Министерству юстиции и, вплоть до отмены каторги в 1906 году, Сахалин сохранял двойную подчиненность – Министерству юстиции и Министерству внутренних дел в лице Приамурского генерал-губернаторства. При этом так и не была решена проблема: кому должно подчиняться свободное население острова и кто должен решать вопросы, не связанные с каторгой и ссылкой, например, вопросы развития на острове промышленности, изучения его природных богатств, строительства инфраструктуры острова.¹¹ 25 марта 1902 года Николай II утверждает мнение Государственного совета, согласно которому были внесены изменения в штат, в частности, вводилась должность вице-губернатора Сахалина.¹²

В дореволюционной историографии проблема пенитенциарной (тюремной) системы управления Сахалином в период каторги не ставилась, поэтому отрывочные сведения о структуре и основных функциях системы управления островом, их специфике можно встретить только при рассмотрении проблемы взаимоотношений каторжан, ссыльнопоселенцев, гражданского населения острова и

⁵ Устав о содержащихся под стражей // Свод законов Российской империи. – СПб., 1890. – Т. XIV.

⁶ РГИА ДВ. – Ф. 1556. – Оп. 1. – Д. 23.

⁷ РГИА ДВ. – Ф. 1556. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 13–15.

⁸ РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 508.

⁹ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 5.

¹⁰ ГАСО. – Ф. 20-и. – Оп. 1. – Д. 26.

¹¹ Сенченко, И. Очерки истории Сахалина (вторая половина XIX – начало XX вв.) / И. Сенченко. – Южно-Сахалинск, 1957. – С. 12–13.

¹² РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 2088.

островных властей. Современники прежде всего ставили перед собой цель описания жизни людей на каторге и поселении на острове, чтобы донести до общественности ужасающие картины каторжной островной жизни. К такого рода очеркам относятся «Остров Сахалин» А. П. Чехова, «Сахалин (каторга)» В. Дорошевича, «Ссылка на Сахалин» Д. Г. Тальберга¹³, воспоминания политического каторжанина Б. Еллинского «Сахалин. Черная жемчужина Дальнего Востока», Н. С. Лобаса «Каторга и поселения на острове Сахалин», врача Н. Новомбергского «Остров Сахалин». После отмены каторги в 1905 году появляются аналитические очерки о Сахалине.¹⁴ Относительной глубиной выводов и оценок выделяется работа журналиста А. А. Панова, в которой он довольно подробно разбирает сельскохозяйственные и промышленные возможности Сахалина, причины введения каторги, особенности ее быта, значение, жизнь вольного и ссыльнопоселенческого населения, причины неудачи сахалинской администрации в хозяйственном освоении острова. В отличие от Н. С. Лобаса, увидевшего причину неудавшейся колонизации Сахалина в низком умственном и нравственном уровне лиц Сахалинской тюремной администрации¹⁵, Панов объяснял ее вообще несоответствием задач тюремного ведомства задачам колонизации. По его мнению «было большой ошибкой предоставлять тюремному ведомству колонизацию Сахалина».¹⁶ Задолго до него Тальберг Д. Г. констатировал «непригодность для живого дела колонизации казенного управления».¹⁷ Таким образом, об администрации острова мы узнаем лишь из описательных фрагментов этих очерков и из оценочных выводов. Например, Н. Новомбергский, описывая характер деятельности сахалинских властей в начале XX века, когда уже всем, и Главному тюремному управлению в том числе, стал ясен провал плана принудительной колонизации Сахалина, говорит о ее бездействии в условиях полной разрухи, нищеты и разврата, царящих на острове, будто бы «администрация с часу на час ждет приказа оставить остров».¹⁸

В первые десятилетия советской власти работы по Сахалину представляют собой идеологические очерки его истории и современного состояния и с

точки зрения истории управления островом интереса не представляют.¹⁹

Серьезный научный подход к изучению Сахалинской каторги и, в частности, аспекта ее управления, с привлечением документального и мемуарного фонда, предпринимается уже советской исторической наукой в послевоенный период. Первый такой опыт осуществил сахалинский исследователь И. А. Сенченко, защитив по теме «История Сахалина и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX века до установления Советской власти) кандидатскую диссертацию. В своих «Очерках истории Сахалина» Сенченко делает подробный анализ аппарата управления Сахалином в период каторги, его поэтапного развития и ведомственной подчиненности.²⁰ Долгое время работа Сенченко оставалась единственной, рассматривавшей управленческую проблематику этого периода в истории Сахалина, но, естественно, с идеологических позиций той эпохи.

Отдельно останавливается на рассмотрении вопросов правовой регламентации и системы местных органов управления Сахалинской каторгой А. А. Плотников.²¹ Но и он, несмотря на богатый фактический материал, оценивает деятельность царского правительства на Сахалине с позиций марксистско-ленинской идеологии, что делает его выводы односторонними и тенденциозными.

В 1991 году в Южно-Сахалинске выходит монография сахалинского историка А. И. Костанова «Освоение Сахалина русскими людьми», в которой автор, привлекая большое количество источников, смог более детально описать историю развития административного устройства Сахалина во второй половине XIX века, а благодаря опоре также и на японские данные и использованию биографических данных, картина управления Сахалином получилась более полной. При этом исследователь продолжает негативно оценивать роль военно-полицейской системы административного управления Сахалином, «которая сдерживала процесс заселения острова, изучение его природных богатств, тормозила развитие экономики».²²

Плодом большой исследовательской работы явился труд коллектива авторов – сборник биографических статей «Губернаторы Сахалина» под

¹³ Тальберг, Д. Г. Ссылка на Сахалин / Д. Г. Тальберг // Вестник Европы. – 1879. – № 5.

¹⁴ Панов, А. А. Сахалин как колония / А. А. Панов // Очерки колонизации и современного положения Сахалина. – М., 1905. ; Оларт, Е. Проклятый остров / Е. Оларт. – М., 1913.

¹⁵ Лобас, Н. С. Каторга и поселение на острове Сахалин / Н. С. Лобас. – М., 1903. – С. 12.

¹⁶ Панов, А. А. Сахалин как колония / А. А. Панов // Очерки колонизации и современного положения Сахалина. – М., 1905. – С. 227.

¹⁷ Тальберг, Д. Г. Ссылка на Сахалин / Д. Г. Тальберг // Вестник Европы. – 1879. – № 5. – С. 248.

¹⁸ Новомбергский, Н. Остров Сахалин / Н. Новомбергский. – СПб., 1903. – С. 139.

¹⁹ Глуздовский, В. Е. Советский Сахалин / В. Е. Глуздовский. – Владивосток, 1926 ; Лебедев, Е. В. Советский Сахалин / Е. В. Лебедев. – М., 1933.

²⁰ Сенченко, И. Очерки истории Сахалина (вторая половина XIX – начало XX вв.) / И. Сенченко. – Южно-Сахалинск, 1957.

²¹ Плотников, А. А. Сахалинская каторга (конец XIX – начало XX вв.) / А. А. Плотников. – Хабаровск, 1992. – С. 22–48.

²² Костанов, А. И. История освоения Сахалина в эпоху российского капитализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. И. Костанов. – Владивосток, 1987. – С. 16.

редакцией А. И. Костанова. В нем впервые были сведены вместе биографии всех руководителей Сахалина и Сахалинской области, начиная с первого начальника острова А. И. Гинце до И. П. Фархутдинова. Это был первый опыт рассмотрения истории Сахалина, его управленческой системы в лицах, сквозь призму индивидуальных характеров и судеб тех, от кого зависела и судьба острова.

Большой интерес представляет попытка современного исследователя К. К. Кораблина, который основываясь на документальных данных эпохи каторги, переосмыслил взаимоотношения сахалинской администрации с каторжанами и ссыльно-поселенцами, итоги принудительного хозяйственного освоения острова. Детально изучив историю развития пенитенциарных органов управления Сахалином, проанализировав их нормативно-правовую базу и распорядительные документы, Кораблин приходит к закономерному выводу: хотя «более чем двадцатилетний опыт всероссийской каторги на острове показал, что возможность продуктивного земледелия здесь была низка... Сахалинская каторга твердо выполняла свою пенитенциарную функцию по отношению к лицам, нарушившим закон, вместе с тем, ее открытие на Дальнем Востоке способствовало хозяйственному освоению данной территории, увеличению темпов экономического роста, укреплению материальной базы».²³ Все цели штрафной колонизации Сахалина, среди которых – создание и укрепление военно-полицейского и чиновничьего аппарата, призванного обеспечить стратегические интересы России на востоке страны, были реализованы.²⁴

Таким образом, тема штрафной колонии на Сахалине была актуальна всегда. В царской России ее поднимали представители общественности, возмущаясь самим фактом ее существования; в советское время исследование этого периода давало новые доказательства антинародности и антигуманности царского режима. Сегодня каторга продолжает оставаться одной из ведущих проблем современной историографии, что обусловлено необходимостью повторного анализа происходивших событий, пересмотра ряда стереотипных выводов и оценок. Перефразируя Сократа, который сказал, что «хорошее начало не мелочь, но все хорошее на-

чинается с мелочи», хотелось бы сказать по-другому – «но все хорошее начинается с памяти». Именно память о той трагедии Сахалина позволит нам развиваться и жить дальше.

Литература

1. Глуздовский, В. Е. Советский Сахалин / В. Е. Глуздовский. – Владивосток, 1926.
2. ГАСО. – Ф. 20-и. – Оп. 1. – Д. 26.
3. Дриль, Д. Ссылка во Франции и России / Д. Дриль. – СПб., 1899.
4. Кораблин, К. К. Каторга на Сахалине как опыт принудительной колонизации / К. К. Кораблин // Вестник ДВО РАН. – 2005. – № 2.
5. Костанов А. История освоения Сахалина в эпоху российского капитализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. И. Костанов. – Владивосток, 1987.
6. Костанов А. И. Освоение Сахалина русскими людьми / А. Костанов. – Южно-Сахалинск, 1991.
7. Лебедев, Е. В. Советский Сахалин / Е. В. Лебедев. – М., 1933.
8. Лобас, Н. С. Каторга и поселение на острове Сахалин / Н. С. Лобас. – М., 1903.
9. Новомбергский, Н. Остров Сахалин / Н. Новомбергский. – СПб., 1903.
10. Оларт, Е. Проклятый остров / Е. Оларт. – М., 1913.
11. Панов, А. А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина / А. А. Панов. – М., 1905.
12. Плотников, А. А. Сахалинская каторга (конец XIX – начало XX вв.) / А. А. Плотников. – Хабаровск, 1992.
13. РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 2088.
14. РГИА ДВ. – Ф. 1556. – Оп. 1. – Д. 23.
15. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 508.
16. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 5.
17. Сенченко, И. Очерки истории Сахалина (вторая половина XIX – начало XX вв.) / И. Сенченко. – Южно-Сахалинск, 1957.
18. Тальберг, Д. Г. Ссылка на Сахалин / Д. Г. Тальберг // Вестник Европы. – 1879. – № 5. – С. 248.
19. Устав о содержащихся под стражей // Свод законов Российской империи. – СПб., 1890. – Т. XIV.

²³ Кораблин, К. К. Каторга на Сахалине как опыт принудительной колонизации / К. К. Кораблин // Вестник ДВО РАН. – 2005. – № 2. – С. 82–83.

²⁴ Кораблин, К. К. Пенитенциарная система на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / К. К. Кораблин // Вестник ДВО РАН. – 2004. – № 6. – С. 129.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Ипатьева Александра Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории СахГУ. Сфера научных интересов – история русской православной церкви на Дальнем Востоке. Автор более 15 научных статей.

Организация и регламентация деятельности Православного миссионерского общества в России в 1869 году было одним из многочисленных деяний митрополита московского Иннокентия (в мире Ивана Евсеевича Попова-Вениаминова).

Формально общество было создано в 1865 году в Петербурге. Но его учредителями были светские лица, и за два года своего существования это общество не сделало никаких реальных шагов в деле развития миссионерства. Поэтому в 1868 году обер-прокурор Синода граф Д. А. Толстой передал бразды правления миссионерским обществом Московскому митрополиту Иннокентию, который имел богатейший опыт миссионерской деятельности среди малых народов Дальнего Востока.

Митрополит Иннокентий, еще будучи епископом Камчатским, Курильским и Алеутским, не раз высказывал свои предложения по улучшению миссионерской деятельности в Сибири.¹ Нужно отметить, что в первой половине XIX века миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири и на Дальнем Востоке действительно нуждалась в лучшей организации и финансовой поддержке со стороны Синода. Хотя правительство многонациональной России всегда уделяло большое внимание делу христианизации «инородцев» и предоставляло православной церкви монопольное право на распространение христианства, но при этом часто соотносило задачи миссионерской деятельности с интересами внутренней и внешней политики, приостанавливало или ограничивало ее, когда миссионерские действия могли нанести ущерб политическому или экономическому развитию государства. Поэтому миссионерская деятельность Русской православной церкви развивалась крайне неравномерно.

В начале XIX века начинает вырабатываться методика обращения «инородцев» в православие, учреждаются походные церкви, переводится религиозная литература на языки коренных народов российских окраин. И лишь с начала 60-х годов XIX века православная церковь начинает переходить к новым организационным формам миссионерской деятельности, которые обеспечивали постоянное пребывание и воздействие миссионера на язычников.² Если раньше миссионерская деятельность велась, как правило, силами епархиального духовенства, что, естественно, замедляло эту деятельность, так как у священников был большой круг обязанностей помимо крещения аборигенов, то в XIX веке вводятся вакансии миссионеров во всех епархиях, где проживал «инородческий элемент».

Для успешной деятельности миссионеров, ее координации и поддержки и было создано Православное миссионерское общество.

Митрополит Иннокентий с энтузиазмом взялся за новое для него дело и уже 20 ноября 1869 года составленный им Устав общества был утвержден императором Александром II,³ а 25 января 1870 года митрополит Иннокентий торжественно открывал это общество в Москве в доме генерал-губернатора, князя В. А. Долгорукова.

Первоочередной задачей православного миссионерского общества Устав определял обращение в христианство коренных народов Восточной Сибири. И это не случайно. Прошло совсем немного времени с момента присоединения к Российской империи территории Приамурья (1858 год) и Приморья (1860 год). Необходимость закрепления этих территорий за Россией ставила задачу сближения русского и «инородческого населения», приобщения аборигенов к русской культуре. Эти

¹ Крылов, В. Административные документы и письма высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Камчатского, за 1846–1868 гг. / В. Крылов. – Казань, 1908. – С. 88.

² Ванина, И. Ю. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Восточной Азии (середина XVII – середина XIX вв.): дис. ... канд. ист. наук / И. Ю. Ванина. – Иркутск, 1995. – С. 46.

³ Никольский, А. Православное миссионерское общество. Историческая записка о деятельности общества за истекшее 25-летие (1870–1895) / Протоирей А. Никольский. – М., 1895. – С. 5.

задачи были возложены на православную церковь. Параграф седьмой Устава определял, что средства Православного миссионерского общества будут расходоваться не только на содержание миссионеров, но и на содержание миссионерских церквей, школ, больниц для новокрещенных. По сути, миссионерские школы до конца XIX века будут единственными учебными заведениями для «иностранцев», где обучение будет вестись на родном для детей языке.

Для такой организационной деятельности требовались немалые суммы. Средства общества слагались из членских взносов (не менее трех руб. в год), кружечных сборов, единовременных пожертвований деньгами и вещами. Членом общества мог быть любой человек, независимо от социального происхождения и пола, лишь бы платил членские взносы. За время существования общества в среднем его численность составляла 20 тысяч человек.⁴

Организационное строение общества было несложным, но достаточно эффективным. Руководил деятельностью общества Совет из 12 человек, избранных на общем собрании. Председателем Совета являлся митрополит Московский. На местах действовали епархиальные комитеты ПМО, которые возглавляли епископы. В 1870 году было открыто 13 таких комитетов.

Каждый год миссионерское общество издавало отчеты, которые сегодня являются важным историческим источником по изучению миссионерской деятельности Русской православной церкви. Эти отчеты содержат статистические материалы, описание наиболее интересных, подвижнических примеров деятельности миссионеров, характеристики быта, нравов народов, среди которых велась эта деятельность.

На основании этих отчетов можно сделать некоторые выводы о деятельности Православного миссионерского общества во второй половине XIX – начале XX веков.

Первое, что сделал святитель Иннокентий, находясь на посту председателя общества – это разработал новые правила крещения иноверцев. Прежние правила, утвержденные 4 декабря 1861 года, крайне затрудняли миссионерскую деятельность.⁵ Обряд крещения по этим правилам должен был совершаться только в церкви и в присутствии местного начальства. Оба этих требования невозможно было выполнить в условиях Дальнего Востока. Огромные территории, разбросанность туземных поселений на большие расстояния друг от

друга, отсутствие церквей в местах миссионерских проповедей – вот те препятствия, которые стояли на пути миссионера. И отмена этих пунктов правил была большим подспорьем в миссионерской деятельности.

Затем началась организационная деятельность. В 43-х епархиях были открыты комитеты для ознакомления местных жителей с нуждами миссионерства и сбора пожертвований.

Доходы общества из года в год возрастали: в 1871 году – 82 тысячи рублей, в 1872 – 214 тысяч, 1893 – 331 тысяча.⁶ Согласно отчету этого общества за 1912 год его доход составлял 934 тысячи 445 рублей.⁷ Эти деньги были потрачены на организацию новых миссий на Дальнем Востоке и за границей, прежде всего в Японии. Если в 1871 году в Камчатской епархии было пять миссионерских станов⁸, то в 1906 году на Дальнем Востоке было 19 станов Благовещенской миссии и 12 станов Владивостокской миссии.⁹ Суммы миссионерского общества по епархиям распределялись неравномерно. За 20 лет с 1870 по 1890 годы. Иркутская и Забайкальская миссии истратили 912 тысяч 498 рублей, Якутская 20 тысяч 655 рублей, Камчатская 155 тысяч 409 рублей. Самые большие суммы общество выделяло Японской миссии. За первые двадцать лет – 528 тысяч 409 рублей.

Благодаря деятельности общества удалось увеличить оклады миссионеров. По указанию Синода 1858 года жалование миссионеров в Сибири составляло 250 рублей. И пенсия устанавливалась в процентном отношении от оклада по выслуге лет: 10 лет – половина оклада, 15 лет – три четверти, 18 лет – пенсия в полный оклад. Не многие миссионеры выдерживали в условиях Дальнего Востока 18 лет деятельности, постоянных разъездов в процессе миссионерской проповеди. Отсюда и пенсии они могли заработать небольшие. Это останавливало многих священников, поэтому с миссионерскими кадрами в Сибири было напряженно. Вследствие этого, жалование миссионерам было увеличено до 600 рублей в год, а начальникам миссий в 1910 году установлено жалование в две тысячи рублей.¹⁰

Результаты деятельности миссионеров в российской историографии оцениваются неоднозначно. Большие расхождения в характеристике итогов деятельности миссий наблюдается в трудах светских и клерикальных историков. По данным отчетов Православного миссионерского общества, во всех миссиях, включая четыре заграничные, за

⁴ Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. – М. : Политиздат, 1989. – С. 439.

⁵ Никольский, А. Православное миссионерское общество. Историческая записка о деятельности общества за истекшее 25-летие (1870–1895) / Протоирей А. Никольский. – М., 1895. – С. 6.

⁶ Всероссийское православное миссионерское общество. По поводу 25-летия его деятельности. – СПб., 1895. – С. 7.

⁷ Отчет православного миссионерского общества за 1912 г. – М., 1913.

⁸ Отчет о состоянии и деятельности миссии Камчатской епархии за 1871 год. – Благовещенск, 1872. – С. 1.

⁹ РГИА ДВ. – Ф. 1009. – Оп. 3. – Д. 248. – Л. 3.

¹⁰ Иеромонах, Алексей. Иркутский миссионерский съезд 24 июля – 5 августа 1910 года. Дневник участника съезда / Алексей Иеромонах. – Томск, 1910. – С. 61.

30 лет (с 1870 по 1900 годы) было крещено 110 тысяч 91 человек. По подсчетам авторов монографии «Русское православие: веки истории», изданной в 1989 году, было крещено 15 тысяч 381 человек. Проведенные автором статьи исследования по количеству крещеных только на юге Дальнего Востока во второй половине XIX века позволяют назвать цифру в 22 тысячи 371 человек.¹¹ Думается, что данные миссионерского общества явно завышены. В эту статистику попадали «иностранцы», которые крестились несколько раз, те, кто принимал крещение чисто формально, особенно на северо-востоке Азии. Однако, судя по дневникам святителя Иннокентия, православие было широко распространено среди якутов и тунгусов, по словам архиепископа японского Николая, в Японии было крещено более 22 тысяч человек, были успехи и у Западных миссий, так что цифра в 15 тысяч представляется заниженной. Достоверно установить количественный показатель итогов миссионерской деятельности сегодня довольно сложно. Наиболее достоверным источником для этого могут служить метрические книги Православных церквей на Дальнем Востоке, но, к сожалению, далеко не все они сохранились до сегодняшнего дня.

Что же касается качественного показателя, то здесь мнения большинства исследователей сходятся. «Иностранцы» в православии чаще всего воспринимали внешнюю, обрядовую сторону, глубоко не проникались идеями христианства и в глубине души продолжали оставаться язычниками, искренне веря, что Христос – еще один бог, о котором они не знали, и с которым лучше не ссориться, как, впрочем, и с любым другим богом. Чтобы закрепить в туземцах христианское миропонимание, необходимо было длительное время и постоянное пребы-

вание священника. Трудно ожидать хороших результатов от проповеди, если священнику, чтобы объехать свою паству, нужно преодолеть расстояние в 200–1000 километров при отсутствии дорог, русских поселений, возможностей пополнить продовольственные запасы и т. д.

Тем не менее, положительные результаты миссионерской деятельности, несомненно, были.

Миссионерство в самом общем аспекте является междивизиционным явлением приобщения к новому типу мировоззрения и системе духовно-нравственных и этических ценностей. При этом следует учесть, что определяющим фактором является характер миссионерской деятельности. Жесткие, насильственные методы насаждения новой веры, как показывает опыт средневековой Европы, приводили к исчезновению, либо к ущербному типу этнического саморазвития. И наоборот, как показывает исторический опыт России, гибкие формы и методы христианизации, исходящие из принципа добровольности крещения, привели к возникновению и расширению взаимных благотворных хозяйственно-культурных контактов, а, следовательно, к убыстрению темпов общественного развития многочисленных народностей на новоприсоединенных территориях. В период формирования индустриального общества во второй половине XIX века христианизация и связанные с ней изменения в традиционном образе жизни в известной степени способствовали адаптации новокрещенных к новым условиям жизни. С помощью миссионеров они значительно быстрее усваивали элементы русского образа жизни и новые виды хозяйственной деятельности, что иногда становилось условием их выживания.

¹¹ *Ипатьева, А. А. Миссионерская деятельность русской православной церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук / А. А. Ипатьева. – Красноярск, 1999. – С. 136.*

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Потапова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории Института истории, социологии и управления, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Юридического института Сахалинского государственного университета, докторант ДВФУ. Направление научно-исследовательской работы – историческое религиоведение.

В России на протяжении столетий именно христианская религия в ее православном варианте являлась духовной силой, противостоящей развитию пороков в обществе, дающей нравственные заповеди и ценностные ориентиры подавляющему большинству населения. Вероисповедное законодательство Российской империи, даже после его реформирования под давлением революции в начале XX в. (Указом 17 апреля 1905 года была провозглашена веротерпимость, а Указом от 17 октября 1906 года¹ и соответствующим законом, принятым Думой в 1913 году, определялись правила образования и функционирования религиозных общин), не признавало внеисповедного состояния подданных. Согласно Основным законам Российской империи, вступившим в силу 23 апреля 1906 года. Русская православная церковь (РПЦ) продолжала оставаться государственным вероисповеданием, «первенствующей и господствующей в Российской империи», а верховным «защитником и хранителем догматов» православия провозглашался император².

Однако в России в XIX – начале XX веков происходил особенно активизировавшийся в связи с революционными событиями 1905–1907 годов процесс отхода населения от традиционной религии, секуляризации общественного сознания. Обратной стороной ослабления влияния церкви на православную часть российского общества в исследуемый период становится развитие всевоз-

можных пороков, обострение проблем в духовно-нравственной сфере. Эти процессы на Дальнем Востоке приобрели особенно отчетливый характер. Уровень религиозности населения Дальнего Востока³ изначально был ниже, чем по стране. Доля православных составляла по Переписи 1897 года в Амурской области 76,16 % от общего количества населения, на Сахалине – 69,6 %, а в Европейской России – 81,81 %.⁴ В отчете Приамурского генерал-губернатора Корфа за 1886 год есть такая характеристика религиозно-нравственной жизни местного населения: «Многие из здешних жителей по несколько лет не бывали у исповеди и св. причастия, умирают без христианского напутствования, дети долгое время остаются без крещения». Главную причину такой ситуации губернатор видел в огромных территориях, которые составляли приходы и, конечно же, в крайне неудобных путях сообщения.⁵ К этому следует добавить нехватку церквей и священников, специфический состав переселенцев. С одной стороны, на Дальний Восток охотно ехали, спасаясь от преследований за веру, представители религиозной оппозиции – старообрядцы, молокане, с другой стороны, многие переселенцы-православные, склонные к авантюризму, риску, не отличались религиозностью. В некоторой степени уловить специфику населения дальневосточных окраин и особенности его духовно-нравственного состояния позволяет местная поговорка, приведенная военным инженером

¹ Красножен, М. Новейшее законодательство по делам Православной Русской Церкви / М. Красножен. – Юрьев, 1909. – С. 14–38.

² Свод законов Российской империи. – Т. 1. – Ч. 1. – СПб., 1906. – С. 15.

³ Религиозность – это совокупность таких отношений к миру, которые предполагают веру в существование высшей силы, руководящей поведением человека, его мыслями, чувствами.

⁴ Главнейшие данные по статистике населения Крайнего Востока Сибири. – СПб., 1903. – С. 14–17; Распределение населения Империи по главным вероисповеданиям. Разработано Ц.С.К.М.В.Д. по данным Всеобщей переписи 1897 г. – СПб., 1901. – С. 2–4.

⁵ Капранова, Е. А. Проблемы религиозной жизни края и пути их решения (по всеподданнейшим отчетам генерал-губернаторов Приамурской и Приморской областей 1883–1907 годах) / Е. А. Капранова // Чтения памяти профессора Е. П. Сычевского : сборник докладов / отв. ред. А. И. Донченко. – Благовещенск, 2001. – Вып. 2. – С. 168.

А. Н. Чиколевым, в 1910 г. путешествовавшим по Дальнему Востоку: «100 рублей не деньги, 100 верст не расстояние, 100 плетей не наказание».⁶

Примеров и доказательств тому, что общероссийский процесс отчуждения населения от РПЦ интенсивно шел на Дальнем Востоке, много. Еще до введения нового вероисповедного законодательства, в 1904 году на страницах епархиальной прессы отмечалось, что «неверующая часть русского общества бросила вызов религии, а в частности – православию, его служители объявлены вредными обманщиками, поддерживающими невежество массы и якобы тормозящими ее просвещение».⁷ Священник Ем. Шиверский писал, что после 1905 года «по отношению к православному духовенству во имя свободы совести стало все позволительным: незаслуженная ругань и даже всякого рода насилие. ...На православие установился взгляд как на синоним чего-то отжившего, ненужного, как на опору бюрократии, «придаток старого строя» и, обвиняя этот старый строй во всех ошибках и нестроениях русской жизни, вместе с ним во всем этом обвиняют и православие...»⁸

В хронике епархиальной жизни описывалась следующая ситуация, сложившаяся в г. Владивостоке: «Насколько индифферентно относятся жители Владивостока ко всяким вопросам церковного характера... – красноречиво говорит следующий факт: в конце прошлого – начале настоящего года (1907–1908 годы – Н. П.) соборное попечительство разослало почти по всем казенным и частным учреждениям и торговым фирмам г. Владивостока особые письма (искала средства для содержания бедных при соборе – Н. П.)... из всей массы служащих (3–4 тыс. чел.)... почти не оказалось желающих вступить в члены-соревнователи и отчислять что-либо на нужды попечительства. ...Где же они, наши истинные прихожане во Владивостоке – в этом безрелигиозном, развратном международном Вавилоне?»⁹ В пастырском дневнике священника, редактора «Владивостокских епархиальных ведо-

мостей» В. Давыдова за 1907 год можно прочитать рассказы о том, как он ходил по домам прихожан, а православные даже встречаться не хотели с ним, говорили, что они не православные.¹⁰

Дальневосточные священники вынуждены были искать ответы на вопросы, живо обсуждавшиеся по всей России, – как поднять авторитет духовенства, восстановить значение прихода и т. п. Эти вопросы выносились на епархиальные съезды духовенства.¹¹ Для борьбы с развитием в массах безразличного отношения к религии на Дальнем Востоке, усилиями духовенства создаются православные братства, кружки ревнителей православия¹². 8 июля 1908 года по инициативе В. Давыдова открывается Уссурийское православное Пресвятой Богородицы братство (УППББ). В 1910 году было открыто Православное Камчатское братство, одной из основных задач которого определялось укрепление нравственности народа.¹³ В отчете УППББ за 1908–1909 годы отмечалось: «За последние годы, а именно – с 1905 года, то есть со времени объявления всяких свобод, перешедших, к сожалению, в произвол и насилие по всей нашей матери Руси вообще и во Владивостокской епархии – в частности, стал замечаться сильный упадок в народе веры православной и нравственности, быстро стало возрастать отчуждение мирян от церкви и духовенства, усилились пороки, особенно – пьянство, незаконные сожительства и др.»¹⁴. В. Давыдов предлагал для борьбы с индифферентизмом и отступничеством от церкви среди интеллигентного общества «учредить должность особых проповедников, хотя бы в двух наиболее крупных умственных центрах епархии – Владивостоке и Харбине, которые бы постоянно проповедывали во всех городских церквях на самые современные, больные, религиозные темы, устраивали специальные собеседования и лекции...»¹⁵.

Одной из самых острых общественных проблем Российской империи начала XX века, напрямую связанной с падением нравственности населения,

⁶ Чиколев, А. Н. О нашем Дальнем Востоке / А. Н. Чиколев. – СПб., 1910. – С. 8.

⁷ Приходской священник. К вопросу об оживлении пастырской деятельности духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1904. – № 15. – С. 329.

⁸ Шиверский Ем., священник. Современное положение духовенства // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1908. – № 21. – С. 531.

⁹ Хроника епархиальной жизни // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1908. – № 4. – С. 123–125.

¹⁰ Давыдов, священник. Из пастырского дневника // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1907. – № 1. – С. 20–22; № 2. – С. 36–37.

¹¹ От секретаря Владивостокской духовной консистории // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1907. – № 11. – С. 218–220; Давыдов В., священник. К предстоящему епархиальному съезду // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1907. – № 4. – С. 73–74.

¹² Как образовался кружок ревнителей православия в Лутковском // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1910. – № 17. – С. 604–606; Как устроить в сельском приходе кружок ревнителей православия // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1911. – № 4. – С. 145–148.

¹³ Устав православного Камчатского братства во имя нерукотворного образа Всемилостивого Спаса // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1910. – № 18. – С. 618–630.

¹⁴ Отчет Уссурийского православного Пресвятой Богородицы братства за 1908–1909 гг. (1-ый год существования) // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1909. – № 19. – С. 521–525.

¹⁵ Давыдов, священник. Доклад депутата священника о. Вл. Давыдова по поводу Иркутского миссионерского съезда // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1910. – № 11. – С. 394.

было массовое пьянство. В отчетах обер-прокурора отмечалось, что переселенческое население зауральских епархий особенно подвержено этому пороку¹⁶. Путешественник Г. Т. Муров оставил описания спивающихся дальневосточных селений (в Амурской области), преступлений на почве пьянства, вообще нравственного разложения значительной части населения (православного, в отличие от крепких и трезвых хозяев – старообрядцев и молокан).¹⁷ На первом Камчатском миссионерском съезде в 1914 году в числе вопросов, подлежащих обсуждению, был вопрос о борьбе с пьянством. Начальник миссии о. Нестор с горечью отмечал в своем докладе по этому вопросу: «Отовсюду слышно, что Камчатская область пьяная, проспиртовалась, пьет беспросветно, вымирает от пьянства и т. п.»¹⁸.

В деле борьбы за трезвость зачастую церковная инициатива опережала инициативу государственную и на общероссийском и на местном уровнях. Уже в 1905 году, в разгар войны с Японией, Владивостокские епархиальные ведомости публикуют статьи о необходимости борьбы с пьянством, широко распространившемся в крае. Одним из проводников борьбы церкви за трезвость призвана была статья школа. Автор одной из статей писал, что школа должна не только «просвещать, обогащать знаниями, вырабатывать нравственное мировоззрение учащихся», он обращался к международному опыту, оправдывая превращение школы в инструмент борьбы с пьянством: «Министры народного просвещения западных государств настойчиво рекомендуют учителям ознакомиться с алкогольным вопросом». Тема необходимости борьбы с алкоголизмом через школу развивается на страницах епархиальной прессы и в последующие годы.¹⁹

Церковь живо подключалась к трезвенническим инициативам администрации, всегда решительно их поддерживая. Циркулярный указ Владивостокской духовной консистории от 23 ноября 1906 года № 19 гласил: «Г. Военным Губернатором при объезде высочайше вверенной его правительству Приморской области обращено особое внимание на распространение среди населения порока пьянства, на ужасающие размеры которого,

между прочим, указывает явная дегенерация молодого поколения в некоторых крестьянских селах и казачьих поселках ...Превосходительство просит Епархиальное начальство и духовенство епархии оказать содействие к искоренению означенного порока. В виду сего Владивостокское Епархиальное начальство предлагает духовенству епархии усилить свою борьбу с пороком пьянства, принять все меры пастырского воздействия на прихожан... В целях отвлечения рекомендуется устройство религиозно-нравственных чтений, а также образование обществ трезвости, там, где явится для открытия их достаточное количество желающих».²⁰

В канун и в начале Первой мировой войны борьба с пороком активизировалась. По высочайшему повелению в приказе по военному ведомству от 22 мая 1914 года № 309 военным министром Сухолинным были объявлены к неуклонному исполнению меры против потребления спиртных напитков в армии. Приказ этот, касающийся, прежде всего, низших чинов, по мнению епархиальной прессы являлся «знаменательным актом, имеющим огромное значение в деле насаждения трезвенности среди наших доблестных войск...»²¹. Вслед за этим был издан Указ Синода о закрытии базаров и свободной продажи спиртных напитков в воскресные и праздничные дни, призывавший крестьянские общества составлять соответствующие приговоры и возбуждать надлежащие ходатайства перед местной властью.²² Последовавшая ответная реакция наиболее сознательных крестьян в виде приговоров крестьянских сходок была отражена в церковной прессе. Так звучал один из приговоров: «В нашей Лутковской волости, состоящей из 18 деревень, почти во всех имеются кабаки... которые служат причиною разорения наших хозяев, так как мы несем туда заработанные тяжелым трудом деньги и через это впадаем в бедность, недовольство и постоянные долги. Потребление водки и пива растет у нас с каждым годом, и мы пропиваем большую сумму денег. Питейные заведения служат для нашего селения источником развития всякого зла, развращения, воровства, хулиганства и страшных преступлений... сколько у нас сирот, оставшихся с матерями после погибших от водки отцов и мужей,

¹⁶ Например: *Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1902 г.* – СПб., 1905. – С. 148–151.

¹⁷ Муров, Г. Т. *Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска (путевой дневник)* / Г. Т. Муров. – Томск, 1901; Муров, Г. Т. *По русскому Дальнему Востоку. Люди. Их жизнь и нравы. Дневник странника* / Г. Т. Муров. – Т. 1–2. – М., 1909–1911.

¹⁸ *Первый Камчатский миссионерский съезд* // *Владивостокские епархиальные ведомости*. – 1914. – № 18. – С. 243–249; № 23. – С. 377–379.

¹⁹ *Введенский Дм., священник. Школа в борьбе за трезвость* // *Владивостокские епархиальные ведомости*. – 1905. – № 1. – С. 12; № 2. – С. 37; *Санитарные правила для учеников* // *Владивостокские епархиальные ведомости*. – 1914. – № 2. – С. 89–92.

²⁰ *Циркулярный указ Владивостокской духовной консистории к духовенству епархии от 23.11.06 г. № 19 «О принятии пастырских мер для борьбы с пьянством»* // *Владивостокские епархиальные ведомости*. – 1907. – № 1. – С. 3.

²¹ *Трезвенная заметка (борьба с пьянством в войсках)* // *Владивостокские епархиальные ведомости*. – 1914. – № 12. – С. 102.

²² *Указ Святейшего Правительствующего Синода о закрытии базаров и свободной продажи спиртных напитков в воскресные и праздничные дни* // *Владивостокские епархиальные ведомости*. – 1914. – № 16. – С. 182–183.

сколько водка отнимает у каждого из нас здоровья, силы. Будучи с малых лет отравлены алкогольным ядом, мы приходим к тому искреннему убеждению, что так дальше жить нельзя как мы живем». В связи с этим крестьяне ходатайствовали о закрытии во всей Лутковской волости имеющихся кабаков с 1 января 1915 года.²³

Борьбой с алкоголизмом занимались и православные братства, что отражено в их ежегодных отчетах.²⁴ Уделялось этому вопросу внимание и на епархиальных съездах. В 1911 году одно из постановлений 7-го съезда духовенства Владивостокской епархии ходатайствует о строгом воспрещении торговли на ярмарках и в питейных заведениях в часы богослужений.²⁵ В 1914 году перечень вопросов, подлежащих обсуждению 9-го съезда, включал вопрос об участии духовенства в борьбе с пьянством. На съезде было решено учредить при УППББ особый комитет на правах самостоятельного епархиального комитета для объединения и руководства в епархии всем трезвенническим движением.²⁶ 10 августа 1914 года во Владивостоке открылся Владивостокский Епархиальный Комитет по борьбе с пьянством. В силу определения Синода от 13–31 марта 1914 года за № 2481, 29 августа впервые повсеместно был устроен церковный праздник трезвости.²⁷

О пьянстве детей и взрослых, темноте и невежестве населения, о пьяных нравах и традициях, о необходимости борьбы с алкоголизмом писали статьи неравнодушные священники. Таким путем они тоже пытались бороться с этими явлениями.²⁸ Псаломщик И. Алексеев в одной из заметок отмечал: «Отцы депутаты 7-го епархиального съезда признали необходимым выписку листов для борьбы с сектантством. ...Но есть у нас бич человечества еще серьезнее сектантства – это водка... Во многих деревнях приморской области нет ныне кабаков, но зато есть сулегонные заводы, которые на-

граждают крестьян сулей (вернее говоря, отравой: последняя унесла в могилу не одну тысячу человек в здешнем молодом крае). Удивительно: почему бы не обратить на это внимание и не уничтожить эти заводы? А ведь сколько уделялось места на страницах местных газет по поводу убийственной сули. Но... не смотря на это... многие переселенцы пропили привезенные из России 2–3 тыс., взяли по 200 р. ссуды и все пропили. В Маргаритовской волости только что стала населяться деревня Петропавловка, крестьяне оной еще не имели угла и куса хлеба своего. А на счет кабачка уже позаботились».²⁹ В статье «Наши переселенцы» И. Алексеев вновь возвращается к этой теме и призывает: «...оснуем вместо кабаков народные библиотеки и читальни и лишь тогда только возможно будет искоренить невежество русского мужика».³⁰

С 1900 года в епархии существовало Осиновское общество трезвости, председателем которого был священник Г. Ваулин.³¹ Позже возникли Маргаритовское и Алтыновское Свято-Духовское братство трезвости (1911 год.). Их деятельность также освещалась на страницах епархиальных изданий, общества публиковали периодически отчеты о своей деятельности.³² Как следует из этих документов, ситуация с алкоголизацией населения Дальнего Востока действительно была очень сложной – например, при Осиновском обществе трезвости существовало детское «Школьное общество трезвости», включающее в себя учеников школ (200 чел.), отказавшихся от спиртного. По сообщению Г. Ваулина, «все эти 200 чел., ранее, в разное время и под разными предлогами, пили водку и вино, причем, половина из них напивалась допьяна».³³ Один из священников в 1908 году описывал безобразные картины приобщения к алкоголю детей и молодежи, которое обычно происходило на свадьбах, «дичь, темнота и невежество» – вот, по его мнению, духовно-нравственная составляющая

²³ Благое начинание // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1914. – № 19. – С. 272–273.

²⁴ Отчет Уссурийского православного Пресвятой Богородицы братства за 1908–1909 гг. (1-ый год существования) // Владивостокские епархиальные ведомости 1909. – № 19. – С. 521–525; Отчет Уссурийского православного Пресвятой Богородицы братства за 1909–1910 гг. // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1911. – № 15. – С. 509–515.

²⁵ Журналы 7-го епархиального съезда // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1911. – № 10. – С. 390.

²⁶ Журналы 9-го съезда духовенства Владивостокской епархии // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1913. – № 7–8. – С. 251–255.

²⁷ От Владивостокского епархиального комитета по борьбе с пьянством // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1914. – № 16. – С. 205.

²⁸ Ф. Побольше света // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1908. – № 6. – С. 172–174; Алексеев И., псаломщик. Заметка о сулегонстве // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1915. – № 17. – С. 526; Анисимов Д., священник. Весть из трезвой глуши // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1915. – № 16. – С. 493.

²⁹ Алексеев И., псаломщик. О пьянстве // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1911. – № 19. – С. 628–630.

³⁰ Алексеев И., псаломщик. Наши переселенцы // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1912. – № 4. – С. 120–122; Алексеев И., псаломщик. Село Маргаритово // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1912. – № 9. – С. 298.

³¹ Хроника епархиальной жизни. Осиновское общество трезвости // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1907. – № 15. – С. 341.

³² Алтыновское Свято-духовское братство трезвости (3-ий год существования) // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1914. – № 6. – С. 242–246.

³³ Отчет Осиновского общества трезвости (с 22 октября 1903 г. по 22 октября 1904 г. Год 5-ый) // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1904. – № 23–24. – С. 490–498.

жизни многих его прихожан, и главное в этой ситуации – оказывать влияние на детей, не допустить их спаивания.³⁴

Как уже указывалось, в начале XX века, а особенно в ходе и после революции 1905–1907 годов усилился, став оборотной стороной отхода от религии, «упадок общественной нравственности...»,³⁵ пьянство было лишь одним из многочисленных его проявлений. Борьбу с безнравственностью церковь поставила как одну из основных задач в деле воспитания паствы. Дальневосточное духовенство не осталось равнодушным и к иным, развивавшимся в обществе порокам и проблемам, что отразилось в материалах епархиальных ведомостей, на страницах которых обсуждались вопросы: порнография и духовенство, современные модные, но безнравственные книги, театральные постановки и пр.³⁶ Одной из причин утраты нравственных ориентиров общества, по мнению духовенства, было развитие материализма и социалистических идей, которые однозначно квалифицировались как безнравственные.³⁷

В одной из статей, опубликованных в 1915 году,³⁸ описаны основные проблемы жизни православного народа на Дальнем Востоке. Отмечая, что страну захлестнула «волна нравственного одичания и пышно развившегося на его почве хулиганства...», автор писал: «Современная семья, доселе крепкая своими узами, теперь идет к разложению. Учащаются разводы. Дети, постоянные свидетели семейных драм, растут как сорная трава без надлежащего ухода и внимания со стороны родителей. Современная школа с грехом пополам учит, а не воспитывает... Никаких разумных развлечений сельская молодежь не знает, праздничный досуг выполняет она, как и взрослое население, разгулом и пьянством... Навстречу естественной потребности молодежи в развлечениях к ней идут безнравственные учреждения: кинематографы... Здесь, в кинематографе, перед глазами детей проходят в реальном представлении отвратительные сцены любовных объяснений, похождений, супружеской

измены... воровства со всеми современными приемами грабительства, убийства, картины самоубийства и т. д.»³⁹ В ответ на эти вызовы современности церковь предлагала проводить комплекс мер, направленных на борьбу с безнравственностью: создавать общества трезвости, читальни, чаевни, организовывать вечерние курсы и пр.

На Сахалине, с его каторжным населением, процесс секуляризации общественного сознания был более ярко выражен, чем на остальных территориях Дальнего Востока. Религия здесь теряла свою социальную значимость. В епархиальной печати описывался такой случай: в 1895 году «в Константиновском посту распорядительный унтер-офицер послал нарочного на вновь строящийся в 10 верстах от поста маяк, где находились до 10 человек каторжных с Сахалина, с приглашением пожаловать... к богослужению, но никто из бывших там не изъявил желания помолиться Господу Богу... Очевидно, «остров изгнания» положил на них тяжелую печать в этом отношении».⁴⁰ Журналист В. Дорошевич, посетивший Сахалин в 1897 году, задается вопросом: «...религиозна ли каторга?»⁴¹ В. Дорошевич пришел к выводу относительно религиозности населения острова: «Борьба за существование», понятая грубо, по-звериному – вот их религия». Мало того, «...доходят в каторге не только до отрицания, – до ненависти к религии...», «...гаснет вера, – и злоба, одна злоба на все сыпается в душе». Вот что происходило на Сахалине с недавно еще обычными русскими людьми «из простой, верящей, религиозной среды». «Большинство каторжан – атеисты, и если кто-нибудь из каторжников вздумает молиться в тюрьме, это вызывает общие насмешки».⁴²

Проблемы в духовно-нравственном состоянии сахалинского общества были predeterminedены изначально самим контингентом обитателей острова – убийцы, грабители, воры и т. д. не представляли собой образец нравственности и духовности. По мнению доктора Н. С. Лобаса, «меньше всего Сахалин удался как колония, устроенная ради

³⁴ Ф. Побольше света // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1908. – № 6. – С. 172–174.

³⁵ N, священник. Порнография и духовенство // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1908. – № 12–13. – С. 331–332.

³⁶ Епископ Саратовский Гермоген. О пьесах Л. Андреева «Анфиса» и «Анатэма» // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1910. – № 3. – С. 77–85; Циркулярный указ Владивостокской духовной консистории 31.12.09 №26 «Об изъятии из обращения книжек Л. Толстого «Учение Христа, изложенное для детей» // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1910. – № 4. – С. 95.

³⁷ Св. Сергей Ледовский. Почему христианам нужно опасаться социализма? // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1907. – № 3. – С. 56; Материализм и нравственность // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1912. – № 12. – С. 419–421.

³⁸ Меры к повышению религиозно-нравственных настроений в народе // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1915. – № 14. – С. 409.

³⁹ Меры к повышению религиозно-нравственных настроений в народе // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1915. – № 14. – С. 416.

⁴⁰ Миссионерская поездка начальника Камчатской Духовной Миссии к ороченам, обитающим в пределах Императорской гавани, в конце 1895 – начале 1896 гг. // Камчатские епархиальные ведомости. – 1897. – № 10. – С. 205.

⁴¹ Дорошевич, В. М. Как я попал на Сахалин / В. М. Дорошевич. – М., 1905. – С. 67

⁴² Дорошевич, В. Сахалин (Каторга) / В. Дорошевич. – М., 1903. – С. 365–366, 369.

возрождения преступной личности. Каторжный остров, благодаря своим специфическим условиям, явился высшей школой преступности». ⁴³ Епархиальные источники отмечали: «Каторга, во всяком случае, не исправляет человека, если не сказать больше. Убийства ... грабежи, насилие и разврат носятся в воздухе». ⁴⁴ В такой ситуации, при таких подопечных усилия священников были обречены на провал. Священник Дербинской церкви говорил В. Дорошевичу о своих попытках вести беседы среди обитателей Дербинской каторжной богадельни: «Я ходил и вел с ними собеседования, но перестал: они не умеют себя вести. Тут читаешь, ведешь беседу, а в другом углу во все горло ругаются между собой площадными словами. Смеются. Я и прекратил свою деятельность». ⁴⁵

Усугублял ситуацию и низкий нравственный уровень большинства представителей администрации, съехавшихся сюда «из-за прогонов, для получения денег на воспитание детей, для увеличения оклада пенсии, ввиду “дефектов” в прежней службе и чаще по общей непригодности к чему-либо...» ⁴⁶. Н. С. Лобас писал: «Я убедился, что вся неудача с колонизацией Сахалина произошла... благодаря низкому умственному и нравственному уровню лиц сахалинской тюремной администрации». ⁴⁷ По словам исследователя Н. Новомбергского, на острове сложилась поговорка, «что умных туда привозят, а дураки (чиновники – Н. П.) сами едут». ⁴⁸ Путешественник А. И. Краснов писал о том, что «в надзиратели попадают часто совершенно невозможные субъекты, и надо только удивляться, как при таком составе еще может поддерживаться какой-нибудь порядок в тюрьмах». ⁴⁹ П. С. Уваров в своей книге «Типы и нравы Сахалина» продолжает эту тему, рисуя (в художественной форме) отвратительные картины произвола администрации. ⁵⁰

К этому следует добавить элементарное невнимание к духовному исправлению своих подопечных со стороны администрации. А. Панов писал, что, по мнению сахалинской администрации, «каторга – это только свалка нечистот, обширная

помойная яма, где собранные со всей России, зараженные отбросы заканчивают свой отвратительный процесс разложения». ⁵¹ Судя по архивным документам, сахалинским священникам приходилось периодически напоминать тюремной администрации о том, что каторжным необходимо давать время на посещение богослужений и совершение обрядов. Известен даже довольно серьезный конфликт между священником А. Фаддеевым и и. о. начальника Корсаковского округа Ливеном, развернувшийся в 1892–1893 годы, в котором одним из аргументов священника, обвинявшего представителя администрации в самоуправстве, был отказ последнего в праздничные и воскресные дни отправлять каторжан в церковь. Газета «Владивосток» в № 20 от 16 мая 1893 года опубликовала заметку «Сахалин» с такой оценкой ситуации: «Вмешательство начальника округа всюду и всюду: он пошел и в церковь, и в семейную, и в частную жизнь... Благодаря начальнику округа мы долгое время оставались без богослужений, он затеял целое, если можно так выразиться, «просфорное» дело, причем постарался выставить перед епархиальным начальством с дурной стороны уважаемого всеми нами священника... Не стал похож Корсаковск на православный уголок». ⁵²

Особенно возмущала современников введенная администрацией практика «назначений» ссыльно-каторжных женщин поселенцам. Уже к началу 1880-х годов ГТУ было признано, что «...одной из главных причин, препятствующих... колонизации острова, является незначительное число женщин сравнительно с количеством преступников-мужчин». ⁵³ Для решения этой проблемы было решено направлять на остров каторжных женщин «для домообзаводства». Приказ по острову Сахалину № 263 за 1896 год гласил: «Заявления ссыльно-поселенцев о желании получить ссыльную женщину для совместного ведения домообзаводства подаются ежегодно к 1 сентября смотрителю поселений... Поселенцам, нерадивым к домообзаводству, замеченным в дурном поведении, женщин не на-

⁴³ Лобас, Н. С. *Каторга и поселение на острове Сахалин (Несколько штрихов из жизни русской штрафной колонии)* / Н. С. Лобас. – Б. м., 1903. – С. 12 ; *Об этом же : Новомбергский, Н. Остров Сахалин (Очерк сахалинской жизни)* / Н. Новомбергский. – СПб., 1903. – С. 145 и др.

⁴⁴ Разумовский, А. *Владивостокская епархия за первые пять лет существования* / А. Разумовский // *Владивостокские епархиальные ведомости*. – 1905. – № 24. – С. 551.

⁴⁵ Дорошевич, В. *Сахалин (Каторга)* / В. Дорошевич. – М., 1903. – С. 271.

⁴⁶ Преображенский, Н. А. *Проклятая быль. Сахалин в очерках бывшего мирового судьи* / Н. А. Преображенский. – СПб., 1909. – С. 5–6.

⁴⁷ Лобас, Н. С. *Каторга и поселение на острове Сахалин (Несколько штрихов из жизни русской штрафной колонии)* / Н. С. Лобас. – Б. м., 1903. – С. 12.

⁴⁸ Новомбергский, Н. *Остров Сахалин (Очерк сахалинской жизни)* / Н. Новомбергский. – СПб., 1903. – С. 99.

⁴⁹ Краснов, А. И. *По островам далекого Востока. Путевые очерки* / А. И. Краснов. – СПб., 1895. – С. 183.

⁵⁰ Уваров, П. С. *Типы и нравы Сахалина* / П. С. Уваров. – СПб., 1905.

⁵¹ Панов, А. А. *Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина* / А. А. Панов. – М., 1905. – С. 180. *Об этом же : Миролюбов, И. П. Восемь лет на Сахалине* / И. П. Миролюбов. – СПб., 1901. – С. 38.

⁵² *Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ)*. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 719. – Л. 1–57.

⁵³ *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*. – Ф. 122. – Оп. 5. – Д. 493. – Л. 1.

значать... Наблюдать, чтобы назначение женщин не производилось только на бумаге, так как в действительности женщины очень часто перехватываются надзирателями...»⁵⁴ Большой удар по религиозному чувству каторги наносили эти незаконные сожительства, отдачи каторжниц поселенцам, практикуемые «в интересах колонизации». В. Дорошевич писал: «Незаконное, или, как называют здесь, свободное, сожительство не встречает себе противников ни в начальстве, ни в духовенстве, а, наоборот, поощряется и санкционируется... Одно из величайших таинств, на которое в нашем народе смотрят с особым почтением, профанируется в глазах каторги этими «отдачами».⁵⁵ При этом, например, представители администрации, «господа одинокие служащие» в 1894 году забрали себе половину из 260 присланных на остров женщин.⁵⁶

Одной из причин того, что на Сахалине процветали незаконные сожительства, было то, что процедура расторжения старых, докаторжных браков очень сложна, и поэтому ссыльные просто не имели «технической возможности» оформить новый, фактический брак. Официальные документы того времени сообщают: «К этому встречаются два препятствия: А. Для каторжных женатых и замужних, супруги которых за ними не последовали, медленность расторжения браков духовными консисториями. Б. Для неженатых и незамужних каторжных и тех, браки которых расторгнуты – сроки, в течение которых вступление в брак воспрещено им ст. 412 Устава о ссыльных»⁵⁷. Дальневосточной администрацией в начале 1890-х годов перед Синодом был поставлен вопрос об упрощении для сахалинцев процедуры развода, канцелярией обер-прокурора 28 февраля 1895 года был издан циркуляр за № 1091 секретарям духовных консисторий, предписывавший наблюдать за скорейшим разрешением дел о расторжении браков ссыльных. По всей видимости, этот циркуляр не изменил ситуацию.⁵⁸ Приамурский генерал-губернатор вновь телеграммой от 19 марта 1897 года просил министра юстиции о содействии тому, «чтобы консисториями не только не делалось препятствий ведению брако-

разводных дел каторжных и ссыльных по телеграфу, но принимались все меры к ускорению и облегчению таких дел, ибо зловредные последствия невольных незаконных сожительства, особенно на Сахалине, с каждым годом становятся все более ощутительны».⁵⁹ Переписка всех инстанций – церковных и светских, местных и центральных с целью найти выход из сложившейся на Сахалине ситуации продолжалась на протяжении 1890-х годов. Однако порочная практика, пусть даже в завуалированном, смягченном виде, предполагающем оформление письменного согласия женщины на совместное проживание с мужчиной, продолжала процветать.

Бедственное материальное положение каторги также сказывалось на духовно-нравственном климате сахалинского общества – приводило к росту человеческих пороков, огрублению нравов, затрудняло работу священников. «Помилуйте... какому тут уважению к религии быть, – говорил мне один из священнослужителей в селении Рыковском, – еще недавно у нас покойников голых хоронили»,⁶⁰ – писал В. Дорошевич.

Определенную роль играли в развитии негативных тенденций и нехватка церковей и священников, невнимание последних к духовному исправлению каторжан. И. П. Миролюбов увидел в православных священниках на Сахалине «гражданских чиновников в рясе, хорошо обеспеченных ежемесячным сторублевым жалованием, пайком, готовым домом со всеми удобствами и слугами и значительными доходами от треб», не стремящихся «войти в самую тесную связь с этими несчастными, отверженными, выброшенными из земного общества» людьми.⁶¹ Кроме того, священники были так загружены работой, что не имели возможности уделять заключенным внимание: «Священнику ...за множеством работы по исполнению своих обязанностей... решительно нет никакой возможности уделять заключенным хотя бы небольшую долю внимания в целях их возможного нравственного исправления и духовного просвещения»,⁶² результате этого влияние церкви

⁵⁴ Лобас, Н. С. *Каторга и поселение на о-ве Сахалин (Несколько штрихов из жизни русской штрафной колонии)* / Н. С. Лобас. – Б. м., 1903. – С. 105.

⁵⁵ Дорошевич, В. *Сахалин (Каторга)* / В. Дорошевич. – М., 1903. – С. 371. Об этом же: Преображенский, Н. А. *Проклятая биль* / Н. А. Преображенский. – СПб., 1909. – С. 5; Краснов, А. Н. *По островам далекого Востока. Путевые очерки* / А. Н. Краснов. – СПб., 1895. – С. 183–204; Уваров, П. С. *Типы и нравы Сахалина*. – СПб., 1905. – С. 24; Разумовский А. *Владивостокская епархия за первые пять лет существования* // *Владивостокские епархиальные ведомости* / П. С. Уваров. – 1905. – № 24. – С. 551–552; Дриль Д. *Прошлое ссылки в России* / Д. Дриль // *Ссылка во Франции и в России*. – СПб., 1899. – С. 35–44; Лобас, Н. С. *Каторга и поселение на о-ве Сахалин (Несколько штрихов из жизни русской штрафной колонии)* / Н. С. Лобас. – Б. м., 1903. – С. 105–107; и др.

⁵⁶ Камнев, М. *Новая книга о каторге (В. М. Дорошевич. Сахалин)* / М. Камнев. – Б. м., 1903. – С. 12.

⁵⁷ ГАРФ. – Ф. 122. – Оп. 5. – Д. 2807. – Л. 14.

⁵⁸ ГАРФ. – Ф. 122. – Оп. 5. – Д. 2807. – Л. 17–18.

⁵⁹ ГАРФ. – Ф. 122. – Оп. 5. – Д. 2807. – Л. 15.

⁶⁰ Дорошевич, В. *Сахалин (Каторга)* / В. Дорошевич. – М., 1903. – С. 369.

⁶¹ Миролюбов, И. П. *Восемь лет на Сахалине* / И. П. Миролюбов. – СПб., 1901. – С. 52.

⁶² Панов, А. А. *Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина* / А. А. Панов. – М., 1905. – С. 83–84.

сводилось к чисто официальному исполнению обряда говения, а затем арестанты предоставлялись самим себе.⁶³ А. П. Чехов отмечал, что каторжные чернорабочие обыкновенно «в церковь не ходят, каждым праздничным днем пользуются, чтобы отдохнуть, починиться, сходить по ягоды; к тому же церкви здешние тесны, и как-то само собою установилось, что ходить в церковь могут только одетые в вольное платье...»⁶⁴.

В таких условиях все симптомы «отхода от религии» и развития общественных пороков, которые в начале XX века отмечались в центральной России и еще более наглядны были на дальневосточных территориях, на Сахалине проявились с наибольшей силой. Поголовное пьянство, распространившееся на острове, и организацию торговли спиртным («всеутешающим напитком» назвал спирт И. П. Миролюбов) описывали многие авторы. Миролюбов, рассуждая о дурной славе сахалинцев отмечал, что были «особенно жадны были до водки».⁶⁵ В книгах А. П. Чехова, В. Дорошевича есть страницы, посвященные описанию «спиртовой торговли на Сахалине». В. Дорошевич писал, что, например, в Корсаковском округе «за спирт... продается и покупается все – до сожигательницы или дочери включительно».⁶⁶ Если в центральной России и в дальневосточных епархиях трезвенническое движение под эгидой православной церкви развивалось достаточно активно, то о Сахалине этого не скажешь. Нами не найдена информация о подобных инициативах сахалинских священников ни в период каторги, ни после ее отмены.

Современников потрясали описания детей каторжного острова. Ученый И. Поляков писал: «С малых лет сахалинский ребенок, находясь под влиянием преступных родителей, впитывает в себя их порочные наклонности». Не отличается и оценка Н. Новомбергского: «разъедающим ядом общения с тюрьмой заражаются с самого детства», «сахалинские подростки – эта именно порода людей, которых с рождения минует всякое доброе семя». По словам одного из исследователей каторги, известного российского правоведа Д. Дриля, «не видевшему и близко не знающему сахалинской жизни трудно и представить себе, что видит и

слышит и с чем свыкается от колыбели он (сахалинский ребенок – Н. П.) и из каких зараженных материалов постепенно слагается его душевная жизнь». Наблюдения позволили ему заключить, что «...в лице значительной части молодого сахалинского поколения растет “новая каторга”».⁶⁷ Таким представлялось российскому обществу будущее сахалинской жизни.

Атмосфера всеохватывающего криминала, разгула преступности – это атмосфера Сахалина, предстающая перед нами в очерках исследователей и очевидцев той поры. И. П. Миролюбов (Ювачев), политический ссыльный, находившийся на довольно льготном положении, «примирившийся с Сахалином», писал: «На Сахалине все доброе разрушается».⁶⁸ О желании всех уехать с острова и о тяжелых условиях жизни на каторжном Сахалине в связи с криминальным разгулом писал и Н. Я. Новомбергский: «Сахалин – это для всех одна братская могила... это какая-то ужасная биржа, где все играют и у каждого на ставке все до жизни включительно».⁶⁹ По его словам, Сахалин сделался средоточием самых стойких преступных элементов. В российском обществе сложился негативный образ сахалинцев и Сахалина – каторжного и послекаторжного, а также «теория всеобщего бегства»⁷⁰. Особенно актуален «сахалинский вопрос» был для ближайшего Дальнего Востока. И. П. Миролюбов писал: «В последнее время на Амуре стали бояться сахалинцев, так что даже трезвым и честным сахалинским выходцам надо было скрывать свою связь с островом каторжных». Каторжане ему говорили: «Нашего брата сторонятся здесь, как заразы».⁷¹ В целом нельзя не согласиться с членом Государственного Совета В. П. Череванским, который в «Обзоре сношений России с китайским и японским правительствами, предшествовавших вооруженному столкновению России с Японией», предоставленном Императору, назвал Сахалин «громادным приютом болячек человечества».⁷²

Ситуация на севере Сахалина после русско-японской войны и отмены каторги в целом не изменилась. По свидетельству губернатора А. М. Валуева, православное население Сахалина к религии относилось безразлично.⁷³ Один из пра-

⁶³ Разумовский, А. Владивостокская епархия за первые пять лет ее существования (1899–1903 г.) // Владивостокские епархиальные ведомости / А. Разумовский. – 1905. – № 24. – С. 551–552.

⁶⁴ Чехов, А. П. Остров Сахалин: (Из путевых записок) / А. П. Чехов. – Южно-Сахалинск, 1995. – С. 233.

⁶⁵ Миролюбов, И. П. Восемь лет на Сахалине / И. П. Миролюбов. – СПб., 1901. – С. 198, 209–210.

⁶⁶ Дорошевич, В. Сахалин (каторга) / В. Дорошевич. – М., 1903. – С. 116; Чехов, А. П. Остров Сахалин: (Из путевых записок) / А. П. Чехов // Полн. собр. соч. – Т. 14–15. – М., 1978. – С. 80.

⁶⁷ Поляков, И. На Сахалине / И. Поляков // Живописная Россия. – СПб., 1895. – Т. 12. – С. 39–40; Новомбергский, Н. Остров Сахалин / Н. Новомбергский. – СПб., 1903. – С. 31, 95; Дриль, Д. Прошлое ссылки в России / Д. Дриль // Ссылка во Франции и в России. – СПб., 1899. – С. 40, 95.

⁶⁸ Миролюбов, И. П. Восемь лет на Сахалине / И. П. Миролюбов. – СПб., 1901. – С. 282, 284.

⁶⁹ Новомбергский, Н. Остров Сахалин (Очерк сахалинской жизни) / Н. Новомбергский. – СПб., 1903. – С. 136.

⁷⁰ Подробнее см.: Ищенко, М. И. Русские старожилы Сахалина / М. И. Ищенко. – Южно-Сахалинск, 2007. – С. 40.

⁷¹ Миролюбов, И. П. Восемь лет на Сахалине / И. П. Миролюбов. – СПб., 1901. – С. 198.

⁷² ГАРФ. – Ф. 543. – Оп. 1. – Д. 190. – Л. 12.

⁷³ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 485. – Л. 8.

вославных священников писал, что «пятая часть прихожан – совершенно потерянные люди для государства, Церкви и общества», которые живут чем угодно (грабежами, убийствами, воровством), но только не честным трудом, наиболее развитым среди ссыльного населения пороком являлись тунеядство и пьянство – «с разрешением по отмене ссылки, свободной (безакцизной – Н. П.) продажи спиртных напитков население неудержимо отдавалось массовому пьянству». По его словам, «на Сахалине пьют водку все: и дети, и девицы, юноши и старцы. «Где же пить водку, как не на Сахалине, – говорят сахалинцы, – ведь бутылка... – не дороже кваса...».⁷⁴ По мнению В. Мельникова, критиковавшего, как и практически все другие исследователи, колониационную политику царской России и ее результаты на Сахалине,⁷⁵ «последним чувствительным ударом делу колонизации острова и ведения там сельского хозяйства нужно считать разившееся на острове пьянство».

В архивных документах сохранилась любопытная информация «послекаторжного» периода о конфликте сахалинского священника, боровшегося с безнравственностью, с местной администрацией. О. И. Яковлев, с 1906 года исполнявший обязанности благочинного, в 1907 году выступил против постановки разрешенной губернатором «сенсационной пьесы Протопопова «Черные вороны». В ноябре 1907 года он произнес «проповедь, в которой находил неудобным... глумление над Святой церковью, усмотренное им в постановке... а лиц, участвующих в этой постановке, сравнил с Хамом, непочтительно насмеявшимся над наготой своего отца – Ноя». Проповедь была расценена А. М. Валуевым как личное оскорбление, которое лишило его возможности посещать единственный храм п. Александровского. Обвиняя о. Яковлева в бестактности, объясняя такие его действия «недостаточным постижением с его стороны тенденций

пьесы», А. М. Валуев просил вмешаться в это дело вышестоящие власти, «в видах избавления, наконец, Сахалина, от о. И. Яковлева», противном же случае просил о другом назначении ему самому.⁷⁶ В ответ Приамурский генерал-губернатор, пытаясь сгладить конфликт, писал: «Я нахожу, что ...инцидент не должен служить поводом к созданию открытого разрыва между высшим на месте представителем правительственной власти и местным духовенством...»⁷⁷ По всей видимости, конфликт был улажен, и о. Яковлев продолжал работать на острове и в последующие годы. В вышеописанном случае большую роль, по-видимому, играло не искреннее желание священника бороться с безнравственностью, которой в повседневной жизни обитателей острова было гораздо больше, чем в театральной постановке, а личные неприязненные отношения, сложившиеся с губернатором.

В целом в указанный период характерные для всего российского общества негативные проявления духовной жизни – развитие безнравственности, пьянства и других пороков в сочетании с отходом от традиционной религии, на Дальнем Востоке приобрели особенно отчетливый облик. Это было связано с оторванностью региона от центральной России и мощного влияния центральных епархий РПЦ, традиционным религиозным индифферентизмом населения и его специфическим составом, особенно на Сахалине, веротерпимостью администрации или ее нежеланием заниматься духовным воспитанием подопечных (на Сахалине). Поддерживать должное духовно-нравственное состояние населения Дальнего Востока, врачевать души жителей каторжного острова, православной церкви, единственному институту, призванному об этом заботиться, в условиях, когда тенденция секуляризация общественного сознания стала определяющей, было весьма сложно.

⁷⁴ Иерей 8-го благочиния. С Сахалина // Владивостокские епархиальные ведомости. – 1911. – № 1. – С. 30–31.

⁷⁵ Мельников. В. Дальний Восток, Амурская область и о. Сахалин / В. Мельников. – М., 1909. – С. 24–26, а также: Панов, А. А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина / А. А. Панов. – М., 1905. – С. 227–228; Новомбергский, Н. Остров Сахалин. (Очерк сахалинской жизни) / Н. Новомбергский. – СПб., 1903. – С. 83, 152 и др.

⁷⁶ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 631. – Л. 3–4.

⁷⁷ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 631. – Л. 6 об.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КРАЕВЕДЕНИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ. ПЕРВЫЙ СПИСОК

Ясенева Екатерина Викторовна – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Института истории, социологии и управления СахГУ. В 2009 году закончила аспирантуру СахГУ по специальности «Отечественная история». Сфера научных интересов – история краеведения.

Понятие «краеведение» сформировалось в отечественной науке к началу 20-х годов XX века в связи с широким развитием инициативы и самостоятельности на местах и возникновением обществ изучения местного края. Тогда же были сформулированы основные положения о предмете, целях и методах краеведения, сохранившие значение до наших дней.

Краеведение – это изучение того или иного региона (города, села, района, области и вообще территории, которая может объединяться понятием «край») местными силами. В научной литературе 1920-х годов выделяется, как правило, два основных аспекта краеведения: историко-культурный и естественно-географический, что по современной терминологии объединяется понятиями «историческое краеведение» и «географическое краеведение».

Изучение истории развития краеведческого движения в последнее время занимает все больше места в трудах исследователей. Изучение локальной истории является важным элементом отечественной и мировой истории. Актуализация проблемы истории краеведения во многом определяется современной ситуацией в исторической науке, в которой наблюдается тенденция к развитию регионалистики, изучению эволюции и формированию научной деятельности в регионах.

Источниковая база для изучения становления и развития исторического краеведения в Сахалинской области обширна и представлена различными видами источников – это комплекс официальных документов государственных и общественных координационно-методических и административ-

ных учреждений, документы фондов центральных и местных архивов, делопроизводственная документация краеведческих учреждений (отчеты о деятельности, протоколы заседаний, внутриведомственная переписка, анкетные сведения), частично опубликованные на страницах местной печати, частично хранящиеся неизданными в местных архивах. Основные массивы источников, находящиеся на территории Сахалинской области, представлены в фондах и коллекциях Государственного исторического архива Сахалинской области (ГИАСО), Сахалинского центра документации новейшей истории (СЦДНИ), научного архива Сахалинского областного краеведческого музея (СОКМ), ведомственного архива Сахалинского государственного университета (СахГУ), а также опубликованные на страницах местных изданий источники.

Фонды Государственного исторического архива Сахалинской области (ГИАСО), содержащие информацию по краеведению в Сахалинской области, весьма обширны:

- фонды, содержащие дореволюционные издания о Сахалине – Сахалинский календарь и материалы к изучению о. Сахалина 1895 года¹, 1898 года², 1899 года³; Сахалин, вып. III, 1913 год;⁴

- годовые отчеты политпросветовских учреждений области за 1943 год⁵. В этом фонде содержится отчет о работе Сахалинского областного краеведческого музея за 1943 год;⁶

- протоколы и решения областных совещаний культпросветработников. 1947–1949 годы;⁷

- отчет облкультпросветотдела о проделанной

¹ ГИАСО. – Ф. 1038. – Оп. 1. – Д. 106.

² ГИАСО. – Ф. 1038. – Оп. 1. – Д. 107.

³ ГИАСО. – Ф. 1038. – Оп. 1. – Д. 108.

⁴ ГИАСО. – Ф. 1170. – Оп. 2. – Д. 42.

⁵ ГИАСО. – Ф. 562. – Оп. 1. – Д. 1.

⁶ ГИАСО. – Ф. 562. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 4–9.

⁷ ГИАСО. – Ф. 562. – Оп. 1. – Д. 5.

работе за 1948 год.⁸ В этом фонде содержится отчет о работе Сахалинского областного краеведческого музея за 1948 год;⁹

– отчет о работе областного лекционного бюро за 1948 год;¹⁰

– материалы по вопросу охраны памятников Сахалинской области. 15 декабря 1948 года – 22 августа 1950 года;¹¹

– приказы отдела культпросветработы по работе культпросветучреждений за 1949 год;¹²

– приказы по областному отделу культпросветработников за 1952 год;¹³

– исторические сведения о памятниках истории и культуры Сахалинской области;¹⁴

– личный фонд А. Н. Рыжкова.¹⁵ В личном фонде историка, краеведа, кандидата исторических наук А. Н. Рыжкова (1908–1989), помимо биографических документов, содержится обширный материал по краеведению Сахалинской области, среди них:

■ документы по военно-патриотической работе А. Н. Рыжкова среди молодежи на примере подвига участников боев за освобождение Сахалина и Курильских островов за 1962–1975 годов;¹⁶

■ рукописи работ краеведа Г. И. Мироманова;¹⁷

■ статьи журналиста П. И. Лапардина о прошлом о. Сахалина;¹⁸

■ подборка материалов по истории Карафуты;¹⁹

■ работы краеведов об освобождении Северного Сахалина в 1925 году;²⁰

■ переписка А. Н. Рыжкова с краеведами И. Г. Миромановым²¹ и И. Ф. Панфиловым²²;

■ документы по историческому краеведению т. 1²³ и т. 2²⁴;

– личное дело В. З. Калинина;²⁵

– личное дело археолога и этнографа В. В. Вязовской²⁶.

Сахалинский центр документации новейшей истории (СЦДНИ) создан относительно недавно – 26 сентября 1991 года на базе бывшего партийного архива обкома КП РСФСР (с 23 декабря 2009 года СЦДНИ, согласно распоряжению администрации Сахалинской области № 964-ра «О создании областных государственных учреждений “Государственный исторический архив Сахалинской области” и “Государственный архив документов по личному составу Сахалинской области”») вошел в состав ГИАССО). Особый интерес для исследователя представляют личные фонды СЦДНИ, в частности, личный фонд выдающегося специалиста по истории русских географических открытий на Тихом океане, доктора исторических наук, кандидата географических наук А. И. Алексеева²⁷ и известного исследователя русского Дальнего Востока, автора многочисленных публикаций по истории Сахалина и Курильских островов, доктора исторических наук Б. П. Полевого²⁸. Несомненный интерес представляют личные фонды сахалинских историков-краеведов:

– личный фонд кандидата исторических наук, одного из самых ярких историков нашей области А. И. Костанова²⁹;

– личный фонд историка и краеведа Ф. И. Пыжьянова³⁰;

– личный фонд сахалинского краеведа С. П. Федорчука³¹;

– личный фонд Н. В. Вишневого³²;

– личный фонд одного из ведущих историков Сахалинской области, кандидата исторических наук М. С. Высокова (ныне доктор исторических наук – прим. автора)³³;

– личный фонд выдающегося археолога Сахалинской области, кандидата исторических наук А. А. Ва-

⁸ ГИАССО. – Ф. 562. – Оп. 1. – Д. 9.

⁹ ГИАССО. – Ф. 562. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 120–142.

¹⁰ ГИАССО. – Ф. 562. – Оп. 1. – Д. 21.

¹¹ ГИАССО. – Ф. 562. – Оп. 1. – Д. 22.

¹² ГИАССО. – Ф. 562. – Оп. 1. – Д. 24.

¹³ ГИАССО. – Ф. 562. – Оп. 1. – Д. 43.

¹⁴ ГИАССО. – Ф. 1038. – Оп. 1. – Д. 132.

¹⁵ ГИАССО. – Ф. 1100.

¹⁶ ГИАССО. – Ф. 1100. – Оп. 1. – Д. 183.

¹⁷ ГИАССО. – Ф. 1100. – Оп. 1. – Д. 105.

¹⁸ ГИАССО. – Ф. 1100. – Оп. 1. – Д. 103.

¹⁹ ГИАССО. – Ф. 1100. – Оп. 1. – Д. 142.

²⁰ ГИАССО. – Ф. 1100. – Оп. 1. – Д. 131.

²¹ ГИАССО. – Ф. 1100. – Оп. 1. – Д. 286.

²² ГИАССО. – Ф. 1100. – Оп. 1. – Д. 287.

²³ ГИАССО. – Ф. 1100. – Оп. 1. – Д. 90.

²⁴ ГИАССО. – Ф. 1100. – Оп. 1. – Д. 91.

²⁵ ГИАССО. – Ф. 1166. – Оп. 1. – Д. 1.

²⁶ ГИАССО. – Ф. 1166. – Оп. 1. – Д. 2.

²⁷ ГИАССО. – Ф. П-4704.

²⁸ ГИАССО. – Ф. П-4711.

²⁹ ГИАССО. – Ф. П-4695.

³⁰ ГИАССО. – Ф. П-4716.

³¹ ГИАССО. – Ф. П-4719.

³² ГИАССО. – Ф. П-4724.

³³ ГИАССО. – Ф. П-4728.

силевского (ныне доктор исторических наук – прим. автора)³⁴;

– личные фонды сахалинских археологов В. О. Шубина³⁵ и О. А. Шубиной³⁶;

– личный фонд историка и краеведа И. А. Самарина³⁷;

– личный фонд исследователя истории Сахалинской области В. М. Латышева³⁸;

– личный фонд кандидата исторических наук А. М. Лопачева³⁹;

– личный фонд историка и краеведа С. В. Горбунова⁴⁰.

Изучение становления и развития исторического краеведения в Сахалинской области невозможно без привлечения архивных материалов Сахалинского областного краеведческого музея (СОКМ). В научном архиве СОКМ хранятся годовые отчеты деятельности музея и его филиалов – отчет за 1965–1966 годы⁴¹, справка о работе областного краеведческого музея за 1967 год⁴², отчет о работе за 1971 год⁴³, за 1972 год⁴⁴, за 1973 год⁴⁵, за 1974 год⁴⁶, за 1976 год⁴⁷, за 1978 год⁴⁸, за 1979 год⁴⁹, за 1980 год⁵⁰, отчет за 1988 год⁵¹, за 1989/90 годы⁵², за 1991 год⁵³, за 1992 год⁵⁴, за 1999 год⁵⁵, за 2000 год⁵⁶, за 2001 год⁵⁷. Следует также отметить, что, начиная с 1995 года, отчеты о деятельности СОКМ публикуются на страницах ежегодника «Вестник Сахалинского музея».

Необходимо упомянуть еще один архив, фон-

ды которого представляют интерес для исследователя – это ведомственный архив Сахалинского государственного университета (СахГУ), в фондах которого хранятся личные дела преподавателей Южно-Сахалинского учительского института с 1949 года, на базе которого в 1954 году был организован Южно-Сахалинский государственный педагогический институт (ЮСГПИ, с 1998 года – СахГУ). Личные дела преподавателей Жеребцова Б. А.⁵⁸, Грибановой Л. С.⁵⁹, Сенченко И. А.⁶⁰, Голубева В. А.⁶¹, Рыжкова А. Н.⁶² и других позволяют получить интересную информацию о развитии краеведческой работы в стенах ЮСГПИ.

Особый интерес для исследователя представляют материалы, опубликованные на страницах периодической печати. Прежде всего, это публикации разных лет сахалинских краеведов на страницах таких газет, как «Советский Сахалин», «Молодая гвардия», «Новая газета», «Восход». Первый исторический журнал на Сахалине «Краеведческий бюллетень: проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий» (издавался в 1990–2005 годах), ежегодник «Вестник Сахалинского музея» (издается с 1994 года), «Известия Института наследия Бронислава Пилсудского» (издается с 1998 года) и ряд других изданий позволяют исследователям ознакомиться с ранее неопубликованными источниками и результатами оригинальных исследований отечественных и зарубежных историков.

³⁴ ГИА СО. – Ф. П-4738.

³⁵ ГИА СО. – Ф. П-4701.

³⁶ ГИА СО. – Ф. П-4737.

³⁷ ГИА СО. – Ф. П-4744.

³⁸ ГИА СО. – Ф. П-4758.

³⁹ ГИА СО. – Ф. П-4769.

⁴⁰ ГИА СО. – Ф. П-4782.

⁴¹ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 59.

⁴² НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 85.

⁴³ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 115.

⁴⁴ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 125.

⁴⁵ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 139.

⁴⁶ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 150.

⁴⁷ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 195.

⁴⁸ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 227.

⁴⁹ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 230.

⁵⁰ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 239.

⁵¹ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 300.

⁵² НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 307.

⁵³ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 308.

⁵⁴ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 330.

⁵⁵ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 344.

⁵⁶ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 348.

⁵⁷ НА СОКМ. – Ф. 1. – Оп. 3а. – Д. 349.

⁵⁸ Архив СахГУ. – Ф. 698. – Оп. 2. – Д. 23.

⁵⁹ Архив СахГУ. – Ф. 698. – Оп. 2. – Д. 25.

⁶⁰ Архив СахГУ. – Ф. 698. – Оп. 2. – Д. 144.

⁶¹ Архив СахГУ. – Ф. 698. – Оп. 2. – Д. 682. – Т. 3.

⁶² Архив СахГУ. – Ф. 698. – Оп. 2. – Д. 701. – Т. 8.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ О СОЦИАЛЬНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ ПРОЕКТА «САХАЛИН-2»

Коньков Александр Тимофеевич – доктор социологических наук, заведующий кафедрой Сахалинского государственного университета. Сфера научных интересов: экономическая социология, социальный капитал и экономическое поведение, социальная стратификация. Автор 50 научных работ, опубликованных в России, США, Японии.

Для многих представителей бизнеса сегодня становится очевидным понимание того, что устойчивое развитие территории, на которой осуществляется деятельность компании, является важным условием достижения долгосрочных целей последней. Вклад компании в устойчивое развитие территории, сочетающий в себе инвестиции в экономическую, социальную и экологическую сферу, в конечном итоге ведет к снижению предпринимательских рисков, повышает лояльность потребителей, улучшает репутацию компаний, формирует позитивное общественное мнение о роли компании в обеспечении экономического и социального развития территорий своего присутствия. Тем самым создаются благоприятные условия для реализации долгосрочных стратегий развития бизнеса на основе соблюдения баланса интересов заинтересованных сторон. В этом заключается суть принципа социально ответственного ведения бизнеса как основы устойчивого развития территории.

Европейский Совет в 2001 году следующим образом определил социально ответственный бизнес: «Быть социально ответственным означает не только оправдывать ожидания общества, но и инвестировать в людские ресурсы, охрану окружающей среды и отношения со стейкхолдерами» (заинтересованными сторонами – А. К.). [4]

При этом важно отметить, что в практике современных транснациональных компаний социальные программы и проекты в области устойчивого развития, включая весь процесс их подготовки и реализации, выступают в качестве важного элемента корпоративной системы управления нефинансовыми рисками, повышения эффективности и укрепления конкурентоспособности компании. В последнее время к пониманию этого обстоятельства приходит и российская предпринимательская среда. В этой связи мы можем говорить о том, что социальные последствия деятельности крупных компаний для территории своего присутствия в значительной мере являются плодом сознательных усилий со стороны бизнеса.

Отметим, что в практике деятельности крупных международных компаний в 1990-е годы XX века происходил переход от реализации отдельных социальных проектов, спонсорских и благотворительных мероприятий к реализации комплексных программ социальных инвестиций и планов обеспечения устойчивого развития территорий.

На смену единичным актам благотворительности в том виде, который хорошо известен в российских условиях, компании разрабатывают и реализуют программы социальных инвестиций с четкой постановкой перспективных задач и ожидаемых результатов. Международные компании, приходя работать в Россию, зачастую привносят эти подходы и традиции.

Сегодня компании проводят четкую границу между социальными инвестициями и спонсорской, благотворительной деятельностью. Хотя эти направления являются вкладом компании в социальное развитие общества, они преследуют разные цели и не являются взаимозаменяемыми. В рамках социальных инвестиций компания стремится оказывать финансовую поддержку наиболее эффективным социальным проектам, направленным на устранение причин, а не следствий социальных проблем. Именно поэтому социально ответственная компания стремится строить долгосрочные партнерские отношения с общественностью и организациями, а не оказывать благотворительную помощь конкретным физическим лицам [2].

В более широком контексте влияние деятельности компании на территорию своего присутствия и благополучие ее населения обусловлено самим фактом хозяйствования в том или ином регионе. Следовательно, социальное воздействие компаний, реализующих масштабные экономические проекты, на территорию их деятельности, проявляется в двух основных формах:

- Результаты реализации тех или иных программ социальных инвестиций компании на соответствующей территории.
- Социальные последствия (как позитивного,

так и негативного характера), являющиеся результатом хозяйственной деятельности компании в соответствующем регионе. В свою очередь, эта форма воздействия может быть подразделена на две разновидности:

- прямое воздействие;
- косвенное воздействие.

Философия устойчивого развития предполагает стремление компании к объединению указанных эффектов таким образом, чтобы максимизировать долговременное позитивное воздействие, сводя к минимуму или нейтрализуя негативные воздействия, одновременно обеспечивая баланс экономических и социальных целей компании. При этом важно, чтобы местное сообщество, заинтересованные стороны и общественное мнение были вовлечены в процесс обсуждения и выработки стратегии компании в сфере социального инвестирования и устойчивого развития. В этой связи именно общественное мнение о деятельности компании может служить важным индикатором того, в какой мере компании удастся следовать принципам устойчивого развития.

Представляется, что деятельность компании «Сахалин Энерджи» в Сахалинской области может служить интересным примером практической реализации подобной философии ведения бизнеса на Сахалине.

С момента подготовки технико-экономического обоснования проекта «Сахалин-2» Компания уделяет внимание разработке вопросов потенциального социального воздействия проекта. Следует подчеркнуть, что комплексная оценка потенциального социального воздействия масштабного проекта освоения природных ресурсов на стадии его проектирования – новое явление России конца 1990-х. В 1998–1999 годах Компания выполнила оценку фоновых социально-экономических условий жизни районов Сахалинской области, в которых планировалось осуществление деятельности в рамках проекта «Сахалин-2».

С 2001 года начата разработка комплексного документа – «Оценки воздействия [проекта Сахалин-2] на социальную среду». В штате Компании была сформирована группа социальной оценки, в создании которой принимал участие автор настоящей работы. В дальнейшем в структуре Компании был выделен Отдел по социальным вопросам Управления по связям с общественностью, который осуществляет комплекс мероприятий, включающий разработку и реализацию программ социальных инвестиций и проектов по устойчивому развитию.

В рамках этой деятельности кафедра социологии СаГУ по заказу компании «Сахалин Энерджи» выполняет мониторинг общественного мнения о деятельности компании «Сахалин Энерджи», осуществляет оценку воздействия проекта «Сахалин-2» на условия жизни населения, оценивает эффективность информационного взаимодействия компании с населением.

Сегодня объемная информация о социальных

программах внутренней и внешней направленности – одна из наиболее очевидных особенностей нефинансовых отчетов компании «Сахалин Энерджи» о своей работе. Представляется, что это не случайность, а отражение понимания Компанией условий своей деятельности в регионе. Следует отметить, что высокие общественные ожидания активного участия бизнеса в решении социальных проблем области можно считать одной из особенностей осуществления проекта «Сахалин-2».

Начиная с 2003 года Компания реализует программу мониторинга в населенных пунктах, напрямую и косвенно затрагиваемых строительством в рамках реализации проекта. Это было необходимо для оценки его воздействия на население и эффективность мер по управлению ими. Программа предусматривает проведение следующих мероприятий с интервалом в 3–12 месяцев: экспертное интервью; исследование общественного мнения; фокус группы; анализ отчета о деятельности в отношении социальных вопросов; анализ статистики. [1, 3]

На первом этапе мониторинга общественного мнения (2001–2002 годы) были определены следующие вероятные воздействия проекта «Сахалин-2» на условия жизни местного населения:

1. Увеличение доходов части населения, вовлеченного в подрядные работы по проекту «Сахалин-2» и одновременно – потенциальное увеличение стоимости товаров и услуг в районах, затрагиваемых проектом.

2. Увеличение нагрузки на местную инфраструктуру, увеличение интенсивности транспортного движения и как следствие – снижение безопасности дорожного движения.

3. Усиление воздействия на местную экосистему в процессе выполнения строительных работ (в том числе – пыль, шум, выхлопные газы).

4. Негативное влияние на качество жизни, обусловленное притоком трудовых мигрантов (таковы были ожидания населения).

5. Воздействие на природные ресурсы – такие, как объекты рыболовства, охоты, собирательства.

6. Ограничения доступа к ресурсам, обеспечивающим средства к существованию, неизбежное в период прокладки нефте- и газопроводов и осуществления строительных работ.

7. Конфликты между местными жителями и рабочими, привлекаемыми на строительство объектов проекта «Сахалин-2».

8. Ухудшение криминогенной обстановки.

Накопленный опыт изучения общественного мнения и обследования социальных изменений в населенных пунктах, затронутых проектом «Сахалин-2», позволяет утверждать, что некоторые из предполагаемых воздействий оказались весьма значимыми для населения на различных этапах реализации проекта. Другие проявились не столь явно, как ожидалось, или утратили свое значение по мере реализации проекта «Сахалин-2».

Также следует выделить, что общественное мнение весьма активно реагирует на объективные

изменения качества жизни, происходящие в связи с осуществлением проекта «Сахалин-2».

Как показывают результаты наших исследований, отношение населения к проекту «Сахалин-2» определяется широким социальным и экономическим контекстом, включающим в себя такие аспекты, как особенности социально-экономического и политического развития региона; факторы и условия, лежащие в сфере экономики, политики, социокультурной реальности; приобретенный населением опыт взаимодействия с нефтегазовыми компаниями на протяжении как минимум последнего десятилетия.

В зависимости от изменений экономического положения и общественно-политической ситуации в Сахалинской области, характера деятельности, реализуемой в рамках Проекта на различных его этапах, общественное мнение демонстрировало и продолжает обнаруживать значительную динамику. Мнение сахалинцев о проекте «Сахалин-2» и его воздействии на условия жизни населения пережило несколько этапов становления и развития. К настоящему времени можно выделить три этапа развития общественного мнения, отличавшихся преобладанием разных по характеру оценок.

Первый этап (примерные границы: 2001–2003/2004 годы) – характеризовался завышенными ожиданиями населения в отношении проекта. В общественном мнении преобладали позитивные ожидания и оценки, согласно которым в результате осуществления масштабного нефтегазового проекта с преимущественным участием иностранного капитала произойдет значительное улучшение материального положения населения области.

При отсутствии в Сахалинской области других масштабных экономических проектов в этот период проект «Сахалин-2» воспринимался населением (и позиционировался его комментаторами) как уникальное по масштабу и последствиям начинание, которое приведет к созданию значительного количества новых рабочих мест для местного населения, позволит решить ряд хронических проблем области. Особенно велики были ожидания по поводу воздействия проекта на уровень жизни населения Сахалинской области. Также население связывало с проектом возможности улучшения транспортной инфраструктуры, газификации населенных пунктов и т. п. Подобные настроения отмечались в период проведения общественных консультаций с населением и проведения опросов населения в данный период.

Второй этап (примерные границы: 2003/04–2008 годы) характеризуется всплеском негативных оценок, связанных с реализацией второй фазы Проекта – строительством основных объектов проекта – (трубопроводов, завода по переработке сжиженного газа и др. В процессе сооружения указанных объектов общественное мнение отмечает негативное воздействие на привычную среду обитания, неудобства и ограничения доступа на территории, где происходило сооружение объектов, предусмотренных проектом «Сахалин-2». На этом этапе отмечается актуализация

забоченности по поводу возможных (реальных или гипотетических) угроз для экологии острова и безопасности населения.

В этот период происходила утрата населением прежних завышенных ожиданий в отношении проекта «Сахалин-2» и его позитивных социально-экономических последствий для жителей острова. На протяжении указанного периода было изменено федеральное законодательство о распределении отчислений от Проекта; налоговые отчисления и роялти, то есть прямые поступления средств в бюджет области непосредственно от оператора, резко сократились, что было многими сахалинцами воспринято как нарушение прежних обещаний и договоренностей. Данный процесс происходил на фоне негативного опыта жителей в связи с реализацией нефтегазовых проектов: обострение проблем экологического характера, ограничение доступа к местам сооружения объектов Компании, приток иностранных рабочих и связанные с этим проблемы.

Третий этап (примерно со второй половины 2008 года по настоящее время) характеризуется постепенным снижением остроты переживаний населения по поводу проекта в целом, а также снижением значимости различных неудобств, возникших в связи с реализацией Проекта, поскольку основные строительные и монтажные работы на этом этапе были завершены, в основном завершено привлечение иностранной рабочей силы.

Общественное мнение на этом этапе характеризуется постепенным снижением критики проекта и одновременно более сбалансированной оценкой его позитивного воздействия на условия жизни и материальное положение населения. Данные, полученные в результате исследований, показывают, что в настоящее время в общественном мнении произошло осознание вклада проекта «Сахалин-2» в развитие экономики региона в критичные годы (первая половина 2000-х годов), когда в области не были реализованы другие масштабные проекты, способные в тех же масштабах позитивно повлиять на социально-экономическое положение региона.

Одним из аспектов общественного мнения о Проекте является восприятие населением взаимосвязи между реализацией проекта «Сахалин-2» и теми или иными переменами, происходящими в населенных пунктах. О социальном воздействии проекта «Сахалин-2» позволяют судить данные о том, в какой мере жители различных населенных пунктов ассоциируют позитивные и негативные изменения в своих городах и поселках с деятельностью компании «Сахалин Энерджи».

При ответах на вопросы о том, какие положительные или отрицательные изменения в своих населенных пунктах они связывают с реализацией проекта «Сахалин-2», наши респонденты давали ответы, смысл которых сводится к следующему. Положительным влиянием Проекта в своих населенных пунктах они считают: создание рабочих мест, благоустройство населенных пунктов, помощь учреждениям социальной сферы. Отрица-

тельным воздействием проекта респонденты считают ухудшение экологической ситуации, приезд мигрантов, опасность техногенных аварий и т. п.

Необходимо отметить, что в общественном мнении получил определенное признание вклад проекта «Сахалин-2» в развитие отдельных населенных пунктов и районов острова. В большинстве населенных пунктов жители рассматривают его в качестве фактора скорее позитивных, чем негативных изменений экономического положения своего города, поселка или района. В большей степени позитивное воздействие Проекта признается жителями областного центра, а также жителями населенных пунктов Ноглики, Гастелло, которые в целом положительно оценивают экономическую роль проекта «Сахалин-2» для своих населенных пунктов и районов. Следует указать, что доля респондентов, отрицательно оценивающих экономические последствия проекта, невелика: по данным наших исследований она в последние два года колеблется в границах 3–10 %.

Наличие или отсутствие у населения обеспокоенности в связи с реализацией проекта «Сахалин-2» представляется еще одним важным компонентом общественного мнения о социальном воздействии проекта. Наши исследования показывают, что доля респондентов, испытывающих опасения по данному поводу, в разные годы колебалась от 53 % до 39 %, причем в последние два года она значительно снизилась.

Среди озабоченностей у населения преобладали соображения о неблагоприятных экологических последствиях Проекта, в том числе опасения по поводу возможности аварий, разливов нефти. Еще одна тема, вызывавшая нарекания населения – ограничения доступа к местам отдыха, рыболовства и собирательства, существовавшие в период сооружения объектов, предусмотренных проектом. Кроме того, население выражает озабоченность в связи с сокращением рабочих мест в подрядных и субподрядных компаниях, занятых на Проекте, недостаточным наймом местных жителей этими компаниями.

В целом в последние годы происходит снижение уровня обеспокоенности, что может быть объяснено несколькими причинами. Основная причина состоит в том, что в связи с завершением строительных работ по Проекту прекратились или были минимизированы многие неудобства и ограничения, существовавшие в предшествующий период и вызывавшие нарекания населения. Другая причина, по-видимому, состоит в том, что в настоящее время население лучше информировано о проекте, включая его технические особенности и меры по обеспечению безопасности.

Следует обратить внимание на то, что население более высоко оценивает вклад проекта «Сахалин-2» в социальное развитие региона по тем направлениям социальной деятельности компании «Сахалин Энерджи», где она реализует долговременные программы социальных инвестиций, и менее информировано о разовых целевых социальных мероприятиях компании. Примером может служить оценка коренными малочисленными народами острова Плана содействия развитию коренных малочисленных народов севера Сахалина (ПСРКМНСС). В целом отношение данной группы населения к проекту «Сахалин-2» сегодня характеризуется преобладанием позитивных оценок; отношение коренных малочисленных народов Севера Сахалина к Проекту и Компании эволюционировало от настороженного, с проявлениями неприятия, к преимущественно конструктивному и заинтересованному. Представляется, что значительный вклад в формирование общественного мнения КМНС о проекте внесла деятельность в рамках указанного Плана содействия развитию коренных малочисленных народов севера Сахалина, который реализуется компанией «Сахалин Энерджи» в соответствии с идеологией и принципами устойчивого развития и получил высокую оценку международных экспертов.

Подводя итог, необходимо отметить, что к настоящему времени накоплен значительный опыт оценки социального воздействия масштабного проекта, каковым, без сомнения, является проект «Сахалин-2». Общественное мнение с полным основанием можно считать важным индикатором эффективности взаимодействия компании и местного населения, и одновременно – ключевым показателем эффективности реализации программ социальных инвестиций и устойчивого развития местного сообщества. Именно поэтому общественное мнение должно учитываться компаниями как на стадии подготовки, так и на стадии реализации масштабных экономических проектов, затрагивающих жизненные интересы населения.

Литература

1. Нефинансовые отчеты компаний, работающих в России: практика развития социальной отчетности: аналитический обзор. – М. : РСПП, 2006.
2. Проект «Сахалин-2»: обзор показателей деятельности в социальной сфере. – Сахалин Энерджи, июль 2006.
3. Руководство по отчетности в области устойчивого развития. Проект G3, версия 3. – М. : РОО «Эколайн», 2006.
4. Excellence in Sustainability Reporting: Ernst&Young, 2005.

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

Социальный капитал определяют как в большей или меньшей степени институционализированную систему связей и отношений, основанных на доверии и неформальных нормах, позволяющих ее участникам повышать эффективность совместной деятельности, получать доступ к разнообразным ресурсам.¹ Социальный капитал структурирован как на макроуровне, так и на микроуровне. В первом случае он представлен в виде высокого уровня общественного доверия («генерализованное доверие»), облегчающего добровольную кооперацию в экономической и в иных сферах жизни. На микроуровне социальный капитал обретает форму социальных сетей, объединяющих людей на основе доверия, сотрудничества и взаимовыручки.

Исследователи отмечают важную эмпирическую тенденцию: в тех обществах, где уровень развития социального капитала и использование его в экономической деятельности высоки, наблюдаются значительные успехи в развитии предпринимательства и деловой кооперации; причем эта тенденция присутствует как в индустриально-развитых, так и в развивающихся странах.² И наоборот, общества, уровень развития социального капитала в которых минимален, сталкиваются с высокими издержками экономического взаимодействия и неустойчивостью функционирования основных экономических институтов.³ Объяснение данного эмпирического факта требует анализа того, какие экономические функции способен выполнять социальный капитал.

Исходя из приведенного ранее определения, формами социального капитала являются: а) доверие как между индивидуальными субъектами экономических взаимоотношений, так и в отношении экономических институтов. В последнем случае речь идет о так называемом «генерализованном доверии»; б) сеть доверительных личных контактов между участниками экономической деятельности; в) система разделяемых и соблюдаемых участниками экономической деятельности неформальных норм, подкрепляемых санкциями.

Высокий уровень доверия между субъектами экономической деятельности, как и доверие к

институтам, позволяет полагаться на соблюдение контрактных договоренностей, что обеспечивает снижение издержек, связанных со страхованием рисков, способствует развитию финансово-хозяйственных инструментов, основанных на доверии (например, кредит и лизинг). Другая форма социального капитала – система неформальных связей между участниками экономической деятельности – является средством координирования деятельности экономических субъектов (фирм и индивидов). Известно, что идеальная экономическая модель рынка предполагает, что на нем действуют автономные субъекты, которые руководствуются в своих действиях исключительно рыночными сигналами. Однако реальные рынки – это одновременно и сетевые пространства, где отдельные участники в большей или меньшей степени связаны друг с другом; где учитываются не только рыночные сигналы, но и репутация различных акторов, а также накопленный участниками рынка опыт экономических транзакций друг с другом.

Социальный капитал в форме неформальных связей позволяет экономическим субъектам использовать их для получения доступа к необходимым ресурсам, деловой информации, рынкам сбыта и т. п. Социальные связи обеспечивают горизонтальную и вертикальную интеграцию участников экономического взаимодействия. При этом важно, что основой интеграции выступают неформальные отношения, *не проистекающие из природы рыночного обмена*. Вертикальная интеграция обеспечивает доступ индивидов к ресурсам, контролируемым лицами, занимающими значимые позиции в социальных институтах, ключевые позиции на рынках. Горизонтальная интеграция позволяет экономическим акторам, занимающим более или менее равные позиции, обмениваться информацией и координировать свои действия, добываясь конкурентных преимуществ перед другими участниками экономического взаимодействия, не поддерживаемыми между собой подобными отношениями. Таким образом, социальный капитал в форме социальных связей позволяет индивидам действовать, опираясь на иные, чем слепые рыночные силы, механизмы.

¹ См.: Bourdieu, P. *The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by D. J. Richardson. – New York: Greenwood, 1983. – P. 141–158.*

² Coleman, J. S. *Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. – Vol. 94, 1988 (Supplement). – S. 95–120.*

³ См.: Фукуяма, Ф. *Социальный капитал / Ф. Фукуяма; под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. – М., 2002. – С. 129–149.*

Социальный капитал в форме системы разделяемых норм и правил, подкрепляемых санкциями, выступает в роли социального регулятора поведения участников экономического взаимодействия. Эти нормы устанавливают принципы поведения и служат критерием оценки поведения конкретных экономических субъектов. Неформальные нормы поведения подкрепляются санкциями, которыми могут выступать отказ в доверии и/или отказ от сотрудничества с нарушителями неформальных норм. До тех пор, пока ценность сохранения неформальных деловых отношений для участников социальных сетей выше, чем потенциальная выгода от нарушения норм, данная система норм может быть эффективным средством социального контроля, предупреждения нарушений обязательств участниками делового сообщества. Экономические субъекты, не вовлеченные в подобную сеть контактов, лишаются возможности обеспечивать соблюдение деловых обязательств своими партнерами иными средствами, кроме формальных юридических процедур или силовых методов. Однако последние далеко не всегда эффективны.⁴ Известно, что в условиях институциональной слабости, неэффективной правовой системы и криминализации бизнеса, такие методы являются либо недейственными, либо опасными. Таким образом, социальный капитал способен в определенной степени компенсировать слабость институциональной среды бизнеса.

Применительно к современной российской ситуации следует отметить, что общий уровень развития социального капитала в нашей стране невысок; в сфере экономической деятельности отмечается очевидный дефицит доверия и действенных норм делового поведения. Из всех форм социального капитала лишь неформальные социальные сети получили распространение внутри

российского бизнес-сообщества. Однако важно отметить, что круг лиц, на которых распространяется система доверительных отношений, как правило, является партикулярным: обычно он включает в себя родственников и друзей, а также участников партикулярных коррупционных сетей. Хотя данный тип доверительных личных контактов и способен повысить конкурентоспособность отдельных экономических субъектов, его ограниченность не позволяет реализовать позитивный эффект социального капитала на макроуровне, то есть на уровне рынков и экономической системы в целом. Подобный партикуляризм социального капитала может способствовать развитию группового эгоизма и утверждению принципа двойного стандарта бизнес-практик, когда высокий уровень доверия и лояльность внутри группы фирм или группы предпринимателей сопровождается полным недоверием и обманом при взаимодействии с «чужаками».

Исходя из природы социального капитала и отмеченных особенностей его развития в нашей стране, представляется, что распространение социального капитала «вширь», формирование широкой системы кооперации и продуцирование репутаций в бизнес-сообществе являются важными условиями формирования самоорганизующейся деловой среды. Когда многочисленные сети доверия пересекаются и охватывают представителей разных групп делового сообщества, создаются условия для укрепления общего уровня доверия, выработки норм ведения бизнеса и формирования системы деловых репутаций. Такой сценарий использования социального капитала в качестве нематериального ресурса экономического развития общества может представлять интерес для формирования устойчивой и предсказуемой бизнес-среды в условиях российского общества.

⁴ Коньков, А. Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие / А. Т. Коньков. – М. : изд-во РУДН, 2006. – С. 162–163.

СПЕЦИФИКА МОЛОДЕЖНОЙ ДЕВИАЦИИ И ДЕВИАНТНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Дерябина Ольга Викторовна – канд. соц. наук, доцент кафедры социологии СахГУ. В 2001 году в ДВГТУ защитила диссертацию на тему: «Особенности девиантного поведения молодежи Сахалина в период трансформации общества (социологический анализ)». Специализация: социология девиантного поведения. Автор девяти публикаций.

Механизм реализации девиантной самоидентификации молодежи может быть прослежен как системный процесс на примере социализации будущих девиантов в подростковом возрасте, который оказывает дальнейшее воздействие на выбор типических форм девиантного поведения взрослых делинквентов.

Подобная точка зрения высказывалась в научной литературе исследователями¹, которые указывают, что данная особенность поведения будущих девиантов формируется в очень раннем возрасте как результат позиции, которую занимает ребенок в семье. Механизм этого процесса весьма сложен. В общем виде здесь можно выделить несколько этапов. На начальной стадии происходит отвержение, неприятие ребенка (в той или иной форме) родителями, прежде всего матерью. Это означает определенное отношение матери к ребенку, когда она либо не может, либо не хочет, либо не умеет своевременно и полно удовлетворить его потребности, в первую очередь естественные (в пище, тепле, чистоте). В результате ребенок оказывается в ситуации, если можно так сказать, хронического дефицита, постоянного неудовлетворения потребностей и постоянно зависит от матери, потому что только она могла бы их удовлетворить.

Ребенок живет как бы на предельном уровне: никогда не испытывает полной безопасности и удовлетворения своих потребностей, но не доходит до стадии полного лишения этих жизненно важных условий. Такое положение можно назвать «ситуа-

цией экстремальности существования», которая несет в себе потенциально смертельную угрозу. Она и является источником возникновения девиации, как акта индивидуального поведения. Таким образом, «тема» девиации начинает «звучать» для людей, которые находятся в ситуации отвержения уже в самом начале жизни.

Девиация возникает как действие, направленное на сохранение автономной жизнеспособности девианта, как бы разрывающего связь с жизнеобеспечивающим фактором, который перестал выполнять эту приписанную ему функцию.

Для того, чтобы показать процесс зарождения преступлений, автором была создана схема психологического механизма совершения преступлений (схема 1). Основными в этой схеме являются элементы 1–4 и 12–14. Они тождественны по содержанию, но образуются в разные периоды жизни. 1–4 возникает на самых ранних этапах, 12–14 – непосредственно перед совершением преступления. Их психологическое содержание состоит в таком изменении позиции человека, в котором его взаимоотношения с ситуацией осознаются субъектом как биологически значимый витальный характер. И независимо от того, в какой мере он это осознает и осознает ли вообще, предмет посягательства воспринимается как несущий смертельную угрозу. Элементы 5–7 отражают процессы зависимости: автоматизации, дифференциации и адаптации, составляющие в совокупности основные процессы индивидуального развития, формирующие

¹ См.: Антонян, Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М., 1996; Березин, Ф. Б. Методика многостороннего исследования личности / Ф. Б. Березин, М. П. Мирошников, Р. В. Рожанец. – М., 1976; Исдольский, Н. В. Исследования привязанности ребенка к матери / Н. В. Исдольский // Вопросы психологии. – 1985. – № 6; Кудрявцев, В. Н. Причины правонарушений / В. Н. Кудрявцев. – М., 1976; Самовичев, Е. Г. Убийство: психологические аспекты преступления и наказания / Е. Г. Самовичев. – М., 1988; Угрехелидзе, М. Г. Природа неосторожного поведения в свете советской психологии / М. Г. Угрехелидзе // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции. – Владивосток, 1976; Филонов, Л. Б. Детерминация возникновения и развития отрицательных черт характера у лиц с отклоняющимся поведением / Л. Б. Филонов // Психология формирования и развития личности. – М., 1981; и др.

Психологический механизм совершения преступлений

психологический облик преступников и основу совершения преступлений.

Понимание этого своеобразия может иметь практическое значение как в предупреждении тяжких насильственных преступлений, так и в исправлении, перевоспитании девиантов. В целом должно быть обеспечено своевременное и естественное развитие ребенка в первую очередь за счет создания условий для наилучших взаимоотношений родителей (осо-

бенно матерей) со своими детьми, эффективного реагирования на все случаи жестокого обращения с ними или невыполнения родителями своих обязанностей.

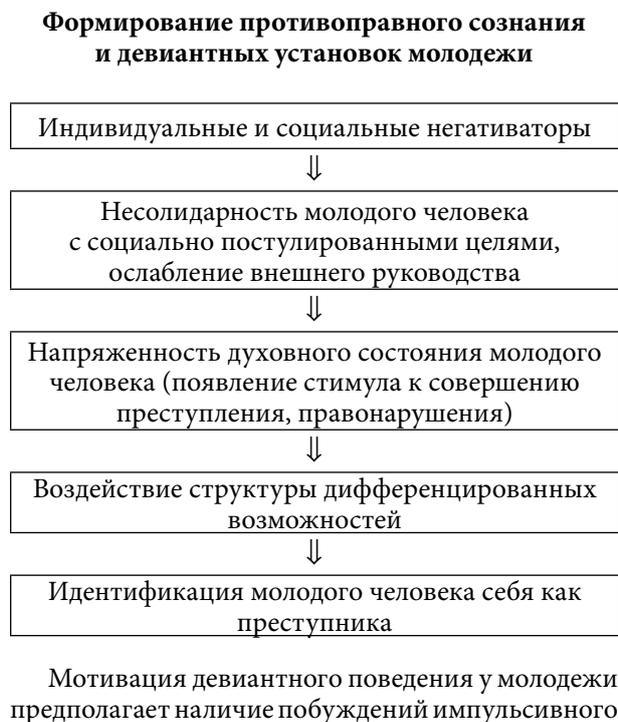
9-й элемент схемы (комплекс неполноценности) непосредственно, явно себя не проявляет, но выражается в следующем элементе как тенденция к гипертрофированной независимости либо вовлечению во всевозможные случайные компании

и группы. Человек оказывается постоянно вовлеченным в непредсказуемые, неопределенные ситуации, когда требуются повышенные способности к адаптации. Но, как уже говорилось, именно умение приспособливаться к изменяющимся условиям у таких людей ограничена. Достаточно быстро обнаруживается их неадекватность ситуации, возникает конфликт, в котором человек явно или скрыто отвергается (см. элемент 12). Форма может быть различной: от прямого изгнания до насмешки, но это всегда достаточно для того, чтобы человек воспринял ситуацию как угрожающую его жизненно важным ценностям, прежде всего его «Я», его праву на существование. Личность оказывается полностью подчиненной ситуации, выходом из которой и является преступление. Внешне это может выражаться по-разному, в зависимости от характера отношений потенциального девианта с провоцирующим фактором. Субъективный же смысл умышленного преступления во всех случаях один: стремление преступника достичь состояния автономной жизнеспособности, преодолеть зависимость от чего-либо или от кого-либо, которая воспринимается как угроза существованию преступника.

Как отмечает Е. Г. Самовичев², основным в совершении преступления является онтогенетический фактор – блокирование способности к автономии в результате отвержения потенциального преступления другими лицами.

Мы представляем формирование противоправного сознания и девиантных установок молодежи следующим образом (схема 2).

Схема 2

и ситуационного характера, ложного самоутверждения, группового поведения, а также мотивов, обусловленных внушением и подражанием. Эти факторы автор данной статьи называет социальными негативаторами. С возрастом ситуативное поведение индивида начинает все больше дисгармонизировать с недевиантным социальным окружением. Происходит переход к сознательному, «рациональному», заранее спланированному, преднамеренному совершению девиации. Уменьшается удельный вес насильственно-эгоистической мотивации, а на первое место выходит мотивация корысти, выгоды, пользы, зависти. При совершении повторной девиации обычно происходит девиантная самоидентификация индивида. Меняется структура насильственно-эгоистической мотивации: на смену хулиганству, браваде, самоутверждению приходят озлобленность, месть, ревность и другие мотивы агрессивно-компенсаторного характера.

На основе того, какова стадия девиантной идентификации уже пройдена молодым человеком, автор предлагает следующую типологию правонарушителей, которая может быть распространена как на криминальную, так и на некриминальную девиацию. В данной классификации использованы комплексные критерии: типы микросреды, характер социальных связей лица, предшествующих девиантному поведению, а также характер последнего совершенного им правонарушения. Эта связь обнаруживает зависимость от типа социальной микросреды, в которой воспитывался индивид (см. табл. 1).

Таблица 1

Взаимосвязь социальной микросреды, идентификации и девиантного поведения

Поведение	Микросреда	Связь преступного поведения с допреступным
Нравственная деформация (нет правонарушений)	Влияние ситуации	Частичная
Нравственно-правовая деформация (правонарушения единичны)	Неполная	Частичная
Устойчивая противоправная деформация (система правонарушений)	Полная криминогенная деформация	Прямо вытекает из прежнего поведения

² См.: Самовичев, Е. Г. Убийство: психологические аспекты преступления и наказания / Е. Г. Самовичев. – М., 1988.

В обобщенном виде все возможные варианты девиантной идентификации и поведения могут быть представлены как три типа криминальных девиантов (см. табл. 2).

Таблица 2

Типы криминальных девиантов

Тип девианта	Характер идентификации
а) последовательно-криминогенный	Девиантная (криминальная)
б) случайно-криминогенный	Девиантная (некриминальная)
в) ситуативный	Недевиантная

Первый тип описывает человека, совершающего повторную девиацию с выраженной криминальной самоидентификацией. Он неоднократно совершил девиацию криминального характера и, как правило, поддерживает интенсивные отношения с криминальной средой.

Второй тип следует охарактеризовать как тип человека с выраженной девиантной идентификацией, которая, однако, не обязательно носит криминальный характер. На поведенческом уровне такой тип демонстрирует тенденцию от совершения эпизодической первичной девиации к закреплению определенных типов девиантного и криминального поведения, постепенному закреплению вторичной девиации.

Третий тип представляет собой лиц, девиантные и криминальные установки которых не приобрели доминантного характера. Совершение криминальной девиации этим типом в определяющей степени связано с ситуационными факторами, такими, как возникновение условий для безнаказанного совершения криминальных поступков, групповое давление, активизация воздействия со стороны девиантной микросреды. При усилении соответствующих провоцирующих факторов среды вероятность совершения девиации этими лицами резко усиливается. При ослаблении и нейтрализации этих факторов вероятность совершения криминальной девиации снижается до уровня некриминализованных групп.

Для оценки эффективности данной типологии при изучении молодых правонарушителей и эмпирической проверки выделенной типологии девиантов были использованы данные правоохранительных органов о личностях правонарушителей в возрасте до 29 лет, привлеченных к ответственности и отбывающих и отбывших наказание в исправительной колонии (40 дел). Данные показывают, что среди бывших несовершеннолетних правонарушителей, достигших 22–29-летнего возраста, представители первого типа преобладают среди тех, кто стал затем рецидивистом (75 % от размера выборки). Второй и третий тип более чаще всего встречается среди лиц, однажды совершивших серьезное преступление и впослед-

ствии не совершавших новых правонарушений. Совершению первого преступления в 32 из 40 случаев сопутствовал хотя бы один из ситуационных провоцирующих факторов: алкоголизм родственников, уклонение от учебы или работы будущего правонарушителя, употребление будущим правонарушителем наркотических средств. Эта особенность свидетельствует о том, что некриминальная девиация является одним из ситуационных факторов для совершения криминальной девиации. Это подтверждает высказанное ранее предположение о том, что переход от совершения первичной девиации ко вторичной девиации сопровождается укреплением криминальных форм девиантного поведения. В представлении молодежи некоторые формы девиантного поведения в представлении молодежи постепенно утрачивают свою антисоциальную или криминальную сущность, легализуются молодежным общественным мнением.

По мнению многих российских криминологов, двойственное отношение в различных аспектах девиантного поведения достаточно типично для молодежи. Представляется, что терпимое отношение к делинквентным формам поведения должно служить показателем распространения девиантных норм молодежной субкультуры.

В современной социологической науке нет единого мнения в отношении того, что прежде всего следует принимать во внимание при объяснении девиантного поведения. И тем не менее есть несколько положений, имеющих первостепенное значение: девиантность нельзя понять без анализа ее связей с общепринятыми социальными ценностями и процессами, происходящими в обществе. В возникновении проблемы девиантности, а также в создании возможностей для достижения успеха законными средствами и методами решающую роль играют институты социализации и социального контроля, а также социальная структура общества.

Проблема девиации, возникающая в любом обществе, является выражением глубоких недостатков его социальной организации. Дезорганизация и организация теоретически неделимы; проблемы, возникающие при той социальной трансформации, которую переживает наше общество, являются той ценой, которую мы платим за поспешную, травмирующую модернизацию общественной системы. В этом контексте проблема девиации неотделима от проблемы социальной дезинтеграции и аномии. Недостаточно заниматься только пресечением девиантных поступков, необходимо разрабатывать и создавать «функциональные альтернативы», находить дозволенные пути удовлетворения как индивидуальных, так и общественных чаяний и надежд.

Размытость нынешних, стихийно оформляющихся социальных норм, их двойственность и неубедительность делают проблему определения девиаций чрезвычайно сложной. Неопределенность в критериях, в границах дозволенного, отсутствие ясных и понятных процедур и мер ответственно-

сти за совершаемые поступки оказывают глубоко травмирующее действие на молодежь, искажая базовые этические представления, приводя к расширению «поля девиантности», стиранию границы между нормативным и девиантным. Этот процесс, на наш взгляд, особенно сильно затронул молодежную субкультуру, маргинализацию которой мы считаем одним из важнейших проявлений молодежной девиации.

Разумеется, источники девиантного поведения многочисленны и разнообразны. Важную роль имеют социальное неравенство, неравенство возможностей представителей различных социальных групп. Эти источники являются традиционными, а на современном этапе они представлены в большем разнообразии, масштабности и в более грубых формах.

Огромное значение для анализа проблем девиантности имеет осознание того факта, что девиантное поведение «вписано» в систему социальных отношений общества, оно является его частью. Однако в условиях современного российского общества эта функциональная «вписанность» девиации в ткань социальных отношений приобретает крайние проявления как по масштабности, так и по глубине девиантных искажений поведения молодежи. В определенной мере можно говорить о том, что молодежная девиация в стране происходит в обществе, которое само может рассматриваться как находящееся в состоянии дисфункциональной рассогласованности, аномии, то есть – в глубоко деформированном девиацией обществе. В настоящее время мы наблюдаем тотальную рассогласованность нормативных систем, что наглядно проявляется в существовании «норм-девиаций» не только в молодежной субкультуре, но пронизывает и все общество. Таковыми «нормами-девиациями», по нашему убеждению, являются терпимое, если не поощрительное в массе своей отношение к незаконным средствам материального обогащения, крайний эгоцентризм, социальная безответственность и отчужденность, двойной моральный стандарт, предъявляемый в сфере личных отношений и публичных социальных институтах.

Все эти формы превратили аномию в массовое состояние, резко повысив вероятность массового использования людьми несанкционированных целей и средств их достижения. В результате того, что процесс закрепления девиантных форм поведения приобрел прогрессирующий характер, наблюдается превращение деструктивного социального отклонения (то есть девиации в ее исходном смысле) в статистическую «норму».

Своеобразным феноменом, иллюстрирующим и усугубляющим состояние девиантного перерождения общества, является крайняя неэффективность и даже частичная дисфункциональность

институтов социального контроля. В сложившихся условиях, при отсутствии реальных (а не только формальных) норм, деятельность институтов социального контроля зачастую ограничивается выборочной борьбой с конкретными носителями девиантных форм поведения, а не с ее причинами. Избирательность, неэффективность институтов социального контроля еще больше деморализует сознание молодежи, приводит к перерождению самих институтов социального контроля. В связи с этим есть основания говорить о формировании в нашем обществе массового девиантного субъектотипа, который с легкостью реализует девиантные установки при наличии даже самых незначительных ситуационных факторов. Среди молодежи такой субъектотип представлен тремя подтипами: последовательно-криминальным, случайно-криминальным и ситуационным.

Ряд социально-экономических и социально-культурных процессов, переживаемых российским обществом, объективно создает предпосылки для усиления аномических тенденций. В первую очередь следует отметить социально-экономическую дифференциацию населения, неустойчивость социально-экономического статуса молодежи при ограниченности легальных возможностей для его повышения или сохранения. Такое положение, типичное для ситуации культурного запаздывания, особенно остро проявляется в условиях периферийного и относительно замкнутого региона, каковым является Сахалинская область. Согласно концепции культурного запаздывания (У. Огборн), подобный тип развития неизбежно вызывает обострение социальных конфликтов, в том числе девиантных. Как показывают многочисленные исследования зарубежных исследователей, рост корыстной преступности, массовые формы девиантного «ухода» от социальных проблем, дезорганизация отношений между поколениями – неизбежное следствие культурного запаздывания.³

Уникальность социально-исторической ситуации российского общества требует существенной модификации парадигмы социологического исследования проблем социальных отклонений и молодежной девиации. Модифицированная парадигма должна обеспечивать макросоциологическую перспективу таких исследований, адекватную состоянию макросистемных норм и масштабам девиации.

Специфика структуры девиантных установок молодежи, особенности девиантного поведения и условия его реализации заключается в следующем:

1. «Традиции» молодежной девиантности развиваются, сохраняются и передаются в определенной социально-культурной среде, активно формирующейся в российском обществе. Хотя эти «традиции» и не могут полностью определить судьбу

³ Ogburn, W. F. *Social Change*. – New York : Free Press, 1976. – P. 112–113, 126.

попавшего под их влияние молодого человека или девушки, они являют собой ситуационный фактор, от которого зависит, станет ли девиантная самоидентификация доминирующей, а совершение правонарушений – ее основным способом реализации. Анализ полученных данных свидетельствует о том, что в настоящее время между этими двумя процессами прослеживается прямой параллелизм.

2. В условиях современной социокультурной ситуации взгляды, благоприятствующие девиантности, получают широкое распространение, происходит маргинализация молодежной субкультуры. На уровне неформальной самоорганизации молодежи подобная ситуация реализуется в специфических формах институциализации полукриминальных и криминальных молодежных сообществ, типизации и стереотипизации девиантных установок, ожиданий, нормативных суждений, ценностей.

3. Когда это случается, социальные институты, занимающиеся воспитанием детей – семья, система образования – сталкиваются с противостоящими ей институциализированными формами девиантной социализации, а также с разнообразными проявлениями криминализованной социальной среды, окружающей молодого человека.

Литература

1. Антонян, Ю. М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов. – М., 1996.
2. Березин, Ф. Б. Методика многостороннего исследования личности / Ф. Б. Березин, М. П. Мирошников, Р. В. Рожанец. – М., 1976.
3. Исдольский, Н. В. Исследования привязанности ребенка к матери / Н. В. Исдольский // Вопросы психологии. – 1985. – № 6.
4. Кудрявцев, В. Н. Причины правонарушений / В. Н. Кудрявцев. – М., 1976.
5. Самовичев, Е. Г. Убийство: психологические аспекты преступления и наказания / Е. Г. Самовичев. – М., 1988.
6. Угрехелидзе, М. Г. Природа неосторожного поведения в свете советской психологии / М. Г. Угрехелидзе // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью в условиях научно-технической революции. – Владивосток, 1976.
7. Филонов, Л. Б. Детерминация возникновения и развития отрицательных черт характера у лиц с отклоняющимся поведением / Л. Б. Филонов // Психология формирования и развития личности. – М., 1981 ; и др.
8. Ogburn, W. F. Social Change. – New York : Free Press, 1976. – P. 112–113, 126.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Хван Е. А. – ассистент кафедры социологии Института истории, социологии и управления СахГУ.

Несмотря на то, что проблема политического отчуждения исследуется политической наукой на протяжении многих десятилетий, данный феномен остается актуальным не только для традиционных обществ и политических режимов, но и для условий современного общества. При этом природа политического отчуждения существенно отличается в современном обществе по сравнению с традиционным или раннеиндустриальным обществом.

В аграрных обществах политическое участие было организовано узким меньшинством, в индустриальном обществе – политическими партиями. На этих стадиях развития общества политическое участие редко приобретало более широкие формы.

Впервые термин «отчуждение» использован К. Марксом для характеристики экономического положения эксплуатируемых классов. В широком смысле отчуждение – это ситуация, когда собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней. Маркс уделил большое внимание анализу отчуждения, особенно в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Он исходит из того, что отчуждение выражает противоречия определенной ступени развития общества. Оно порождено разделением труда и связано с частной собственностью. В таких условиях общественные отношения формируются стихийно, выходят из-под контроля людей, а результаты и продукты деятельности отчуждаются от индивидов и социальных групп. [1]

В условиях буржуазного общества отчуждение в экономической сфере тесно связано с политическим отчуждением. Возможность преодоления отчужденности между политической властью и обществом Маркс видел в обеспечении экономического и социального равенства индивидов. Различая «политическое государство» и «государство, как совокупное целое существования народа», К. Маркс утверждает, что «...государство существует лишь как *политическое государство*», которое представляет собой организацию, отделенную от гражданского общества.

Одна из сторон человеческой деятельности – государственная деятельность – отчуждена, оторвана от народа и противопоставлена ему; дело всего народа стало специальным делом особой части людей – государственной бюрократии, отражающей в своей деятельности частные интересы имущих. Существующее государство закрепляет подчиненное и зависимое положение народа.

Характеризуя буржуазное государство как абстрактное политическое государство, К. Маркс противопоставляет ему действительно разумное государство, в котором государственные дела есть дело народа, дело всех граждан. [3] В отличие от системы представительной парламентской демократии, которая опирается на принцип разделения властей, Маркс предлагает основанную на принципах прямой демократии коммуны, которая объединяла бы функции законодательной и исполнительной власти. В такой коммуне должны быть прямые и открытые выборы на публичные посты, возможность отзыва должностных лиц в любое время, установление платы должностным лицам в размере зарплат рабочих и соответствие состава выборных органов социальной структуре общества. [3] Основным условием реализации «исторической миссии» пролетариата должна стать политическая революция. Она должна разрушить старую государственную власть, а уже потом создать новое государство. «Демократия, как и всякая другая форма правления, должна в конечном итоге распасться: лицемерие не может быть долговечным, скрытое в нем противоречие неизбежно выступит наружу; либо настоящее рабство, то есть неприкрытый деспотизм, либо действительная свобода и действительное равенство, то есть коммунизм» [4].

В практическом построении коммунизма в России диктатура пролетариата означала монополизм одной партии и вынужденное участие граждан в политических действиях под давлением государства, воздействием страха, подкупа, долга, что, по мнению С. Хантингтона, свойственно авторитарным и тоталитарным политическим режимам. [5]

XX век с его потрясающим развитием методов

формирования массового сознания и попытками построения сверхорганизованной общественной жизни, которая переходит в «организацию бездумья», привел к потере человеком индивидуальности и самостоятельности. [6]

По мнению Э. Фромма, политическое отчуждение появляется тогда, когда сложное общественное устройство – творение человека – вышайается и главенствует над самим человеком. И как результат – отчуждение, имеющее всеобщий характер, пронизывающее отношение человека к своей работе, к потребляемым им вещам, к государству. «Под отчуждением, – писал Фромм, – я понимаю такой тип жизненного опыта, когда человек становится чужим самому себе. Он как бы «отстраняется», отделяется от себя. Он перестает быть центром собственного мира, хозяином своих поступков; наоборот – эти поступки и их последствия подчиняют его себе, им он повинуетя и порой даже превращает их в некий культ» [7].

Фромм видел решение этой проблемы в необходимости превращения пассивной демократии – демократии наблюдателей – в активную демократию участия. «Демократия может противостоять авторитарной угрозе только в том случае, если она из пассивной демократии – «демократии наблюдателей» – превратится в активную – «демократию участия», в которой дела общества будут столь же близки и важны для отдельных граждан, как их личные дела, или, точнее, в которой благо общества становится личным делом каждого гражданина. Участвуя в жизни общества, люди обнаруживают, что жизнь становится более интересной и стимулирующей. По утверждению Э. Фромма, подлинную политическую демократию можно было бы определить как демократию, при которой жизнь становится именно интересной.

На определенной стадии развития индустриального общества грубое подавление политических свобод меняется более изощренным контролем над личностью, а свободы девальвируются и подвергаются в переоценке. Тогда происходит отчуждение человека от реальной политики. Преодолеть отчуждение можно утверждением индивидуальной свободы и возрождением индивидуальной мысли, отказом «следовать вместе со всеми». [8]

В постиндустриальном обществе, которое характеризуется упадком иерархических институтов и жестких социальных норм, расширением сферы индивидуального выбора, возрастает значимость свободы выражения и политического участия. По мере возрастания возможностей для массового участия людей в политике падает уважение к власти и усиливается акцент на участии и самовыражении. В тех обществах, которые уже являются демократическими, избирательная активность населения остается на прежнем уровне или снижается, а политическое участие принимает все более активные и проблемно-специфические формы, то есть расширение участия населения проявляется в решении прежде всего местных проблем, вовлечении местных сообществ в

процесс выработки и реализации политических решений. [9]

Долгое время в рамках традиционных национальных государств доминировала определенная модель государственного управления, которая строилась по принципу «команда–контроль», где решения по кругу вынесенных на повестку дня проблем принимаются политиками, которые контролируют профессиональный бюрократический аппарат, реализующий эти решения. А политиков в свою очередь контролируют избиратели и другие институты (например, СМИ и группы интересов). При этом государство в лице правительства и бюрократического аппарата являлось единственным органом, принимающим и претворяющим в жизнь политические решения.

По мере усложнения обществ происходит изменение данной модели управления – процесс принятия решения не ограничен больше рамками формальных государственных структур, а государство потеряло свой статус единственного управляющего, допустив других участников не только к процессу выработки политики, но и к ее реализации. Политика формулируется и реализуется теперь в системе множества формальных и неформальных институтов, механизмов и процессов. [10]

Подводя итог, можно сказать, что политическое отчуждение человека появляется тогда, когда ход политических процессов не зависит от его участия. В этом случае в течение долгого времени по мере того, как конкретный опыт граждан трансформируется в нормы политического поведения, складывается политическая культура гражданской пассивности. Люди «заражают» друг друга негативным отношением к политике, и с течением времени их недовольство и разочарование могут привести к выработке стереотипов, диктующих им определенное восприятие своей роли как граждан. Эти стереотипы начинают преобладать в их политическом поведении и создают непреодолимый барьер для участия людей в политике. [11]

Таким образом, проблему политического отчуждения можно преодолеть, существенно расширяя и делая более разнообразными формы политического участия, усиливая включенность граждан в реальную политическую жизнь и повышая зависимость политических процессов от самих граждан. Привлечение и включение различных негосударственных участников не только на стадии обсуждения, но и на стадии претворения в жизнь политических программ может рассматриваться как средство преодоления политического отчуждения. Для отстаивания интересов граждан и получения доступа к принятию политических решений государственные структуры должны взаимодействовать с институтами гражданского общества как с равноправными партнерами. Таким образом преодолевается проблема игнорирования принятых государством политических программ негосударственными участниками политического процесса, несогласными с ними, поскольку теперь они вовлечены в процесс поиска компромисса и осуществления практической политики.

Литература

1. Демидов, А. А. Управление и социальная политика: рамки участия некоммерческих организаций / А. А. Демидов // Журнал ПОЛИТЭКС, 2005–2008 <http://www.politex.info/content/view/117/30/>
2. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 21.
3. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 429.
4. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи [Отчужденный труд] 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – Т. 42. – С. 41–174.
5. Маркузе, Г. Одномерный человек : Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина ; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 330–331.
6. Мэтьюз, Д. Политика для народа. Граждане в поиске своего места в политике / Д. Мэтьюз. – М., 1995.
7. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – С. 234.
8. Фромм, Э. Величие и ограниченность теории Фрейда / Э. Фромм. – М. : ООО Фирма «Издательство АСТ», 2000. – 448 с. – (Классики зарубежной психологии). С. 48–50.
9. Фромм, Э. Человек одинок / Э. Фромм // Иностранная литература. – 1966. – № 1. – С. 230–233.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА АВСТРАЛИИ В ОТНОШЕНИИ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Майорова Инна Игоревна – доцент кафедры теории и методики сервисной деятельности и туризма СахГУ. Кандидат педагогических наук, автор 15 публикаций. Сфера научных интересов – сравнительная педагогика.

Проблема сохранения языкового и культурного наследия коренных народов является важной задачей государственной политики многих прогрессивных государств. Политика мультикультурализма, проводимая многонациональными государствами, направлена на поддержку автохтонов, иммигрантов, представителей различных этнических групп.

Австралия – государство, где наряду с англосаксонским большинством проживают этнические меньшинства. Идеи поликультурного воспитания получили распространение в Австралии с 70-х годов, но вплоть до 80-х не находили заметного места в теории и практике воспитания и обучения.

В 90-х годах официальный взгляд на Австралию был пересмотрен. Австралия стала именоваться «семьей наций». Подобный курс изменил отношения доминирующей этнической группы с аборигенами и иммигрантами. При сохранении англо-австралийского ядра в большинстве культурно-образовательных программ предусмотрено воспитание осознания той или иной культурно-этнической принадлежности.

Аборигены, которые составляют чуть больше 1 % населения, находятся в неравном положении по сравнению с остальным населением при получении образования. Хотя они имеют равные права на получение образования, их дети демонстрируют более низкую образовательную подготовку, особенно в грамотности и арифметике. До конца 60-х педагогическая стратегия состояла, прежде всего, в ассимиляции, подготовке аборигенов к эффективному функционированию в едином гражданском обществе. С 90-х годов в эту стратегию вносятся важные коррективы в духе поликультурного воспитания. Национальный комитет по образованию аборигенов (НАЕС) определил цели, стратегию и приоритеты в образовании коренного населения Австралии. Он определил необходимость учитывать культурные традиции аборигенов, развивать их природный потенциал.

На территории Южной Австралии находится семь школ для аборигенов. Шесть из них находятся

в сельской местности – это школы Карлтон (Carlton), Куниба (Kooniba), Мари (Marree), Доднадатта (Dodnadatta), Поинт Пирс (Point Pearce) и Рауккан (Raykkan). Седьмая школа Каурна Плэинс (Kaurna Plains) – расположена в районе г. Аделаида.

На сегодняшний день существует много общих проблем по вопросу об изучении языков аборигенов в разных частях Австралии, но наряду с этими сходствами есть и существенные различия. Дело в том, что среди австралийских диалектов, по крайней мере, два являются так называемыми «сильными» диалектами (диалект Питьянтьянтьяра и Янкунитьянтьяра племени Анангу). На этих диалектах говорят аборигены на достаточно большой территории северо-западной части Южной Австралии. Сегодня эти языки переживают что-то вроде возрождения, благодаря усилиям школ и различных языковых проектов.

Языки аборигенов играли важную роль в школах с самых первых дней основания колоний. 23 декабря 1839 года немецкие миссионеры Кристиан Тейхельманн и Кламор Шурманн, а позднее Самуэль Клос основали в местечке Раминдбери школу, где дети из племени Каурна учились читать, писать, произносить молитвы и петь гимны на своем родном языке. Вслед за ними по всей территории штата в миссионерских школах началось преподавание предметов на различных австралийских диалектах. В бухте Encounter в 1840-х годах началось обучение на диалекте Раминдбери, в порте Линкольн с 1849 года – на диалекте Парнкалла и т. д.

Программы по изучению диалектов стали распространяться на северо-запад Южной Австралии, в 1960–1970-х годах даже были представлены в школьных программах. В 1965–66 годах лейбористское правительство Дунстана одобрило билингвальную языковую политику. Позднее для разработки языковых материалов были привлечены ведущие лингвисты Южной Австралии. В 1985 году правительство штата оказало дополнительную поддержку – был учрежден центр по производству и распространению литературы на раз-

личных диалектах. Буквари, хрестоматии, газеты выпускались для школ в этом центре.

В конце 70-х австралийские диалекты впервые вышли на образовательную арену. Учителя начали преподавание австралийских диалектов, а в частности, диалекта Питьянтьянтьяра, в школах бухты Виктория и Аделаида. Некоторые из этих программ просуществовали недолго и зависели, в первую очередь, от учителей, которые их осуществляли и поддерживали. Например, школьная программа в бухте Виктория предлагала элективный курс изучения языка – один час в неделю и только одному классу в школе. Другие школы предлагали рассматривать изучение австралийских диалектов более широко и вводить их в школьные языковые программы. Школа Альбертон предложила ввести диалект Питьянтьянтьяра в качестве второго языка и изучать его постоянно. Не только определенным студентам и классам, а всем учащимся данной школы. Школа Альбертон – одна из многих государственных школ, которой удается поддерживать стабильность в этом вопросе и решать проблему текучести кадров путем активного набора специалистов из Культурного языкового центра, которые также могут обеспечивать образовательный процесс.

Несмотря на эти меры, языковые программы на сегодня остаются зависимыми в большой степени от самих учителей.

С середины и до конца 80-х годов создавались учебно-методические комплексы, проводились семинары. Все эти попытки предпринимались для единственной на тот момент цели – поддержать возрождающиеся языки аборигенов, но в большинстве случаев наталкивались на критику со стороны общественности. За последние годы в южно-австралийских школах языковые программы австралийских диалектов постепенно заняли стабильное положение. В 2001 году они уже были представлены в 84 программах, и по ним обучалось более 3000 студентов, меньше половины из которых представляли национальные меньшинства.

Введение языковых диалектов в школьную программу повлекло за собой создание учебно-методического комплекса. Разработка учебных материалов началась с подготовки кадров в конце 1960-х и проведения трехнедельного семинара, созданного специально для тех, кто в дальнейшем планировал работать с аборигенами. Издание справочного руководства по изучению диалекта Питьянтьянтьяра (издательство Eckert & Hudson, 1988) стало отправной точкой в создании целой серии пособий, аудио- и видеоисточников. Примерно в этот же период началась работа по созданию слоговых азбук других диалектов. В настоящее время они находятся в стадии разработки, созданы основные принципы и схемы для их публикации.

В 1993 году The Senior Secondary Assessment Board of South Australia (SSABSA) начал работу по внедрению языков аборигенов в старших классах средней школы. В 1994 году началось преподавание ряда диалектов в школах штатов Южной Австралии, Виктории и Северных Территорий.

Впервые это были аккредитованные программы для старших классов средней школы. Диалекты, представленные в программе, относились к группе «сильных» языков, включая диалект Каурна в Южной Австралии и Йорта Йорта в штате Виктория.

Созданная в 1994 году программа AILF (Australian Indigenous Languages Framework) явилась проектом и для преподавания родных языков для аборигенов жителей пролива острова Торрес. Негативным моментом на сегодняшний день является то, что реализация этих проектов по стране является небольшой из-за недостаточного количества подготовленных преподавателей и учебных материалов. Еще одним фактором, тормозящим внедрение этих программ, является наличие элективных курсов в школе, которые конкурируют между собой. Плотное расписание не позволяет многим студентам выбрать для изучения еще один предмет.

Основные принципы программы AILF были одобрены самым крупным образовательным учреждением в стране, представляющим послешкольное обучение (TAFE – техническое и дополнительное образование) в штате Квинсленд. Кроме того, эти же принципы обучения рассматриваются как возможность преподавания языков национальных меньшинств в младшем звене средней школы. Но поскольку данная программа создавалась непосредственно для учеников старших классов средней школы и ориентирована только на них, процесс обучения идет достаточно медленно.

Недавней инновацией и своеобразным первым опытом является изучение диалектов коренного австралийского населения в летней школе (с декабря 2001 года). Это так называемый первый уровень изучения, который нацелен на изучение трех основных диалектов – Питьянтьянтьяра, Нгарриндери и Каурна. Эти летние курсы посещали 20 студентов столичных школ. Летние курсы являются большим преимуществом для тех студентов, в чьих школах не ведется преподавание австралийских диалектов. Количество школьников, преподавателей национальных меньшинств, является небольшим в отдельно взятой школе. Это, как правило, может быть один ученик или, в лучшем случае, маленькая группа детей. Зачастую таких детей можно пересчитать по пальцам. Естественно, такая школа имеет мало шансов быть вовлеченной в такую программу.

Следующим шагом в развитии образовательных программ для аборигенов явился документ по образовательным стандартам Южной Австралии (The South Australian Curriculum Standards and Accountability Framework – SACSA). Этот документ наметил область действия и задачи каждого из восьми приоритетных направлений в образовании национальных меньшинств. Кроме того, он расширил видение преподавания – оно не ограничивалось только чтением и пониманием языка, предлагалось изучать культурные особенности и основы общения. SACSA зафиксировал стандарты на разных стадиях школьного обучения. Кроме того, этот документ включает в себя пояснения

для учителей по методам преподавания того или иного диалекта. Необходимо отметить, что данные материалы являются общими для всех девяти диалектов, предлагаемых для преподавания, они не учитывают особенности каждого языка. Результатом такого общего подхода явилась некая «идеализация» стандартов. Развитие образовательных программ в Южной Австралии представляется как плавный, без резких переходов, непрерывный процесс программного обновления. Но запланированные стандарты, описанные в материалах, не могут сегодня быть достигнуты по многим причинам. Это, прежде всего, вопрос времени, зависящий от роста, развития и обновления различных образовательных источников. Не учитывается тот факт, что некоторые из диалектов находятся в состоянии постоянного роста и развития. Любой язык сам по себе не является статичным, изменяется как качественный, так и его количественный состав. Прагматичный подход авторов программ как раз и заключается в этом. По мнению многих ведущих педагогов, приоритетное направление сегодня должно быть отдано именно созданию и развитию слоговых азбук для разных диалектов. Образовательные стандарты не должны спускаться сверху, а являться отражением действительности и идти от настоящих проблем, с которыми сталкиваются учителя в преподавании. Формирование образовательных стандартов по этим программам строилось далеко от реального положения дел.

Интересным опытом является пример возрождения диалекта Каурна, на котором разговаривают аборигены – жители равнины Аделаида. Впервые он был зафиксирован немецкими миссионерами в середине XIX века. Ими были оставлены записи, касающиеся грамматики и словаря (1840 год) Но это были только грубые наброски. Более полная версия словаря и даже около сотни переведенных предложений были созданы позднее (1857 год). Хотя диалект Каурна был включен в образовательные программы Южной Австралии в 1989 году, первое творческое применение он получил относительно недавно. В рамках программы Национальные Языки Аборигенов (NALP – National Aboriginal Languages Program) был опубликован сборник песен (1990 год)

Только 1992 году этот диалект был введен в качестве предмета в школе для аборигенов Kaurna Plain School, сама школа была открыта в 1986 году. В то время существовало очень мало источников и материалов по данному диалекту. Все они были основаны на грамматике, составленной миссионерами, песеннике, детских стихах и нескольких коротких рассказах. Сами учителя знали очень мало об этом диалекте и шли лишь на полшага вперед своих учеников. Но и в такой ситуации нашлись свои плюсы. Изучение диалекта посредством песни явилось положительным опытом, и к тому же изучать язык таким образом было гораздо легче, так как многие песни передавались из поколения в поколение и были очень популярны среди детей и их семей.

К 1994 году языковые программы диалекта Каурна были представлены почти на всех уровнях образования – от дошкольного до высшего. Однако наблюдался небольшой пробел в среднем звене. Эта проблема была решена позднее проведением обязательного 10-недельного языкового модуля уже для взрослых студентов. Конечно, еще предстоит выполнить большой объем работы по созданию и внедрению программ по всем годам обучения в средней школе. Для старшего звена средней школы созданы особые ускоренные программы, которые не основываются на предыдущих знаниях. Пока еще не издано серьезных публикаций и практических материалов по самому диалекту, очень мало сохранено и в устных преданиях самого народа, но, тем не менее, язык не признается реликвией. Он модернизируется и развивается, для того чтобы жить и функционировать в XXI веке. Появляются целые списки новых, современных терминов и выражений, в том числе для использования в школьных аудиториях, для работы со школьниками и студентами. Была изобретена новая основная десятичная система исчисления, спортивная лексика и т. д.

За последнее десятилетие проделано много работы. Были изданы учебные материалы, рабочие тетради, преподаватели разработали свои собственные учебные планы. Сделаны попытки систематизировать учебную программу, рассчитанную на восемь лет обучения. Но на фоне этих положительных изменений существуют и недостатки. До сих пор не издана слоговая азбука диалекта Каурна и не существует учебной программы. В период с 1990 года по 1997 год детально производились разного рода исправления по данному диалекту. И в 1998 году вышел краткий сборник практического языкового материала, версия этого же материала, увидевшая свет в 2000 году, уже была усеченной предыдущей версией.

Необходимо отметить, что данные языковые программы широко поддерживаются Австралийским Департаментом по Образованию, Воспитанию и Занятости (DETE – The Department of Education, Training and Employment). Неформально с 1993 года им проводятся комплексные проверки по программам языковых диалектов в школах. Целью этих проверок является не только критический анализ и мониторинг проделанной работы, но и создание благоприятных условий, поддержка и содействие данным программам. Результатом такого мониторинга явилось признание того факта, что языковые программы Южной Австралии – это олицетворение лучшей практики преподавания диалектов. Безусловно, существуют и проблемные моменты в программах, требующие улучшения. Например, информация, касающаяся истории развития языковых программ, специфических проблемных вопросов, природы учебного материала и т. д.

Департамент также явился инициатором создания комитета по распространению языков аборигенов (Aboriginal Languages Standing Committee), образованном в декабре 1997 года. В состав этого

комитета входит много организаций – сторонников данной программы (представители Южно-австралийского центра языков малых народностей, представители высшей школы, государственного сектора).

Одной из актуальных проблем языковых программ является участие и роль лингвистов. Опыт показывает, что те языковые программы, в разработке которых принимали участие лингвисты-профессионалы, имеют гораздо больший потенциал. Они оказывают помощь в разработке практического учебного материала, в частности, орфографии. Им отводится большая роль в работе с преподавательским составом – грамматический строй некоторых диалектов очень сложен и требует дополнительных пояснений специалистов, поэтому, зачастую сталкиваясь с подобными трудностями, преподаватели просто откладывают некоторые учебные материалы в сторону, не стараясь вникнуть в их содержание. Преподаватели других языков (например, немецкого, индонезийского) находятся в более выгодном положении. Преподавателям диалектов, помимо изучения особого грамматического строя, исторического возникновения того или иного диалекта, приходится дополнительно получать знания о методах преподавания и различных подходах.

В результате такой многолетней и кропотливой работы в Южной Австралии на основе программы AILF (Australian Indigenous Languages Framework – австралийские диалекты малых народностей) появилось большое количество подпрограмм:

- Программа сохранения первого языка (First Language Maintenance). В данной программе уделяется внимание диалекту, который используется ежедневно и большой группой людей.
- Изучение второго языка (Second Language Learning). Здесь речь идет о так называемых «сильных» диалектах, которые преподаются большому кругу учащихся таким же образом, как и популярные европейские языки.
- Возрождение языка (Language Revival). Программа возрождения языка, в свою очередь, разделилась еще на три:
 - Восстановление языка (Revitalization). Внимание уделяется диалектам, на которых еще говорит старшее поколение и требуется поддержка, чтобы эти знания не были утрачены и были переданы новому поколению.
 - Обновление (Renewal). Речь идет о диалектах, на которых уже не говорят, но существует достаточно знаний об этом языке, чтобы он существовал в рамках образовательной программы.
 - Перерождение (Reclamation). Потеря языка как разговорного, но существуют данные (исторические записи, родственные языки) для воссоздания данного диалекта и его использования.
 - Осознание языка (Language Awareness). Речь идет о существовании небольших, обрывочных сведений. Они недостаточны для изучения диалекта, но могут быть включены в другую область знаний (например, об окружающей среде, обществе и т. д.).

Все программы были приняты TAFE в штате Квинсленд и DEET в Южной Австралии. На сегодняшний день они широко представлены в южно-австралийских школах. Встает вопрос, насколько они рациональны? Безусловно, они оказывают помощь лингвистам, преподавателям и организаторам. Все они служат основными организационными принципами для работы и способствуют осознанию методов и способов по их применению. Конечно, все они не являются универсальными и абсолютно точными и нуждаются в дополнительной доработке.

В качестве примера можно привести опыт работы школы Поинт Пирс (Point Pearce). В этой школе в качестве базовой программы была выбрана та, где диалект выступал в качестве первого языка (диалект Наррунга). Диалект Наррунга – это язык, в котором насчитывается не более 800 слов. Язык, имеющий лишь простейшие элементы грамматики, которые даже не зафиксированы письменно. Разумеется, его невозможно подвести под выбранную программу. Скорее всего, более подходящей здесь будет программа возрождения и осознания языка, с элементами его обновления, но явно не программа изучения диалекта.

Еще одной «горячей» темой является выбор диалекта для изучения. Недостаточное количество материала по тому или иному языку делает затруднительным применение некоторых диалектов в рамках школьных программ. С одной стороны, школам гораздо легче принять «сильный» язык, по которому наработано большое количество материала. С другой стороны, это противоречит принципам обучения в местных школах, которые ориентируются на те диалекты, которые существуют в той или иной провинции. Хотя так называемые «сильные» языки могут служить добрым начинанием таких языковых программ. Они выступают в качестве промежуточной стадии, поддерживают уверенность в ее создателях, дают надежду на то, что такие же программы будут созданы по другим австралийским диалектам и ни один язык не будет забыт. А значит, не будет забыта культура и самобытность этноса, который на нем говорит.

Таким образом, в образовательном процессе Южной Австралии возникла и обсуждается новая система ценностей, возрождается новая концепция языковых программ. Очевидным является факт, что учащиеся различных культур и расовых групп должны уживаться вместе и уважать культурные традиции друг друга.

На примере Южной Австралии хорошо прослеживаются изменения в подходах к обучению в школах, что привело к разработке различных программ, в том числе и языковых, включающих в себя уважение и признание языков и культур всех этнических групп. Аборигены при приобретении знаний и навыков в процессе образования в учебных заведениях получили возможность стать полноправными членами Австралийского общества.

В условиях поликультурной реальности, когда контактируют представители разных лингвокультурных общностей, взаимовлияние и взаимопроникновение культур ведет к аккультурации членов социумов, соединяющих в своем сознании разные культуры, ориентированных на другого человека, предрасположенного к разговору с ним. Обучение языку, соединенное с культурными и социальными ценностями, может и должно служить мощным средством взаимопроникновения между народами.

Формирование языковой и лингвострановедческой компетенции представляет ценность в обогащении своей собственной культуры в целом, культуры общения, речи, умственного труда.

Главными целями таких языковых программ в Южной Австралии становится не только формирование иноязычной языковой лексики, но и осознание обучаемым себя, своей жизненной позиции, этнических корней, развитие мировосприятия и миропонимания. Неотъемлемой частью также является и выработка чувствительности к культурным различиям, уважение к уникальности культуры каждого народа, терпимость к необычному поведению, желание позитивно относиться ко всему неожиданному, готовность реагировать на изменения, гибкость в принятии альтернативных решений и отсутствие завышенных ожиданий от общения с представителями других культур. Эти навыки являются мостиками к пониманию представителей других культур и народов, урегу-

лированию конфликтных ситуаций, а также основой для межнационального и межэтнического общения.

Литература

1. Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / под ред. В. В. Ощепковой, А. С. Петряковской. – М. : Русский язык, 2001.
2. Hartman, Deborah & John Henderson, *Aboriginal Languages in Education*, IAD Press, Alice springs, 1994.
3. McConnell, Patrick & Nick Thieberger, *State of Indigenous Languages in Australia*. Canberra : Environment Australia, 2001.
4. Rob Amery. *Indigenous Language Programs in South Australian schools: issues, dilemmas, solutions*, 2002.
5. *Flexible Learning Programs, 2006 manual (SS-ABSA)* Senior Secondary Assessment Board of South Australia.
6. Banks, James A. (1997) *Educating Citizens in a Multicultural society*. New-York : Teachers College Press.
7. Banks, James A. (2003) *Diversity and Citizenship Education: Global Perspectives*. San Fransisco : Jossey-Bass.
8. Parker, W. C. (2003) *Teaching Democracy : Unity and Diversity in the Public Life*. New York : Teachers College Press.
9. Kymyska, Will (1995) *Multicultural Citizenship : A Liberal Theory of Minority Rights*. New York : Oxford University Press.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В УЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ

Шаповалова Татьяна Романовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода Института филологии СахГУ. Сфера научных интересов – проблемы использования современных информационных и коммуникационных технологий в процессе подготовки лингвистов-переводчиков. Автор 40 научных публикаций, в том числе двух монографий и пяти учебных пособий.

В последнее десятилетие проблемам создания и использования лингвистических информационных ресурсов посвящается большое количество международных и национальных научных конференций. Лингвистические информационные ресурсы – это одна из составляющих частей информационных ресурсов. Под информационным ресурсом мы понимаем некоторый интеллектуальный ресурс, результат коллективного творчества, который может быть активным и пассивным. Активные формы включают алгоритмы, модели, программы, базы знаний и т. п.

К пассивным информационным ресурсам относятся книги, журналы, газеты, словари, энциклопедии, патенты, базы и банки данных и т. п. Традиционно пассивные лингвистические информационные ресурсы включают такие одноязычные и многоязычные данные, как письменные лексиконы, терминологические словари, фонетические ресурсы. В самом общем виде все это своеобразные лингвистические базы данных, которые можно обновлять (добавлять новые данные, исключать или изменять старые).

Лингвистические ресурсы необходимы как пользователям компьютеров, так и различным компьютерным системам, связанным с обработкой текста и речи. В частности, они используются для распознавания речи и анонимных текстов, реферирования, аннотирования и перевода текстов, построения диалоговых систем, автоматического анализа текста, синтеза речи и текста и т. д. Это своего рода средство коммуникации¹.

Прошли те времена, когда уровень владения языком ставили в прямую зависимость от словаря. Показателем пассивного владения языком

было «умение читать со словарем», а активного владения языком – «умение говорить и читать без словаря».

Современная жизнь предъявляет жесткие требования к человеку и заставляет постоянно учиться, в частности, английскому языку, не только в учебной аудитории, но и в повседневной жизни. Сегодня учебный словарь в реальном или виртуальном виде находится в следующем ряду дидактических материалов и видах деятельности, который можно назвать «макрорабочим местом»:

- средства тестирования знаний, в том числе самоконтроль, конкурсы;
- учебный комплекс (учебник, рабочая тетрадь, книга для учителя, сюда также могут входить медиасредства с сопроводительными дидактическими материалами), это также может быть чисто виртуальная информационно-образовательная среда, то есть портал, в котором размещаются все необходимые учебные материалы для отдельного курса²;
- компьютерные и технические средства обучения, в частности, медиасредства: видео-, аудио-материалы, DVD, интерактивные доски, TV, в том числе спутниковое;
- библиотека для чтения;
- энциклопедии, грамматики, языковые словари;
- интернет, поисковые системы;
- контакт с учителем, наставником, коллегой;
- информационная среда в виде участия в реальных и виртуальных занятиях, конференциях, дискуссиях, мастер-классах, публикациях, электронных рассылках и т. д. По такому принципу строятся интегративные ресурсные центры, виртуальные сайты непрерывного открытого образо-

¹ Девель, Л. А. Учебный двуязычный словарь как специализированный компонент справочно-информационного блока в макромодели обучения дистанционного образования / Л. А. Девель // Сборник статей II Междунар. научно-практ. конференции / отв. ред. А. Л. Назаренко. – М. : МГУ, 2006. – С. 262.

² Педагогические технологии дистанционного обучения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. С. Полат, М. В. Моисеева, А. Е. Петров и др. – М. : издательский центр «Академия», 2006. – С. 127.

вания – ресурсные центры в интернете – как, например, Кэмбриджского университета, международный проект «Сократ» под эгидой Европейского совета, из отечественных – ресурсные центры ведущих вузов Москвы, Новосибирского технического университета.

Все большей популярностью пользуются такие лингвистические ресурсы, как словари, конкордансы, энциклопедии. В 1980-х годах начался и до сих пор продолжается настоящий словарный бум. На таких, разработанных в лексикографическом отношении языках, как английский, немецкий, французский, в меньшей степени русский, появляется огромное количество самых разнообразных словарей. Без них невозможно себе представить, к примеру, работу переводчика в переводческом бюро или отделе компании.

Работа переводчика – это весьма сложная и многоаспектная деятельность, сочетающая в себе как непосредственную работу над переводом, так и решение юридических, экономических и других проблем. Для первого вида деятельности переводчику необходимы как конкретные программные продукты (автоматизированные системы перевода, словари, тезаурусы, глоссарии, энциклопедии, корпуса текстов и т. п.), так и информационные ресурсы; для второго вида деятельности можно говорить пока только об информационных ресурсах сети интернет (различные переводческие сайты, рассылки, подписки, форумы, конкурсы).

При работе с технологиями неподготовленный переводчик сталкивается с двумя проблемами:

1) незнание самих программных продуктов и их возможностей;

2) неумение работать в тандеме с машиной, то есть выполнять квалифицированное постредактирование и, главное, предредактирование, которое при работе с машиной включает в себя такие операции, как, например, настройка спецификаций и профилей программ, создание пользовательских словарей, работа с терминологией (создание собственного глоссария), настройка принципов перевода имен собственных, аббревиатур и т. п.³ Проще говоря, такой переводчик не понимает, что делать с программой (знает 1–2 операции) и не знает, что делать с текстом, чтобы сократить время на постредактирование. Все это, несомненно, должно быть включено в программу подготовки переводчиков.

Как показывает практика, в программу обучения необходимо включить и такие элементы, как приемы эффективного поиска в сети, работа с интернет-словарями и программами-переводчиками, использование возможностей языка запросов.

Особое внимание следует уделить технологиям поиска различных типов: поиску термино-

логии (поиск толкований через быстрый поиск глоссариев, использование специализированных сайтов); поиску переводных эквивалентов через проверку вариантов, предлагаемых словарями; поиску двуязычных текстов (фрагментов текстов), содержащих искомые термины, поиск акронимов через специализированные сайты, поиску образцов переводимых документов, шаблонов и других документов с готовыми юридически грамотными формулировками; информационному поиску, направленному на получение фоновых знаний о тематике перевода.

При использовании лингвистических ресурсов в учебных целях, на наш взгляд, необходимо ставить вопрос об автоматизированном рабочем месте (АРМ), или «workstation», применительно к обучению – учебном месте, где обучаемый использует определенный набор реальных и виртуальных ресурсов, учебных материалов. Это в основном печатные и по выбору виртуальные учебные материалы, а также, при наличии, подготовленная учебным учреждением информационно-образовательная среда. Обучению может способствовать правильная комплектация учебного места и позиционирование в нем, прежде всего, двуязычного учебного англо-русского словаря самого распространенного средства декодирования окружающей действительности. Опыт создания таких программ уже имеется в ведущих российских вузах.

Практика убеждает нас в том, что со словарями, которыми обыкновенно пользуются при изучении иностранных языков, дело обстоит плохо. В основном это переводные словари. Переводный словарь – первый словарь и постоянный словарь для изучающего язык. От этих переводов учащиеся зачастую получают самые фантастические понятия о значении иностранных слов. В этой связи представляется актуальной мысль, давно высказанная Л. В. Щербой об использовании словарей учащимися. Л. В. Щерба говорил о том, что «всякий опытный педагог советует своим ученикам как можно скорее переходить к одноязычным толковым словарям». Кроме того, он говорил о необходимости использовать «наряду» с переводными словарями толковые словари⁴.

В современной реальной и виртуальной учебной аудитории, на экзаменах все чаще используют словарь, что раньше повсюду было строго запрещено. Если учебный процесс и предполагал использование двуязычного учебного словаря, то никогда не ставил вопроса правильного выбора словаря, отработки техники использования словаря, перехода на использование одноязычного словаря, месте двуязычного учебного англо-русского словаря.

Сейчас преподаватели, работающие на первом

³ Масалова, М. В. Информационные технологии при подготовке переводчиков / М. В. Масалова // Сборник статей II Междунар. научно-практ. конференции / отв. ред. А. Л. Назаренко. – М. : МГУ, 2006. – С. 66.

⁴ Щерба, Л. В. Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики / Л. В. Щерба. – М., 2002. – С. 26.

курсе языкового вуза, приходят к выводу, что в учебном процессе желательно использовать толковый словарь английского языка как минимум на промежуточном уровне «Intermediate». Важно использовать одноязычный словарь изучаемого языка наряду с двуязычным словарем и, желательно, с одноязычным толковым словарем родного языка. Сочетание словарей в виде двуязычных, обеспечивающих двусторонний перевод, и толковых словарей как на переводимом, так и на переводящем языке позволяет подобрать и слова для перевода, если он нужен, и познакомиться с толкованием слова в различных контекстах.

Отдельного внимания со стороны профессиональных лингвистов и, в частности, переводчиков, заслуживает сейчас одна мощная тенденция в современном словарном деле. Словари теперь все чаще издаются не только в книжном формате, но и на компакт-дисках (CD), как, например, система электронных словарей «АВВУ LINGUO 12; Большой англо-русский, русско-английский словарь» (2000); семейство электронных словарей «Мульти-Лекс»; словари «Контекст» (Context) фирмы «Информатис».

Электронные словари удобны по нескольким причинам:

1) потому, что включают в себя на одном и том же компакт-диске и большой общезыковой словарь, и, как правило, несколько отраслевых словарей;

2) благодаря системе компьютерного поиска в них легко отыскать примеры на конкретное словопользование, причем как при переводе с одного языка на другой, так и обратно;

3) эти словари легко использовать при работе на компьютере;

4) один компакт-диск заменяет несколько громоздких книжных томов⁵.

Так, благодаря электронной версии энциклопедии «Британика» пользование ею значительно упрощается, облегчаются различного рода глобальные тематические поиски в той или иной сфере знания.

Словари и энциклопедии, доступные и в интернете, позволяют следить за оперативными лексикографическими обновлениями изданий, тем более что на электронных энциклопедиях в самом программном обеспечении, установленном на компакт-диске, как правило, есть специальная гиперссылка на соответствующий «материнский» сайт в интернете. Записанная на диск информация может быть автоматически обновлена или дополнена с учетом изменений, произошедших в соответствующей сфере знания или общественно-политической жизни.

Среди электронных энциклопедических словарей следует еще упомянуть словари фирмы

«Microsoft» (Encarta, Bookshelf) и «Dorling Kindersley – Multimedia («Encyclopedia of Nature»)). Периодически полезно заходить на сайты крупных словарных издательств: www.longman-elt.com/dictionaries; www.oup.com и др.

Справедливости ради необходимо отметить, что одноязычные интернет-словари еще не получили широкого распространения среди пользователей в России. Объясняется это, прежде всего, недоверием по отношению к информации, выставленной в сети интернет. Практика показывает, любой, даже не сведущий в лингвистике и лексикографии человек может создать авторский словарь и опубликовать его в глобальной сети. Более того, пользователи могут поучаствовать в составлении словаря, если автор предоставил к нему открытый доступ. Зачастую подобные проекты, без сомнения интересные и творческие, грешат неточностями и не могут послужить достоверным источником информации⁶.

Однако практически все авторитетные издательства размещают электронные версии своей лексикографической продукции в сети Интернет. В качестве этих словарей и достоверности данных в них сомневаться не приходится, поскольку за ними стоят десятилетия традиций, кропотливой работы, поиска оптимального сочетания формы, содержания и функциональности. Полученная положительная практика была подкреплена последними достижениями в информационных технологиях.

Приведем пример наиболее известных толковых британских учебных словарей, которые представляют последние издания своих печатных аналогов.

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary Online// dictionary.cambridge.org/ [CALD]

2. Chambers 21st Century Dictionary Online// www.chambersharrap.co.uk/ [CCD]

3. Longman Dictionary of Contemporary English Online// www.ldoceonline.com/ [LDOCE]

4. Macmillan English Dictionary Online// [www.online, macmillandictionary.com/](http://www.online.macmillandictionary.com/) [MED]

5. Oxford Advanced Learner's Dictionary Online www.oup.com/elt/catalogue/teachersites/oald7/ [OALD]

Доступ ко всем словарям открытый, регистрация требуется только в одном случае (MED): необходимо иметь печатную версию, чтобы ответить на все вопросы в регистрации и указать номер ISBN. По прохождении всех ступеней пользователю будет присвоен пароль, открывающий доступ к словарю. В случае с OALD необходимо отметить, в какой стране проживает пользователь.

Все словари представляют собой традиционную интернет-страницу за исключением MED, который, скорее, повторяет версию издания на CD.

⁵ Тюленев, С. В. Теория перевода : учебное пособие / С. В. Тюленев. – М. : Гардарики, 2004. – С. 292.

⁶ Петросян, И. В. Интернет-словари английского языка / И. В. Петросян // Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации : сборник научных трудов. – Вып 3. – М. : Центр. учеб. фильм, 2008. – С. 267.

Это открывает больше поисковых возможностей: при необходимости можно задать фильтр по варианту английского языка (British/American), по дополнительной семантико-функциональной характеристике входных единиц (не отображать все категории, чтобы словарная статья была максимально лаконичной).

В CALD и CCD дается выбор предложенных словарей (одноязычный/двуязычный, для общих/специальных целей, средний/продвинутый уровень и алфавитный/идеографический, лингвистический/энциклопедический соответственно).

По удобству и наглядности (минимум рекламы, четкое расположение материала) заметно выделяются CALD и MED, тогда как LDOCE, OALD и CCD предоставляют больше информации в различных сферах функционирования слов.

Дополнительные возможности. На сайтах расположены ссылки на богатую коллекцию обучающих материалов для преподавателей и справочной информации для лингвистов. Все словари содержат путеводители или упражнения (OALD) по оптимизации навыков пользования, которые можно делать как самостоятельно, так и в рамках занятий. Интернет-формат словарей позволяет чаще обновлять списки неологизмов, которые входят в состав английского языка:

CCD: churnalism (churn+journalism) is a part of journalism, where stories are churned out rather than properly researched.

MED: Pod slurping occurs when someone: uses a portable USB device (for example an MP3 player, PDA or memory stick) to download large amounts of information from a computer without the owner's consent.

OALD: mouse potato noun (*disapproving, informal*) a person who spends too much time using computer.

Стоит отметить, что помимо определения неологизмы получают исчерпывающее описание с точки зрения функционирования в речи (грамматика, стиль, прагматика), а также с точки зрения причин и обстоятельств (дата, источник, автор, история) появления этих слов в языке.

В разделе «Слово дня/недели» авторы словарей обращают наше внимание на слова, которые используются носителями языка в повседневной жизни и являются любопытными с точки зрения их семантики, истории появления и особенностей употребления:

OALD: e-sport noun [usually pl.] a computer game played in professional competitions, especially when it is watched by fans and broadcast on the Internet or on television

CCD: bomb Explosive weapons are relatively modern inventions and the word **bomb** dates from the 16th century where it derived from French *bombe*,

which probably originated via Latin *bombus* from Greek *bombos* meaning 'a humming sound'. Warfare was conducted by means of cannon and cavalry until fairly recently and it wasn't until the 20th century that the majority of idioms, compounds, and derivatives of 'bomb' were coined.

Макроструктура характеризуется богатством словариков (благодаря источникам – электронным базам данных), а также дидактической направленностью принципов отбора и построения. Метаязык словарей доступен даже не совсем опытному пользователю, поскольку в основу его были заложены дефинитивные вокабуляры, насчитывающие немногим более 2000 наиболее частотных и понятных слов (за исключением CCD, для эффективной работы с которым уровень знания языка у пользователя должен быть продвинутым).

В словарях OALD и MED подобный подход к лексике выходит за рамки метаязыка дефиниций: в них пользователю предлагается *выучить* наиболее употребляемые слова английского языка, следуя пометам (ключ и звездочки соответственно) посредством тематических списков слов и упражнений (OALD).

Микроструктура. С точки зрения графики словарные статьи в CALD и MED отвечают всем требованиям, которые предъявляются к учебным словарям. Однако в плане информативности наиболее преуспели составители словарей LDOCE и OALD⁷. Так, словообразовательные возможности, а также формообразовательная парадигма входных единиц наиболее удачно представлены в виде гнезда в OALD:

deny (WORD FAMILY: deny verb / denial noun / undeniable adj.) (denies, denying, denied, denied)

Однако необходимо заметить, что в данном вопросе в словаре не наблюдается последовательность: не все слова получили такое наглядное описание.

В остальных случаях словоформы представлены в одной словарной статье (CALD) или вовсе не связаны друг с другом (MED).

Дефиниции варьируются по форме от синонима/антонима, словосочетания до предложения. Предложения видятся наиболее эффективным способом толкования слов, так как, во-первых, уже на этом этапе задается контекст, во-вторых, самого пользователя можно вписать в ситуацию общения, обратившись к нему напрямую:

OALD: a short period of time that you spend doing one particular activity that you enjoy, but often too much of it

CIDE: a short period of doing a particular, usually enjoyable, activity much more than is usual

MED: a short period that you spend doing only one activity, especially something enjoyable such as spending money or drinking alcohol

⁷ Петросян, И. В. Интернет-словари английского языка / И. В. Петросян // Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации : сборник научных трудов. – Вып 3. – М. : Центр. учеб. фильм, 2008. – С. 270.

LDOCE: a short period of time when you do a lot of one activity, especially spending money or drinking alcohol

CCD: a period of fun, extravagance or excess, especially one that involves spending a lot of money or drinking a lot of alcohol

Традиционно наиболее точно разграничиваются значения в LDOCE, но в разных случаях каждый из словарей предлагает какой-то особый, полезный для пользователя блок информации: прагматика, оттенок значения, семантическая сочетаемость, сфера употребления и т. д.

Понять до конца смысл слова невозможно без примера функционирования его в речи. В ряде случаев вербальная иллюстрация отсутствует (например, в CCD – в целом, а в других словарях – к наименее частотным словам). По форме она может быть словосочетанием или полным предложением. Наибольшее количество примеров наблюдается в LDOCE. Сложные слова и фразы в примерах перефразируются во всех словарях:

LDOCE: *Vets took precautions to prevent the spread of the disease.*

MED: *Doctors recommend taking precautions to protect your skin from the sun.*

OALD: *You must take all reasonable precautions to protect yourself and your family.*

CALD: *They failed to take the necessary precautions to avoid infection.*

В дефинициях и примерах можно наблюдать синтагматические связи слов. Но наибольшей обучающей ценностью обладают блоки лексической сочетаемости (OALD, LDOCE), в которых перечислен ряд коллокаций, рекомендуемых к изучению:

LDOCE: food COLLOCATIONS

hot/cold/spicy/fatty/starchy food

Italian/French/Chinese etc food

fresh food frozen food processed food canned food also tinned food British English, etc.

Неотъемлемой частью учебного словаря являются идиомы и фразовые глаголы, поскольку именно эти лексические единицы вызывают наибольшие сложности у изучающих английский язык. Идиомы размещены в самой словарной статье (OALD, LDOCE, MLD, CCD) и в отдельной словарной статье, в которую пользователь попадает, выбрав идиому в списке полученных результатов поиска по ключевому слову (CALD). Прагматический и синтагматический аспект описания идиомы не менее важен, чем оттенок значения:

put/stick your oar in BrE informal

OALD: to give your opinion, advice, etc, without being asked and when it is probably not wanted

CALD: to say or do something which annoys other people because they have not asked you to join their conversation or activity

CCD: to interfere or meddle in it, especially by offering one's opinion when it is not wanted

CCD выделяется из всего списка словарей тем, что включает справку о происхождении идиомы, что немаловажно для полного ее понимания – через историю, ассоциацию, мотивацию лучше про-

сматривается и запоминается внутренняя форма:

pull the wool over someone's eyes colloq to deceive them – probably referring to pulling someone's wig over their eyes when robbing them.

Стоит отдельно упомянуть место этимологии в CCD. Помимо развития кругозора пользователя, стремления разъяснить внутреннюю форму слов, составители словаря дают бесценную информацию лингвисту-исследователю, указывая век первого упоминания лексической единицы в письменных источниках, например:

steppe ETYMOLOGY: 17 c: from Russian step lowland.

Во всех вышеперечисленных информационных категориях в той или иной мере присутствует прагматическая информация, которая жизненно необходима, если пользователь хочет преуспеть в процессе коммуникации с носителями языка. На примере слов **man-eater** и **womanizer** можно проследить многоплановость подхода к данному виду информации:

LDOCE: a woman who people think is frightening because she has many sexual partners – used humorously (MED – offensive)

MED: a man who has sexual relationships with many women. This word shows that you do not approve of men like this. (CCD – derogatory)

В каждом словаре по-разному видится степень эмоционального воздействия слова на реципиента, но в MED-прескрипция наиболее эксплицитная и, как следствие, понятная.

Представление о мире изучаемого языка и его носителей было бы неполным без культурологической информации. Благодаря отдельному словарю биографий CCD дает исчерпывающую информацию о персоналиях (факты из жизни, достижения, цитаты). LDOCE в свою очередь предлагает лишь краткую справку, тогда как остальные словари вообще не содержат подобной информации.

Интерес к языку у студентов невозможно поддерживать только за счет строго дидактических методов и обилия «полезной» информации. Проанализированные словари предоставляют массу возможностей оживить процесс изучения языка. Наиболее оригинальным и творческим, на наш взгляд, является интерактивный словарь Gigglossary, в котором пользователи дают шуточные дефиниции привычным словам:

computer an electronic time-saving device that is commonly used for time-wasting activities (Warwick Annear)

bagpipes an instrument of torture used by the Scots against other nations (Andy Cole)

cat a partially domesticated animal who keeps you as a pet (Peter Allen)

Умение работать со справочными изданиями – часть профессиональной культуры переводчика. Словари в сети интернет позволяют изучать языковой материал в режиме онлайн, одновременно работать с несколькими словарями, не загромождая ими рабочее место, не листать страницы в мучительном поиске нужного слова. С другой стороны, конечно, печатные словари обладают большим объемом

и многообразием информации. У пользователя, привыкшего только к интернет-словарям, теряется культура общения с книгой. Несомненно, компьютерные программы, информационно-образовательные среды, автоматические словари или словари, составленные чисто «машинными» средствами, не могут послужить исчерпывающими средствами обучения из-за неготовности человека к работе с технологиями. Однако разумное сочетание традиционных и инновационных словарей в учебном процессе дает возможность решать комплекс дидактических задач в зависимости от вида деятельности, уровня владения языком и конкретной ситуации.

Литература

1. Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранным языкам и международной коммуникации : сборник статей II Междунар. научно-практ. конф. / отв. ред. А. Л. Назаренко. – М. : МГУ, 2006. – 345 с.
2. Информационно-коммуникационные технологии в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации : сборник научных трудов. – Вып 3. – М. : Центр. учеб. фильм, 2008. – 319 с.
3. Педагогические технологии дистанционного обучения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. С. Полат, М. В. Моисеева, А. Е. Петров и др. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 400 с.
4. Тюленев С. В. Теория перевода : учебное пособие / С. В. Тюленев. – М. : Гардарики, 2004. – 336 с.
5. Щерба, Л. В. Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики : учеб. пособие для студ. филол. фак. / Л. В. Щерба. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 160 с.
6. Cambridge Advanced Learner's Dictionary Online// dictionary.cambridge.org/
7. Chambers 21st Century Dictionary Online// www.chambersharrap.co.uk/
8. Longman Dictionary' of Contemporary English Online// www.ldoceonline.com/
9. Macmillan English Dictionary Online// [www.online, macmillandictionary.com/](http://www.online.macmillandictionary.com/)
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary Online www.oup.com/elt/catalogue/teachersites/oald7/

ФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЧАСТИЦ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Муминов Владимир Исмаилович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии СахГУ, автор около ста публикаций, в том числе монографий, учебных и учебно-методических пособий по историко-лингвистическим дисциплинам, современному русскому языку, стилистике художественного текста.

Если вы хотите начать разговор с незнакомым человеком, то вам вовсе не обязательно «выплескивать» свои эмоции, подойдут и нейтральные высказывания. Например: *Зима уже кончилась, а весна что-то не торопится; Говорят, что точно все подорожает... даже хлеб; Вы словно на коньках, не упадите; Магазин как будто закрыт?* и др. Но если вы желаете завязать более близкие отношения, то вам необходимо выяснить, что представляет собой этот человек, «свой» он или «чужой», каковы его интересы и т. д. Средством реализации таких отношений служит **фатическая функция**, целью которой является установление контакта (побуждение к речи, действию, привлечение внимания и др.).

Стремление к установлению контакта («контактная» направленность) в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» активно проявляется в **приветствиях** (– *Здравствуй, Ганька, подлец! <...> Что, не ждал <...>? [140]¹; <...> генерал Иволгин и князь Мышкин желали засвидетельствовать собственное свое уважение <...> [156]*);

в поздравлениях (*Поздравляю, вас, князь! <...> поздравьте меня с князем! [194]*);

в просьбах (– *Князь, пожалейте этого... несчастного; не прогоняйте его сегодня [464]; <...> продолжай, продолжай, только не задыхайся <...> [572]*);

в начальных фразах диалогов и полилогов (– *Рогожиных знаете? – быстро спросил черномазый. – Нет, не знаю, совсем <...> Это вы-то Рогожин? – Да, я, Рогожин Парфен [34]; – Неужели вы ее любили до этого? – Любил вначале <...> – А не стыдно тебе потом будет, что твоя невеста чуть с Рогожиным не уехала? – Это вы в лихорадке были, вы и теперь в лихорадке, как в бреду. – И не постыдишься, когда потом тебе скажут <...> – Нет, не постыжусь... <...> – И никогда не попрекнешь? – Не попрекну. – Ну, смотри, за всю жизнь*

не ручайся! [195]); **в обращениях** (– *Послушай, Ганя, ты, пожалуйста, сегодня ей много не противоречь <...> Слушай, Гаврила Ардалионович, кстати, очень даже кстати будет тебе сказать: из-за чего мы хлопочем? [57]*);

в приглашениях (– *Приходи ко мне, князь <...> одену тебя <...> и... поедем к Настасье Филипповне! [38]; Его превосходительство просят вас пожаловать к ее превосходительству <...> [62]*);

в умении вести светскую беседу (<...> – *Я вам, господа, скажу факт <...> факт, наблюдение и даже открытие которого я имею честь приписывать себе, и даже одному себе; по крайней мере, об этом не было еще нигде сказано или написано. В факте этом выражается вся сущность русского либерализма того рода, о котором я говорю. Во-первых, что же и есть либерализм, если говорить вообще, как не нападение (разумное или ошибочное – это другой вопрос) на существующие порядки вещей? Ведь так? [35]*).

Фатическая функция находит свое яркое выражение в активности «контактирующих» частиц, которые выполняют в речевом акте определенную роль: сигнализируют о реакции адресата на сообщение, участвуют в выражении отношения на полученную информацию, способствуют отделению данной (известной) информации (темы) от новой (неизвестной, ремы), помогают устанавливать и поддерживать контакт и т. д. Например: – *Не понимаю, а как посмели почти все уйти? – А я как будто знаю? Наверно <...> им стало что-то не по себе, как-то неловко, даже жутко.*

В первой реплике говорящий, вызывая на контакт (разговор, побуждение к ответу) собеседника (частица «а»), выражает удивление, негодование (частица «как») по поводу близкого осуществления признака, значимого для субъекта оценки (частица «почти»). Вторая реплика начинается с ответной реакции на сообщение (установление

¹ Здесь и далее цитируется по книге: Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1981. – 638 с.

и поддержание контакта осуществляется с помощью частицы «а»), выражении недоумения («а я знаю?») по поводу вопроса (у спрашивающего, видимо, возникло «кажущееся» мнение, что его собеседник что-то знает или может что-то знать), поэтому собеседник пытается убедить в обратном, «снять кажимость», акцентировать внимание на том, что «я не могу знать – я могу только предполагать» (частица «как будто»), ввода новой информации (нового высказывания), поскольку требуется конкретизация: «не знаю» – «могу предположить» – «надо узнать» (частицы участвуют в отделе́нии темы от ремы: **А я – как будто** знаю). С помощью частиц говорящий выражает оценку ситуации («**просто**» стало не интересно – **плохо** по сравнению с предыдущей), внутреннего состояния («неопределенно» плохого, неловкого – **что-то, как-то**, максимально предельного, крайне плохого – «**даже**»).

Рассмотрим специфику проявления фатической функции частиц в «инициальных» и «ответных» репликах.

1. Побуждение к контакту (ответу)

1. Контактующие (контактно-устанавливающие) частицы в вопросах. Основное свойство таких частиц – побуждение к ответу. Вместе с тем у каждой частицы в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» проявляются отдельные частные (специфические) особенности, обусловленные иллокутивной разновидностью конкретного речевого акта. Например: **а) говорящий выражает опасение в связи с возможностью проявления нежелательной ситуации** (Что же вы над собой делаете? <...> вы женитесь с какого-то страху? **Даже** и не любя, может быть? [607]; <...> есть ли, и на сколько **именно** во всем этом деле есть странного? [544]; – **Послушайте**, Аглая, <...> мне кажется, вы за меня очень боитесь <...> – За вас? <...> отчего мне бояться за вас, **хоть бы** вы... **хоть бы** вы совсем осрамились? [546] (говорящий выражает опасение в связи с возможностью проявления нежелательной ситуации (ретардация), но старается скрыть это). **Что ж, если бы мороз?** [30]; – <...> Никаких векселей у Евгения Павловича **тут** и быть не могло! <...> То есть не дошел ли **хоть** до вас каким-нибудь чудом слух? [328]; <...> **Что если** это не Рогожин, а **только** видение? [434]; Ты **вот**, я замечаю, Лев Николаевич, дрожишь <...> **почти** так, как когда с тобой бывает твое расстройство <...> [630]); **б) говорящий выражает необходимость, особую важность конкретизации** («не знаю» – «надо знать»), пояснения, подтверждения истинности своего суждения (– У вас деньги есть? <...> – Немного. – Сколько **именно**? [120]; – <...> **вот** Бурдовский искренно хочет защитить свою мать, **не правда ли?** <...> Вы ненавидите все Бурдовского <...> **ведь так? так?** [318]; – Не лучше ли в Петербурге и **даже** на дому? [609]; – С вами можно говорить о чем-нибудь серьезно! **Хоть** раз в жизни? <...> [545]; – **Да** вы **точно** князь Мышкин [43]; – ... знаете за собой таланты, способности, **хоть бы** некоторые, то есть из тех, которые на-

сущенный хлеб дают? [52] (данный факт приводится в качестве примера, который не продумывался заранее, а пришел на память в процессе речи); – <...> **а все-таки** ведь вам тяжело будет, **не правда ли?** [613]); **в) говорящий отмечает объект, признак как необычный, неожиданный** (– <...> Я знаю, что вы меня не любите. – **Как!** **Даже** после вчерашнего? [407]; – Кто, кто сей аноним, позвольте спросить? – **Неужто** вы? [549]; – **Да-с, точно** ведь и не тот самый человек лежит в гробу-то-с <...> [609]; – **Так** вы **еще** и родственники? [44]; <...> почему с сестрами **чуть** не перессорилась, **даже** с Александрой <...> [355]; – **Как все равно** и ничего? Не пустяки же **ведь** и это? <...> так как же **все равно?** [606]; – **Неужели** у вас нет **хоть** Погодинского издания, генерал? [58]); **г) говорящий выражает предположение, сомнение, уверенность в обратном** (У вас **как будто** маленькая лихорадка? [169]; Это хаос, безобразие, этого во сне не увидишь! **Да неужто** их много таких? [309]; <...> – А у вас **разве** были изумруды? [333]; – **Ведь вот** вы все-таки женитесь? <...> [606]; – Лебедев, вы **как будто** за что-то сердитесь? <...> [509]; – **Что, не такая, что ли?** [234]; – **Не правда ли**, что он **во все не** такой... больной? [79]; – <...> **что же**, вы лечили? [31]; – **Что ж**, некому платить, **что ли** было? [31]; – А **впрочем**, я может быть, скучно начал? Вы **как будто**... [51]; А что, **не** занять ли у него в конце концов, после исповеди-то денег? [335]; Но **ведь не** для одного же питья <...> я связался с ним [516]; <...> **разве** можно сомневаться **хоть** сколько-нибудь? **То есть** **даже** **хоть** сколько-нибудь!! [562]; <...> он ли **именно** виноват и в этой новой чудовищности, или **только**... [327]; <...> **разве** вы **еще** не узнали? <...> [328]); **д) говорящий выражает негативные эмоции** (**Как** смели вы тогда мне любовное письмо прислать? [456]; – **Да** за что же, черт возьми! <...> о чем вы **именно** там говорили? [114]; – С ним-то? **Да** **разве** это можно? <...> [141]); **е) говорящий выражает просьбу, пожелание или предложение** (<...> **совершенно ли** должен я перестать на вас рассчитывать и уж не отправиться ли мне одному? [157]; Купить **разве**, пукетами и цветами всю обложить? [632]); **ж) говорящий выражает затруднение в характеристике, потому что не уверен в ней и не понимает причины существования именно такого признака** (– Вы **что-то** улыбаетесь, князь? [220]; – **Да** и **как бы** я мог заложить в шкафчик, истинноуважаемый князь? [468]; Но **ведь** вы меня подвергаете... [347]).

2. «Контактирующие» (контактно-устанавливающие) частицы в невопросительных речевых актах: **а) выражают нереальность, гипотетичность, кажимость признака** (Вы, князь, сейчас о секретах заговорили-с, **будто бы**, то есть, я приближаюсь, **точно** секрет сообщать желаю <...> [265]; **То-то** мне **как будто** его глаза показались <...> **да что ж**... зачем он? [609]); **б) выражают проявление внутренней убежденности субъекта речи в чем-либо** (**Разве** вы такая, какую теперь представлялись <...> [144]; <...> – **И вот**, видишь,

до чего ты теперь дошел! <...> Значит, **все-таки** не пропил своих благородных чувств <...> [271]; **Да и не все ли равно**, что во сне, что наяву! [369]); **в)** служат для привлечения внимания адресата: **1)** к просьбе (*Не лучше ли, однако, не вслух <...> я бы прочел один... после* [286]; – *Ну-ну-ну! Ну, не плачь же, ну, довольно, ты добрый мальчик, тебя бог простит, по невежеству твоему; ну, довольно, будь мужественен...* [322–323]; *Да, садись же подле меня, князь <...> вот так, а вот и вино несут, поздравьте же <...>* [194]); **2)** к ситуации или объекту ситуации (*Так вот ты как!* [341]; *Ведь вот Иван-то Петрович покойному <...> родственник... ты ведь искал, кажется, родственников-то...* [560]; – *Что же, кричит? – Куды!* [46]; *Да ведь этого быть не могло!* [328]; *Слышал, что хотят даже шаривари устроить <...>* [610]); **3)** к высказыванию (– <...> **Что ж, если бы мороз?** <...> – *Фью! Эк ведь вас!* [30]; *Что же с душой в эту минуту делается <...>? Вот я уж месяц назад это видел, а до сих пор у меня как пред глазами* [46]; – <...> **вы ли, вы ли это <...> вы, такая деликатная <...> и вот! Какой язык! Какой слог! [190]); **г)** с помощью частиц говорящий выражает сожаление по поводу невозможности проявления желаемой ситуации (– **Что, если бы не умирать! Что если бы воротить жизнь, – какая беспечность!** [88]; *Да так, бывало, размечтаешься <...>* [198]; – **Не кланись, не верю! Да и как глупо-то было бы!**.. Нет, лучше простимся по-доброму, а то **ведь** я и сама мечтательница, проку **бы не было!** **Разве** я сама о тебе не мечтала <...> [198]); **д)** с помощью контактно-устанавливающих частиц говорящий выражает определенные эмоции (негодование, восхищение, радость и др.): *И как он мог мне завидовать и клеветать на меня <...>* [95]; <...> **все авантюристы! И именно у нас в России <...>** [161]; **Но ведь это уж невыносимо!** [299]; – *Он говорил, что этот **вот** кривляка, твой-то хозяин... тому господину статью поправляя, **вот** что давеча на твой счет прочитали* [315]; **Что за милый он человек, Аглая!** [367]; **Неужели ж Аглая прельстилась на такого уродика!** [355]; *Я даже не ожидал... после всего, после всех дружеских сношений* [325]; **Ну как, ну как это можно!** [325]; – *О, какой же вы маленький ребенок, Лизавета Прокофьевна!* [346]; *И представьте, эта низость **почти** всем им понравилась <...>* [97]; **е)** «контактирующие» частицы выражают побуждение адресата к сообщению или к действию (*Да уведите **хоть вы** его как-нибудь!* [136]; – <...> **это... это великий человек-с; вы не верите? Ну, **вот** увидите... [264]; *Пусть **просто-напросто** он увидит <...>* [514]); **ж)** с помощью частиц говорящий выражает сомнение, отрицание в возможности или реальности чего-либо (– **Да и куда тебе жениться <...>** [191]; – **Только неужели же она могла заинтересоваться тобой?** [343]); **з)** с помощью частиц говорящий выражает уверенность в обратном (<...> **отчего же он так раздавлен <...> **Точно не** ожидал** [256]; – **Ну вот, точно вы теперь меня и не понимаете!** [511]); **и)** с помощью частиц говорящий выражает непонимание****

причины существования именно такого признака (*Вы **что-то** очень часто извергом его называете <...>* [265]; – *Да что же вы, наконец, опять **выходите из себя, господи!** **Ведь, наконец, мы совершенно не будем понимать друг друга!*** [300]).

II. Поддержание контакта

1. «Контактирующие» частицы, реагируя на «сигнал»: **а)** вводят реплику, в которой выражено возражение, несогласие (– <...> **только** все русские силы даром к себе переводят! – *О, как вы в моем случае ошибаетесь! <...> мой доктор <...> два **почти** года там на свой счет содержал* [31]; – *Да ведь не знаешь! <...> – **Ан и знаю!** <...>* [36]; – *Да как же, как же, как же вы не передали <...> – Извините <...> мне **тотчас же** удалось передать вашу записку, в ту же минуту, как вы дали, и **точно так**, как вы просили* [112]; <...> – **Ни** в одном глазу! *Так разве, рюмки три-четыре, ну пять **каких-нибудь** есть, да это уж **что ж** – дисциплина* [217]; – *Как жаль, что вы немного выпили <...> – **Ни-ни-ни, ни** в одном глазу!* [225]); **б)** вводят реплику, в которой выражено согласие, утверждение (– *И за границы, **что ль?** – Да, из Швейцарии* [30]; – *Не вы ли <...> изволили с год назад <...> прислать письмо <...> к Елизавете Прокофьевне? – **Точно так*** [48]; – <...> **так вы такую-то красоту цените?** <...> – *Да... такую... – То есть **именно** такую?* – **Именно** такую [107]; – *Разве вы такая, какую теперь представлялись <...> – Я **ведь** и в самом деле не такая <...>* [145]); **в)** вводят реплику – отрицание (– <...> **что же, вылечили?** <...> – **Нет, не вылечили** [31]; – *Да вы что же, у нас жить, **что ли, намерены?** <...> – **Нет, не** думаю. **Даже если б и пригласили <...>** [44]; – *Зачем в Павловске, да **еще** в дачный модный сезон, зачем так публично? Не лучше ли в Петербурге и **даже** на дому?* [609]); **г)** вводят реплику, в которой содержится дополнительное разъяснение (– *Рогожиных знаете? <...> – **Нет, не** знаю. Я **ведь** в России очень мало кого знаю. Это вы-**то** Рогожин?* [34]; *Я **ведь** потому что <...> может быть, **даже** родственник <...> Я **даже** подумал, что тебе несколько интересно будет, так как **все-таки** из нашей фамилии* [77]; – *Мало она меня срамила. – Как срамила? Что ты? – **Точно не** знает! **Да ведь вот** с тобою же она от меня бежала <...>* [233]); **д)** вводят реплику, передающую различные эмоциональные отношения к лицу, предмету, ситуации и др. (радость, восхищение, удивление, неодобрение, разочарование, возмущение, гнев, подозрение и др.): – *Я **ведь** не отказываюсь <...> – **Еще бы ты-то** отказывался!* <...> [54]; – <...> *Но почему я знал, что ты сегодня приедешь? – <...> **Да хоть бы** и знал <...> из-за чего же так раздражаться? <...> – Да ты к чему спрашиваешь-**то?** – Давеча <...> я увидел пару совершенно таких же глаз <...> – **Вона! Чьи же были глаза-то?*** [230]; – <...> *Он очень изменился и... гораздо к лучшему <...> – Что **именно** тебе кажется лучшим? [272]; – <...> **Хоть** для дочерей-**то** позаботились бы? <...> **Да неужто** их много таких? <...> А **точно** того и не знает, что этот идиот завтра же к ним опять**

потащится <...> **Ведь** пойдешь? [310]; – К чему приведет вас кредит? – **Эк ведь** у вас любопытство-то! [397]; е) передают отношение к сообщению адресанта – при повторах или в качестве самостоятельных высказываний (– <...> все это не то, а совершенно, совершенно другое! – Как совершенно другое? **Ведь вот все-таки** женитесь? <...> – Ну, да... женюсь; да, женюсь! – Так как же не то? – О нет, не то, не то! Это, это **все равно**, что я женюсь, это ничего! – Как **все равно** и ничего? **Не** пустяки же **ведь** это? Вы женитесь <...> Аглая Ивановна это видит и знает, так как же **все равно**? <...> – Я так **только просто** женюсь <...> **Ну, да это все равно!** [606]); ж) вводят реплику, в которой выражено сходство или противоположность (– А я **вот** ничему не обучался. – **Да ведь** и я так, кой-чему **только** [33]; – **Не** делает ли жестов? – **Напротив, даже** очень мило воспитан <...> [78]; – <...> Мне это **вовсе не** понравилось, и я после того немного болен был <...> Там очень не любят, когда женщины ходят смотреть, **даже** в газетах потом пишут об этих женщинах [90]; – А хороша она, князь, хороша? – **Чрезвычайно!** <...> **почти** как Настасья Филипповна <...> [104]); з) вводят реплику, в которой выражено предположение, кажимость, неуверенность, сомнение, неопределенность (<...> – **Не** знаю, как вам сказать <...> **только** мне показалось, что в нем много <...> какой-то большой страсти. Да он и сам **совсем как будто** больной [57]; – Вы не сердитесь на меня за что-нибудь? <...> – За что? – **Да вот**, что я все **как будто** учу... [89]; – Я вас на руках носил. – **Неужели?** <...> [121]; – Правда, Катя, впусти их всех **точас же**. – **Неужто...** всех-с, Настасья Филипповна? <...> **Вон уж** как шумят, **точно** давеча... [183]); и) вводят реплики, в которых выражена уступка (– <...> **Хоть** он и съел их **не** вдруг, что очевидно, а, может быть, в пятнадцать или двадцать лет, что уже **совершенно** понятно и натурально <...> но я **все-таки** не оспариваю, что количество съеденных яиц оказалось **чрезвычайное, даже** до невоздержности [400]; – <...> **Вытъем, пожалуй; только** вам **бы** успокоиться, Ипполит, а?.. [355]).

Выделяя данные употребления частиц в репликах-побуждениях и в репликах-реакциях, мы можем утверждать, что этим не исчерпываются их частные индивидуальные особенности. Стилистический эффект, создаваемый при помощи частиц, обусловлен высокой степенью мастерства автора, определенными стилистическими намерениями, отношением субъекта речи к предмету или ситуации и др.

Продуктивным способом реализации фатической функции в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» являются разные типы повторов: эпизодов, монологов, диалогов, синтаксических конструкций, слов, как знаменательных, так и служебных, которые участвуют в проявлении и других функций (эмоциональной, ретардационной, акцентирующей и др.). Очень часто повторяются частицы. Например: **Вот тот-то вот и есть** [43]; **Вот**

когда объявляют приговор <...> **вот тут ужасно!** [46]; **Ведь вот...** Иван-то Петрович покойному Николаю Андреевичу Павлицеву родственник... Ты **ведь** искал, кажется, родственников-то... [560]; <...> Настасья Филипповна **будто бы** в высшей степени знает <...> В его душе **будто бы** странно сошлись страсть и ненависть <...> Он **будто бы** сам выразился <...> **будто бы** Иван Федорович <...> соблазнился сам <...> Но так **будто бы**, до такой **будто бы** степени, что тот каприз **почти** походил на страсть [75–76].

Контексты, насыщенные повторяющимися частицами (практически всеми типами представленны повторы), отличаются особой «ударностью», «контактностью», позволяют заинтересовать собеседника, заострить его внимание, вызвать ответную реакцию, что является в свою очередь предпосылкой к началу (возобновлению) и продолжению разговора.

Каждая реплика не ограничивается просто только набором слов, передающих конкретную информацию, поскольку имеет определенные средства для связи высказываний внутри смежной пары, выражения различных эмоциональных, оценочных и других отношений, убеждения собеседника в своей заинтересованности и т. д. Участие в них частиц сигнализирует о том, что она (реплика) принадлежит определенному целому, «вырвана из контекста», поэтому одно без другого невозможно, а контакт неизбежен, поскольку частицы (как специальные маркеры реплик) провоцируют собеседника на скорейшую ответную реакцию. «Говорящий-инициатор как бы имитирует ситуацию возобновления» [Воейкова, 2000, с. 283], даже если до этого никакой коммуникации не было.

Частицы отмечают привязанность реплик к конкретной ситуации коммуникации, тем самым говорящий призывает собеседника к контакту: прокрутив в памяти предшествующую информацию (сигнал), отреагировать соответствующим образом (ответ). Повторы в контекстах неизбежны, поскольку они выполняют разнообразные связующие функции, сигнализируя о включенности собеседника в контакт и о том, что его внимание все еще сосредоточено на репликах партнера. Повторы дают возможность собеседнику обдумать содержательную часть ответа. Наличие таких повторов связано с соотношением данной и новой информации, что является важным стимулом к налаживанию контакта. Несогласие с ответом-предположением (сомнением, «кажимостью» и др.) вынуждает собеседников к развернутым формулировкам (более тесному контакту). Говорящий-инициатор пытается снять языковой конфликт, установить смежность реплик и таким образом добиться установления контакта.

Если между репликами отсутствует смысловая и грамматическая связь, это воспринимается как попытка одного из собеседников уклониться от продолжения разговора (контакта), как сигнал к перемене темы. Например: – <...> он так у меня **расчеркнулся старинным почерком: «игумен Паф-**

нутий руку приложил...» <...> – Да постоитте, постоитте, куда вы, и какой там Пафнутий? <...> – Да, да, друг мой, это такой в старину был игумен... а я к графу, ждет, давно, и главное, сам на значил... [78]; – <...> так вы такую-то красоту цените? <...> – Да... такую <...> – То есть именно такую? – Именно такую <...> [107].

Таким образом, без определенной коммуникативной задачи, цели установления контакта, диалог между говорящим-инициатором и говорящим-репликатором невозможен. Способность одновременно устанавливать контакт с собеседником, связывать высказывание с предыдущим, выражать конкретные чувства или их комплекс, усиливая тем самым воздействие на собеседника, побуждая его к ответной реакции, определяет сложную специфику стилистических функций (в частности, фатической). Увидеть эту специфику, динамику можно в конкретном продукте речевой деятельности – высказывании («репликах-стимулах», «репликах-реакциях») [Стародумова, 2002, с. 46], в «инициальных» и «ответных» репликах

[Рахилина, 1996, с. 27–52; с. 118–127], поскольку здесь отражаются взаимоотношения говорящего и слушающего, контекста и речевой ситуации, ярко проявляется фатическая функция.

Литература

1. Воейкова, М. Д. Вариативность морфологических характеристик предиката в вопросно-ответных единствах (на материале русского языка) / М. Д. Воейкова // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – М.: Наука, 2000. – 352 с.
2. Достоевский, Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – М.: Правда, 1981. – 638 с.
3. Рахилина, Е. В. Локативность и вопрос / Е. В. Рахилина // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. – СПб., 1996. – С. 27–52 ; 118–127.
4. Стародумова, Е. А. Частицы русского языка (разноаспектное описание) / Е. А. Стародумова. – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 292 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ РЕКЛАМЫ КАК ИНФОРМАЦИОННОГО СООБЩЕНИЯ

Ушакова Галина Дмитриевна – кандидат педагогических наук, доцент, ученый секретарь СахГУ. В 1991 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук в МПГУ. Автор более 40 научных работ, составитель и редактор более 20 научных сборников. Сфера научных интересов: коммуникативная журналистика.

Пинкина Ольга Сергеевна – окончила СахГУ по специальности «Журналистика» в 2009 году. В настоящее время работает в должности специалиста по менеджменту качества образования в ЮСПК СахГУ. Сфера научных интересов: реклама как информационный продукт; телевизионная журналистика: информационное вещание.

При всем своем немалом соответствии информационному сообщению рекламный ролик не выглядит в глазах зрителя таковым. Он не перестает от этого быть информационным, но теряет самое важное – информационную значимость для главного его потребителя. Вот здесь и возникает проблема восприятия рекламы как информационного сообщения. И, как любая другая, она имеет определенные причины, приведшие к ее возникновению. В статье рассматриваются психологические причины¹ этого явления, то есть причины, которые объясняются законами человеческой психики. Рассмотрим некоторые из них, попутно предлагая рекомендации по устранению причин, не позволяющих воспринимать рекламу как источник достоверной и нужной информации.

I. В силу того, что процесс восприятия по своей природе является процессом активным, следовательно, он требует от источника обеспечения действия на анализаторы по нескольким направлениям. В случае же с восприятием рекламы из-за отсутствия интереса к отображаемой в ней информации комплексное ее восприятие затрудняется тем, что исключается как минимум один анализатор. Результаты проведенного опроса потенциальных потребителей рекламы подтвердили данное утверждение: из 100 опрошенных человек всего лишь 26 смотрят рекламу. Остальные делятся в основном

на две категории: 1) те, кто уходят в другую комнату; 2) те, кто переключают на другой канал. Вторая категория исключает полностью возможность восприятия рекламных сообщений, поскольку ликвидирует источник, а вот первая категория ограничивает доступ только зрительной информации, то есть исключает воздействие на зрительный анализатор. Таким образом, информация воспринимается лишь на слух. Есть еще один способ «борьбы с рекламой», используемый зрителями в 60 % случаев: они выключают звук, тем самым исключая возможность воздействовать на слух (см. рис. 1). Таким образом, в результате нарушения контакта с каким-либо анализатором объект воспринимается неполно, нарушается целостность восприятия.

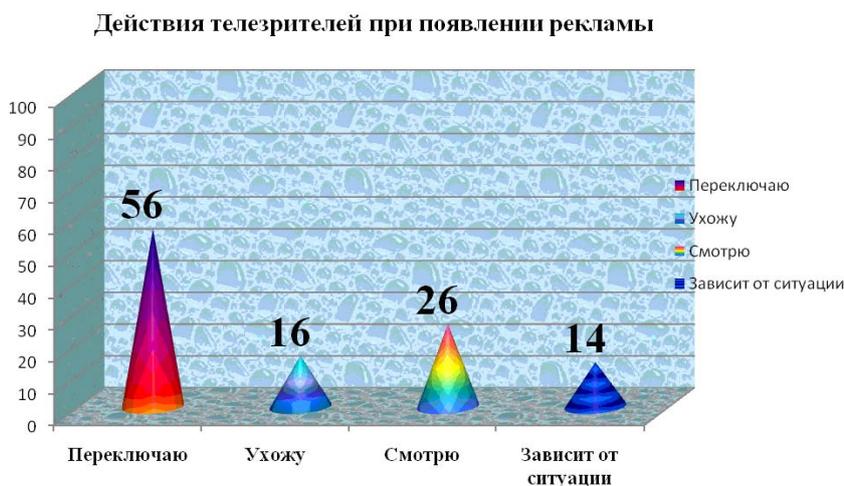

Рис. 1. Действия телезрителей при появлении рекламы

¹ Авторы выделяют также причины, возникающие вследствие нарушения закона «О рекламе», причины этического характера и иные.

На наш взгляд, способом решения этой составляющей проблемы может стать использование в создании рекламы принципа, которому подчиняется один из информационных жанров журналистики – заметка. Это принцип перевернутой пирамиды, когда самая главная и значимая информация помещается в начале сообщения, а дальше текст (факты, детали) располагается по убыванию (по значимости). Таким образом, рекламное сообщение сможет «зацепить» зрителя и дальше уже не отпустит, потому как первоначальный интерес будет наиболее сильным. Например, в рекламе банка «ВТБ-24» знаменитая актриса говорит такую фразу: *«На сцене драматически напряженные, сложные роли отнимают все мои силы и эмоции. В жизни тоже не все просто, мне помогает “ВТБ-24”»*. Это предисловие не несет под собой никакой значимой для зрителя информации, поэтому интерес с легкостью может быть потерян. Видеоряд также не подкреплен информацией, которая смогла бы удержать зрителя у экрана. Если же изменить это сообщение согласно закону перевернутой пирамиды, то оно выглядело бы примерно так: *«Надежный банк “ВТБ-24” помогает мне справиться с жизненными трудностями и не думать о них, занимаясь любимым делом. На сцене у меня сложные, драматически напряженные роли, но в жизни я спокойна, потому что есть “ВТБ-24”. “ВТБ-24” – высокий процент надежности»*. Зритель сразу слышит о надежности банка (главной его характеристике, особенно в настоящее время), его название, что является главной информацией в приведенном сообщении.

Продлить интерес к рекламе можно также с помощью использования юмора. Такая реклама долго не надоеет, поскольку отношение ко всему юмористическому у зрителей наиболее положительное. Если текст и видеоряд будут с интригой, обязательно захочется дослушать, а если просмотр оказался не полным, то в следующий раз непременно возникнет желание увидеть ролик целиком или даже просмотреть весь блок, стремясь встретить именно его. Подобно тому, как в журналистике используется ирония для воздействия на эмоции зрителя, в рекламе будет использоваться юмор.

Далее, в ситуации, когда просмотр сообщения был не с начала, возможно, станет положительным решением написание текста таким образом, чтобы при его целостности присутствовал эффект перво-включения. Так, чтобы восстановленный контакт позволил без особого труда понять суть излагаемой информации. Например, в рекламе средств от простуды на губах текст следующего порядка: *«Покалывание на губах. “Фенистил кальцевир” от простуды на губах препятствует развитию вируса. Теперь ваше отражение – предмет восхищения. “Фенистил кальцевир” – трогательная забота “Фенистил”»*. Если мы начнем просмотр со слов: *«...препятствует развитию вируса, теперь ваше отражение – предмет восхищения. “Фенистил кальцевир” – трогательная забота “Фенистил”»*, то предназначение этого препарата будет непо-

нятным. Мы предлагаем изменить текст таким образом: *«“Фенистил кальцевир” от простуды на губах препятствует развитию вируса. Теперь ваши губы – предмет восхищения. “Фенистил кальцевир” – нежная забота о здоровье ваших губ “Фенистил”»*.

II. Еще одна составляющая, позволяющая процессу восприятия быть активным, – обращение к прежнему опыту, к той информации, которая была получена ранее. Во-первых, самая главная причина, затрудняющая восприятие, – это стереотипное отношение к рекламе как явлению негативному и совершенно бесполезному. К сожалению, что такое отношение сложилось у большинства членов общества. Главным эффектом такого восприятия рекламы в целом является желание отстраниться от подобного явления. Ситуация довольно сложная, поскольку искоренить у всего общества эту стереотипность в один момент не под силу ни одному человеку. Но, по нашему мнению, меняя некоторые моменты в рекламном производстве, можно постепенно переменить эту позицию на более позитивный настрой. Для решения этой задачи требуется целый комплекс мер:

1) Необходимо повысить уровень качества рекламного продукта, а именно: отказаться от агрессии, негатива, смягчить рекламу. Сформировать у зрителя впечатление заботы о нем, когда рекламодатель становится добрым другом, который даст совет, способный помочь в решении возникшей проблемы. Примерно так, как это сделано в ролике, который рассматривался ранее, о мази «Фенистил». В нем использовались слова: *«трогательная забота – “Фенистил”»*. Это открытая форма выражения заботы о будущем потребителя, ведь в период переживания какого-либо заболевания человек нуждается в особой моральной поддержке.

Рекламодатель должен на первый план выдвинуть цель не побудить к покупке, а желание помочь каждому зрителю в его повседневной жизни решать те или иные проблемы. И очень важно тонко намекнуть об этих проблемах, а не бить обухом по голове, и предложить свое решение данной проблемы. Тогда побуждение к покупке будет более эффективным и незаметным для зрителя.

2) Рекламные блоки, по нашему мнению, следует формировать таким образом, чтобы между однородными рекламными сюжетами был намечен интервал, который позволит отвлечься от данной проблемы. Это необходимо для того, чтобы у зрителя не возникало ощущения навязывания той или иной проблемы и, более того, тех средств, которые могут ее решить. Мы глубоко убеждены, что нельзя все время твердить о том, что отстирать пятна можно только с помощью средства N, средства X и т. д., у человека возникнет желание назло купить тот самый «обыкновенный порошок», который ругает реклама. Более того, у телезрителя может возникнуть желание просто отстраниться от навязываемой проблемы. Недопустимо помещать в одном рекламном блоке рекламу товара одного типа, тем более идущую друг за другом. На наш взгляд, сле-

дует увеличить интервал от трех до пяти рекламных блоков. В таком случае, если зритель смотрит на протяжении нескольких часов одну передачу (фильм), то у него не возникнет ощущения психологической атаки той или иной проблемой.

3) Кроме того, данная характеристика (обращение к прежнему опыту) особенно важна для рекламных роликов, носящих сериальный характер. Чтобы реклама была воспринята должным образом, на протяжении всей кампании стоит подготовить первичный сюжет в такой форме и с таким финалом, который требует продолжения. При этом очень важно не создавать эффект дешевого сериала, когда из серии в серию обыгрывается одна и та же ситуация, но с разными героями. В данной ситуации, мы считаем, целесообразно прибегнуть к журналистскому опыту. В нашем исследовании мы уже говорили о том, что одну и ту же новость на одном и том же канале озвучивают несколько раз. Она время от времени дополняется новыми подробностями, вновь появившимися фактами. Так и в рекламе следует использовать знания об особенностях восприятия, требующей наличия прежнего опыта. Зритель должен без особого труда обращаться к уже имеющимся знаниям, изложенным в прежних роликах.

Таким образом, задача рекламодателя в каждой новой серии рекламного продукта тонко и четко напомнить о прежних характеристиках и дополнить новыми сведениями о рекламируемом. Так информация воспринимается гораздо легче и не будет необходимости каждый раз повторять одно и то же. Новая информация, как мы все знаем, всегда воспринимается с большим интересом, как журналистское произведение.

Примером несоответствия данному требованию рекламы может послужить ролик про стиральный порошок «Tide», когда телеведущий Тишко приходил в дома простых хозяек, задавая вопрос: «Вы все еще кипятите, тогда мы идем к вам!». Из серии в серию меняются лишь героини, сам ролик не насыщается новой информацией. А ведь стоило использовать весь арсенал недостатков мыла, отбеливателей и простых порошков; упомянуть о затратности драгоценного времени на перестирывание; о непрактичности и финансовых затратах при использовании нескольких средств и прочее.

III. Тесная связь восприятия с эмоциональным откликом (эмоциональной реакцией) порождает очень сложный барьер для процесса восприятия, поскольку эмоции являются очень сильным психологическим оружием. Зачастую рекламный ролик пробуждает у зрителя негативные эмоции, и причиной тому, как правило, становится не то, что реклама слишком часто повторяется и крайне надоедает, а ее раздражающее действие на психику. Это может быть излишний негатив, который вызывает у зрителя отрицательные эмоции. Перечислим наиболее часто встречающиеся ошибки, из-за которых возникает данная проблема:

- неестественная игра героев рекламы;

- раздражающий голос главного героя или ведущего;

- неприятная музыка (зачастую молодежная музыка неприемлема для людей более старшего поколения и действует на них раздражающе);

- текст, похожий на обращение к первокласснику (у зрителя возникает ощущение, что его держат за недалекого) и пр.

Приведем еще одну причину, которая имеет скорее этический, чем психологический характер. Не так давно на экранах появились ролики, в которых рекламируются лекарства от молочницы. Во фразах типа «Надолго забудешь о молочнице» присутствует коммуникативное намерение убедить зрителя, что молочница есть всегда, она «уходит и приходит». На самом деле это не так. И это раздражает женщин. Мужчин же раздражает та неловкость, которая возникает при, например, просмотре ролика: надо делать вид, что ты не услышал рекламу и не знаешь о женских проблемах.

Для сведения на «нет» этого отрицательного качества рекламы следует более тонко и серьезно продумывать всю режиссуру и текстовку роликов. Мы считаем, что рекламщикам нужно подходить к созданию рекламного продукта как к подготовке сюжетов для новостного выпуска, где весьма важными характеристиками является наличие хорошо подготовленного, тщательно отобранного видеоряда с соответствующим текстовым оформлением. Самое главное – создать такое произведение, которое будет мягко воздействовать на психику зрителя. Учитывая условия, в которых человек получает рекламную информацию (на работе, в компании он может держать негативные эмоции в себе, а дома все накопленное выплескивается в раз), стоит сгладить возможные острые углы. Например, в рекламе порошка «Vanish» использованы, на наш взгляд, слишком эмоциональные голоса и неправдоподобная игра актеров. Как нам кажется, маме, которая у себя на кофте обнаружила пятно, не стоило так звонко кричать, можно было просто изобразить досаду, расстройство. Ведь это всего лишь кофта, вещь, в реальной жизни никто с таким ужасом не будет реагировать на появление пятна на одежде.

IV. Еще одна причина, по которой рекламное сообщение не воспринимается как информационное, – это неравномерное воздействие на полушария головного мозга человека. Как говорилось ранее, в процессе восприятия активно участвуют оба полушария головного мозга. Известно, что одно из них отвечает за творческие возможности человека, а другое – за гуманитарные. «Левая половина мозга отвечает за логические операции, счет, установление последовательностей, тогда как правое полушарие контролирует инициативу и творчество. Правое полушарие делает все сразу, целостно, ищет и устанавливает связь инстинктивно, интуитивно, предпочитает образы, помогает нам в понимании метафор и в восприятии юмора. А на чем же основана интуиция правого полушария? Часто на фактах, проанализированных левым по-

лушарием»². Реклама же своей излишне вычурной композицией нивелирует информационную сторону, возникает нехватка материала для обработки в левом полушарии. Из-за этого мы воспринимаем ее больше как художественное произведение, а не информационное сообщение.

Во избежание такой сложности предлагается при создании рекламного сюжета не нагружать его сложными композиционными приемами, например, как в рекламе дезодоранта «Rexona», когда девушка попадает в автобус какими-то невероятными способами (используется эффект художественного кино). Нужно помнить, что женщины, которые будут пользоваться этим дезодорантом, не скалолазки и спецагенты, им свойственно опаздывать, спешить, а это просто естественная необходимость – ощущать свежесть целый день. Достаточно было, по нашему мнению, апеллировать к тому, что у современной женщины бешеный ритм жизни, что она подобна героиням фильмов. За сложной композицией этой рекламы становится незаметной информация о новых, улучшенных свойствах рекламируемого объекта.

V. Следующая причина, которую необходимо назвать, связана с разделением восприятия на произвольное и непроизвольное. В первой главе мы говорили о том, что реклама воспринимается непроизвольно, в чем и заключается проблема, поскольку непроизвольное восприятие неэффективно, оно позволяет запомнить только очень яркие моменты и крайне важную на текущий момент информацию, но таковых в рекламе недостаточно.

Для решения этой проблемы необходимо предпринять меры, направленные на создание таких рекламных этюдов, которые будут восприниматься произвольно. Прежде всего, для одного рекламируемого объекта необходимо создавать не один ролик, а несколько, в каждом из которых будет отображаться новая информация о разных сторонах этого объекта. Это поможет, как нам кажется, решить своего рода неразрешимую проблему – слишком малая форма рекламы не может быть увеличена до размеров новостного сюжета, а если будет существовать несколько роликов, то появится возможность донести до зрителя больше информации.

VI. Проходя четыре уровня восприятия, реклама претерпевает четыре уровня преград, это тоже причины, затрудняющие ее восприятие на должном уровне:

1. На первом сенсорном этапе (когда происходит чувственное осмысление объекта, попадание его в сознание) мы просто не пускаем рекламную информацию в свое сознание, блокируя к нему доступ. Блокирование происходит на подсознательном уровне. Предупреждение о предстоящей рекламе посылает сигнал о поступлении ненужной, казалось бы, информации. Но ведь мы не можем

предполагать, что за информация будет подана в очередном блоке. Вполне возможно, что она будет полезной нам.

Для устранения этой причины мы рекомендуем предпринять следующие действия:

– в начале блока ставить такой ролик, который может привлечь интерес наибольшего количества зрителей (так сказать, универсальный, не относящийся к сугубо женской или мужской аудитории или к любому другому узкому кругу лиц);

– следует учитывать, что в разное время суток у экранов телевизоров собирается различная аудитория. В часы раннего утра – это работающее население, рабочий день которого начинается стандартно, в девять часов. До полудня телевизор могут смотреть школьники, которые учатся во вторую смену, домохозяйки и пенсионеры. Днем и ранним вечером – дети, которые учатся в первую смену, домохозяйки, пенсионеры и те, кто работает в первой половине дня. В часы вечернего вещания у экранов телевизоров собирается самая разнообразная аудитория, представленная всеми возрастными группами. Учитывая эту особенность, следует размещать в начале рекламного блока информацию, актуальную для той аудитории, которая в данный момент находится у экранов телевизоров.

2. Следующий этап – перцептивный, на котором происходит осмысление объекта, отнесение его к определенной категории, классу объектов. Это гораздо более сложный этап, вызывающий более серьезную проблему: получая рекламную информацию, зритель, как правило, не осмысливает ее, пропускает мимо, а не через себя. Следовательно, реальная ценность информации теряется. Рекламный ролик для потребителя становится простым видеоотрезком, не несущим смысловой нагрузки. Из-за этого, во-первых, будет прерван процесс восприятия и два следующих этапа не будут реализованы, во-вторых, информация обесценится и останется на поверхности, что ускорит ее стирание из подсознания. То есть если у человека в ближайшее время не возникнет потребности в той самой информации, она, скорее всего, бесследно исчезнет.

Для устранения данной причины предлагаем следующие шаги:

• Включение в рекламное сообщение фактов, полученных в результате реально проводимых исследований относительно рекламируемого продукта или иного применения в жизни человека, подтвержденного практикой (за исключением медицинских препаратов, поскольку это запрещено законом).

• Подача информации должна быть не элементарно упрощенной, но и не излишне замысловатой. Например, в рекламе порошка «Calgon» слишком сложная и неестественная композиция. Пожалуй, любая женщина в первую очередь бросилась бы

² О функциях левого и правого полушарий мозга. – Режим доступа : <http://www.sunhome.ru/journal/116936>

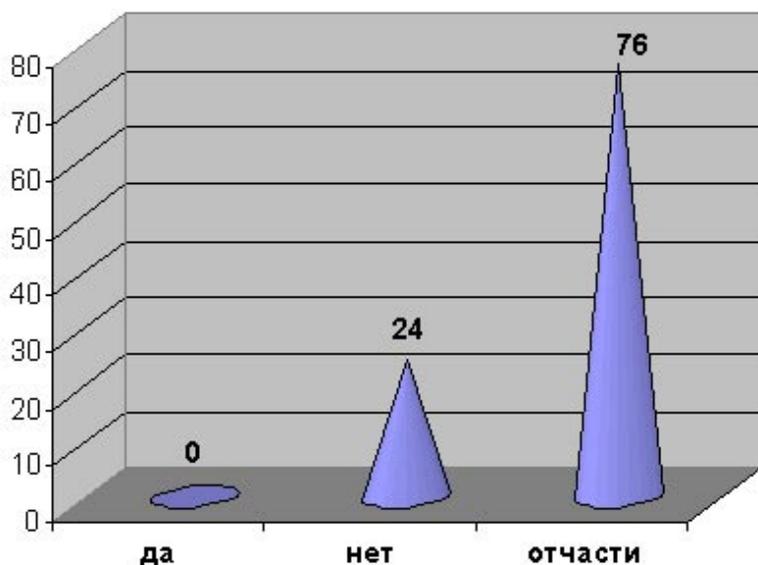

Рис. 2. Восприятие рекламной информации как серьезной.

собирать вытекающую воду, а потом уже звонить мужу. Ведь сиюсекундно машинку никто бы не смог починить! Из-за такого неуклюжего, на наш взгляд, сюжетного построения и подача информации кажется не совсем удачной.

- Следует открывать интересные особенности рекламируемого так, чтобы у зрителя возникло желание поделиться этой информацией. Для того чтобы поделиться более точными сведениями, человек захочет приобрести и лично проверить правдивость рекламных изречений. Таким образом, он и сам купит товар или воспользуется услугой, и разрекламирует другим. Даже если ожидания не будут оправданы, желание поделиться впечатлениями все равно сохранится.

3. Третий этап восприятия – оперативный, способствует выделению какой-либо функции объекта. Из-за отсутствия серьезного восприятия рекламы зритель для себя не стремится выделить ту функцию рекламируемого объекта, которая могла бы напомнить об актуальности этого объекта для него. Факт такого отношения к рекламе подтвержден результатами проведенного анкетирования. Из 100 опрошенных на вопрос: «считаете ли вы рекламную информацию серьезной, важной?», ни один человек не ответил положительно. Однако и категоричного «нет» было не так много – 24 опрошенных. Остальные 76 человек считают рекламную информацию серьезной отчасти (см. рис. 2).

Наличие большого числа последних указывает на принадлежность рекламы к информационной коммуникации. Следовательно, для того чтобы повысить коэффициент доверия, необходимо упрочить в сознании зрителей мысль о важности рекламной информации. Ведь функции каждого рекламируемого товара или услуг разноо-

бразны, для каждого человека они свои. Например, при просмотре рекламы препарата «Теравит анти стресс» основной функцией можно выделить содействие в избавлении от стрессового состояния. Но у кого-то проблемы с памятью, и тогда главной функцией препарата будет улучшение ее работы. Кто-то может увидеть главную характеристику в способности препарата улучшить общее самочувствие за счет содержащихся в нем экстрактов женьшеня и гинкго билоба. Для других это будет средство, способное решить появившиеся неприятности. Ведь в ролике присутствует такая фраза: «Неприятности, конфликты, стресс – на помощь придет “Теравит анти стресс”».

Для устранения вышеуказанной причины можно предпринять следующие меры:

- упоминание об актуальности рекламируемого препарата;
- индивидуальный подход к каждому зрителю;
- краткое представление всех возможных функций рекламируемого объекта.

Вышеописанная реклама является достаточно удачным примером, однако требует дополнения, поскольку не содержит упоминания о наличии в препарате витаминного комплекса.

4. Ну и, наконец, самым важным этапом в восприятии является деятельность. На данном этапе человек должен пойти и купить товар или воспользоваться предлагаемой услугой. Он возможен, если все предыдущие этапы были успешны, но при малейшем нарушении в процессе восприятия скорее всего, не сработает.

Литература

1. Головлева, Е. Л. Основы рекламы : учеб. пособие / Е. Л. Головлева. – М. : ЗАО Издательский дом «Главбух», 2003. – 272 с.
2. Данилова, А. Г. Особенности восприятия телевизионной рекламы, выполненной в различных культурных традициях / А. Г. Данилова, Л. В. Матвеева // Психологический журнал. – 2000. – № 4. – Т. 21. – С. 52.
3. Еникеев, М. И. Общая и социальная психология : учеб. для вузов / М. И. Еникеев. – М. : Норма, 2005. – 624 с.
4. О функциях левого и правого полушарий мозга. – Режим доступа : <http://www.sunhome.ru/journal/116936>
5. Полукаров, В. Л. Основы рекламы : учебник / В. Л. Полукаров. – М. : изд.-торг. корпорация «Дашков и К^о», 2003. – 236 с.

МАНИПУЛЯЦИЯ: ЭТИМОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ

Иосько Елена Юрьевна – редактор издательства Сахалинского государственного университета. Сфера научных интересов – вербальные приемы манипуляции в средствах массовой информации.

Известно, что сила скрытого влияния на человека или общество может быть значительно больше, чем сила прямого воздействия. Это проявляется и в межличностных отношениях, и в межгосударственных, и в политической сфере, и в массовой коммуникации. Скрытое воздействие, или манипуляция, является объектом исследования психологов, социологов, политологов, лингвистов.

В работе мы рассмотрим становление и современное употребление термина «манипуляция».

В русский язык термин «манипуляция» пришел из латинского языка¹. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даль дает толкование слова «манипуляция» с указанием на язык-источник: «Манипуляция – ж. латн. приемы ручные,

ухватка, сручье; обиходь²». В латинском языке термин «манипуляция» имеет несколько значений. В первом своем значении он обозначает «горсть, пучок, пучок сена»³. В словенском, болгарском, сербохорватском и польском языках слово имеет значение «лживый, обманчивый», «приносящий вред, несчастье», в греческом – «обман, фокус, фокусник»⁴.

Толковые словари русского языка Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, А. П. Евгеньевой называют два основных значения слова «манипуляция».

Первое значение – основное, прямо образованное от первоначального значения слова: горсть, рука – движение рукой. В словаре Д. Н. Ушакова это значение помечается как устаревшее⁵.

¹ См. об этом: Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – С. 417; Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – Т. 2: И–О. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 297; Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов: под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. – С. 330; Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2: К–О. – М.: Русский язык, 1986. – С. 226.

² Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – Т. 2: И–О. – М.: Рус. яз., 1989. – С. 297.

³ *Manipulus* (у поэта. тк. *manipulus*), *i*, *m*. I) горсть, пучокъ, особ. пучокъ сѣна, привязанный къ шесту и составлявший первоначально знамя римского войска, *filisim manipule* (†). – II) пер., *мануль* (отрядъ пѣхоты, состоявший изъ 120, если это были *velites*, *hastati* или *principes*, или 60, если это были *triarrii*; ср. *porta*)

(Петрученко, О. Латинско-русский словарь / О. Петрученко. – 9-е изд., испр. – Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1994. – 810 с. – Репринт IX-го издания 1914.)

⁴ GENERAL: *маню*; *манá* «приманка», *обман*, укр. *маніти*, русск.-цслав. *манити*, польск., в.-луж. *manić* «обманывать, манить».

ORIGIN: Ср. лит. *manīt*, -и, -іји «вводит в заблуждение, обманывать». Судя по ударению и знач., скорее родственно, чем заимств. из слав. (см. М.–Э. 2, 582), но лит. *toputi* «колдовать» заимств. из слав. (см. там же). Далее родственно *маять*, *маю* (см.), др.-инд. *taūā* «волшебная сила, обман, иллюзия», авест. *taūā*–; см. Бернекер 2, 17 и сл.; Уленбек, *Aind. Wb.* 222. По мнению Ван-Вейка (RES 14, 73), **maniti* получено в результате диссимиляции из **maniti*, представленного в чеш., слов., польск., сербохорв., словен., болг. Далее сближают с д.-в.-н. *teip* «лживый, обманчивый», др.-исл. *teip* «ущерб, несчастье» (см. Сольмсен, *Jagis-Festschrift* 581 и сл.; Бернекер, там же), греч. *μίπος* «обман, фокус, фокусник» (Младенов 288).

PAGES: 2, 569

(Этимологический словарь Фасмера. – Режим доступа: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=/usr/local/share/starling/morpho&morpho=0&basename=%5Cusr%5Clocal%5Cshare%5Cstarling%5Cmorpho%5Cvasmer%5Cvasmer&first=7761&encoding=utf-rus>).

⁵ Манипуляция – (латин. *manipulatio*). I. Движение руки (устар.). (Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – С. 417.)

Значение слова «сложный прием, действие» является производным: рука -> действие, совершаемое рукой.

В дальнейшем в ходе своей эволюции слово приобрело и переносное значение – «проделка, махинация», «мошенническая проделка»⁶.

В XX веке в речевой практике слово употреблялось в значении «движение руки или обеих рук, связанные с выполнением определенных процессов (например, при управлении каким-либо устройством; сложный прием в ручной работе, требующий большой точности)» [1, с. 326], а также в переносном значении («проделка, махинация», «мошенническая проделка»⁷).

Следует отметить, что переносное значение слова имеет отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску: в словарях оно имеет пометы «неодобрит.», «пренебр.»⁸.

В публицистических текстах и художественной литературе слово «манипуляция» также употребляется с отрицательной экспрессией.

Заметим, что достаточно часто и в повседневной жизни, и в книжной речи слова «манипуляция» и «манипулирование» употребляются как синонимы.

В XX веке значение слова «манипуляция» терминологизировалось и стало употребляться в различных областях знаний.

В обыденном употреблении манипуляцией называют ловкость рук, работающих с неодушевленными предметами. В технике и медицине под мани-

пуляцией понимается обращение с объектами со специальным намерением, особенной целью, как ручное управление.

В биологии «манипулирование» – проявление двигательной активности, охватывающее все формы активного перемещения животными компонентов среды в пространстве (в противоположность локомоции – перемещению самих животных в пространстве) [7, с. 200].

В политологии, социологии этот термин «стал использоваться применительно к СМИ и политическим мероприятиям, направленным на программирование мнений или устремлений масс, психического состояния населения и т. п. Конечная цель таких усилий – контроль над населением, его управляемость и послушность» [2, с. 45–46].

Понятие «манипуляция» в 1950–1970-х гг. стало активно применяться во время «холодной войны» (Россия и страны Запада, Америка) в качестве основного инструмента «информационной войны».

В этот же период психологи стали активно употреблять слово «манипуляция» в рамках анализа межличностных отношений. Это повлияло на современное прочтение термина.

Схематично процесс манипуляции представлен на рис. 1.

Рассмотрим составляющие манипуляции.

I. *Участники.* В манипуляции участвуют как минимум двое:

Рис. 1

⁶ См. об этом: Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: АСТ : Астрель, 2008. – С. 417; Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2 : К–О. – М. : Русский язык, 1986. – С. 226; Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2 : К–О. – М. : Русский язык, 1986. – С. 226–227; Словарь иностранных слов. – 7-е изд., перераб. – М. : Русский язык, 1979. – С. 300.

⁷ См. об этом: Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – С. 417; Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2 : К–О. – М. : Русский язык, 1986. – С. 226; Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2 : К–О. – М. : Русский язык, 1986. – С. 226–227; Словарь иностранных слов. – 7-е изд., перераб. – М. : Русский язык, 1979. – С. 300.

⁸ См. об этом: Большой толковый словарь русского языка: ок. 60 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – С. 417; Ожегов, С. И. Словарь русского языка: ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов : под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М. : ООО «Издательство Оникс» : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. – С. 330; Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2 : К–О. – М. : Русский язык, 1986. – С. 226.

1) субъект манипуляции, способный оказать психологическое воздействие, владеющий методами и приемами манипулирования, имеющий скрытую цель, не совпадающую с целями объекта манипулирования, осуществляющий манипуляцию.

2) объект манипуляции, цели которого не совпадают с целями манипулятора, психологическое состояние которого позволяет им манипулировать.

II. *Обстановка.* Обстановка, в которой происходит манипуляция, включает многие экстралингвистические факторы – от политической ситуации и погодных условий до ментальности участников и их настроения.

III. *Способы манипулирования.* Чаще всего манипулирование происходит вербально, при этом объект использует для воздействия на субъект информацию/квазинформацию.

Исследователями часто обсуждается вопрос о том, где проходит граница между убеждением и манипуляцией. В частности, предлагается такой границей считать возможность оценить источник сообщения. При убеждающем общении у говорящего такая возможность есть, при манипулировании – ее нет. Еще один критерий для разграничения убеждения и манипуляцией – это характер воздействия на адресата сообщения. Если убеждение – это, по сути, рациональный способ воздействия на собеседника (или аудиторию), то манипулирование как вид воздействия носит в большей степени эмоциональный характер [10].

Е. Л. Доценко в книге «Психология манипуляции» приводит пример различия между обманом и манипуляцией: «Например, кто-то спрашивает у вас дорогу на Минск, а мы его направляем ложно на Пинск – это лишь обман. Манипуляция будет иметь место в том случае, если тот, другой, собирался идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти в Пинск» [2, с. 56].

Кроме вербальных, используются невербальные средства воздействия на манипулируемого: тембр, тон голоса, интонация, жесты, поза и др.

В манипулятивном воздействии используются различные методы, приемы и техники, подробное исследование которых является перспективой нашего исследования.

IV. *Время.* Важной является временная характеристика процесса манипулирования. Манипуляция может происходить одномоментно (кратковременно, например, когда ребенок требует себе что-либо, используя громкий плач) или длительно (продолжаться долгое время). В истории есть множество примеров, когда целые народы были введены в заблуждение с помощью средств массовой информации (вспомним убеждения советских людей в том, что их ждет светлое коммунистическое будущее, или нацизм с его теорией превосходства ариев).

V. *Результат.* Как любое действие, манипуляция имеет результат. Если результат положительный для субъекта, то на объекте он сказывается

отрицательно.

О результате манипулятивного воздействия С. Г. Кара-Мурза пишет следующее: «Всякая манипуляция сознанием есть взаимодействие. Жертвой манипуляции человек может стать лишь в том случае, если он выступает как ее соавтор, соучастник. Только если человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели – и начинает действовать по новой программе – манипуляция состоялась. А если он усомнился, уперся, защитил свою духовную программу, он жертвой не становится. Манипуляция – это не насилие, а соблазн. Каждому человеку дана свобода духа и свобода воли. Значит, он нагружен ответственностью – устоять, не впасть в соблазн. Один из надежных признаков того, что в какой-то момент осуществляется большая программа манипуляции сознанием, состоит в том, что люди вдруг перестают внимать разумным доводам – они как будто желают быть одуроченными» [4].

Эти составляющие присутствуют как при манипулировании в межличностных отношениях, так и при общении с массами.

Таким образом, проанализировав формирование термина «манипуляция», его использование в различных сферах знаний, под манипуляцией мы понимаем искусство управлять поведением с помощью воздействия на психологию, сознание и инстинкты человека или общества с целью выгоды для манипулятора. Манипуляция – это вид психологического воздействия, нацеленного на изменение направления активности другого человека, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с его актуально существующими желаниями.

Литература

1. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1974. – Т. 15 : Ломбард–Мезитол. – 632 с.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М. : ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
3. Как управлять людьми. – СПб. : Лениздат ; «Ленинград», 2007. – 320 с. – [Подготовка текста Полины Дукаревич].
4. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – Режим доступа : <http://www.lib.ru/POLITOL-OG/karamurza.txt>
5. Краткий словарь по социологии / под общ. Ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина ; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. – Политиздат, 1988. – 479 с.
6. Политическая энциклопедия : в 2 т. – Т. 1 / нац. обществ.-науч. фонд ; Рук. проекта Г. Ю. Семигин ; науч.-ред. совет : пред. совета Г. Ю. Семигин. – М. : Мысль, 1999. – 750 с.
7. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд.,

испр. и доп. – М. : Политиздат, 1990. – 494 с.

8. Райзберг, Б. А. Современный социально-экономический словарь / Б. А. Райзберг. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 629 с.

9. Социологический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском

языках / редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. – М. : изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М), 2000. – 488 с.

10. Шилихина, К. М. Секреты телерекламы. – Режим доступа : <http://www.contrtv.ru/common/2740/>. Дата обращения: 23.01.2012.

СОХРАНЕНИЕ ПРИЕМОМ И СПОСОБОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Андриановская Ирина Ивановна – кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского и трудового права СахГУ, дипломат Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2009 года в области юриспруденции в номинации «Гражданско-правовые науки» (среди преподавателей высших учебных заведений и практических работников). Сфера научных интересов: трудовое право. Автор более 80 научных работ, в том числе трех монографий, одного учебного пособия, шести учебно-методических пособий.

В общей теории права методы правового регулирования рассматриваются в качестве реальных юридических явлений, обретающих свою жизнь только в рамках отраслей права, так же указываются исходные методы, которые представляют собой простейшие приемы регулирования трудовых отношений и выделяется централизованное, императивное регулирование (метод субординации) и децентрализованное, диспозитивное регулирование (метод координации). В отраслях права эти первичные методы выступают в различных вариациях, сочетаниях, хотя, как правило, и с преимущественным преобладанием одного из них.¹

Как правило, приемы и способы правового регулирования меньше всего подвергаются изменениям. В науке трудового права, вопрос о методе правового регулирования является одним из самых сложных. Единый метод отрасли права, по мнению Б. К. Бегичева, складывается в совокупности приемов юридического опосредствования общественных отношений. Метод правового регулирования прослеживается по ряду направлений: по линии общего правового положения субъектов, способов формирования содержания субъективных прав и обязанностей их носителей, оснований возникновения, изменения и прекращения правоотношений и, наконец, мер защиты прав и средств обеспечения исполнения обязанностей.² Это мнение разделяют многие ученые.³

Безусловно, методу трудового права присущи и общие с другими отраслями права черты и особенности. К последним относятся сочетание централизованного и локального регулирования трудовых отношений при участии в нем профессиональных союзов, а также регулирование по соглашению сторон трудового договора.⁴ Впервые, по словам В. Н. Толкуновой, об участии рабочих и служащих через профсоюзы как особом методе трудового права сказал в учебнике 1965 года профессор В. С. Андреев, «до этого вообще наша учебная и научная литература не говорила о методе советского трудового права».⁵ Метод регулирования, считает автор, отражает способ установления норм трудового законодательства и способ их применения. При этом нельзя упускать метод равенства сторон трудового договора, поскольку трудовые отношения рабочих и служащих и большая часть отношений их трудовых коллективов с администрацией являются отношениями договорными.⁶ Б. К. Бегичев предлагал «связывать генерализирующую черту метода регулирования с общим юридическим положением рабочих и служащих как субъектов трудового права».⁷ Несомненно, в правовом регулировании труда проявляются различные приемы и способы регулирования, поэтому представляется правильным вывод о том, что «один и тот же прием регулирования может быть использован в различных отраслях права в зависимости от кон-

¹ См.: Алексеев, С. С. *Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – Т. I. – М. : Юрид. лит., 1981. – С. 294–296.*

² См.: Бегичев, Б. К. *К вопросу о предмете и методе трудового права / Б. К. Бегичев // Проблемы трудового права и права социального обеспечения. – М., 1975. – С. 61.*

³ См.: *Советское трудовое право : учебник / под ред. А. С. Пащикова, О. В. Смирнова. – М. : Юрид. лит., 1988. – С. 20–28 ; Российское трудовое право : учебник для вузов / отв. ред. А. Д. Заикин. – М. : Инфра-Норма-М, 1997. – С. 19.*

⁴ См.: Иванов, С. А. *Советская наука трудового права: проблемы и перспективы развития / С. А. Иванов // Проблемы трудового права и права социального обеспечения. – М., 1975. – С. 10–11.*

⁵ См.: Толкунова, В. Н. *Больше внимания эффективности научных исследований в области трудового права / В. Н. Толкунова // Проблемы трудового права и права социального обеспечения. – М., 1975. – С. 124.*

⁶ См.: Там же.

⁷ Бегичев, Б. К. *Указ. соч. / Б. К. Бегичев. – С. 61–62.*

кретных обстоятельств и с учетом предмета»⁸.

Учитывая рамки темы исследования, целесообразно обратить внимание на отдельные приемы и способы регулирования трудовых отношений, которые сохранены законодателем и нашли свое дальнейшее развитие. В отличие от административного и гражданского права (к примеру), где соответственно преобладают в первом случае централизованное, во втором – децентрализованное регулирование отношений, в трудовом праве изначально проявилось развитие двух методов регулирования: и централизованного, и децентрализованного (локального). Соотношение их было разным на различных этапах развития России. Но преемственность в этой области проявляется в том, что именно сочетание указанных методов присуще правовому регулированию труда. И оно обусловлено социальными, экономическими и историческими особенностями развития трудового права. Истории развития российского трудового права известны периоды преобладания централизованного метода регулирования трудовых отношений. Примером здесь могут служить предвоенный и военный периоды, когда была установлена уголовная ответственность за прогул и самовольное оставление работы, было отменено право на увольнение по собственному желанию, допущен принудительный перевод квалифицированных рабочих и служащих на работу в другую местность, увеличена продолжительность рабочего дня. В эти же годы произошла резкая централизация регулирования труда, права предприятий были сведены «на нет», права профсоюзов, предусмотренные Кодексом законов о труде, перестали применяться. Было отменено заключение коллективных договоров⁹. Только в 1947 году была возобновлена практика заключения коллективных договоров¹⁰. Позже, когда наметился сдвиг в сторону расширения сферы локального регулирования трудовых отношений, не все складывалось просто. Практика 60-х, 70-х и начала 80-х годов свидетельствовала о расширении сферы локального регулирования. Но, несмотря на его объективную необходимость, этот процесс проходил медленно и непоследовательно. Каждый шаг в расширении прав предприятий делался с большим трудом. Хотя в нормативных актах закреплялись права предприятий, они не проводились в жизнь: сохранялась централизация, а иногда от принятых решений отходили и юридически.¹¹

В конце 80-х годов, оценивая весьма положи-

тельно возможность регулирования трудовых отношений на предприятии на основе минимальных законодательных гарантий, была высказана мысль о том, что в сложившихся условиях «попытка сохранения коллективного договора становится по-мехой нормальным экономическим отношениям»¹². По сути, в этот период времени коллективно-договорная практика была сведена к нулю. Поэтому и был поставлен вопрос о возможности дальнейшего существования самого коллективного договора. Такая ситуация складывалась вплоть до 1992 года, изменения в этой сфере произошли только с принятием Закона «О коллективных договорах и соглашениях», который заложил правовые основы социального партнерства.

Таким образом, несмотря на то, что проявляются различные подходы в регулировании трудовых отношений, которые обусловлены, в первую очередь, определенным сочетанием централизованного и децентрализованного методов регулирования, в целом можно усмотреть преемственность в способах их правового регулирования. Исходя из соотношения названных методов правового регулирования, складывалась практика регламентации трудовых отношений, отражая специфику приемов и средств регулирования в трудовом праве. Поэтому в современных условиях вновь актуальна постановка вопроса о сочетании централизованного и децентрализованного (в том числе локального) методов регулирования труда. Указанное сочетание должно быть разумным, оптимальным и соответствовать закономерностям развития трудовых отношений, также учитывать интересы как государства в целом, так и интересы работников и работодателей.

Опыт зарубежного правового регулирования труда также свидетельствует об определенном соответствии рассматриваемых методов правового регулирования. Анализируя зарубежную практику регулирования трудовых отношений, Киселев И. Я. отмечает общую историческую тенденцию развития двух методов правового регулирования трудовых отношений: в тех странах, где традиционно преобладали коллективные договоры, стало активно развиваться трудовое законодательство, которое в некоторых сферах потеснило коллективные договоры. А там, где ранее преобладало трудовое законодательство, значительно активизировалось коллективно-договорное регулирование труда.¹³

⁸ Пашков, А. С. Социальная политика и трудовое право / А. С. Пашков, Г. В. Ротань. – М. : Юрид. лит., 1986. – С. 38.

⁹ См.: Ливицкий, Р. З. Проблемы перестройки законодательства о труде / Р. З. Ливицкий, В. И. Никитинский // Советское законодательство: пути перестройки. – М. : Юрид. лит., 1989. – С. 317.

¹⁰ Советское трудовое право / под ред. Н. Г. Александрова. – М., 1949. – С. 166.

¹¹ См.: Ливицкий, Р. З. Трудовое законодательство: настоящее и будущее / Р. З. Ливицкий. – М. : Наука, 1989. – С. 171.

¹² См.: Вайпан, В. А. Функции коллективного договора сквозь призму перестройки / В. А. Вайпан // Советское государство и право. – 1988. – № 5. – С. 73.

¹³ См.: Киселев, И. Я. Зарубежное трудовое право : учебник для вузов / И. Я. Киселев. – М., 1998. – С. 17.

Современное правовое регулирование труда в России также претерпевает изменения, связанные с расширением сферы договорного регулирования трудовых отношений, а точнее сказать, коллективно-договорного и индивидуально-договорного. Совершенно очевидно в силу преемственности сохранение и развитие сочетания централизации и децентрализации в регулировании трудовых отношений в современный период, как за рубежом, так и в России. Рассматривая соотношение централизованного и децентрализованного регулирования труда в России, Иванов С. А. обратил внимание на то, что «роль государства как регулятора трудовых отношений должна быть сохранена, хотя в разных экономических условиях она может быть разной»¹⁴. Поддерживая приведенное мнение Иванова С. А., полагаем, что на современном этапе развития еще длительный период времени невозможно будет отказываться от централизованного регулирования трудовых отношений и отношений, непосредственно связанных с трудовыми.

Также необходимо будет сохранить и децентрализацию в правовом регулировании труда. Можно констатировать, что преемственность в любом случае здесь будет сохраняться в сочетании методов правового регулирования. Полагаем, уместно в определении перспектив децентрализации в правовом регулировании труда привести точку зрения Иванова С. А., который отмечал: «переход к рынку по необходимости диктует децентрализацию правового регулирования труда. Это общеизвестно. Вопрос в другом: насколько далеко она должна зайти и должна ли она оставаться такой же в послепереходный период»¹⁵. Он подчеркивал, что в принципе масштабы децентрализации должны быть разными: в период перехода меньшими, в последующий период большими. В основном он уделял внимание двум аспектам децентрализации: первый касался передачи полномочий в области законодательного регулирования от Федерации к ее субъектам; второй – от законодательного регулирования к регулированию посредством коллективных договоров и соглашений. Несомненно, значение централизованного регулирования трудовых отношений велико, тем не менее, целесообразно в большей степени уделить внимание децентрализованному, а точнее – договорному методу регулирования, так как он представляется наиболее актуальным в современный период.

Также необходимо отметить, что в науке рос-

сийского трудового права сочетание централизованного и децентрализованного (локального) правового регулирования традиционно было представлено: в одних случаях как особенность метода правового регулирования трудовых отношений¹⁶, в других – как особенность источников трудового права¹⁷, в третьих – как особенность и метода правового регулирования отрасли, и источников трудового права¹⁸.

В рамках исследуемого вопроса, думается, необходимо остановиться на новом аспекте рассмотрения соотношения централизованного и децентрализованного регулирования труда. В современных условиях можно вести речь о принципе «сочетания государственного и договорного регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений». Следует особо подчеркнуть, что это основное положение нашло закрепление в ст. 2 Трудового кодекса РФ в качестве принципа трудового права. Полагаем, что в трактовке принципа, отражая основную идею сочетания централизованного и децентрализованного регулирования, законодатель несколько изменил смысл рассматриваемого явления: если раньше акцент был сделан на централизованное и децентрализованное (в различных его проявлениях) правовое регулирование, то в настоящее время акцент делается на централизованное регулирование и договорное. Возможность применения последнего закреплена в ст. 9 ТК РФ «Регулирование трудовых отношений в договорном порядке». Таким образом, сочетание централизованного и децентрализованного (иначе: государственного и договорного) регулирования трудовых отношений может быть представлено в трех аспектах: 1) как особенность метода правового регулирования трудовых отношений; 2) как особенность источников права; 3) как отраслевой принцип трудового права.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что вполне возможно в соответствии с рассматриваемыми методами регулирования в современном трудовом праве вести речь об *уровнях* правового регулирования трудовых отношений: централизованном, социально-партнерском (коллективно-договорном), индивидуально-договорном. Следовательно, правовое регулирование труда на современном этапе осуществляется на трех названных уровнях и находит выражение в соответствующих источниках трудового права. Условно обозначим их так: на первом уровне – в Трудовом

¹⁴ Иванов, С. А. Трудовое право переходного периода: некоторые проблемы / С. А. Иванов // Государство и право. – 1994. – № 4. – С. 53.

¹⁵ См.: Иванов, С. А. Указ. соч. / С. А. Иванов. – С. 54.

¹⁶ См.: Советское трудовое право : учебник / под ред. А. С. Пащикова, О. В. Смирнова. – М. : Юрид. лит., 1988. – С. 25–27.

¹⁷ См.: Российское трудовое право : учебник для вузов / отв. ред. А. Д. Заикин. – М. : Инфра-Норма-М, 1997. – С. 27.

¹⁸ См.: Толкунова, В. Н. Трудовое право России : учебное пособие / В. Н. Толкунова, К. Н. Гусов. – М. : Юрист, 1995. – С. 13, 35; Трудовое право России : краткий курс : учебник / отв. ред. А. Ф. Нуртдинова, Ю. П. Орловский. – М. : Юридическая фирма «Контракт», «Инфра-М», 2001. – С. 19–20.

кодексе, иных федеральных законах, иных нормативных актах централизованного характера; на втором уровне – в коллективных договорах (соглашениях); на третьем уровне – в трудовом договоре. Несомненно, возможно выделение и других уровней регулирования трудовых отношений, например, регионального, отраслевого (по отраслям экономики). Но для удобства схематичного изображения сказанного ограничимся представленными уровнями. Причем необходимо специально подчеркнуть, что, в отличие от ранее применяемого коллективно-договорного процесса регулирования как единственного договорного варианта регулирования, в современных условиях договорной характер регулирования предполагает два варианта, следовательно, и два уровня: первый договорной – на уровне соглашений и коллективных договоров, второй договорной – на уровне трудовых договоров. И если первый уровень был известен трудовому законодательству ранее и определялся как локальный, децентрализованный (коллективно-договорной), то второй уровень получил в теории трудового права название «индивидуально-договорной» и считается относительно новым.

Развивая идею договорного регулирования трудовых отношений, целесообразно обратиться к двум названным уровням договорного регулирования. Итак, коллективно-договорной уровень правового регулирования трудовых отношений был известен с возникновения и существования первых коллективных договоров. Зародился коллективный договор при капитализме на той ступени организации рабочего класса, которая позволила трудящимся с помощью профсоюзов вмешаться в регулирование трудовых отношений. Коллективные договоры сохранились и после победы социалистической революции в нашей стране. Наиболее широкое распространение они получили лишь в условиях НЭПа, поскольку максимально обеспечивали индивидуальный подход к каждому предприятию.¹⁹ В настоящее время (начиная с 1992 года) в связи с развитием практики заключения коллективных договоров и соглашений вновь активно стал применяться коллективно-договорной метод регулирования.

Рассматривая влияние преемственности в применении методов правового регулирования, нельзя не обратить внимание на дальнейшее развитие индивидуально-договорного уровня регулирования. В этой связи необходимо остановиться на

более подробном рассмотрении индивидуально-договорного уровня. Понятие индивидуально-договорного регулирования было введено в научный оборот А. С. Пашковым в 1972 году, на что обращают внимание авторы монографии «Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих» и рассматривают индивидуально-договорное (автономное) регулирование как одну из форм индивидуального регулирования.²⁰ Исследуя индивидуально-договорной метод правового регулирования, они выделяют позитивные признаки понятия: а) договорной характер; б) индивидуальный характер регулирования.²¹

Не останавливаясь подробно на исследовании самого понятия, проведенного коллективом авторов в 1984 году, отметим, что позднее в теории трудового права оно получило развитие и позволило в настоящее время отнести к числу источников российского трудового права собственно трудовой договор.²² Наличие данного уровня правового регулирования нашло отражение в трудовом законодательстве. В ТК РФ договорное регулирование труда закреплено в ст. 9 «Регулирование трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в договорном порядке». В ней содержится правило о том, что регулирование данного вида отношений может осуществляться путем заключения, изменения, дополнения работниками и работодателями коллективных договоров, соглашений, трудовых договоров. Возможность локального правового регулирования предусмотрена в ст. 8 ТК РФ. Таким образом, можно констатировать, что в ст. 9 ТК РФ нашли отражение два уровня договорного регулирования трудовых отношений:

а) коллективно-договорной (социально-партерский);

б) индивидуально-договорной.

Также вывод о наличии двух исследуемых уровней правового регулирования в трудовом законодательстве позволяет сделать ряд статей ТК, в которых конкретно закреплена возможность применения наряду с централизованным уровнем регулирования как коллективно-договорного, так и индивидуально-договорного уровня или и того и другого одновременно. Приведем примеры. В ст. 101 ТК РФ закреплено правило о том, что перечень должностей работников с ненормированным рабочим днем устанавливается коллективным договором, соглашением или правилами внутреннего трудового распорядка

¹⁹ См.: Вайпан, В. А. *Функции коллективного договора сквозь призму перестройки* / В. А. Вайпан // *Советское государство и право*. – 1988. – № 5. – С. 65, 66.

²⁰ См.: Безина, А. К. *Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих* / А. К. Безина, А. А. Бикеев, Д. А. Сафина. – Казань : КГУ, 1984. – С. 21.

²¹ Там же. С. 22–23.

²² См.: *Курс российского трудового права : в 3 т. – Т. 1. Общая часть* / под ред. Е. Б. Хохлова. – СПб. : изд-во СПбГУ университета, 1996. – С. 556–557.

организации. Если в отношении приведенного примера можно сказать, что подобное правило было известно и ранее действовавшему КЗоТ, то следующие примеры являются показательными в качестве новелл трудового законодательства. Так, в ст. 178 ТК РФ, определены случаи и размеры выходного пособия (в централизованном порядке). Наряду с этим в части четвертой данной статьи предусмотрены и другие случаи выплаты выходных пособий, а также иные их размеры, которые могут быть установлены в договорном порядке: *коллективным или трудовым договором* (курсив наш. – И. А.).

В данном случае в ст. 178 ТК РФ проявляется сочетание трех методов правового регулирования труда: централизованного, коллективно-договорного, индивидуально-договорного, которые осуществляются соответственно на трех уровнях правового регулирования: централизованном, коллективно-договорном и индивидуально-договорном. Проявление первого наблюдается в ч. 1, 2 и 3 ст. 178 ТК РФ, второго и третьего – в ч. 4 ст. 178 ТК РФ. Далее, в ст. 179 ТК в ч. 1 и 2 на централизованном уровне регулирования прослеживается общий (единый) подход в определении преимущественного права на оставление на работе при сокращении численности или штата работников и определяются правила общего характера: «при сокращении численности или штата работников организации преимущественное право на оставление на работе предоставляется работникам с более высокой производительностью труда и квалификацией», «при равной производительности труда и квалификации предпочтение... отдается семейным – при наличии двух и более иждивенцев...». В ч. 3 ст. 179 ТК РФ закреплено новое правило: «коллективным договором могут предусматриваться другие категории работников организации, пользующиеся преимущественным правом на оставление на работе при разной производительности труда и квалификации». Здесь прослеживается сочетание централизованного и коллективно-договорного способа регулирования трудовых отношений, следовательно, установление иных правил возможно помимо централизованного уровня, на коллективно-договорном уровне.

В ранее действовавшем Кодексе крайне редки были указания на то, что в индивидуально-договорном порядке, а именно в трудовом договоре, может быть предусмотрено иное, нежели в централизованном порядке, регулирование. В современном Трудовом кодексе РФ проявление индивидуально-договорного регулирования прослеживается во многих нормах. Ряд статей ТК РФ, в которых закреплены основания прекращения трудового договора, содержат правило о том, что трудовой договор с работником может быть прекращен по основаниям, предусмотренным трудовым договором. Например, ст. 307 ТК РФ, предусматривающая прекращение трудового договора с работником, работающим у работодателя – фи-

зического лица, ст. 347 ТК РФ, устанавливающая основания прекращения трудового договора с работником религиозной организации. В рассматриваемых статьях содержатся и специальные правила, касающиеся прекращения трудового договора. Так, в конкретном трудовом договоре могут быть установлены:

1) сроки предупреждения об увольнении (ч. 2 ст. 307, ч. 2 ст. 347 ТК РФ);

2) случаи и размеры выплачиваемых при прекращении трудового договора выходного пособия и других компенсационных выплат (ч. 2 ст. 307 ТК РФ);

3) порядок и условия предоставления... гарантий и компенсаций, связанных с таким увольнением (ч. 2 ст. 347 ТК РФ).

При индивидуально-договорном, как и коллективно-договорном уровнях наиболее приемлемым средством регулирования считается «соглашение сторон». Как на индивидуально-договорном, так и на коллективно-договорном, а впоследствии – так называемом социально-партнерском уровнях при регулировании трудовых отношений наиболее удачно достигается согласование интересов организаций (работодателей) и работников посредством приема, способа «соглашения сторон». В первую очередь соглашение сторон является основным приемом, способом при индивидуально-договорном регулировании. Представляется, что этот прием, способ является наиболее оптимальным в современный период развития отношений в сфере применения труда. Способ «соглашение сторон» имеет широкую область применения в сфере правового регулирования труда. Посредством рассматриваемого способа устанавливался ряд прав и обязанностей сторон еще в КЗоТ 1922 года: «трудовой договор есть соглашение двух или более лиц...» (ст. 27 КЗоТ); «условия трудового договора определяются соглашением сторон» (ст. 28 КЗоТ); «трудовой договор прекращается: а) соглашением сторон...» (ст. 44 КЗоТ); «нормы выработки устанавливаются по соглашению между администрацией предприятия или учреждения и союзом или соответствующим союзным органом...» (ст. 56 КЗоТ) и в других статьях. В последующих кодексах применение данного приема, способа получило дальнейшее развитие. Законодатель в современных условиях расширяет области, где субъекты могут принимать решение только согласованно – по соглашению сторон. Речь идет и о социально-партнерских, и об индивидуально-договорных отношениях.

Представляется, что соглашение сторон возможно при таком регулировании трудовых отношений, где контрагенты (например, стороны в договоре) находятся в равном правовом положении. Соглашение сторон – показатель равенства субъектов. Правовое положение сторон в трудовых отношениях всегда рассматривалось в теории и практике правового регулирования труда преимущественно как равное, причем отмечались и

элементы подчинения, которым отводилось незначительное место.²³

Примечательно то, что в КЗоТ 1922 года было закреплено положение, согласно которому «условия трудового договора определяются соглашением сторон» (ст. 28 КЗоТ 1922 года), следовательно, изменены они могут быть только по соглашению сторон. В ранее действовавшем КЗоТ (1971 года) такого рода положение отсутствует. В теории правового регулирования труда рассматриваемое положение считалось само собой разумеющимся (аксиомой), исходящим из договорной основы складывающихся отношений, но на практике оно нарушалось. В современный период оно, несмотря на свою актуальность, было включено в ст. 57 ТК РФ в несколько измененном виде: «условия трудового договора могут быть изменены только по соглашению сторон и в письменной форме». Полагаем, что «соглашение сторон» – самый приемлемый способ регулирования, значимость которого подтверждена теорией и практикой правового регулирования. Более того, установленный на уровне индивидуально-договорного способа регулирования много лет назад, в современных условиях рассматриваемый прием нашел свое применение в регулировании коллективно-договорных, социально-партнерских отношений.

Так, исследуемый способ применяется и при разрешении коллективных трудовых споров, например: «решение примирительной комиссии принимается по соглашению сторон коллективного трудового спора...» (ч. 7 ст. 402 ТК РФ); «порядок рассмотрения коллективного трудового спора с участием посредника определяется соглашением сторон коллективного трудового спора с участием посредника» (ч. 2 ст. 403 ТК РФ). В соответствии со ст. 408 ТК РФ обязательную силу для сторон имеет соглашение, достигнутое ими в ходе разрешения коллективного трудового спора и оформленное в письменной форме. Во многих нормах рассматриваемого института закреплено равное правовое положение сторон, которое выражается в формулировках: «с согласия», «по соглашению сторон», «ни одна из сторон коллективного трудового спора не вправе...». Таким образом, способу (приему) «соглашение сторон» отводится особая роль при разрешении трудовых споров (конфликтов).

Представляется, что преемственность сохраняется в установлении методов правового регулирования труда, их сочетании, несмотря на то, что соотношение их не остается неизменным. Обращает на себя внимание то, что сочетание приведенных методов сохраняется в настоящее время и сохранится в будущем. И, как свидетельствует современное трудовое законодательство, способ «соглашение сторон» получает свое дальнейшее развитие.

Литература

1. Кодекс законов о труде. – М. : Юрид. лит., 1990.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации. – М. : Юрид. лит., 2006.
3. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – Т. I. – М. : Юрид. лит., 1981.
4. Бегичев, Б. К. К вопросу о предмете и методе трудового права / Б. К. Бегичев // Проблемы трудового права и права социального обеспечения. – М., 1975.
5. Безина, А. К. Индивидуально-договорное регулирование труда рабочих и служащих / А. К. Безина, А. А. Бикеев, Д. А. Сафина. – Казань : КГУ, 1984.
6. Вайпан, В. А. Функции коллективного договора сквозь призму перестройки / В. А. Вайпан // Советское государство и право. – 1988. – № 5.
7. Киселев, И. Я. Зарубежное трудовое право : учебник для вузов / И. Я. Киселев. – М., 1998.
8. Иванов, С. А. Советская наука трудового права: проблемы и перспективы развития / С. А. Иванов // Проблемы трудового права и права социального обеспечения. – М., 1975.
9. Иванов, С. А. Трудовое право переходного периода: некоторые проблемы / С. А. Иванов // Государство и право. – 1994. – № 4.
10. Курс российского трудового права : в 3 т. – Т. 1. Общая часть / под ред. Е. Б. Хохлова. – СПб. : изд-во СПбГУ, 1996.
11. Лившиц, Р. З. Проблемы перестройки законодательства о труде / Р. З. Лившиц, В. И. Никитинский // Советское законодательство: пути перестройки. – М. : Юрид. лит., 1989.
12. Пашков, А. С. Социальная политика и трудовое право / А. С. Пашков, Г. В. Ротань. – М. : Юрид. лит., 1986.
13. Российское трудовое право : учебник для вузов / отв. ред. А. Д. Заикин. – М. : Инфра-Норма-М, 1997.
14. Советское трудовое право : учебник / под ред. А. С. Пашкова, О. В. Смирнова. – М. : Юрид. лит., 1988.
15. Российское трудовое право : учебник для вузов / отв. ред. А. Д. Заикин. – М. : Инфра-Норма-М, 1997.
16. Советское трудовое право / под ред. Н. Г. Александрова. – М., 1949.
17. Толкунова, В. Н. Больше внимания эффективности научных исследований в области трудового права / В. Н. Толкунова // Проблемы трудового права и права социального обеспечения. – М., 1975.
18. Толкунова, В. Н. Трудовое право России : учебное пособие / В. Н. Толкунова, К. Н. Гусов. – М. : Юристъ, 1995.
19. Трудовое право России : краткий курс : учебник / отв. ред. А. Ф. Нуртдинова, Ю. П. Орловский. – М. : Юридическая фирма «Контракт», «Инфра-М», 2001.

²³ См.: Иванов, С. А. Советское трудовое право: вопросы теории / С. А. Иванов, Р. З. Лившиц, Ю. П. Орловский. – М., 1978; Лившиц, Р. З. Трудовой договор / Р. З. Лившиц, Б. М. Чубайс. – М., 1986; Лившиц, Р. З. Трудовое законодательство: настоящее и будущее / Р. З. Лившиц. – М. : Наука, 1989; и др.

ОРГАНЫ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ КОНТРОЛЬ СОБЛЮДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНВЕНЦИЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ В РОССИЙСКИХ МОРСКИХ ПОРТАХ

Андреева Анастасия Евгеньевна – соискатель кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета. Старший преподаватель кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Юридического института Сахалинского государственного университета. Автор 12 публикаций. Сфера научных интересов: международное морское право.

Начиная с 1982 года практически все крупные морские державы начали заключать региональные соглашения об обязательном всеобъемлющем портовом контроле. Россия является участницей трех меморандумов: Парижского,¹ Токийского² и Черноморского.³ Меморандумы регламентируют порядок проведения инспекций портовыми властями иностранных судов, заходящих в их порты, на соответствие требованиям международных конвенций в сфере безопасности торгового мореплавания.⁴

Все требования, содержащиеся в этих конвенциях, можно объединить в пять групп:

1. по проектированию судов, их конструкции и оборудованию;
2. по контролю при строительстве судов;
3. по эксплуатации судна (укомплектование экипажем, погрузка, перевозка, предупреждение аварийности, связи);
4. по организации поиска и спасания;
5. по контролю в портах, организации расследования аварий.⁵

В соответствии с пунктом 1 статьи 76 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ РФ)⁶ и пунктом 13.6 «Положения о капитане морского порта», утвержденного Приказом Минтранса России 19 декабря 2006 года № 156 (Положение 2006 года),⁷ контроль за соблюдением в морском порту международных договоров Российской Федерации, относящихся к торговому мореплаванию, возлагается на капитана порта.⁸

Следует сказать, что в статье 76 КТМ РФ перечислены основные функции капитана порта. Из содержания статьи следует, что контроль соблюдения международных договоров заключается в проверке судовых документов, а также дипломов, квалификационных свидетельств, подтверждений дипломов и льготных разрешений на звания лиц командного и рядового состава судов.

В связи с возросшей ролью государственного портового контроля, ужесточением процедур проверок, увеличением количества инспектируемых судов, законодатель постепенно расширяет объем функций капитана порта в этой сфере. Так, в

¹ Парижский меморандум о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Европейском регионе (Парижский меморандум). – СПб., 2002.

² Меморандум о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Токийский меморандум). – СПб., 2006.

³ Меморандум о взаимопонимании о контроле судов со стороны государства порта в регионе Черного моря. – СПб., 2006.

⁴ Консолидированный текст Конвенции об охране человеческой жизни на море 1974. – СПб., 2002 (включает изменения и дополнения, опубликованные в бюллетенях №№ 1–16) :

Международная конвенция о грузовой марке. – СПб., 1999 ;

Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 г. – СПб., 1996 ;

Международные правила предупреждения столкновения судов на море 1972 г. – М., 1974 ;

Международная конвенция по обмеру судов 1969 г. – СПб., 2000 ; и др.

⁵ Прусс, В. М. Международно-правовые аспекты безопасности мореплавания / В. М. Прусс, В. Боевич, Т. Р. Короткий. – Одесса, 2002. – С. 30.

⁶ Иванов, Г. Г. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации / Г. Г. Иванов. – Комментарий. – М. 2005. – С. 124.

⁷ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 6 от 5.02.2007.

⁸ Иванов, Г. Г. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации. Комментарий / Г. Г. Иванов. – М., 2005. – С. 139 ; Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 6 от 5.02.2007.

Положении 2006 года содержится аналогичная по содержанию статья о функциях капитана порта. Однако в ней, по сравнению со ст. 76 КТМ, количество функций капитана порта, связанных с контролем безопасности мореплавания, значительно увеличилось. К ним добавились следующие функции:

1. процедуры контроля иностранных судов в морском порту, установленные международными договорами, относящимися к торговому мореплаванию;

2. взаимодействие и обмен информацией с другими морскими портами по выполнению процедур контроля иностранных судов в морском порту;

3. обеспечение информационного обмена с информационными центрами по контролю российских и иностранных судов;

4. осмотры и контрольные осмотры судов, находящихся в морском порту, включая проверку судовых документов, дипломов и подтверждений к дипломам, квалификационных и специальных свидетельств членов экипажей судов, льготных разрешений лиц командного состава, а также их соответствия фактическому состоянию судов и экипажей.⁹

Считаем нецелесообразным дублировать одни и те же функции в двух нормативно-правовых актах. Предлагаем исключить пункт 13.6 из Положения 2006 года и дополнить статью 76 КТМ четырьмя новыми функциями.

Далее следует сказать о том, что количество функций капитана в Положении 2006 года по сравнению с КТМ РФ увеличилось до сорока. Вызывает сомнение, что капитан порта с большим судозаходом в состоянии один осматривать иностранные суда, проверять судовые свидетельства, готовить необходимую документацию и выполнять другие функции, перечисленные в Положении 2006 года.

В связи с этим, следует остановиться на пункте 11 Положения 2006 года, в котором сказано, что «капитан и уполномоченные им должностные лица Службы капитана порта имеют право посещать суда и портовые средства в морском порту, используемые в целях торгового мореплавания при осуществлении капитаном морского порта возложенных на него функций по обеспечению безопасности мореплавания и порядка в порту». Уполномоченные должностные лица – это инспекторы портового контроля.

Вообще термин «должностное лицо, осуществляющее контроль» (далее – ДЛЮК) был вве-

ден Меморандумами. Региональные соглашения определили, что при исполнении обязательств морские власти должны производить инспектирование иностранных судов, заходящих в порты, привлекая для этого ДЛЮК, которые действуют под ее ответственностью.¹⁰ В **Черноморском меморандуме вместо термина «ДЛЮК» используется равнозначный термин «инспектор портового контроля»**.¹¹

Пункт 11 Положения 2006 года – это единственная норма российского законодательства, в которой упоминается об этом должностном лице. К сожалению, следует констатировать, что в КТМ РФ и Федеральном законе «О морских портах в Российской Федерации» от 8 ноября 2007 года № 261¹² об инспекторах портового контроля ничего не говорится. Кроме того, до сих пор в Российской Федерации не принято положение об инспекторе государственного портового контроля. А на практике в российских портах инспектирование иностранных судов осуществляют именно эти должностные лица, а не капитан порта. При проверках инспекторы руководствуются резолюцией Международная морская организация (ИМО) – «Процедурой контроля судов государством порта» (Процедуры контроля) (резолюция А. 787(19) ИМО с поправками в А.882 (21) от 25 ноября 1999 года), а не внутрисударственными нормативными актами.¹³ В российских портах инспекции портового контроля входят в Службу капитана порта.

Становится вполне очевидным, что назрела необходимость немедленного внесения изменений в российское законодательство в сфере торгового мореплавания и разработки Положения об инспекции портового контроля.

Теперь остановимся на главе 5 КТМ РФ – «Государственный портовый контроль». Это глава была введена в КТМ РФ в 1999 году Глава состоит из десяти статей (статьи 74–84), статья 77 утратила силу.

Анализ содержания главы показывает, что из десяти статей только две относятся к государственному портовому контролю (ст. 79 – контроль за судами; ст. 80 – разрешение на выход судов из морского порта), но и эти статьи были унаследованы от прежнего Кодекса торгового мореплавания СССР 1968 года.¹⁴

Остальные восемь статей относятся к разным институтам торгового мореплавания. Так, например, в ст. 81 КТМ перечислены основания задержания судна и груза портовыми властями в целях обеспечения морских требований. Следует заме-

⁹ п. 13 Положения о капитане морского порта, утв. Приказом Минтранса России от 19 декабря 2006 г. № 156.

¹⁰ п. 3.5 Токийского меморандума. – С. 16–18; п. 3.1. Латинскоамериканского меморандума. – С. 16 и др.

¹¹ п. 3.1.2 Черноморского меморандума. – С. 10.

¹² Собрание законодательства Российской Федерации от 12.11.2007. – № 46. – Ст. 5557.

¹³ Процедуры контроля судов государством порта (резолюция А. 787(19) ИМО с поправками в А. 882 (21) от 25 ноября 1999 г.) – СПб., 2004.

¹⁴ п. 4 ст. 64 и ст. 74 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР 1968 г. (М., 1968. – С. 28).

тить, что такой вид задержания напрямую связан с институтом ареста морских судов и не имеет никакого отношения к задержанию иностранных судов в порту вследствие их немореходности. Поэтому было бы вполне логично поместить ст. 81 в главу 23 КТМ РФ – «Арест судна».

Оставшиеся семь статей главы 5 КТМ относятся к правовому статусу капитана морского порта: ст. 74 – капитан морского судна; ст. 75 – подчиненность капитана морского порта; ст. 76 – функции капитана порта; ст. 78 – распоряжения капитана морского порта; ст. 82 – строительство в зоне действия средств навигационной обстановки; ст. 83 – привлечение судов к спасанию людей и судов; ст. 84 – ответственность за нарушение правил, касающихся безопасности мореплавания и порядка в порту.

С одной стороны, столь повышенное внимание к капитану порта оправдано, так как на него (согласно положениям КТМ РФ) возложена главная ответственность по контролю иностранных судов. Вместе с тем, следует констатировать, что в главе 5, и это вполне очевидно, законодатель подменяет институт «государственный портовый контроль» институтом «капитан порта», что недопустимо. Считаем целесообразным статьи 74, 75, 76, 78, 82, 83, 84 выделить в качестве самостоятельной главы КТМ «Капитан порта».

Теперь подробнее остановимся на ст. 79, ст. 80 КТМ РФ, которые, по-нашему мнению, отражают содержание государственного портового контроля.

Согласно статье 79 КТМ РФ, капитан морского порта осуществляет контроль за судами, выходящими в море, в целях проверки наличия судовых документов и выполнения требований, касающихся укомплектования экипажей судов. В случае отсутствия судовых документов или наличия достаточных оснований полагать, что судно не удовлетворяет требованиям безопасности мореплавания, капитан морского порта может подвергнуть судно осмотру. В целях проверки устранения недостатков, препятствующих выдаче разрешения на выход судна из морского порта, капитан морского порта может провести контрольный осмотр судна.¹⁵ В соответствии со статьей 80 КТМ РФ, каждое судно до выхода из морского порта обязано получить разрешение капитана морского порта на выход из порта. Капитан имеет право отказать в выдаче разрешения на выход судна из морского порта.¹⁶

Таким образом, как уже было сказано, из содержания ст. 79 ст. 80 КТМ следует, что капитан – это единственное лицо, на которое возложены функции портового контроля, и сводятся они только к проверке свидетельств и документов, имеющих на борту иностранного судна. При наличии до-

статочных оснований полагать, что судно не соответствует требованиям «применимых инструментов», капитан порта может провести осмотр судна или контрольный осмотр судна. В случае если судно соответствует конвенционным требованиям, капитан разрешает судну выйти в море, если не соответствует – запрещает выход до устранения несоответствий.

Теперь обратимся к положениям Процедур контроля. В этом документе содержатся определенные понятия «общая инспекция» и «более детальная инспекция».

В п. 1.6.4 приводится определение обычной инспекции: «Инспекция – это посещение судна для проверки как действительности судовых свидетельств и других документов, так и для проверки общего состояния судна, его оборудования и экипажа»¹⁷. Таким образом, предметом инспекции являются не только судовые документы, но также и общее состояние судна и судового оборудования и судового экипажа.

В п. 1.6.5. дано определение более детальной инспекции: «Инспекция, выполняемая при наличии явных оснований того, что состояние судна, его оборудования или его экипажа в значительной степени не соответствуют содержанию судовых свидетельств и дипломов»¹⁸. Решение о необходимости проведения более детальной инспекции формируется у инспектора в процессе обычной инспекции при наличии на то достаточных оснований, то есть при выявлении факта наличия на судне весьма существенных несоответствий конвенционным требованиям, или того факта, что капитан или экипаж не знакомы с основными процедурами, относящимися к безопасности судна или к предотвращению загрязнения среды.

Таким образом, объем инспекции в Процедурах контроля шире, чем в КТМ РФ. Это не удивительно, резолюция ИМО и КТМ были приняты практически одновременно в 1999 году, поэтому при разработке Кодекса не были учтены положения Процедур контроля. Практика инспектирования в российских портах в то время только начинала складываться.

Исходя из изложенного, для устранения существующего пробела в правовом регулировании статуса инспекторов государственного портового контроля, а также скорейшего сближения национальных правовых норм с международными в области торгового мореплавания, необходимо изменить структуру главы 5 КТМ о государственном портовом контроле. Она должна выглядеть следующим образом:

1. Первую статью главы необходимо сформули-

¹⁵ Статья 79 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации. Комментарий. – С. 148–149.

¹⁶ Там же. – С. 150–151.

¹⁷ Процедуры контроля судов государством порта (резолюция А. 787(19) ИМО с поправками в А. 882 (21) от 25 ноября 1999 г.) – СПб., 2004. – С. 145.

¹⁸ Там же.

ровать так: «Капитан морского порта осуществляет государственный портовый контроль за торговым мореплаванием в Российской Федерации по обеспечению безопасности мореплавания».

2. Вторая статья главы 5 должна называться «Органы государственного портового контроля Российской Федерации». Изложить ее необходимо в следующем виде: «Государственный портовый контроль возложен на службу капитана порта. В состав службы входит капитан порта и Инспекция портового контроля, которую он возглавляет». В п. 2 этой же статьи нужно указать, что «инспекция портового контроля осуществляет осмотры и контрольные осмотры судов, находящихся в морском порту, включая проверку судовых документов, дипломов и подтверждений к дипломам, квалификационных и специальных свидетельств членов экипажей судов, льготных разрешений лиц командного состава, а также их соответствия фактическому состоянию судов и экипажей». В связи с этим следует исключить п. 5 ст. 76 КТМ РФ, а также п. 10 ст. 13 Положения о капитане морского порта, так как эта функция возложена на инспекцию портового контроля.

3. Далее должны следовать статьи 79 и 78 КТМ. В статье 79 «Контроль за судами» в п. 1, 2 слова «капитан морского порта» следует заменить словами «инспекция государственного портового контроля».

Литература

1. Парижский меморандум о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Европейском регионе (Парижский меморандум). – СПб., 2002.
2. Меморандум о взаимопонимании по контролю судов государством порта в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Токийский меморандум). – СПб., 2006.
3. Меморандум о взаимопонимании о контроле судов со стороны государства порта в регионе Черного моря. – СПб., 2006.
4. Процедуры контроля судов государством порта (резолюция А. 787(19) ИМО с поправками в А. 882 (21) от 25 ноября 1999 г.) – СПб., 2004.
5. Консолидированный текст Конвенции об охране человеческой жизни на море 1974. – СПб., 2002 (включает изменения и дополнения, опубликованные в бюллетенях №№ 1–16).
6. Международная конвенция о грузовой марке. – СПб., 1999.
7. Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 г. – СПб., 1996.
8. Международные правила предупреждения столкновения судов на море 1972 г. – М., 1974.
9. Международная конвенция по обмеру судов 1969 г. – СПб., 2000.

КАТЕГОРИЯ «ПРАВОТВОРЧЕСТВО» И ЕЕ ГЕНЕЗИС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Каратеев Павел Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права Юридического института Сахалинского государственного университета. Сфера научных интересов – общая теория права и государства, теория правотворчества, законодательная техника, гражданское и коммерческое право. Эксперт совета по проведению обязательной публичной независимой экспертизы законопроектов в области бюджетного и налогового законодательства при администрации Сахалинской области. Автор более 20 научных публикаций.

В отечественной юридической литературе по теории права правотворчество в большинстве случаев позиционируется как одно из важнейших направлений государственной деятельности, значимость которого обусловлена постоянной потребностью общества в существовании правил взаимоотношений между людьми и организациями.¹ В свете актуальности проблем современного правотворчества Российской Федерации представляется важным изучение и анализ развития категории «правотворчество» в отечественной юридической науке, а также выяснение вопроса о том, к каким научным результатам в этой связи пришли современные теоретики права.

Изучение дореволюционных трудов позволяет утверждать, что русские юристы начала XX века не дают вполне четких определений правотворчества, однако прямо или косвенно говорят о правотворчестве при рассмотрении смежных с ним правовых явлений. Так, П. И. Новгородцев говорил о необходимости учета мнения индивидов при создании закона, отмечая, что «основное правило относительно силы общественных требований гласит, что

эти требования лишь потому обязательны, что они взаимны: каждый закон при издании своем предполагает согласие всех, кто должен ему затем повиноваться; это необходимое условие его справедливости»². Л. И. Петражицкий отрицал роль государства в формировании права, которое, по его мнению, тождественно правовым переживаниям. Но все же он упоминал о законодательной функции государственной власти: «...организация власти способствует и более полному удовлетворению потребности в развитии однообразного и точно определенного правового шаблона и осуществлению соответствующей унификационной тенденции, связанной с атрибутивной природой права»³. Интересен подход к правотворчеству и другого отечественного дореволюционного правоведа – Б. А. Кистяковского, который говорит по сути не о правотворчестве, а о правообразовании, уделяя большое внимание социологической стороне этого вопроса.⁴

Советские юристы при рассмотрении проблем правотворчества придерживались марксистских взглядов⁵ и утверждали, что по социально-классовому содержанию правотворчество представляет

¹ См., например: Скурко, Е. В. Метод социально-правового моделирования в решении задач правотворчества / Е. В. Скурко // Государство и право. – 2003. – № 1; Бочарова, Е. П. Правотворчество субъектов Российской Федерации / Е. П. Бочарова // Право и политика. – 2003. – № 1; Бобылев, А. И. Теоретические проблемы правотворчества в РФ / А. И. Бобылев // Собрание научных трудов. – М., 2000. – Вып. 2; Булаков, О. Актуальные вопросы законодательства и законодательной техники / О. Булаков // Право и жизнь. – 2003. – № 11; Крашенинников, Е. А. Понятие, принципы и субъекты правотворчества / Е. А. Крашенинников // Правоведение. – 2003. – № 1; Поленина, С. В. Законодательство в Российской Федерации / С. В. Поленина. – М., 1996.

² Новгородцев, П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – СПб., 2000. – С. 35.

³ Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб., 2000. – С. 181.

⁴ См.: Кистяковский, Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский. – СПб., 1999. – С. 208.

⁵ Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что воля, обусловленная определенными отношениями, должна получить всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона, стать независимой от личного произвола каждого отдельного господствующего индивида. (См.: Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – С. 322).

собой возведение в закон, то есть в общеобязательное правило, воли господствующего класса или народа, стоящего у власти; либо как особую форму или вид деятельности государства, состоящий в установлении, а также изменении или отмене правовых норм.⁶

При этом подчеркивалось диалектическое единство норм права и правоотношений. Соответственно, предлагалось понимать право как определенное единое объемлющее явление, включающее правоотношение в свою структуру.⁷ При таком понимании права правотворчеством следовало бы считать создание не только норм права, но и правоотношений, являющихся производными от таких норм.⁸ Однако большинство юристов того периода все же обоснованно использовали понятие правотворчества в нормативном смысле, подразумевая под ним процесс создания правовых норм.

Вместе с тем, некоторые ученые подходили к пониманию правотворчества с более широких позиций и предлагали понимать под этим процессом не специфическую деятельность компетентных органов, а специфическое явление в жизни общества, организованного в государство. При этом в виду имела именно правотворческая деятельность, охватывающая как формирование правовых взглядов общества, так и процессы их закрепления и выражения в соответствующих нормативных актах.⁹

В современной теории права отсутствует единство мнений относительно понятия правотворчества и его содержания. При этом правотворчество понимается в широком и узком смыслах, что зависит от того или иного подхода к пониманию самого права.

Широким подходом к данному вопросу считается подход с позиций естественного права, что предполагает рассмотрение правотворческих органов как органов, которые не формируют, не творят право, а только открывают его и обнару-

живают, облекая в законы и иные нормативные правовые акты.¹⁰

Известно, что позитивное право трактуется как социальный регулятор, создаваемый для того, чтобы в общеобязательном порядке определять, что юридически дозволено, а что юридически недозволено. С точки зрения юридического позитивизма воля государства по существу является единственным фактором, порождающим право. В этой связи правотворчество в узком смысле представляет собой деятельность специально уполномоченных государственных органов по установлению, изменению и отмене норм права.¹¹ Таким образом, сторонники позитивного права рассматривают правотворчество в органической связи с государством, как организующее начало, реально воздействующее на поведение людей и коллективных образований посредством разработки и принятия юридических норм.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что сам термин «правотворчество» на современном этапе весьма условен и не имеет единого понимания. Поэтому наиболее соответствующей действительному положению вещей нам представляется точка зрения авторов, полагающих, что суть правотворчества может быть наиболее полно раскрыта с учетом широкого и узкого подходов к его определению. Как верно подчеркивает А. Ф. Черданцев, «реальное положение дел находится посередине между крайними взглядами на правотворчество»¹².

Действительно, право представляет собой результат правотворческой деятельности государства, выражающей волю власть имущих. Вместе с тем, такая воля не является произвольным, не имеющим под собой каких-либо оснований, решением и обусловлена факторами общественной жизни. Разумеется, эти факторы необходимо познать, осмыслить, оценить с точки зрения их развития, социальных ожиданий, и соответствующие выводы использовать при разработке и принятии нормативных правовых актов.¹³

⁶ См.: Самощенко, И. С. О правовых формах осуществления функций Советского государства / И. С. Самощенко // Советское государство и право. – 1956. – № 3. – С. 86; Васильев, А. М. О классификации актов Верховного Совета СССР / А. М. Васильев // Советское государство и право. – 1953. – № 8. – С. 16–17; Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права : курс лекций / С. С. Алексеев. – Свердловск, 1966. – С. 22.

⁷ См.: Пионтковский, А. А. Некоторые вопросы общей теории государства и права / А. А. Пионтковский // Советское государство и право. – 1956. – № 1. – С. 19–32; Кечекьян, С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С. Ф. Кечекьян. – М., 1958. – С. 30; Патюлин, В. А. Теоретические и практические вопросы субъективных прав граждан / В. А. Патюлин // Советское государство и право. – 1967. – № 7. – С. 130–131.

⁸ См.: Мицкевич, А. В. Понятие правотворчества / А. В. Мицкевич // Правотворчество в СССР ; под ред. А. В. Мицкевича. – М., 1974. – С. 31–32.

⁹ См.: Соколов, Н. Я. Формы участия народных масс в совершенствовании социалистического законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Я. Соколов, – М., 1966. – С. 7; Степанов, И. М. Демократические основы правотворчества в СССР / И. М. Степанов // Советское государство и право. – 1960. – № 4. – С. 86–87.

¹⁰ См.: Протасов, А. Н. Теория государства и права. Проблемы теории права и государства / А. Н. Протасов. – М., 2001. – С. 159.

¹¹ См.: Кожевников, С. Н. Проблемы теории права : курс лекций / С. Н. Кожевников // Право: понятие, сущность, система; правотворчество и правовое регулирование. – Нижний Новгород. – 2004. – Ч. I. – С. 151.

¹² Черданцев, А. Ф. Теория государства и права / А. Ф. Черданцев. – М., 2001. – С. 229.

¹³ См.: Тихомиров, Ю. А. Правотворчество / Ю. А. Тихомиров // Общая теория государства и права ; под ред. М. Н. Марченко. – М., 1998. – Т. 2. – С. 157.

Кроме того, на правотворчество оказывает влияние и целый ряд факторов объективного и субъективного характера. К первым из них можно отнести материальные условия жизни общества, состояние отношений между национальными, этническими общностями, внешнеполитические особенности развития страны и другие. Ко вторым относятся потребности и интересы различных социальных групп в нормативном правовом регулировании общественных отношений, взгляды и позиции участников правотворческого процесса. Кроме того, как верно отмечает Ф. С. Сосенков, к этому же ряду можно отнести подходы профессионалов-юристов к определению объектов правового регулирования, оценке закономерностей развития тех или иных сфер общественной жизни, которые необходимо своевременно и эффективно урегулировать¹⁴. Таким образом, на современном этапе развития науки теории права понятие правотворчества отличается постоянной динамикой, наполнением своего содержания новыми компонентами.

Литература

1. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права : курс лекций / С. С. Алексеев. – Свердловск, 1966.
2. Бочарова, Е. П. Правотворчество субъектов Российской Федерации / Е. П. Бочарова // Право и политика. – 2003. – № 1.
3. Бобылев, А. И. Теоретические проблемы правотворчества в РФ / А. И. Бобылев // Собрание научных трудов. – М., 2000. – Вып. 2.
4. Булаков, О. Актуальные вопросы законодательства и законодательной техники / О. Булаков // Право и жизнь. – 2003. – № 11.
5. Васильев, А. М. О классификации актов Верховного Совета СССР / А. М. Васильев // Советское государство и право. – 1953. – № 8.
6. Крашенинников, Е. А. Понятие, принципы и субъекты правотворчества / Е. А. Крашенинников // Правоведение. – 2003. – № 1.
7. Кечекьян, С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С. Ф. Кечекьян. – М., 1958.
8. Кистяковский, Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский. – СПб., 1999. – С. 208.
9. Кожевников, С. Н. Проблемы теории права : курс лекций / С. Н. Кожевников // Право: понятие, сущность, система; правотворчество и правовое регулирование. – Н. Новгород. – 2004. – Ч. I.
10. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 3.
11. Мицкевич, А. В. Понятие правотворчества / А. В. Мицкевич // Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. – М., 1974.
12. Новгородцев, П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – СПб., 2000. – С. 35.
13. Патюлин, В. А. Теоретические и практические вопросы субъективных прав граждан / В. А. Патюлин // Советское государство и право. – 1967. – № 7.
14. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб., 2000. – С. 181.
15. Пионтковский, А. А. Некоторые вопросы общей теории государства и права / А. А. Пионтковский // Советское государство и право. – 1956. – № 1.
16. Поленина, С. В. Законодательство в Российской Федерации / С. В. Поленина. – М., 1996.
17. Протасов, А. Н. Теория государства и права. Проблемы теории права и государства / А. Н. Протасов. – М., 2001.
18. Самощенко, И. С. О правовых формах осуществления функций Советского государства / И. С. Самощенко // Советское государство и право. – 1956. – № 3.
19. Скурко, Е. В. Метод социально-правового моделирования в решении задач правотворчества / Е. В. Скурко // Государство и право. – 2003. – № 1.
20. Соколов, Н. Я. Формы участия народных масс в совершенствовании социалистического законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Я. Соколов. – М., 1966. – С. 7.
21. Сосенков, Ф. С. Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации : теоретический и практический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2007.
22. Степанов, И. М. Демократические основы правотворчества в СССР / И. М. Степанов // Советское государство и право. – 1960. – № 4.
23. Тихомиров, Ю. А. Правотворчество / Ю. А. Тихомиров // Общая теория государства и права ; под ред. М. Н. Марченко. – М., 1998. – Т. 2.
24. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права / А. Ф. Черданцев. – М., 2001.

¹⁴ См.: Сосенков, Ф. С. Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации: теоретический и практический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – С. 21.

К ПРОБЛЕМЕ ОТГРАНИЧЕНИЯ ШИКАНЫ ОТ ИНЫХ ФОРМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

Сазанова Ирина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и трудового права Юридического института СахГУ. Сфера научных интересов: вещное право, договорное право. Автор более 30 публикаций, в том числе двух монографий.

Толкование и применение ст. 10 ГК РФ, содержащей запрет осуществления субъективного права исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребления правом в иных формах, относится к одной из актуальных проблем цивилистики, не разрешенных до настоящего момента. Противоречивая позиция исследователей института злоупотребления субъективным правом отражает столь же противоречивую практику применения ст. 10 ГК РФ.

К одной из неясных формулировок ст. 10 ГК РФ следует отнести указание на «иные формы злоупотребления правом». Для современной юридической науки характерно «выделение наряду с шиканой недобросовестного осуществления права как иной формы злоупотребления правом»¹. В Концепции развития гражданского законодательства предлагается детализировать понятие иных форм злоупотребления правом, отнеся к их числу заведомо недобросовестное поведение субъекта права, действия в обход закона.² Мы в принципе согласны с утверждением, что злоупотребление правом есть шикана и иное недобросовестное осуществление права, однако в Концепции союз «и» является разделительным. Если недобросовестность управомоченного лица считать одной из форм злостного правоупотребления, то следует парадоксальный вывод, что шикана является поведением добросовестным. На самом деле добросовестность субъекта является общим требованием при оценке всех случаев злоупотребления правом.

Какой же критерий должен быть положен в основу выделения форм злостного правоупотребления?

Следует отметить, что термин «форма злоупотребления правом» закреплен законодательно. Одним из наиболее распространенных критериев деления злоупотребления правом на формы, представленных в литературе, являются особенности субъективной стороны.³ В частности, указывается, что для шиканы характерен умысел на причинение вреда другим лицам, а к иным формам следует относить случаи неосторожного причинения вреда.

Подобная точка зрения представляется неприемлемой, так как неосторожных злоупотреблений правом не бывает. Особенностью употребления субъективного права во зло является то, что управомоченное лицо всегда осознает желаемый результат.

Если субъект злоупотребляет правом не с единственным намерением причинения вреда другому, то он все равно не может не осознавать, что получает выгоды за счет ущемления интересов другого лица. Осознание управомоченным лицом того, что он использует право во зло другому, неизбежно сопутствует злоупотреблению правом. Если лицо при осуществлении субъективного права получает выгоды, не затрагивая интересов третьих лиц, то, очевидно, что оно действует правомерно.

Буквальное толкование п. 1 ст. 10 ГК РФ приводит нас к выводу о том, что в основу выделения форм злоупотребления правом законодатель положил исключительность намерения причинения вреда. Однако насколько обоснованно включение этого критерия в действующее законодательство? Намерение представляет собой цель управомоченного лица. Намерение характеризуется направ-

¹ Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами / Г. А. Гаджиев // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 60.

² См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11. – С. 16.

³ См.: Кацья, Т. В. Злоупотребление субъективным гражданским правом / Т. В. Кацья // Закон. – 2009. – № 3. – С. 206; Поротинова, О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом / О. А. Поротинова. – М., 2008. – С. 159, 171, 257; Цикунов, Е. А. Злоупотребление правом в сфере налогов и сборов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Цикунов. – М., 2007. – С. 17.

ленностью поведения субъекта на наступление определенного результата. Идеальный ожидаемый результат и есть цель. Почему же законодатель, устанавливая запрет шиканы, использовал термин «намерение», а не «цель»? Так, в ст. 169 ГК РФ законодатель говорит о заведомой цели. Представляется, что избранная терминология все же не случайна. Во-первых, термин «намерение» в литературе часто отождествляется с умыслом. Тем самым законодатель подчеркивает, что шикана, с одной стороны, не может быть совершена по неосторожности, а с другой стороны, для квалификации действий управомоченного как злостного правоупотребления необходимо учитывать субъективные факторы. Во-вторых, как отмечает Ю. Б. Фогельсон, цель имеет, как правило, экономическое, имущественное содержание, в то время как мотив – чисто психологическое.⁴ Совершая шикану, субъект не преследует цели получения имущественных выгод для себя, что характерно для иных форм злоупотребления правом. Побудительным же мотивом лица, допустившего шикану, является получение морального удовлетворения, мотивы зависти, мести, гордыни и т. п. Соответственно причинение вреда другому лицу в случае шиканы является единственной и непосредственной целью субъекта. Иные формы злоупотребления правом характеризуются тем, что наступление вредных для другого лица последствий является только средством для достижения корыстных целей. Непосредственным следствием использования права субъектом, преследующим цель получения каких-либо преимуществ для себя, является наступление вредных последствий для иных участников правоотношений.

Таким образом, причинение вреда другому лицу может являться как непосредственной, так и опосредованной целью управомоченного лица. В основе выделения форм злоупотребления правом в действующем законодательстве лежит непосредственность или отдаленность цели.

Однако выделение такой формы, как шикана, сегодня не имеет смысла ни с точки зрения политики права, ни с точки зрения практики. Попытаемся обосновать сделанные утверждения.

По нашему мнению, запрет шиканы в ст. 10 ГК РФ – дань традиции. Запрет шиканы находил поддержку даже у противников запрета злоупотребления правом. О важности его введения в гражданское законодательство писал И. А. Покровский: «Не впадая в крайность, не берясь за неосуществимую задачу насаждения морали принудительным путем, запрещение осуществлять право с исключи-

тельной целью причинить зло будет иметь уже само по себе огромное морализующее значение. Если гражданское право является по преимуществу областью частного самоопределения, то есть областью дозволенного эгоизма, то запрещение шиканы устраняет крайние, антисоциальные типы этого эгоизма. Современное гражданское право как бы говорит человеку: если тебе позволено быть в известных пределах эгоистом, то это не значит, что ты можешь быть злым: *malitiis non est indulgendum*».⁵

Норма, содержащая принципиальный запрет осуществления права исключительно с целью причинения вреда другому лицу, была впервые введена Германское гражданское уложение 1896 года. Термин «шикана», ставший сегодня общепризнанным для обозначения пользования субъективным правом исключительно для того, чтобы причинить вред другому лицу, был впервые введен в научный оборот немецкими юристами. Данный термин происходит от немецкого *schikane* – издевательство, каверза, придирака.⁶

Первые две редакции ГГУ не содержали общего запрета шиканы. Создатели ГГУ отмечали, что само намерение причинить вред другому лицу осуществлением своего права установить и доказать практически невозможно. Зачем же тогда запрещать шикану, если это станет основанием для огромного количества заведомо неразрешимых исков?⁷ Третья редакция ГГУ содержала запрет шиканы, однако только в сфере права собственности. Параграф 887 проекта ГГУ предусматривал, что «осуществление права собственности с единственной целью причинить вред третьему лицу является недопустимым».

Однако к началу XIX века большинство немецких юристов полагало необходимым введение запрета шиканы в качестве общего начала с распространением его действия и на обязательственные отношения.⁸

После внесения комиссией Рейхстага дополнений в ГГУ появился § 226, который действует в первоначальной редакции до настоящего времени. Согласно § 226 ГГУ «не допускается осуществление права исключительно с целью причинения вреда другому лицу».⁹

Запрет шиканы в гражданском праве ФРГ, таким образом, является общим принципом. Как указывают немецкие цивилисты, он чаще всего применяется в области вещного права, а именно в случае осуществления права собственности единственно затем, чтобы досадить другому лицу. Кроме того, этот принцип используется в наследственном, се-

⁴ См.: Фогельсон, Ю. Б. *Хозяйственная цель сделки* / Ю. Б. Фогельсон // *Хозяйство и право*. – 2001. – № 2. – С. 86.

⁵ Покровский, И. А. *Основные проблемы гражданского права* / И. А. Покровский. – М., 2001. – С. 112.

⁶ *Большой немецко-русский словарь*. – М., 1999. – С. 734.

⁷ См.: Доманжо, В. *Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом* / В. Доманжо. – Казань, 1913. – С. 8.

⁸ См.: Дернбург, Г. *Пандекты*. – Т. 1 : *Общая часть* / Г. Дернбург ; пер. с нем. Г. фон Рехенберга ; под ред. П. Соколовского. – М., 1906. – С. 106.

⁹ См.: *Германское право*. – Ч. I : *Гражданское уложение* / под ред. проф. В. В. Залесского. – М., 1996. – С. 56.

мейном праве, отчасти в обязательственном.¹⁰

Какое содержание вкладывают немецкие авторы в понятие шиканы? Достаточно ли для признания действий управомоченного лица злоупотреблением правом причинения вреда третьим лицам? На этот вопрос немецкие юристы дают отрицательный ответ.

Известный цивилист Л. Эннекцерус отмечал, что «запрещено не всякое осуществление права, причиняющее вред другому. Без нанесения вреда другим лицам при осуществлении некоторых прав даже нельзя обойтись, если вообще их осуществлять. Недостаточно также, чтобы осуществление права имело целью причинить вред. Требуется большее: из обстоятельств дела должно вытекать, что осуществление права для лица, совершающего данное действие, не может иметь никакой иной цели, чем причинение вреда; но это вообще можно признать только тогда, когда осуществление права не имеет для него никакого интереса. Однако нужно допускать исключение на тот случай, если хотя и мыслима другая цель и, может быть, она имеется даже налицо, но последняя противоречит праву или безнравственна»¹¹. Таким образом, для признания действий лица шиканой требовалось, чтобы это лицо имело причинение вреда единственной целью или хотя и имело иные цели, кроме причинения вреда, но носящие противоправный характер. В комментарии к ГГУ содержится следующее разъяснение: «Если законные интересы являются определяющими, то шикана отсутствует»¹².

До настоящего времени в немецкой литературе существует мнение, что исключительное намерение причинить вред при осуществлении права практически недоказуемо. Э. Рабель называет запрет шиканы «безуспешным».¹³

Запрет шиканы, несмотря на его нравственное значение, создает значительные трудности в судебной практике при доказывании исключительности намерения причинить вред другому лицу. Вопрос о том, как оценивать действия субъекта, если наряду с намерением причинить вред он преследует и иные цели, является предметом обсуждения и в российской правоприменительной практике.

Однако на практике действия, единственной целью которых является причинение вреда другому лицу, сравнительно редки. Как правило, такие действия имеют место во взаимоотношениях между соседями, членами семьи, родственниками, то есть в случаях, когда субъекты неохотно пользуются правовыми способами защиты. Значительно чаще действия субъектов гражданского права,

причиняющие вред третьим лицам, сопровождаются наличием других целей.

Запрет шиканы сомнителен еще и потому, что у суда практически нет возможности применить санкцию ст. 10 ГК РФ к лицу, совершившему шикану. Невозможно представить субъекта, который бы действовал с исключительной целью причинения вреда другому лицу и сам бы обратился с иском в суд. Реальнее ситуация, когда потерпевший сам обратится в суд с требованием о приостановлении такой деятельности или о возмещении причиненного вреда, так как о наличии шиканы судят, если вредные последствия уже налицо или очевидны. Но в этом случае спор будет разрешен на основании норм главы 59 ГК РФ.

Особенностью складывающейся в России судебной практики является признание шиканой действий, преследующих и иные, кроме причинения вреда, цели. В п. 5 совместного Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 года № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», указано, что «отказ в защите права со стороны суда допускается лишь в случаях, когда материалы дела свидетельствуют о совершении гражданином или юридическим лицом действий, которые могут быть квалифицированы как злоупотребление правом... в частности, действий, имеющих своей целью причинить вред другим лицам»¹⁴. Постановление не содержит указания на исключительность намерения причинить вред другому лицу.

Т. С. Яценко предлагает понимать под шиканой действия управомоченного субъекта, осуществляемые как исключительно с намерением причинить вред другому лицу, так и с намерением причинения вреда, а также достижения иной цели.¹⁵

Открытым остается вопрос: что понимать под «иной целью»? Например, если субъект обращается в суд с иском о признании должника банкротом с намерением причинить вред должнику, который, в свою очередь, действительно отвечает признакам банкротства, указанным в законе, то ст. 10 ГК РФ применяться не должна.¹⁶

Как указывают авторы, если признаки банкротства должника налицо, а факт злоупотребления правом трудно доказать, то судам становится сложно учитывать требования ст. 10 ГК РФ, поэтому они и не должны применяться.¹⁷ Вывод о том, что основанием неприменения ст. 10 ГК РФ является не законность цели предъявления требования, а сложность процесса доказывания злонамеренности субъекта,

¹⁰ См.: Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права / Л. Эннекцерус. – Т. 1. – Полутом 2. – М., 1950. – С. 437.

¹¹ Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права. – Т. 1. – Полутом 2 / Л. Эннекцерус. – М., 1950. – С. 437–438.

¹² Цит. по: Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М., 2000. – С. 32.

¹³ Rabel E. Grundzüge des Römischen Privatrechts. – Basel, 1995. – S. 12.

¹⁴ Российская газета. – 1996. – 13 августа.

¹⁵ См.: Яценко, Т. С. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность / Т. С. Яценко. – М., 2003. – С. 101.

¹⁶ См.: Дягилев, А. Фиаско или новый виток? / А. Дягилев // Бизнес-адвокат. – 2000. – № 4; Яценко, Т. С. Указ. соч. / Т. С. Яценко. – С. 118.

¹⁷ См.: Дягилев, А. Фиаско или новый виток? / А. Дягилев // Бизнес-адвокат. – 2000. – № 4; Яценко, Т. С. Указ. соч. / Т. С. Яценко. – С. 118.

представляется абсурдным. Если, например, истец обращается в суд с требованием о возмещении процентов за пользование денежными средствами, преследуя цель причинения вреда ответчику, то суд с учетом конкретных обстоятельств дела, как свидетельствует практика, может отказать в защите права истцу на основании ст. 10 ГК РФ.

Однако требование о выплате процентов должником, так же, как и требование о признании должника банкротом, само по себе является законным. В этой связи следует обратить внимание на то, что в случае предъявления заявления о признании должника банкротом получения необоснованных преимуществ лично для истца практически исключено, так как законодательство о банкротстве императивно закрепляет очередность удовлетворения требований кредиторов, устанавливает процедуру банкротства. При предъявлении же требования о взыскании процентов с должника нельзя исключить, что истец может обратиться в суд с намерением получения не основанных на законе выгод за счет другого лица, что требует доказывания. Собственно, под «иной целью» следует понимать направленность действий субъекта на получение необоснованных преимуществ за счет другого лица.

Таким образом, в литературе и на практике последних лет наметилась тенденция к отождествлению шиканы и иных форм злоупотребления правом, так как исключительность намерения причинения вреда уже не относят к особенностям шиканы. Наличие иных целей не препятствует квалификации действий субъектов в качестве шиканы, что стирает грань между ней и иными формами и делает запрет шиканы в ст. 10 ГК РФ декларативным. Представляется, что существующая формулировка ст. 10 ГК РФ является следствием смешения швейцарского и германского подходов. Как известно, Швейцарское гражданское уложение ограничивается общим запретом недобросовестного поведения. Германское гражданское уложение содержит принципиальный запрет шиканы без указания на иные формы, при этом как шикана оцениваются действия, направленные на достижение иных незаконных целей наряду с причинением вреда другим лицам.

Кроме того, действующее законодательство устанавливает единое юридическое последствие злоупотребления правом в форме отказа лицу в защите субъективного права, не предусматривая каких-либо особых последствий для так называемых форм злоупотребления правом. Если и говорить о каких-либо различиях, то можно отметить, что совершение управомоченным лицом действий, традиционно относимых к шикане, например, строительство дома с целью ограничения соседа вида на море, является средством некоего морального удовлетворения. При совершении так называемых иных форм злоупотребления правом действия субъекта направлены на получение, в первую очередь, материальных преимуществ за счет другого лица.

Таким образом, по нашему мнению, у категории злоупотребления правом есть общие признаки, позволяющие различать его как самостоятельную правовую категорию, однако нет особенностей его

частных видов, которые позволили бы выделить самостоятельные формы. Если и можно говорить о каких-либо особенностях, то не о формах злоупотребления правом, а об отдельных видах в различных сферах общественных отношений с целью выявления особенностей квалификации злостного правоупотребления, например, в акционерных правоотношениях, в сфере интеллектуальной собственности.

Таким образом, из содержания п. 1 ст. 10 ГК РФ следует исключить указание на иные формы злоупотребления правом.

П. 1 ст. 10 ГК РФ предлагаем изложить в следующей редакции: Не допускается использование гражданских прав с целью получения не основанных на законе преимуществ за счет нарушения законных интересов другого лица и способами, не соответствующими требованиям соразмерности, разумности, добросовестности».

Литература

1. Большой немецко-русский словарь. – М., 1999.
2. Гаджиев, Г. А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами / Г. А. Гаджиев // Государство и право. – 2002. – № 7.
3. Германское право. – Ч. I : Гражданское уложение / под ред. проф. В. В. Залесского. – М., 1996.
4. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М., 2000.
5. Доманжо, В. Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом / В. Доманжо. – Казань, 1913.
6. Дернбург, Г. Пандекты. – Т. 1 : Общая часть / Г. Дернбург ; пер. с нем. Г. фон Рехенберга ; под ред. П. Соколовского. – М., 1906.
7. Дягилев, А. Фиаско или новый виток? / А. Дягилев // Бизнес-адвокат. – 2000. – № 4
8. Кацья, Т. В. Злоупотребление субъективным гражданским правом / Т. В. Кацья // Закон. – 2009. – № 3.
9. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.
10. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М., 2001.
11. Поротикова, О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом / О. А. Поротикова. – М., 2008.
12. Фогельсон, Ю. Б. Хозяйственная цель сделки / Ю. Б. Фогельсон // Хозяйство и право. – 2001. – № 2.
13. Цикунов, Е. А. Злоупотребление правом в сфере налогов и сборов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Цикунов. – М., 2007.
14. Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права / Л. Эннекцерус. – Т. 1. – Полутом 2. – М., 1950.
15. Яценко, Т. С. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность / Т. С. Яценко. – М., 2003.
16. Rabel E. Grundzüge des Römischen Privatrechts. – Basel, 1995.

ОБ ИНСТИТУТАХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОПУЩЕННЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Товбин Михаил Андреевич – старший преподаватель Юридического института СахГУ, адвокат.

Равноправие и состязательность сторон в арбитражном судопроизводстве относятся к основным положениям российского арбитражного процессуального права и, следовательно, должны проявляться во всех институтах данной отрасли без каких-либо изъятий.

Так, ч. 2 ст. 8 АПК РФ раскрывает содержание принципа равноправия сторон следующим образом: «Стороны пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление арбитражному суду своих доводов и объяснений, осуществление иных процессуальных прав и обязанностей, предусмотренных настоящим Кодексом».

Аналогично раскрывается и содержание принципа состязательности. Из текста ч. 2 ст. 9 АПК РФ следует, что «лица, участвующие в деле, вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства. Каждому лицу, участвующему в деле, гарантируется право представлять доказательства арбитражному суду и другой стороне по делу, обеспечивается право заявлять ходатайства, высказывать свои доводы и соображения, давать объяснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств. Лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий».

Однако в арбитражном процессуальном законодательстве можно найти положения, которые этим принципам не соответствуют. Особенно наглядно это проявляется, если применить метод сравнительного анализа, сопоставляя содержание норм очень близких друг к другу отраслей права – арбитражного процессуального и гражданского процессуального.

И в АПК РФ, и в ГПК РФ есть главы, посвященные процессуальным срокам. В первом случае это глава 10 АПК, во втором – глава 9 ГПК. В обеих главах по шесть статей, притом с совпадающими в двух разных кодексах названиями и очень сходным содержанием. Оба кодекса одинаково решают

вопросы о сущности процессуальных сроков, порядке их исчисления, основаниях приостановления и возобновления течения сроков, последствиях их пропуска.

Однако на этом фоне бросается в глаза совершенно разная регламентация восстановления пропущенных процессуальных сроков, установленных федеральным законом, по ст. 117 АПК РФ и ст. 112 ГПК РФ. Причем различие никоим образом, по мнению автора, не оправдано спецификой каждой из разновидностей процесса.

Согласно ч. 2 ст. 112 ГПК РФ, заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока «рассматривается в судебном заседании. Лица, участвующие в деле, извещаются о времени и месте судебного заседания, однако их неявка не является препятствием к разрешению поставленного перед судом вопроса». В соответствии с ч. 5 той же статьи «На определение суда о восстановлении или об отказе в восстановлении пропущенного процессуального срока может быть подана частная жалоба».

Такое законодательное решение вопроса в гражданском процессе соответствует принципам состязательности и равноправия сторон (в ГПК РФ эти принципы сформулированы в ст. 12 и ч. 3 ст. 38), поскольку все участвующие в деле лица предварительно уведомляются судом общей юрисдикции о подаче заявления о восстановлении срока, имеют возможность ознакомиться с этим заявлением и доказательствами уважительности причин пропуска процессуального срока заявителем, подать свои возражения против восстановления срока, если считают, что требование о восстановлении неосновательно. Могут участвующие в деле лица также лично явиться в судебное заседание, задать вопросы заявителю по поводу пропуска им процессуального срока. Наконец, после того, как суд вынесет определение по рассматриваемому вопросу, правом на его обжалование может воспользоваться как заявитель (если в восстановлении срока будет отказано), так и лица, не желающие восстановления срока (если заявление удовлетворено).

Совсем иное усматривается из текста ст. 117 АПК РФ. Согласно ч. 4 этой статьи ходатайство о восстановлении пропущенного срока рассматривается «без извещения лиц, участвующих в деле, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом».

Следовательно, остальные (помимо заявителя) участвующие в арбитражном процессе лица не имеют гарантий возможности возражать против восстановления пропущенного срока, поскольку они попросту не извещаются арбитражным судом ни об аргументах заявителя, ни о том, что о восстановлении срока вообще поставлен вопрос.

Чаще всего вопрос о пропущенных сроках связан с подачей апелляционных и кассационных жалоб. Покажем ущербность существующего регулирования на наглядном примере.

Ответчик, несогласный с решением арбитражного суда первой инстанции, подает апелляционную жалобу с пропуском месячного срока на ее подачу, установленного ч. 1 ст. 259 АПК РФ. Если он включит ходатайство о восстановлении срока непосредственно в текст жалобы, истец узнает об этом ходатайстве и его аргументах, поскольку ч. 3 ст. 260 АПК РФ обязывает лицо, подающее апелляционную жалобу, направить копии самой жалобы и прилагаемых к ней документов другим участвующим в деле лицам, а п. 3 ч. 4 той же статьи требует приложить к апелляционной жалобе доказательства такого направления. Но нигде в АПК РФ не сказано, что ходатайство о восстановлении срока на подачу жалобы обязательно должно быть включено в текст жалобы. По смыслу ч. 3 ст. 117 АПК РФ, такое ходатайство и сама жалоба подаются «одновременно». То есть это может быть сделано параллельно: в один день ответчик подает в канцелярию суда апелляционную жалобу с доказательствами направления ее копий в соответствующие адреса и отдельным «заходом» – заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока, в отношении которого законодатель не предусмотрел обязанности заявителя направлять копии кому-либо. Впрочем, есть и более эффективные процессуальные (вернее – антипроцессуальные) способы оставить одну сторону в неведении о действиях другой. (Описание не приводится, чтобы не превращать данную статью в учебное пособие для нечестных лиц.)

Однако даже и при отсутствии явной нечестности со стороны заявителя существующая редакция рассматриваемых норм не обеспечивает соблюдение интересов участвующих в деле лиц. Допустим, тот же ответчик совершенно добросовестно в один день направил копию апелляционной жалобы (с ходатайством о восстановлении срока) на решение арбитражного суда Приморского края по почте истцу, находящемуся в г. Самаре, и сдал жалобу в канцелярию упомянутого суда. Согласно ч. 2 ст. 257 АПК РФ арбитражный суд Приморского края в трехдневный срок должен направить дело с жалобой в арбитражный суд апелляционной инстанции. Учитывая, что оба суда находятся в г. Владивостоке, дело окажется в апелляционном

арбитражном суде практически сразу. В соответствии с ч. 4 ст. 117 АПК РФ арбитражный суд апелляционной инстанции в пятидневный срок со дня поступления обязан рассмотреть ходатайство о восстановлении срока (не извещая никого о том, что таковое поступило). Истцу же станет известно о том, что ответчик подал жалобу и ходатайствует о восстановлении срока, лишь тогда, когда заказное письмо ответчика дойдет до г. Самары. (Если ответчик не воспользуется электронными средствами связи.) Даже если истец, отбросив все дела, немедленно направит в Пятый апелляционный арбитражный суд отзыв на данное ходатайство (а ведь текст надо еще обдумать и составить, что не каждый способен сделать самостоятельно), вряд ли отзыв окажется в суде, расположенном в г. Владивостоке, до рассмотрения ходатайства этим судом. Это – не говоря еще о том, что отзыв на ходатайство о восстановлении пропущенного процессуального срока вообще не предусмотрен в АПК РФ как вид процессуального документа.

То есть действующая редакция ч. 4 ст. 117 АПК РФ фактически лишает участвующих в деле лиц возможности отстаивать в письменной форме перед арбитражным судом противоположную позиции заявителя ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока. Делать то же самое в устной форме (то есть выступая в судебном заседании) они также не могут в силу прямого указания этой же нормы о том, что судебное заседание проводится без извещения участвующих в деле лиц.

Не лучше обстоит дело и с правом на обжалование определений, выносимых по вопросам о сроках. Согласно ч. 6 ст. 117 АПК РФ обжаловано может быть только определение об отказе в восстановлении пропущенного процессуального срока. Очевидно, что это право предусмотрено для того, кто заявлял ходатайство о восстановлении. (Это следует из абз. 2 ч. 5 той же статьи, согласно которому копия определения об отказе в восстановлении срока направляется только заявителю ходатайства о его восстановлении.) О восстановлении же срока, как следует из ч. 4 той же статьи, отдельное определение вообще не выносится – о нем лишь указывается в соответствующем судебном акте (применительно к апелляционной жалобе – в определении о принятии ее к производству, как указано в ч. 4 ст. 259 АПК РФ). Обжалование такого определения ни в полном объеме, ни в части ст. 261 АПК РФ не предусматривает, дальнейшему движению дела (ч. 1 ст. 188 АПК РФ) оно не препятствует. То есть, даже после получения копии «общего» определения, которое в числе прочих вопросов указывает на восстановление пропущенного срока, участвующие в деле лица обжаловать определение в этой части не вправе.

Очевидно, что в рассматриваемой сфере наличествует явный отход самого законодателя от принципов равноправия и состязательности в российском арбитражном процессуальном праве. Ведь никак нельзя говорить, например, о равен-

стве прав на представление доказательств и доводов, если заявитель ходатайства о восстановлении срока может приводить в этом ходатайстве доводы об уважительных причинах пропуска срока и прилагать доказательства наличия этих причин, а другая сторона лишена возможности приводить контрдоводы и доказательственно обосновывать их. Вместо обеспечения каждому участвующему в деле лицу возможности представлять доводы и доказательства – создание такого процессуального режима, который заведомо обеспечивает эти возможности только одной стороне. Наконец, равноправие сторон в процессе предполагает, что судебный акт, выносимый по значимому для всех участников процесса вопросу, либо не должен подлежать обжалованию никем, либо право на его обжалование должны иметь все участвующие в деле лица. Притом право на обжалование (либо запрет обжалования) должно относиться в равной мере к «положительному» и «отрицательному» решению вопроса. Иными словами: либо никто не должен иметь права на обжалование определения по вопросу восстановления срока, либо такое право

должны иметь в равной мере и заявитель ходатайства о восстановлении (если в восстановлении срока отказано), и другие участники (если, вопреки их интересам, срок восстановлен).

Должно быть, правильным было бы отрегулировать рассматриваемый вопрос в арбитражном процессе так, как он отрегулирован в гражданском. А именно – указать на необходимость для разрешения ходатайства о восстановлении пропущенного срока проводить полноценное судебное заседание (то есть с извещением участвующих в деле лиц и предоставлением им возможности принесения в отзыхах возражений против ходатайства), а также легализовать возможность обжалования любого определения по вопросу восстановления срока для всех участников процедуры.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ.
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ.
3. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. проф. Жилина Г. А. – М. : Проспект, 2009.

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Юсов Павел Александрович – выпускник философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Кандидат философских наук, доцент. Профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Юридического института СахГУ. Сфера научных интересов: философские вопросы исследования права и методологические проблемы изучения подростковой преступности. Автор более 20 научных работ.

Анализ того, насколько совместимы право и справедливость как понятия, отражающие определенные явления в системе общественных отношений, хотелось бы начать с евангельской притчи о работниках и виноградаре. Последний на протяжении целого дня, через каждые три часа нанимал работников в свой виноградник для уборки урожая. В результате первая группа работала весь световой день, вторая на три часа меньше, последняя же всего один час. В итоге все работники получили, как было обещано, по динарию. «И получившие стали роптать на хозяина дома. И говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: «Друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и поиди; я же хочу дать этому последнему *то же*, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? Или глаз твой завистлив от того, что я добр?»¹

Честен ли виноградар? Обманул ли он кого? – Да, честен, он никого не обманул. Имел ли он власть (право) так поступить? – Бесспорно, имел! Но!... Справедливо ли он поступил? – Нет! Несправедливо. – Ответ напрашивается однозначный. И этот хозяин, если верить тексту евангелиста, подобен Царству Небесному – и честен, и права имеет, и добр в своей уравниловке, но – несправедлив.

1. Так какое же содержание мы вкладываем в эту нравственно-правовую категорию – *справедливость*? Это понятие как определенная характеристика человеческих взаимоотношений известно с древнейших времен, и, тем не менее, оно не имеет устоявшегося однозначного определения. Это можно подтвердить ссылками на многочисленные попытки, предпринимаемые в словарях, учебниках и иных источниках, из которых следует, что общего определения (дефиниции), попросту говоря, не существует. В каждом «определении» авторы стараются не столько определить, сколько объяснить данное понятие, раскрыть его содержание на примерах из различных видов человеческой жизнедеятельности: нравственной, правовой, политической, экономической, международной и др., и в каждом отдельном случае справедливость предстает как нечто иное.² Многие авторы говорят о справедливости как о чем-то само собой разумеющемся, считая, например, право изначально справедливым, как В. С. Нерсесянц, или несправедливым со справедливостью как нравственной, а не правовой категорией, как С. С. Алексеев, или характеризуя различные виды и проявления справедливости как что-то очевидное, как это мы видим у В. П. Малахова...³

Юристы-законоведы пытаются уравнивать эту категорию с самим правом, законом, свободой,

¹ Библия. Матф., 20, 1–16.

² См.: *Философия права. Краткий словарь*. – СПб., 2000. – С. 298–299; *Краткий словарь по этике*. – М., 1975. – С. 298–300; *Краткий словарь по социологии*. – М., 1988. – С. 380–382; *Социологический энциклопедический словарь*. – М., 2000. – С. 398; *Краткий юридический словарь*. – М., 2005. – С. 913; *Большой толковый психологический словарь*. – Т. 2. – М., 2001. – С. 301; *Философский энциклопедический словарь*. – М., 1983. – С. 650; *Современный экономический словарь*. – М., 1999. – С. 325; *Дипломатический словарь*. – Т. 3. – М., 1986. – С. 404; *Юридический энциклопедический словарь*. – М., 1999. – С. 927–928; и др.

³ См.: Нерсесянц, В. С. *Философия права* / В. С. Нерсесянц. – М., 1997. – С. 28–31; Алексеев, С. С. *Философия права* / С. С. Алексеев. – М., 1998. – С. 56–57; Малахов, В. П. *Философия права* / В. П. Малахов. – М., 2002. – С. 199–214. Некоторые авторы вообще не рассматривают эту категорию в соотношении с правом: Моисеев, С. В. *Философия права: курс лекций* / С. В. Моисеев. – Новосибирск, 2003; Тихонравов, Ю. В. *Философия права* / Ю. В. Тихонравов. – М., 1987; Чукин, С. Г. *Философия права* / С. Г. Чукин, В. П. Сальников, В. В. Балахонский. – М., 2002; Хайруллин, В. И. *Что такое «коммунитарная справедливость»* / В. И. Хайруллин // *Государство и право*. – 2007. – № 9. – С. 93–96.

равенством и т. п., в сущности, так и не приходя к единству и согласию. Моралисты пытаются увидеть в ней «уравниловку», проявление должного, или добродетели и т. п., не останавливаясь ни на чем строго определенном. Экономисты говорят о распределении материальных благ, политики о соотношении власти и подчинения и т. д. и т. п. Действительно ли невозможно «свести» содержание понятия «справедливость» к чему-то сущностно определенному? По меньшей мере, такое утверждение вызывает большое сомнение в его истинности.

Справедливость проявляется на двух уровнях своего бытия. Во-первых, «справедливость» это – идея, абстрактное понятие, по качеству аналогичное понятиям «трусость», «белизна», «скандальность» и т. п. Действительно, что такое белизна, которая придает предмету белый цвет? Что такое преступность, которая характеризует состояние правоотношений в обществе? Что такое храбрость, которая заставляет человека рисковать жизнью? Что такое справедливость, наличие которой дает возможность людям считать себя вполне удовлетворенными результатами разрешения какого-то конфликта, итогами осуществления какой-либо сделки и т. п.⁴ В любом случае, каждая абстракция отражает нечто достаточно *неопределенное*, чтобы его можно было конкретно представить, но оно явно *наличествует* во всех подобных примерах и придает те или иные качественные особенности предметам, поступкам и иным поведенческим проявлениям, делая их именно таковыми, наделяя их собственной строго определенной сущностью. В диалектике это называется категорией качества.

Во-вторых, любое понятие, как и мысль вообще, представляет из себя не нечто обладающее самостоятельным бытием, а лишь отражение в наших головах в словесной форме какой-либо части реальной действительности. Как понятие, категория «справедливость» это – имя, название чего-то. Так что же это такое, что отражается, называется, именуется справедливостью? Что вне мысли может составлять ее объективное содержание? Что в действительности может переживаться, оцениваться субъектом как справедливое или несправедливое? На основании в общем-то достаточно несложных размышлений можно прийти только к одному заключению, а именно к тому, что справедливым или несправедливым может быть (называться) лишь какое-либо действие, поступок одного субъекта (отдельного человека или группы) по отношению к другому субъекту. Сами вещи, предметы и т. п. применительно к которым могут возникать какие-либо отношения между людьми, не несут на себе ни йоты самого свойства быть справедливыми или

несправедливыми. Таким образом, справедливость характеризует только и только отношения, возникающие между людьми как субъектами в какой-либо сфере жизнедеятельности: экономической, политической, семейной, дружеской, враждебной, нейтральной и т. п.

Кем же оцениваются эти взаимоотношения, точнее, взаимодействия, поступки между субъектами как справедливые, либо несправедливые? Прежде всего, самими участниками, взаимодействующими субъектами, а в случае каких-либо «сомнений» может быть подключена и третья, в лучшем случае независимая от первых двух, сторона, третье лицо, посредник, арбитр, судья. Самый распространенный (но не всегда правильный), удовлетворяющий понятию справедливости результат мы имеем, когда обе стороны в результате какой-либо сделки, остались вполне удовлетворены и не имеют друг к другу претензий, притязаний, подозрений и т. п. Одна сторона выполнила заказ другой стороны и получила за это желаемое вознаграждение. Каждая сторона испытывает чувство удовлетворения, удовольствия. Справедливость в данном случае носит эмоциональную окраску, а вернее, принадлежность, выражаясь в самом чувстве удовлетворения, успокоения, удовольствия. Она отражает личностные: эмоциональные, психические состояния участников. Таким образом, в объективном, материально-вещественном смысле, понятие «справедливость» отражает ту сумму реальных благ, которые получены субъектами и которых, в их понимании, вполне достаточно. В субъективном плане это – эмоциональное состояние субъектов, выраженное в переживании удовлетворенности, в чувстве удовольствия. В эмоционально-психической удовлетворенности сторон и заключается переживаемое ими состояние, чувство справедливости. Это состояние можно назвать мнимой справедливостью, хотя как психическое переживание оно вполне реально. Это универсальная, всеобщая характеристика, раскрывающая понятие справедливости, независимо от вида последней: уравнилительной, распределительной или же воздающей. Эта справедливость может быть достаточно далека от объективно материальной, реальной ценности полученных каждым субъектов результатов, это – справедливость на уровне обмена между мистером Томсоном и аборигеном Чукотки шкуркой соболя на граммофонную трубу в не таком уж далеком нашем прошлом, показанном в известном фильме.⁵ Или на уровне вора и скупщика краденого, когда последний, пользуясь положением, никогда не даст настоящей цены за предлагаемую ему украденную вещь, а продавец, прекрасно это

⁴ *Сторонники понимания справедливости как объективной или чистой идеи – И. Кант, Г. Гегель и др. представляли себе справедливость как субъективное инобытие духа, как некий аналог платоновской высшей идеи. И то, что это, действительно, абстрактное понятие, дает в руки идеализма дополнительный аргумент в направлении понимания справедливости как высшего, трансцендентного духовно-нравственного принципа.*

⁵ *См.: Художественный фильм «Начальник Чукотки».*

осознавая, идет на это и считает сделку достаточно справедливой.

С объективной стороны как реальную, материальную, фактическую справедливость можно представить как проявление (инобытие) законов природы: будь то или основной закон механики – действие равно противодействию – у И. Ньютона; либо закон сохранения – где и сколько от чего отнимется, в другом месте столько же присовокупится – у М. Ломоносова;⁶ либо в народном представлении – как аукнется, так и откликнется. Этой природной справедливости вполне соответствует принцип талиона, которому в не таком уж далеком прошлом стремилось следовать человечество, но который достаточно далек, в сущности, от идеала справедливости, а как мыслимый идеал – он вообще не достижим.

Справедливость это – состояние нравственно-психической уравновешенности между людьми во всей сумме их разнообразных общественных отношений: экономических, правовых, политических, нравственных, классовых, сословных, партийных и т. д. Как пишет В. П. Малахов, – «Справедливость представляет собой сложную симметрию усилий и результатов, потерь и обретений, помыслов и действий, преступлений и наказаний»⁷. Говоря с философской, диалектической точки зрения, в справедливости проявляется действие закона противоречия (единства и борьбы противоположностей) во всей совокупности последних: внутренних и внешних, основных и неосновных, антагонистических и «мирных» (неантагонистических). Справедливость является понятием, отражающим стремление к уравновешенности этих противоположностей, к сведению до нуля проявлений борьбы между ними. Хотя и победа одной из противоположностей при разрешении антагонизмов может быть *de facto* более чем справедливой.

С точки зрения субъектов справедливости, последние могут проявляться в нескольких вариантах разрешения противоречий, где действие может осуществляться: между индивидом и индивидом; между группой и группой (множественный индивид); между индивидом и группой. Субъект может выступать и как частное лицо, и как общественное, или государственное, представлять интересы отдельного человека, группы, или общества в целом. Эту типизацию можно отнести к внешней (количественной) стороне характеристики субъектов при оценке справедливости или несправедливости отношений между ними.

Содержательная сторона справедливости может проявляться также в нескольких вариантах: эквивалентности – добро-добро, либо зло-зло; противности – зло-добро, добро-зло. Первый вариант представляет собой проявление справедли-

вости с обеих сторон (чистая справедливость), где на добро отвечают равной мерой добра. Второй вариант представляет собой негативную справедливость и с той и с другой стороны – здесь на зло отвечают аналогичной мерой зла. Третий вариант представляет собой чистую несправедливость и с той и с другой стороны, ибо отвечать на добро злом – это не только безнравственно, но и преступно, а отвечать на зло добром – это, хотя и по-христиански, или по-толстовски, вполне приемлемо, но вряд ли справедливо, а точнее, открыто несправедливо.

Справедливость как понятие отражает две стороны действительности: во-первых, субъективно-психологическую, или эмоционально-нравственную, выражающую чувство удовлетворенности или неудовлетворенности субъекта от результатов реализации каких-либо отношений, сделок и т. п. с другой субъектной стороной; во вторых, фактическое содержание поведения субъектов при разрешении каких-то вопросов, договоренности и т. п. Это могут быть реальные затраты усилий, материальных средств и полученный результат; это может быть количество и качество выполненной работы, или затраты времени на ее выполнение и полученное вознаграждение; это может быть проступок (правонарушение) и наказание; выполненное обещание и обман в их соответствии, эквивалентности или равновеликости. Одним словом, взаимодействия различных вариантов противоположностей выступают фактическими материальными носителями, проявителями либо справедливости каких-либо взаимоотношений, либо видимости (мнимой) справедливости, либо односторонней справедливости, что порождает чувства неудовлетворенности, или обиды. Таким образом, справедливость выступает в форме проявления категории меры с ее границами, нарушение которых будет выражать несправедливость. Равенство, эквивалентность результатов отношений внутри этого ограниченного пространства и являются фактическим содержанием понятия справедливости.

Таким образом, в справедливости и как факте, и как субъективном переживании всегда проявляется взаимодействие противоположностей, которые и предоставляют нам возможность проследить диалектику этого вида человеческих отношений. Основной метод, который обеспечивает анализ этого процесса – это сравнение: желаемого (планируемого, обещаемого) и реального; фактически полученного как той, так и другой стороной; усилий, затрат и т. п. и результатов или отдачи как итога; проступка (вины) и наказания. Идеально лучшей, теоретически высшей формой проявления справедливости нужно, наверное, признать прин-

⁶ К. Маркс усматривал в справедливости «материальный и духовный обмен веществу». См.: Соч. – Т. 46. – Ч 2. – С. 105.

⁷ См.: Малахов, В. П. Философия права / В. П. Малахов. – М., 2002. – С. 207.

цип талиона, хотя как всякий идеал он фактически не реализуем в действительности: ни там, где речь идет о материальных потерях и приобретениях, ни, тем более, там, где речь идет о физических или личностных, нематериальных отношениях, потерях и т. п., которые, в своей уникальности, как, например, произведения искусства, принципиально невозможны, либо здоровье, а тем более жизнь, которые не могут иметь аналогом ничего, что бы могло их справедливо заменить. При том с внешне материальной либо правовой стороны может создаваться видимость справедливости при фактическом обмане или самообмане – вспомним обмен стеклянного бисера на куда более высокие ценности между европейцами и представителями островных стран в период освоения Нового света. Фактически такие отношения изначально несправедливы, хотя обе стороны при этом испытывали чувство удовлетворения, особенно европейцы с их стремлением к наживе.

Таким образом, справедливость – это нравственно-правовая категория, отражающая широкий круг взаимоотношений между людьми в фактической равновеликости ими содеянного с объективной (межобъектной) стороны, и в психической взаимодовлетворенности сторон с субъективной (межсубъектной) стороны.

2. По твердому убеждению многих моралистов и особенно правоведов справедливость присуща праву и изначально генетически, и социально.⁸ Справедливость входит в содержание понятия «право». «Право по определению (? – П. Ю.) справедливо, а справедливость... категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не морально-нравственная, не религиозная) ... Более того, только право и справедливо».⁹ С точки зрения сугубо теоретического правоведения, а тем более с точки зрения идеалистической гегельянской философии это, возможно, так и есть, *идея* права покоится на *идее* справедливости.¹⁰ Справедливость – это принцип, на котором базируется право и который заключается в соответствии между поведением индивида и его общественной оценкой.¹¹ Справедливость...

это понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека...¹² На самом же деле, право и в его законотворчестве, и, тем более, при его реализации может лишь стремиться выглядеть справедливым. Право может провозглашать справедливость своим принципом, правоведы могут очень много рассуждать о справедливости, но любая правовая система в ее целостности не может быть справедливой изначально, позитивное право генетически несет в себе несправедливость. Если право и может подразумевать какое-то начало справедливости, то только и только в очень относительном смысле. В данном случае нельзя не согласиться с И. Кантом, который писал: «Строжайшее право – это величайшая несправедливость... но на пути права этому злу ничем нельзя помочь, хотя оно и имеет отношение к *правовому требованию*, потому что справедливость относится только к *суду совести*, а каждый правовой вопрос должен решаться на основании *гражданского права*» (курсив мой – П. Ю.).¹³

Таким образом, вопреки устоявшимся взглядам на право как некий ореол справедливости, или, наоборот, на справедливость как на святой нимб вокруг права, необходимо опровергнуть это поверие. Отнюдь не в том направлении, что право и справедливость вообще не совместимы, но в том, что их союз – явление сугубо формальное, скорее идеальное, желаемое, нежели реальное.¹⁴

В чем же конкретно видят законоведы проявление принципа справедливости в праве? В самом общем приближении можно отметить несколько возможных составляющих юридического взгляда на так называемую правовую, а точнее юридическую справедливость.

Во-первых, в самом содержании права как целого общественного явления, а равно и в каждой правовой норме. Любая норма права **по определению** (? – П. Ю.) соответствует справедливости, содержит в себе справедливость как какое-то особое свойство, как потенциальное будущее и как нечто, появляющееся в результате реализации этой нормы.¹⁵ Всякая система права, и прежде все-

⁸ *Право есть нормативно закрепленная справедливость. Право покоится на идее справедливости. Справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует духу права.* – Философия права / под ред. О. Г. Данильяна. – М., 2005. – С. 269.

⁹ См.: Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М., 2000. – С. 32–33.

¹⁰ *Справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует праву. Действовать по справедливости – значит действовать правомерно, соответственно всеобщим и равным требованиям права... Какого-либо другого принципа, кроме справедливости, справедливость не имеет* (Нерсесянц В. С. *ibid.* – С. 29–30). Так что же является начальным принципом: справедливость для права, или право для справедливости? (П. Ю.)

¹¹ См.: Филимонов, В. Д. Справедливость как принцип права / В. Д. Филимонов // Государство и право. – 2009. – № 9. – С. 5–13.

¹² Андриановская, И. И. Справедливость в современной правовой действительности в России : монография / И. И. Андриановская. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2009. – С. 20.

¹³ И. Кант. Метафизика нравов. – Соч. – Т. 4. – Ч. 2. – С. 144.

¹⁴ *Независимо от содержания... «мы можем и должны рассматривать правовую систему с точки зрения формальной справедливости».* Философия права / под ред. О. Г. Данильяна. – М., 2005. – С. 270.

¹⁵ См.: Малахов, В. П. Философия права / В. П. Малахов. – М., 2002. – С. 213; Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М., 1999. – С. 28 и далее; Шпак, А. В. Проблема силы права в русской философии / А. В. Шпак // Философия права. – 2006. – № 2. – С. 11.

го понимаемая как совокупность норм, провозглашает справедливость как одну из основных составляющих права, как цель любого права, как то, что содержится в самом праве (по определению у В. С. Нерсисянца). Норма права не может быть несправедливой, а значит, любая деятельность в границах, предписанных нормой «по определению», будет нести справедливость, является а priori справедливой. Исходя из понимания справедливости как содержания в том или ином деянии некоей равновеликости, гармоничности сочетания добра-добра, либо зла-зла, либо удовлетворенности сторон в размере полученных благ, выгод, или претерпленной меры воздаяния, наказания, можно ли с полной уверенностью утверждать, что эта «гармония» в полном объеме заранее предусмотрена, вложена законодателем при создании нормы в качестве одного из элементов ее содержания?¹⁶ Законодатель (у Гегеля Государь) творит эту норму для других, в сущности, даже не спрашивая мнения этих других о нужности или ненужности предлагаемой им нормы. Равно это касается и текста самой нормы, которую законодатель предлагает в той редакции, которая ему кажется наиболее соответствующей цели, и в направлении тех общественных отношений, в которые, на его же взгляд, необходимо вмешаться с этой нормой как регулятором. Что же касается обратного влияния нормы на законодателя, то это утверждение очень относительно: у законодателя, творящего норму, всегда есть возможность не только создать норму, но и отменить. В этом процессе всегда есть доля «произвола», субъективизма как единоличного, так и группового. Таким образом, законодатель а priori стоит вне (выше) издаваемой им нормы. Наши думные господа законодатели приняли закон о частной собственности на средства производства, на землю и т. п. Они приостановили действие смертной казни в угоду Евросоюзу, чем развязали в значительной мере руки убийцам, насильникам малолетних и т. п. А у жертв этих преступлений, или у потерявших их близких, эти законотворцы согласия спросили? Ведь жертвами преступлений являются не они. Легко расписываться под чужой бедой в сторону снижения меры возмездия за причиненное не нам зло, потому как сам этого не прочувствовал, а попросту говоря, за чужой счет. Как говаривал М. Ю. Лермонтов: «Любая женщина простит мужчине то зло, которое он причинил другой женщине». А что «запоет» такой гуманист в суде, когда он сам выступит в качестве жертвы? Будет ли он для убийцы и насильника своей дочери просить «помилования»? Со стороны вроде бы видней, как бы не превысить меру воздаяния?¹⁷ –

так пытаются представить себе объективность такого шага в подобном случае. Вряд ли такое право можно назвать справедливым! Присмотритесь к нашему процессуальному законодательству! Создается впечатление, что его создатели заложили в его содержание жалость и требования справедливости не столько к жертве преступления, сколько к преступнику. От чего они его защищают, страхуют? Право всегда было, есть и еще очень долго будет политическим навязыванием воли в форме требований норм, или правил всем общественным слоям со стороны классов, партий или иной власти имущей элиты, стоящей во главе государства. Поэтому юридическая справедливость всегда будет содержать понимание этого понятия самим законодателем, правоприменителем и т. п., а распространяться эта справедливость будет на основную массу граждан, живущую вне законодателя и на объект вне правоприменителя. В свое время никто не сомневался в справедливости превращения пленника или должника в раба, никто в России не сомневался в законности продажи дворовой девки «на вывод», или обмена ее на породистого щенка, о чем давались даже объявления в печати. Так же и наша сегодняшняя необуржуазия считает для себя более чем справедливым присваивать основную массу национально производимого продукта, якобы ею зарабатываемую. Право в его целостности от лица законодателя может провозгласить справедливость как принцип, но, фактически, никакая система права не может сама его «исповедывать» ни с точки зрения своего генетического источника – власти имущего законодателя, ни с точки зрения простого подчиненного исполнителя – в силу того же правового запрета действовать, отступая от законодательства, ни тем более, противореча ему.

Во-вторых, юристы пытаются соотносить справедливость с понятием равенства, которое, в сущности, понимается как равенство по закону и перед законом, то есть сводится к тому, что каждый гражданин имеет право на одинаковую защиту закона, на то, что закон – это высшая сила, перед которым все равны.¹⁸ Истинное право якобы содержит в себе справедливость как равенство, опирается на равенство, и вообще общеизвестный лозунг о «свободе, равенстве и братстве» имеет сугубо правовой характер. В первобытном обществе не было понятия «равенство», ибо последнее было естественным фактическим состоянием между индивидами, понимаемое как равное неравенство, где каждый выполнял соответственно возрасту и полу возложенные на него функции. Для осознания равенства надо было пройти через горнило

¹⁶ ... Там, где мы сталкиваемся с самодовлением предписания, с «хладнокровием правомерного решения», начинается царство формальной, собственно юридической справедливости (Стельмашук, Г. В. *Философия права : учебное пособие* / Г. В. Стельмашук. – СПб., 2005. – С. 118).

¹⁷ См.: «Если кто украдет вола или овцу и заколет или продаст, то **пять** волов заплатит за вола, и **четыре** овцы за овцу; если украденное найдется у него в руках живым ... пусть заплатит вдвое» (Библия, Исход, 22–1 ; 22–4).

¹⁸ См.: Стельмашук, Г. В. *Философия права : учеб. пособие* / Г. В. Стельмашук. – СПб., 2005. – С. 117.

рабовладельческого, христианского, классового, сословного и иного неравенства. Право, таким образом, пытается вменить равенство как некое утверждаемое правило, что само по себе уже несправедливо, а, главное, не отвечает объективному положению и вещей, и людей. Какое может быть равенство, например, между обыкновенным смертным и депутатом Государственной Думы с его статусом неприкосновенности?

С тем, что буржуазное право, а оно у нас такое-все более и более становится, **провозглашает** равенство, особенно пытаюсь не только формулировать, но и формировать так называемое гражданское общество, или правовое государство, вполне можно согласиться. Однако в гораздо большей степени можно согласиться с мнением Н. Н. Алексева, который в свое время писал, что «идея справедливости в качестве первичной и наиболее глубокой своей предпосылки предполагает не идею равенства, но идею иерархии...».¹⁹ И далее: право как система, обеспеченная силой государства, пытается «вменить каждому равное», а это «искажение идеи справедливости»²⁰. В сущности Н. Н. Алексеев прав: право – это средство, которое изобрело человечество для утверждения неравенства, для обоснования, сохранения и защиты неравенства (иерархии), так как фактического равенства между людьми не может быть уже по причине естественного фактического неравенства. Буржуазное право, провозглашая принцип равенства юридического, тем самым фактически таким способом защищает и охраняет неравенство, только уже социальное. Провозглашая принцип равенства, право фактически противоречит природному неравенству, а значит принципиально не может иметь средств, чтобы его обеспечивать в действительности даже в самом себе, даже перед самим собой, то есть перед правом и законом. Таким образом, провозглашенное, навязываемое правом равенство, а отсюда и справедливость, усматриваемая в этом равенстве, в качестве юридического равенства теряет свое фактическое содержание и становится понятием с нулевым объемом, если использовать логическую терминологию, или как что-то желаемое, идеальное, но недостижимое, или то, «чего не может быть».

Право изначально опирается на неравенство, закрепляет и обеспечивает его, идеологически опираясь на противоположный лозунг. Право исходит в конечном счете, от власти, а там, где власть как господство одного человека над другим, по определению не может быть никакого «объективного» равенства, а значит, и справедливости, как некой равновеликости, так как последняя опреде-

ляется каждой из сторон по-своему, исходя из реальной «разновеликости» социального положения сторон. Там, где власть и подчинение, справедливость может проявляться в ее психическом восприятии как некоего блага, исходящего от «господина», и как блага, полученного и переживаемого «службой». Первый счастлив тем, что благодетельствовал второго; второй доволен (или недоволен, но благодарит) той долей блага, которую он получил от первого. Довольство создает видимость, даже определенную уверенность в факте проявления справедливости, хотя и то и другое может совсем не соответствовать реальным «заслугам».

В-третьих, справедливость в праве находит свое специфическое содержание, состоящее якобы в том, что право есть мера свободы, главный «обеспечитель», гарант свободы гражданина в обществе, главная сила, которая стоит на страже свободы индивида. Все обстоит совершенно наоборот. Право изначально является не мерой свободы, а мерой несвободы. То есть право, и то относительно, может служить гарантом неприкосновенности личности, но никак не может выступать мерой свободы.²¹ Законоведы пытаются увидеть правовую справедливость в том, что право якобы дарует какие-то свободы человеку, обеспечивает его свободу и т. п. В целом это явно философский, нравственный и юридический идеализм, который идет еще от И. Канта, Г. Гегеля и даже более ранних мыслителей, и даже от французских материалистов. Если понимать под свободой «свободу воли», то последняя не имеет никакого отношения к праву; желания, потребности и вообще любые волеизъявления не нуждаются в правовом регулировании, их нельзя ни запретить, ни даровать. Если же иметь в виду так называемые буржуазные, конституционные свободы: слова, собраний и т. п., то эти свободы, в сущности, не нуждаются в каком-либо правовом провозглашении или закреплении, так как не могут быть ни дарованы законодателем, ни отменены. Эти свободы естественного происхождения. Нельзя запретить человеку говорить, нельзя отобрать право на свободу слова. Можно человека заключить под стражу, можно «заткнуть ему рот» физически, но это не лишает, не отменяет его права говорить то, что он думает, права на встречи с соратниками в границах той групповой принадлежности, которую они создали исходя из своих интересов, и т. п. В сущности, если вдуматься, все происходит наоборот. Любая правовая система, особенно в своих запретах, устанавливает формы и меры несвободы для индивидов в самых различных проявлениях их поведенческой деятельности, а если иметь в виду, что право уста-

¹⁹ Алексеев, Н. Н. *Основы философии права* / Н. Н. Алексеев. – СПб., 1998. – С. 118.

²⁰ Алексеев, Н. Н. *Идея справедливости* / Н. Н. Алексеев // *Русская философия права: Антология* / под. ред. В. П. Сальникова. – СПб., 1999. – С. 420.

²¹ Автор уже ранее поднимал эту проблему в своих публикациях. См.: Юсов, П. А. *Возвращаясь к понятию «свобода»* / П. А. Юсов // *Философские чтения*. – Вып. 4. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 83–86; *Философия права и категория свободы* // *ДВЮИ МВД РФ, Вестник Южно-Сахалинского филиала*. – № 2. – Южно-Сахалинск, 2005. – С. 108–118.

навливают и обязанности, то последние по самой своей сути никак не могут служить ни аналогией, ни тем более фактическим проявлением свободы, ибо предписывают только должное и запрещают какие-либо проявления самостоятельности. Одним из основных проявлений юридически закрепляемой несвободы является право, присвоенное государством на виды и формы воздаяния за преступления, за то зло, которое было причинено человеком другому человеку или обществу. Где самой обычной формой стало лишение свободы, которое a priori не может выступать в роли эквивалента причиненного зла или вреда. А это значит, что оно будет кем-то восприниматься как справедливость, а кем-то наоборот, то есть субъективно. Но эта форма законна, а, значит, как юридическая справедливость якобы наличествует во всей полноте своей объективности.

В четвертых, исследователи и теоретики права пытаются усмотреть проявление справедливости в принципе законности, заключающемся, в сущности, в том, что, если деяние соответствует закону, не противоречит ему, то оно справедливо. То есть устанавливается отдельный вид юридической справедливости – справедливости по-закону. При этом a priori подразумевается, что сама формулировка закона не может содержать в себе несправедливости, вести к несправедливости решения, приговора, наказания и т. п. Но как показывает реальная, особенно судебная практика, понимание справедливости при вынесении судебных решений по-закону оказывается не только далеким от всякой справедливости, но нередко просто является проявлением несправедливости: мораторий в отношении смертной казни, законодательство в отношении насильственных действий по отношению к несовершеннолетним и детям, не говоря уже о нередких судебных ошибках, которые не только попирают справедливость, но и преступны. Любая правовая система по определению базируется на принципе или требовании законности. Последнее, в сущности, сводится к тому, что любые действия кого бы то ни было, если они относятся к сфере, регулируемой правом, должны соответствовать требованиям правовой нормы, и каждое действие, противоречащее норме права следует признать незаконным или правонарушением, а значит несправедливым. Иначе говоря, законы нельзя не исполнять. И правоведы практически в один голос пытаются нас уверить в том, что законы, нормы права, не могут быть несправедливы, а отсюда принцип законности есть требование и проявление высшей или правовой справедливости. Таким образом, законоведение фактически уравнивает понятия законности и справедливости, что на самом деле не соответствует действительности ни с точки зрения логической равнозначности поня-

тий, ни с точки зрения лексической синонимии. На сколько же полное соблюдение законности или полная реализация содержания норм права (соответствие поведения содержанию нормы права) действительно ведет к справедливости в политико-правовой, экономической, семейной, а также в судебной и иных формах жизнедеятельности, так или иначе связанных с правом? Провозглашаемое и даже пропагандируемое «соответствие» законности и справедливости мы вполне чувствительно ощущаем, например, на результатах гайдаровско-чубайсовской приватизации, а также на всем дальнейшем пути развития экономической и правовой жизни в постперестроечный период нашей страны. В результате строгого соблюдения новой «законности» у нас появились молниеносно рожденные не только миллионеры, но даже миллиардеры. А на другом конце этой приватизации десятки тысяч безнадзорных и беспризорных ребятишек, точно после гражданской войны, будто мы повторяем начало двадцатых годов прошлого века. Такого не было даже после окончания Великой отечественной войны. И это всего-то за 10–15 лет. Чьи и какие великие труды и заслуги были вознаграждены такими материальными благосостояниями? Какой Мамай прошелся по нашей стране, оставив после себя столько обездоленных и бездомных?

В-пятых, юридическая справедливость якобы заложена в самом понимании юстиции. *Justitia* – юстиция как понятие переводится и мыслится не как правосудие или законность, но как справедливость, что в корне неправильно.²² *Palais de la justice* переводится как Дворец правосудия, а не справедливости. И юстиция как система в первую очередь имеет своим содержанием осуществление правосудия в полном соответствии с законом, а не справедливостью. Правосудие должно соответствовать принципам законности, объективности, беспристрастности, независимости и т. п., что фактически довольно часто не только не реализуется, но и не может быть реализовано в действительности, то есть по существу. И если посмотреть на все это фактически, то во всей полноте указанных принципов правосудие неосуществимо по самой своей сущности, где решение, приговор выносит судья-человек со всеми его субъективными «слабостями», и которые ни коим образом нельзя ставить ему в вину.

Для права справедливость – это принцип, на котором должно строиться правосудие, а оно строится, как мы отмечали выше, в основном на принципе законности, в который законодателем изначально закладывается мысль, идея о том, что любое решение, будучи вынесенным в соответствии с нормами права, будет справедливым. Законность, а значит и справедливость требуют объективности, беспристрастности, независимости судьи от чего бы и кого бы то ни было, кроме

²² См.: *Философия права: учебник / под ред. О. Г. Данильяна.* – М., 2005. – С. 268; *Нарсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нарсесянц.* – М., 1997. – С. 29; и др.

требований закона. Правосудие таким способом заранее навязывает свое понимание справедливости в том или ином принятом решении или приговоре, независимо от того, как к нему отнесутся непосредственные участники конфликта. Справедливость в судопроизводстве именно юридическая справедливость, «судопроизводимая». По сути же, справедливость в судопроизводстве – это всегда навязывание понимания справедливости по закону со стороны третьих лиц: законодателя и судьи, толкователя и применителя.

Вспомним евангельское решение И. Христа: «... кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Вот образец высшей стадии справедливости, высшей формы правосудия. Все разошлись и ни один не решился действовать по закону – ибо чувствовал, что это будет несправедливо, ибо сами судьи «не без греха», только они не были уличены в своем прегрешении.²³ Не судите, да не судимы будете. И **еще одно замечание** в отношении возможной несправедливости правосудия. Это относится к доказательности судебного процесса. За недостаточностью улик, за непризнанием доказательств, добытых «незаконным» путем и т. п. преступника отпускают. Последний радуется этому, но сам при этом прекрасно знает, что это несправедливо, что восторжествовала несправедливость, неправедность, хотя и в полном соответствии с законом. Конечно, всем понятно, что это есть, в какой-то степени, предохранительная мера против осуждения невиновного. Но убеждение в том, что лучше освободить десять виновных, нежели осудить одного невиновного действительно гуманно – очень относительно, а может и сомнительно, ибо, оставив настоящего виновного вне наказания, изоляции и т. п., мы подвергаем опасности неопределенное количество невиновных, которые могут оказаться жертвами этого судебного «попустительства» (благородства). А возможности предупредить названные преступления, как показывает практика, достаточно мизерны, или, выражаясь математически, стремятся к нулю.

Итак, кому «верить»? В. С. Нерсисянцу с его утверждением, что только право и справедливо, или И. Канту, утверждающему, что... «право – величайшая несправедливость»?...

Литература

1. Алексеев, Н. Н. Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб., 1998.
2. Алексеев, Н. Н. Идея справедливости / Н. Н. Алексеев // Русская философия права : Антология / под ред. В. П. Сальникова. – СПб., 1999.
3. Алексеев, С. С. Философия права / С. С. Алексеев. – М., 1998.
4. Андриановская, И. И. Справедливость в современной правовой действительности в России : монография / И. И. Андриановская. – Южно-Сахалинск : СахГУ, 2009.
5. Библия, Матф., 20, 1–16.
6. Библия, Иоанна, 8, 3–10.
7. Большой толковый психологический словарь. – Т. 2. – М., 2001.
8. Дипломатический словарь. – Т. 3. – М., 1986.
9. Кант, И. Метафизика нравов / И. Кант. – Соч. – Т. 4. – Ч. 2.
10. Краткий словарь по социологии. – М., 1988.
11. Краткий юридический словарь. – М., 2005.
12. Краткий словарь по этике. – М., 1975.
13. Малахов, В. П. Философия права / В. П. Малахов. – М., 2002.
14. Нерсисянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсисянц. – М., 1997.
15. Социологический энциклопедический словарь. – М., 2000.
16. Современный экономический словарь. – М., 1999.
17. Стельмашук, Г. В. Философия права : учеб. пособие / Г. В. Стельмашук. – СПб., 2005.
18. Шпак, А. В. Проблема силы права в русской философии / А. В. Шпак // Философия права. – 2006. – № 2.
19. Философия права / под ред. О. Г. Данильяна. – М., 2005.
20. Филимонов, В. Д. Справедливость как принцип права / В. Д. Филимонов // Государство и право. – 2009. – № 9.
21. Философия права. Краткий словарь. – СПб., 2000.
22. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
23. Юридический энциклопедический словарь. – М., 1999.

²³ Библия, Иоанна, 8, 3–10.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

МИССОНОВА Л. И. TERRA INCOGNITA
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ОСТРОВСКИЙ А. Б. РИТУАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА
НАРОДОВ АМУРА И САХАЛИНА. ПУТЕВОДНАЯ НИТЬ ЧИСЕЛ. –
СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2009. – 195 с.

Людмила Ивановна Миссонова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, ответственный секретарь (куратор) многотомной этнологической серии «Народы и культуры» ИЭА РАН.

Книга Александра Борисовича Островского о ритуальной скульптуре народов Амура и Сахалина являет собой логическое продолжение целой серии его фундаментальных работ в области изучения мифологического мышления. От изучения культурологических воззрений и теоретико-этнологических исследований Клода Леви-Стросса, связанных с его опытом внутреннего постижения иных, в том числе туземных, культур (*Островский 1994: 9*), А. Б. Островский переходит к исследованию мифологии и верований нивхов (*Островский 1997*), парадигмы мифологического мышления (вклад Леви-Стросса) (*Островский 2004*) Библиейской метаистории (семиотико-нумерологический анализ) (*Островский 2004*), Русского православного креста (*Островский 2007*) и приходит к написанию работы, основанной на познании двух истоков сакрализации чисел в культуре: священных текстов и константы человеческого организма, ярко выраженной «в ритуальной пластике – лечебной, промысловой, шаманской у этносов Амура и Сахалина» (*Островский 2009: 4*).

Многолетнее тщательное изучение скульптурных изображений существ (их зримых вместилищ), опосредствующих проблемную ситуацию – амулетов-оберегов, идолов, предметов шаманской атрибутики, выполняющих программирующую коммуникативную роль с иным миром (автор относит их к «визуальным формам мышления») (с. 8), проходило в значимых музеях Санкт-Петербурга, Владивостока, Приморского и Хабаровского края, Сахалина (всего полтора десятка музеев!). Исследование осуществлялось на основе структурно-семиотического анализа.

Возможно ли «визуальные изображения» и «ментальные коды» наследия культуры народов рассматривать через призму мышления, подобно, по определению А. Б. Островского, чудесному ковру-самолету, способному, по осознаваемому желанию или не осознаваемому, переносить нас в различные локусы воображаемого пространства и времени, переводить от одного явления культуры к другому? Автор книги акцентирует внимание на том, что при реконструкции ментальных переходов может возникнуть искушение допустить существование религиозно-мистического звена, он критикует теорию «сопричастий» Л. Леви-Брюля, считающего, что в восприятии туземцев именно мистические связи служат опосредствующими

соединительными мостиками между событиями. Получается, что в данной «теории дологического мышления» актуализируется не «динамика мысли», а «сеть религиозных ассоциаций» (с. 6). Более продуктивными А. Б. Островский считает универсальные знаковые схемы – Древо мировое, Гора мировая и др. – для построения ментальной коммуникации между разными сферами мироздания, для выражения космологической значимости деяний мифологического повествования или же обрядовых действий, сформулированные историком религий М. Элиаде в 1950–1960-х годах. Далее исследователь отмечает значение трудов русского фольклориста П. Г. Богатырева, который одним из первых обратил внимание на соотношение предназначения вещи и ее знаковых свойств. А после достижений «структуральной лингвистики» Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого, по мнению автора, именно в трудах французского этнолога К. Леви-Стросса был разработан структурно-семиотический подход, «коды» (обусловленные этническими мировоззренческими представлениями и мифологическим мышлением) для исследовательской интерпретации фактов бесписьменной культуры. Визуально-пластические черты ритуальных предметов (и их композиции) содержат определенные ходы мышления конкретной культурной традиции, сформировавшиеся для решения разных проблемных ситуаций (для избавления от болезни, обретения успеха в промысле и др.). А. Б. Островский ставит вопрос, благодаря каким же визуальным запечатленным (или подразумеваемым) свойствам персонажа ритуальной скульптуры он способен осуществить свое назначение. Определенные попытки ответить на этот вопрос делались в исследованиях нанайской скульптуры П. П. Шимкевичем, Н. А. Лопатиным, Л. Я. Штернбергом и Д. К. Зелениным. В трудах венгерского ученого В. Диосеги сформулирован «терапевтический принцип»: «симптомы болезней – объекты аналогии». А. Б. Островский подчеркивает, что искомый «терапевтический принцип» базируется на ментальной операции – аналогии, и именно К. Леви-Стросс считал мышление в бесписьменных культурах «аналогичным мышлением» (с. 8–11, 177).

Следуя, видимо, воззрениям К. Леви-Стросса и его последователей на то, что этнологическое исследование стремится к «обнаружению и фор-

мулированию законов порядка во всех регистрах человеческого мышления» (так как само построение структурно-семиотических моделей функционирования различных явлений бесписьменной культуры – не самодостаточная академическая задача) (Островский 1994, с. 9), главное – новое, что исследует А. Б. Островский в рецензируемой книге – это «числовые коды», «числовые маркеры», обеспечивающие названные аналогии мышления. Скрупулезно проведенное изучение числовых показателей позволяет автору постичь раскрытие семиотической результативности онгонов нивхов и тунгусо-маньчжурских народов (нанайцев, негидальцев, ульчей, ороков/уйльта, удэгейцев) Амура и Сахалина с иной стороны, мало исследуемой ранее. Тунгусо-маньчжурский термин «онгон» автор использует в своей работе вслед за Д. К. Зелениным (Зеленин 1936), однако он приводит и иные названия «онгонов» в языках исследуемых народов: чнгай – в нивхском языке, бурханы, или сэвэны – в нанайском и ульчском языках (Островский 2009, с. 12, 22), можно продолжить вариацию этого определения в языке уйльта – сэвэ. Следует обратить внимание также, что изучая числовые маркеры, автор охватывает большой круг проблем сущности мироздания коренных народов Дальнего Востока и ощущения человеком себя (своей жизни и своего тела) в этом мироздании.

Рассматривая космогонические мифы, А. Б. Островский отмечает, что по текстуре мифа онгоны возникли тогда, когда возникло шаманство, а у шаманов соответственно появилась необходимость доставлять души умерших в мир мертвых – буни. В разных версиях (записанных Б. Лауфером в конце XIX века, Штернбергом и Лопатыным в начале XX века) приведенного мифа о «Происхождении нормальной длительности жизни и шаманства» присутствует увязка трех основных тем: появление человечества, избавление от лишних светил, происхождение смерти. Кроме того, почти во всех версиях рассматривается тема происхождения шаманства, напрямую связанная с умением осуществить проводы души умершего в буни. Все эти вопросы необходимо разрешить для упорядочивания жизни человечества в мироздании. Автор обращает внимание на количественный характер как проблемы преодоления множественности солнц, так и избыточных размеров человечества. Однако решение этих вопросов идет совершенно разными путями: в случае с солнцем необходимо именно уменьшить число (вместо трех солнц должно быть одно), в случае с человечеством идет качественное изменение – открывается путь в буни, появляются атрибуты, необходимые для свободного передвижения туда и обратно (с. 13–14). Однако путь в буни через проход-отверстие должен служить для большинства только в одну сторону, и только для шамана, по мере надобности коллектива, передвижение возможно в обе стороны (с. 16–17). Автор рассматривает мифологические тексты, в которых проявляется как озабоченность героев чрезмерно длительной продолжительностью жизни, так и

борьбой против ее чрезмерного укорочения (при этом смерть предстает как добровольной, так и вынужденной) (с. 17–18).

В подтверждение приведенного материала можно провести параллель с эвенкийской мифологией: «После проводов души в буни шаман отправляется в землю живых... он загораживает выход из нижнего мира особой изгородью из своих духов-сторожей», «чтобы умершие не могли выйти в среднюю землю к живым людям», иначе они, выбравшись, превращаются в злых духов, которые уводят живых людей в мир мертвых (Ермолова 2010: 142–144). Основными помощниками-проводниками шамана (к примеру, сэвэн'ами у нанайцев – по записям Штернберга) стали первопредки, они же – первые шаманы и хозяева буни. Птица Кори, живущая в нижнем мире, помогает вернуться шаману из буни после проводов души умершего в мир мертвых. Автор особо подчеркивает, что связь шамана с Кори и сэвэн'ами – более тесная, чем чисто функциональная. Выявляется и число 3 для унификации разных «смысловых регистров»: три главных первопредка (супруги и их сын или дочь), три солнца, три части шаманского дерева – атрибуты шаманской деятельности, три участника проводов души в буни (с. 18–20).

В продолжении этой мысли автора напрашивается наблюдение, что изображение птицы Кори характерно у тунгусо-маньчжурских народов на трех сакральных атрибутах, играющих важную роль в шаманской практике: на шаманском головном уборе, на бубне и на шаманском жезле (Шаманский головной убор нюрха унгипту. Нанайцы. РЭМ. № 8762-18163. См.: Островский, 2009. Илл. 34, с. 16; Орокский бубен дали. Сахалин. Пильтунский залив. Ст. Пильтун. РЭМ. № 2079-2а. СПб. См.: Иванов, 1954: 389. Рис. 240; Рукутамский жезл. См. Миссонова 2010: 188). Мифическая птица у уйльта называлась также Қорú («Когда души улетают, они превращаются в птиц» – ПМА. 2009). В мифологии орочей так называлась железная птица, у которой крылья были в виде сабель, хвост – копыта на медведя. Это дух – помощник шамана, орел. По орокским (уйльта) и нанайским мифическим представлениям это птица, живущая в загробном мире, с железным оперением, на ней шаман перевозит души умерших (Цинциус 1975: 415; Озолина 2010: 161). Кроме того, птица Кори была покровителем одного из уйльтинских родов Ториса: «Род Ториса имеет покровителем большую птицу Кори, которая, если бы стала летать, то закрыла совершенно солнце» (Пилсудский 1989: 14), именно Қорú обозначает в языке уйльта, негидальцев, ульчей и нанайцев помещение в виде сруба для содержания медведя (также и клетку для птицы). А в языке ульчей данное понятие обозначает и гробницу. (Цинциус 1975: 415). Представления о птице и медведе одинаково сакральны и связаны с загробным миром. По материалам Б. Пилсудского об уйльта (ороках), Кори – это и большая птица с железным оперением (существует еще понятие «сикаторо», обозначающее птицу-дьявола с медвежьими лапами, или

дьявола в обличье огромной птицы), и клетка для медведя, и сруб для покойника – снова видим числовой код 3, связанный с миром мертвых (Пилсудский 1989: 14, 49, 52; Озолина 2010: 161–162, 164).

Интересно обращение автора к проблеме происхождения числовой унификации в бесписьменных культурах. Известно, к примеру по изысканиям В. Н. Топорова (1988: 631), что «в архаичных культурах число и счет были сакрализованными средствами ориентации и “космизации” вселенной. С их помощью всякий раз, когда это было нужно, репродуцировалась структура космоса и правила ориентации в нем человека». Это характерно для древнеписьменных культур – египетской, греческой, индийской и китайской. Созерцание и познание космоса и в бесписьменных, и в древнеписьменных культурах идет разными путями, но приводит в конечном итоге к необходимости зафиксировать результаты наблюдений над базовыми природными явлениями и процессами, служившими календарно-астрономическими, анатомическими, физиологическими константами организма человека и животных. Однако, как справедливо утверждает А. Б. Островский, вопрос об истоках сакральных чисел следует отделять от вопроса об их функциях в культуре, в рамках различных ее явлений, на разных ментальных планах (с. 37–38). Автор приводит примеры простых ментальных переходов в рамках единого числового кода даже между двумя разнокачественными явлениями, например, от анатомо-числовой маркировки – пятипалой руки – к пятичастной модели мироздания (подробнее: с. 127) у нивхов и других народов северного побережья Тихого океана (у эскимосов и чукчей: см. с. 106–117, можно продолжить, у уйльта: верхний мир, средний мир и три уровня нижнего мира буни – всего пять уровней мироздания). Другой пример – использование чисел 3 и 4 у нивхов для фиксации мужского и женского пола, что проявлялось в совершенно различных ситуациях: выращивание медведя самца три года или самки четыре года перед совершением ритуального убийства, в погребальной обрядности покойнику в зависимости от пола надевали три или четыре рубахи и т. д. Автор отмечает аналогичное бытование чисел 3/4 и у ряда африканских народов (с. 38–40). Правоммерно привести пример использования этих чисел в узорах соседнего для нивхов народа уйльта, а также возможно эвенков: по уйльтинской мифологии на узорах ромбы (иногда прямоугольники, имеют четыре угла, четыре стороны), символизируют женское детородное начало, а треугольники (три угла, три стороны) – мужское, эти узоры наносились на женские сумки для рукоделия, кисеты для табака, использовались для знакового оформления выступающей части доски воздушного захоронения и мн. др. Достоинства такого употребления чисел, по мнению автора, делают их незаменимыми для мышления, особенно в бесписьменных культурах.

А. Б. Островский, вспоминая уже давно высказанное исследователями ведийских мифоритуаль-

ных комплексов предположение о том, что сущности могут совпадать ввиду того, что им приписано носителями традиции одинаковое число, формулирует четыре основные возможные причины перехода от семантики числа к его семиотической прагматике. Они вкратце сводятся к следующему: число не утрачивает связи со своими истоками; вне зависимости от первоначальной забытой носителями традиции семантики число вновь семантизируется, поскольку занимает необходимое место для сакральной коммуникации; маркирование одним и тем же числом указывает на явное или скрытое сходство различных персонажей, предметов или действий; соприсутствие нескольких определенных чисел и ментальные операции с ними (противопоставление, взаимодополнение...) значительно обогащают семиотическую прагматику, вне зависимости от того, удастся ли представителям традиции или исследователю восстановить связи этих чисел с их семантическими истоками (с. 41–42). Последнее особенно характерно для погребально-поминальной обрядности. Автор приводит множество примеров сочетания чисел 3, 9 и 40 у разных народов (русских, вайнахов и др.) в нормах и событиях Ветхого и Нового Завета, при этом справедливо отмечая, что в названной обрядности ряда народов Сибири и Дальнего Востока нет числа 40, но также присутствуют числа 3 и 9 (или 3 и 7): у эвенков р. Подкаменной Тунгуски проводы души умершего шаман проводил на девятый день по смерти; у эвенков Бурятии зафиксирован трехкратный обход могилы после ее засыпания землей; у нивхов общее число жертвуемых в погребальном обряде собак составляло девять. Рискну утверждать, что и весьма благожелательное и быстрое восприятие христианства у уйльта на рубеже XIX–XX веков стало возможным в определенной степени благодаря естественному наложению христианских норм на хорошо известные «свои» сакральные знания: *океан уйльта называли (точнее измеряли) – «девять морей» – «хују дэту дауни», то есть «девять морей вместимостью» (ПМА. Бибилова, Федяева. Ногликский р-н Сахалинской обл., 2009); на ручке Рукутамского жезла изображены девять помощников шамана, которые охраняют пространство иного бытия буни, чтобы оттуда никто не вышел, кроме того, ромб, изображенный в нижнем мире на жезле, имеет у каждой его стороны по девять насечек, то есть четыре по девять (с. 165–166); по обычаю уйльта, девять вещей непременно надевали на умершего во время похорон, в XX веке уйльта хоронили на третий день, на девятый день непременно проводили поминки – это соблюдается и в настоящее время (ПМА).*

Далее необходимо отметить, что А. Б. Островский (с. 45–59) на фольклорных примерах подробно прослеживает мотив телесных отверстий (глаза, рот и иные отверстия на голове, мужские и женские гениталии и пр.) и заключает, что каждое из особо значимых чисел (3, 7, 9) у народов Сибири, в том числе Амуро-Сахалинского региона, сопряже-

но с телесными отверстиями. А. Б. Островский, рассматривая многочисленные композиции ритуальной скульптуры, выделяет несколько типов и подтипов числового маркирования (с. 60–64). Так, к примеру, автор обращает внимание на композиции, образованные мультипликацией какой-либо части тела (с. 61), например, две-три головы у черепахи, уменьшение или увеличение числа пальцев на руке, ушей и т. д. Если снова вернуться к известному Рукутамскому жезлу, мы четко увидим попытку передачи движения помощниками шамана (из-за движения у них как бы видится по три руки). Попытки передачи движения широко известны в разных регионах, например, в провинции Цинхай (в 1973 г. при раскопках поселения Суньцзя в уезде Датун был обнаружен керамический сосуд с ритуальным танцем, где фигурируют числа 5 и 7, возраст находки примерно пять тысяч лет (см. карту: Медведев 1986: 178).

Одной из наиболее ярких композиций ритуальной скульптуры тунгусо-маньчжурских народов А. Б. Островский считает композицию гордо – числовую акцентировку головы онгона с помощью вырезанных у нее наверху миниатюрных бюстов, голов и выступов (с. 65). Голова онгона, по определению автора, выполняет роль «презентации целого» (с. 65–88), а ноги и крылья – «презентации движения» (с. 89–103). Ноги и крылья ритуальной скульптуры чаще всего кратны 2, 4, 8. Интересно привести один из выводов автора, что изображение ящерицы, характерное у всех народов региона с движением, а у сахалинских нивхов и ороков (уйльта) и их соседей и с возможным возникновением кашля также имеет маркировку числа 8 (с. 94). Можно добавить, что поза ящерицы (а также лягушки и прочих ей подобных), имеющая данную маркировку, рассматривается также у уйльта и иных тунгусских народов как роженица (см. подробно о черепахе и ящерице в контексте «покровов и отверстий» на с. 135–136: число 10 – женское, число 5 – ящерицы – усиленное дважды получается 10). Очень важные наблюдения автора приводятся в отношении шаманского бубна и колотушки (играющих роль движения – передвижения шамана в буни) – маркировка всех их составных деталей (скобы, кольца, цепи, подвески) также включает числовые коды «ног и крыльев» 2–4–8 (с. 102–103). Свободу ментального движения в мироздании может означать и число 8 шумящих подвесок к шаманскому поясу нивхов и уйльта (с. 158, 175–176). Черепаха также рассматривается автором (с. 153–155, 157) и как близкая по числовому коду к женщине, и как близко сопричастная к календарным константам: в мифологических представлениях китайцев, влияние которых вполне реально в Приморье, черепахе присуща временная периодичность, совпадающая с фазами Луны. Исследуя связь времени с движением, автор также приходит к выводу о том, что в онгонах, представляющих собой композиционные связки, присутствие существ с восьмью конечностями как бы придает импульс движения (с. 161). А. Б. Остров-

ский заключает, что природные источники (солнце, луна) и зооморфные персонажи онгонов, образ жизни которых связан с сезонностью (черепахи, медведи, жабы, змеи, лососевые рыбы и др.), способны нормализовать во временном отношении процессы человеческого организма – в первую очередь, у женщин, что объясняется их регулярностью жизнедеятельности, уподобленном в числовом коде луне и десяти лунным циклам (с. 173). Чтобы константы лечебных онгонов обрели семиотическую действительность (лечебную силу), они должны, по утверждению автора, во-первых, естественно включаться в зримую пластическую композицию на правах внешней аналогии, а, во-вторых, благодаря связи внедренной в композицию числовой константы с ее изначальным телесным контекстом актуализируется внутренняя целительная аналогия (с. 175).

Клод Леви-Строс убедительно демонстрировал, что принципиальное отличие бесписьменных туземных культур (в начале XX века) от технически развитых цивилизаций не в том, что они не развивались, а в том, что история их развития не сопровождалась кумуляцией изобретений, но ориентировалась на сохранение изначальных способов установления связи с природой. Уместно вспомнить воззрения К. Леви-Стросса, не устаревшие и сегодня: «Прогресс человечества не может быть уподоблен однонаправленному подъему по лестнице: он происходит по разным направлениям, несоизмеримым с одним лишь ростом технических достижений. Так, в области познания человеческого тела, связи его физического и психического аспектов Восток на несколько тысячелетий опережает западные цивилизации» (Островский 1994: 8). Леви-Строс придавал большое значение проблеме чисел, но сам ею почти не занимался, лишь намечил ее (Островский 2010: 13). Структурно-семиотическая методика, творчески примененная Островским к изучению семантики ритуальной скульптуры, позволила автору внести вклад в антропологию тела (впервые исследован символизм телесных отверстий), а также обосновать важный источник числовых кодов в бесписьменных культурах – количественные константы человеческого организма. Рецензируемая книга – арифметически конкретная и вместе с тем глубоко философская. Она написана языком сложно построенных фраз и одновременно с блестящим изяществом виртуозного использования языковых построений. Все это говорит об однозначной исключительной талантливой индивидуальности автора. Остаться равнодушным к исследованию числовых кодов, прочтя книгу А. Б. Островского, – нельзя.

Литература

1. Ермолова, Н. В. Представления о душе, смерти и загробной жизни в традиционном мировоззрении эвенков / Н. В. Ермолова // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки : сборник статей / отв. ред. Ю. Е. Березкин, Л. Р. Пав-

линская. – СПб., 2010. – С. 93–158.

2. Зеленин, Д. К. Культ онгонов в Сибири / Д. К. Зеленин. – М.-Л., 1936.

3. Иванов, С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости / С. В. Иванов // Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. – Т. XXII. – М.-Л., 1954. – 839 с.

4. Медведев, В. Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия. Чжурчжэньская Эпоха / В. Е. Медведев. – Новосибирск : Наука, 1986. – 206 с.

5. Миссонова, Л. И. Пространство в мировоззрении уйльта : загадки артефактов Сахалина / Л. И. Миссонова // III Северный археологический конгресс : тез. докл. 8–13 ноября 2010 г. – Ханты-Мансийск, 2010. – С. 187–188.

6. Озолия, Л. В. Этнографическое описание Б. О. Пилсудского «Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г.» как источник лингвистических сведений / Л. В. Озолия // Pilsudskiana de Sapporo. – № 4. – Hirakata, 2010. (Japan) С. 157–165.

7. Островский, А. Б. Этнологический структурализм Клода Леви-Стросса / А. Б. Островский // Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. – М. : Республика, 1994. – С. 3–14 (Мыслители XX в.).

8. Островский, А. Б. Мифология и верования нивхов / А. Б. Островский. – СПб. : Петербургское востоковедение, 1997.

9. Островский, А. Б. Парадигма мифологического мышления. Очерк вклада К. Леви-Стросса / А. Б. Островский. – СПб. : Кронос, 2004, 2005.

10. Островский, А. Б. Библейская метаистория Семиотико-нумерологический анализ / А. Б. Островский. – СПб. : Нестор, 2004.

11. Островский, А. Б. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. (Альбом-каталог) / А. Б. Островский, Ю. А. Федоров. – СПб. : Арт-Палас, 2007.

12. Островский, А. Б. Ритуальная скульптура народов Амура и Сахалина. Путеводная нить чисел / А. Б. Островский. – СПб. : Нестор-История, 2009.

13. «Вспоминая Леви-Стросса» (Беседа с А. Б. Островским) // Хора. – 2010. – № 1/2 (11/12) [Философ. журнал изд. Курским гос. ун-том совм. с Петербургским ун-том].

14. Пилсудский, Б. Из поездки к орокам Сахалина в 1904 г. (Публикация текста, вводная статья и комментарии В. М. Латышева) / Б. Пилсудский. – Южно-Сахалинск, 1989.

15. Топоров, В. Н. Числа / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия. – Т. 2. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Энциклопедия, 1988. – 719 с. (С. 629–631).

16. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л. : Наука. – Т. I. – 1975. – 672 с. – Т. II. – 1977. – 992 с.

**УШАКОВА Г. Д. «ЧИСТОТА ЯЗЫКА» В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИКИ:
ОТ ПРОПАГАНДЫ «НОВОЯЗА» К ЯЗЫКОВОМУ ВОСПИТАНИЮ
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БАСОВСКАЯ Е. Н. «СОВЕТСКАЯ ПРЕССА –
ЗА «ЧИСТОТУ ЯЗЫКА». 60 ЛЕТ БОРЬБЫ. – М.: РГГУ, 2011. – 328 с.**

Ушакова Галина Дмитриевна – кандидат педагогических наук, доцент, ученый секретарь СахГУ, директор издательства СахГУ. В 1991 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук в МПГУ. Автор более 40 научных работ, составитель и редактор более 20 научных сборников. Сфера научных интересов: коммуникативная журналистика.

Монографическое исследование Е. Н. Басовской посвящено изучению «чистоты языка» в газетных текстах советского периода (1920–1980-х гг.). Е. Н. Басовская, исследуя вечную борьбу между пуристами и сторонниками языковых преобразований на страницах газет, подчеркивает, что язык и стиль советской прессы в значительной степени обуславливает эффективность воздействия средств массовой информации на адресата. Неожиданное для подобного рода монографий вступление свидетельствует о том, что проблемы, исследуемые автором, никогда не потеряют актуальности: пока народ говорит на своем языке, он будет его изучать, будет спорить о нем, но никогда не останется равнодушным к его судьбе в целом и к частным процессам, происходящим в нем. Содержание книги структурировано максимально последовательно и логично: автор строит свое исследование в соответствии с периодами развития советского государства; актуализируя положение о том, что язык остро реагирует на изменения, происходящие в обществе. Такое деление материала не только продиктовано структурой исследования, но и делает изложение удобочитаемым. В содержании каждой главы видна абсолютная новизна проведенного исследования и высокая осведомленность автора в специфике изучаемой проблемы.

Работу Е. Н. Басовской характеризует несколько весьма точных вещей, связанных с междисциплинарной направленностью исследования как в системе родственных наук (журналистики, лингвистики, литературоведения), так и в области истории, философии, культурологии и политологии. Об этом свидетельствуют, прежде всего, широкий обзор источников и научной литературы (отечественной и зарубежной – в первую очередь в области теории пропаганды, относящейся к проблемному полю современной журналистики), концептуальность выводов, распространяемых на максимально широкие сферы жизнедеятельности человека. Содержание советских газет («Правды», «Литературной газеты», «Учительской газеты», «Культуры и жизни» и «Советской культуры») рассматривается Е. Н. Басовской не изолированно, но в кругу важнейших социальных и духовных процессов отечественной истории с первой четверти до

второй половины XX века. Одновременно с этим автор рецензируемой книги рассматривает концепт «чистота языка» с учетом пространства мысли научной и творческой интеллигенции: Г. О. Винокура, А. И. Солженицына, В. И. Солоухина, К. И. Чуковского, С. И. Ожегова, Д. Н. Ушакова, А. Н. Толстого и др., высказывавшихся в защиту родного языка. Кстати, именно эта часть монографического исследования Е. Н. Басовской кажется нам наиболее безупречной и достаточно интересной (так как эта проблема через призму «чистоты языка» еще не попадала во внимание отечественных лингвистов и литературоведов). Об этом поле научного кругозора Е. Н. Басовской можно оставить представление еще и по авторским публикациям на страницах журнала «Русская речь» (в 1995 и 2003 гг.).

Язык народа схож с организмом человека можно его исследовать, улучшать, заботиться о нем, влиять на его развитие, но ничего нельзя сделать с помощью приказа и не всегда можно точно прогнозировать последствия того или иного вмешательства в процесс существования. Выводы, сделанные автором в заключении, обобщают основные результаты работы и намечают новые векторы исследования всегда актуальной проблемы борьбы за чистоту языка.

Высокое практическое значение имеют и два приложения, которыми завершается работа Е. Н. Басовской и которые свидетельствуют о тщательности проведенного исследования. С одной стороны, автор монографии в хронологическом порядке систематизирует основные публикации «Литературной газеты» (с 1929 до 1984 гг.) и тем самым демонстрирует периоды наиболее острой полемики между учеными, писателями и общественными деятелями по вопросу «чистоты языка», с другой – предлагает отдельные публикации, отличающиеся злободневностью и определенной практической ценностью (примечательно, что эти, вынесенные в приложение работы, принадлежат передовым защитникам языка в советское время – Г. О. Винокуру, В. Б. Шкловскому, Л. В. Успенскому, А. И. Солженицыну и др.).

Список литературы, представленный автором в монографии, является ценным библиографическим источником для всех исследующих пробле-

мы состояния и развития русского языка.

Язык монографии стилистически выверен, в книге нет перегруженности излишними терминами, она читается с большим удовольствием, что называется, «на одном дыхании». В научных кругах монография вызвала несомненный научный интерес (опубликовано несколько положительных рецензий).

Необходимо отметить также большую практическую значимость издания: думается, что монография с большой пользой для студентов будет использоваться в процессе преподавания многих дисциплин гуманитарных направлений подготовки. Книга будет интересна широкому кругу читателей, не равнодушных к судьбе родного языка.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук СССР
ВНИРО – Всероссийский институт рыбного хозяйства и океанографии (г. Москва)
ДВГУ – Дальневосточный государственный университет (г. Владивосток)
ДВГТУ – Дальневосточный государственный технический университет (г. Владивосток)
ДВНЦ (Дальневосточный научный центр) АН СССР (г. Владивосток)
ДВО (Дальневосточное отделение) РАН (г. Владивосток)
д-р геол.-мин. наук – доктор геолого-минералогических наук
д-р экон. наук – доктор экономических наук
ИЕН (Институт естественных наук) СахГУ
ИИАиЭ (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока) ДВО РАН (г. Владивосток)
ИИСУ (Институт истории, социологии и управления) СахГУ
ИФ (Институт филологии) СахГУ
ИФЗ (Институт физики Земли) им. О. Ю. Шмидта РАН (г. Москва)
канд. биол. наук – кандидат биологических наук
канд. геол.-мин. наук – кандидат геолого-минералогических наук
канд. ист. наук – кандидат исторических наук
канд. пед. наук – кандидат педагогических наук
канд. соц. наук – кандидат социологических наук
канд. тех. наук – кандидат технических наук
канд. физ.-мат. наук – кандидат физико-математических наук
канд. филол. наук – кандидат филологических наук
канд. филос. наук – кандидат философских наук
канд. юрид. наук – кандидат юридических наук
ЛГУ (Ленинградский государственный университет) им. А. А. Жданова
МГПИ (Московский государственный педагогический институт) им. Н. К. Крупской
МИИСП (Московский институт инженеров сельскохозяйственного производства) им. В. П. Горячкина
МОПИ (Московский областной педагогический институт) им. Н. К. Крупской
МПУ (Московский педагогический государственный университет) им. В. И. Ленина МПУ – Московский педагогический университет
н. с. – научный сотрудник
ОИФЗ (Объединенный институт физики Земли) им. О. Ю. Шмидта РАН (г. Москва)
РАЕН – Российская академия естественных наук
РАГС (Российская академия государственной службы) при президенте РФ (г. Москва)
РАН – Российская академия наук
РНЦ (Российский научный центр) им. В. И. Курчатова (г. Москва)
РЭА (Российская экономическая академия) им. Г. В. Плеханова
СахГУ – Сахалинский государственный университет
СО (Сибирское отделение) АН СССР (г. Новосибирск)
СОКМ – Сахалинский областной краеведческий музей (г. Южно-Сахалинск)
СО (Сибирское отделение) РАН (г. Новосибирск)
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТИНРО – Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (г. Владивосток)
ЮИ (Юридический институт) СахГУ
ЮСГПИ – Южно-Сахалинский государственный педагогический институт

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПОСТУПАЮЩИМ В РЕДАКЦИЮ

1. Статью следует представлять в печатном (1 экземпляр) и электронном виде.
2. Текст статьи в электронном виде должен быть набран шрифтом Times New Roman 14-м кеглем с полуторным интервалом в формате RTF.
3. Иллюстрированный материал следует предоставлять отдельными файлами: таблицы – в формате Excel; формулы – в редакторе Microsoft Equation; рисунки и фотографии – в форматах TIFF или JPG.
4. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее – тщательно проверен, все ссылки выверены. При необходимости следует дать расшифровку в примечаниях используемых в статье аббревиатур и сокращений.
5. К статье прилагаются: фотография автора и персональные сведения о нем. Фото: ч/б, желательно 4х6 см. Персональные сведения: полное имя автора, место работы и должность, ученая степень и ученое звание, научная специализация, место и время обучения в аспирантуре и защиты диссертаций, количество опубликованных работ (в том числе монографий). Необходимо указать также контактные телефоны или электронный адрес.
6. Объем статьи – не более 1,5 печатного листа.
7. Сноски оформляются постранично с общей нумерацией (внутритекстовые).
8. Автор публикации обязан предоставить аннотацию на свою работу на русском и английском языках объемом (не более 3–4 предложений), ключевые слова на русском и английском языках (не более 10 слов). Также должны быть переведены название статьи и фамилия и инициалы автора.
9. Список источников (литература) в конце статьи обязателен.

К публикации в ежегоднике принимаются научные статьи, представляющие результат личных или групповых исследований преподавателей, сотрудников и аспирантов СахГУ. Принцип отбора материалов к печати: научность, подтвержденная рецензией соответствующей кафедры или подразделения вуза; новизна; состоятельность. Предпочтение отдается теоретическим статьям, forwardным разработкам, итогам выполнения коллективных хоздоговорных или бюджетных тем, выполняемых кафедрами, лабораториями, временными творческими коллективами. Материалы, направленные в редакцию, не рецензируются. Ответственность за точность ссылок и персональных биографических данных несет автор.

Для единообразия оформления сборника редакция просит не использовать букву ё (кроме особых случаев), не сокращать слова «год» и «век», а также слова «то есть», «так как».

Ежегодные сроки приема статей редакцией издания – до 15 апреля.